

Марина Цветаева

Спасибо

за долгую

память любви...

Ваннес (Seine)

65, Rue J.-B. Pottin

29^е марта 1936г.

Письма

к Анне Тесковой

Вручая Вам Александрю,

Франсуа иль Юриу — оульда. Зече камен

1922-1939

и ели — без ку-еи — ма ели не кадо.
Франсуа, что ели — ели иль Александрю
и что ели ел — Александрю камен.

Седая, величественная Екатерина
без вождения,
нет, лучше Екатерины!
Изнутри — царственная...

*Марина Цветаева.
«Сводные тетради»*

В ней ведь было столько силы,
столько несчастий пало
на ее голову... И в то же время
она так любила жизнь...

*Анна Тескова
в письме А. Бему*

Марина Цветаева

Спасибо

за долгую

память любви...

Письма

к Анне Тесковой

1922–1939

Москва
Русский путь
2009

Настоящая публикация
является совместным русско-чешским проектом
издательства «Русский путь»,
Национальной библиотеки Чешской Республики —
Славянской библиотеки
и Дома-музея Марины Цветаевой (Москва)

Книга выходит
к 90-летию основания Чешско-русской Едноты,
в правлении которой работала Анна Тескова
всё время её существования (1919–1939)

Издание профинансировали *Галина Ванечкова* и *Мирко Ванечек*

Предисловие, публикация писем и примечания *Г. Ванечковой*

Научный редактор *В.И. Масловский*

Письма сверены по рукописному оригиналу *Е.Б. Коркиной*

Перевод иноязычных фрагментов писем отредактирован *Ю.П. Клюкиным*

Художник *Е.Л. Вельчинский*

«Мой любимый вид общения — потусторонний...»

Письмо, как некий вид потустороннего общения,
менее совершенное, нежели сон, но законы те же.

*М. Цветаева. Из письма Б. Пастернаку,
19 ноября 1922 г.*

Марина Ивановна Цветаева прожила в Чехословакии и во Франции семнадцать лет, и все время пребывания ее в эмиграции сопровождалось любящим участием Анны Тесковой. Переписка (1922–1939) двух незаурядных личностей XX в. началась в ноябре 1922 г., спустя три месяца после приезда поэта в Чехословакию. Тескова, с целью познакомить общественность Праги с творчеством Цветаевой, послала ей письмо с просьбой принять участие в вечере поэзии. Думаю, что внимание Тесковой на приезд Цветаевой в Прагу мог обратить русский литературовед Альфред Бем. Это предположение подтверждается тем, что приглашение Цветаева получила от Тесковой, а выступала на вечере «Скита поэтов», руководителем которого был А. Бем (20 ноября 1922 г. в зале «Русская беседа» по адресу: Ruská Beseda, Hálkova 35, Praha XII).

Мы не имеем свидетельства о том, когда А. Тескова познакомилась с творчеством М. Цветаевой. Первый перевод одного из стихотворений русского поэта на чешский язык был опубликован еще в 1916 г. (Примечательно, что это был вообще первый перевод произведения Цветаевой на иностранный язык.) Но Тескова не нуждалась в переводе, она прожила в Москве тринадцать лет, хорошо знала язык, что способствовало знанию и пониманию творчества М. Цветаевой. В архиве Вадима Морковина хранится тщательно составленная А. Тесковой библиография произведений М. Цветаевой.

Анна Тескова родилась в Праге в 1872 г. Ее отец, инженер-строитель Антонин Теска, вместе с женой Анной (урожденной Северовой) и маленькой дочерью переселился на следующий год в Москву, где ему удалось создать себе прочное положение (он стал директором пивоваренного завода Карнеева, Горшанова и К^о). В 1878 г. у Тесковых в Москве родилась вторая дочь — Августа.

После десятилетнего пребывания в России семья Тесковых постигло большое несчастье: при возвращении супругов с вечерней прогулки, вблизи Крымского моста у коляски сломалось колесо. Как сообщала одна из московских газет того времени, «господин Теска так несчастно был выброшен на кучу камней, что сразу остался лежать без сознания». Антонин Теска уже не очнулся и через нескольких часов скончался.

Оставшаяся без средств мать Анны Тесковой давала уроки музыки. В 1886 г. семья решила вернуться на родину. Когда они приехали в Прагу, Анне было четырнадцать лет. Здесь сестры окончили школу и стали учительницами. В течение многих лет они преподавали в женских начальных школах в пражском районе Жижков, Анна Тескова на ул. Красна, а Августа

ста Тескова на ул. Цимбуркова. Школы находились поблизости от квартиры на тогдашней Грегровой улице, где они жили вместе с матерью. Здесь побывали Марина Цветаева и Ариадна перед отъездом в Париж, сюда приносил почтальон их письма из Франции.

В то время чешские учительницы могли вступать в брак только с разрешения властей и по достижении определенного возраста; обе сестры замуж никогда не вышли.

По свидетельству В. Морковина, они очень отличались друг от друга: «Анна Антоновна была человеком действия, от отца она унаследовала организационный талант. Августа Антоновна, наоборот, была похожа на свою мать. Она была тиха и задумчива».

«И удивительно красива...» — добавлял в беседе со мной Вадим Морковин.

А внешность Анны Тесковой описала М. Цветаева: «Седая, величественная, Екатерина без вождения, нет, лучше Екатерины! изнутри-царственная. Орлиный нос как горный хребет между голубыми озёрами по-настоящему спокойных глаз, седой венец волос (ледники, вечность), высокая шея, высокая грудь, всё — высоко» (НСТ, 335).

Анна Антоновна, как ее звали русские друзья, стала известной переводчицей и писательницей. Она сотрудничала в журналах «Cesta» (Дорога) и «Země» (Земля), подписываясь псевдонимом Аким Сет (последнее, вероятно, объединяет начало фамилий бабушки и отца).

Архив А. Тесковой, находящийся в пражском Литературном архиве Музея национальной письменности (LA PNP), свидетельствует о ее разнообразной и плодотворной деятельности на ниве сближения чешской и русской культур. Еще в 1915 г. был опубликован ее перевод В.С. Соловьева «Духовные основы жизни», в 1920 г. — «Униженные и оскорблённые» Ф. Достоевского, в 1927 и 1928 гг. были изданы в переводе А. Тесковой «Избранные сочинения» Ф.М. Достоевского (редактировал издание ее друг А. Бем). Тесковой принадлежат переводы повести К. Паустовского «Кара-Бугаз», М. Салтыкова-Щедрина «Пошехонская старина», Д. Мережковского «Леонардо да Винчи». С двумя другими переводчиками Анна Тескова перевела на чешский «Войну и мир» Л. Толстого. А. Тесковой были переведены на чешский язык многие статьи русских писателей. Она способствовала тому, что первый перевод прозы Цветаевой на иностранный язык появился в Чехии (перевод А. Тесковой прозы М. Цветаевой, посвященной Р.М. Рильке, «Твоя смерть»¹). Узнав об этом, Цветаева пишет: «...перевод моего Рильке на чешский, — его второй родной язык — для меня огромная радость. (NB! Меня (прозу) ещё никто никогда ни на какой язык не переводил, Вы — первая)» (29 ноября 1928).

Тескова-литератор является автором таких статей, как «Владимир Соловьев и женщины»²; «Вокруг Достоевского»³.

Из заметки «Андрей Белый», опубликованной А. Тесковой в «Субботнем фельетоне» 6 мая 1922 г., узнаём, что она считала его «лучшим из живущих русских поэтов» и о том, что он был приглашён чешско-русским объединением Еднота в Прагу, чтобы выступить перед пражской публикой.

В архиве Тесковой сохранилась подробная запись о вечере памяти Блока, организованном Еднотой в Праге 14 ноября 1930 г. Здесь же находится статья о Николае Онуфриевиче Лос-

¹ *Cvĕtajevová M. Tvoje smrt. První část // Lumír. Praha, 1928. № 6. S. 269–278; Druhá část. Tamtéž. № 7. S. 317–323.*

² *Tesková A. Vladimír S. Solovjev a ženy // Kalendář Paní a Dívek českých 1920.*

³ *Tesková A. Kolem Dostojevského // Lumír. Praha, 1929. № 3. S. 156–159.*

ском, эпиграф к которой гласит: «В современные понятия облекал он давние правды...». Тескова представляет читателю Лосского как продолжателя Соловьева, а о содержании его работ пишет: «Он поставил перед собой цель “разгадать проблемы, унаследованные нашим временем от средневековья”, “построить систему христианского мировоззрения” и, провозгласив “органическую цельность (единство) мира”, “объяснить идеальное, т.е. существование вне времени и вне пространства”».

Переводя сама, Тескова делится размышлениями о переводе. В архиве сохранилась статья «О переводах вообще и с русского прежде всего», в которой она сравнивает переводчика с путешественником, стремящимся познакомить соплеменников с прекрасными цветами чужих земель. Однако, по мнению Тесковой, краски часто бледнеют, лепестки вянут, прекрасный запах испаряется при неумелом описании иных широт.

В. Морковин любил цитировать слова Анны Тесковой о душе русского народа: «Русскую душу понять нелегко. К ней нужно подойти близко-близко, преисполниться ей. Нужно самому иметь родственную русскому народу душу, чтобы это было возможно. А чтобы понять особенность русских, нужно вникнуть не только в душу, но и в образ их жизни, и глубоко вникнуть, поверхностное знакомство ничего не даст».

По письмам Тесковой, сохранившимся в архиве А. Бема, видно, с какой готовностью откликается Тескова на каждую просьбу Цветаевой. 25 марта 1931 г. она пишет Бему: «Цветаева писала мне уже в предпоследнем письме, что собирается написать статью в “Россию и Славянство”. Писала с оговорками и вопросами о моем совете насчет ее сотрудничества в правом органе. Единственное её утешение в том, что и Вы, Альфред Людвигович, в той же газете сотрудничаете. Страдает также непорядком выплаты иждивения, только в феврале получила за январь и больше ничего»⁴.

В следующем письме Бему, написанном осенью того же года во время ее отпуска в Рожеловском лесничестве: «А ведь у меня опять заботы... о Цветаевой! Получила на машинке писанную грамоту от г-жи Карсавиной. Извещает меня, что... сошлись несколько друзей, основали “комитет помощи Цветаевой” и, т<ак> к<ак> им знакомо моё доброе отношение к ней, просят меня немедленно заявить, сколько буду ей высылать ежемесячно»⁵. Известно, что А. Тескова помогала не только семье М. Цветаевой, но и другим семьям эмигрантов, в частности семье А. Бема. В Архиве канцелярии президента республики сохранилось письмо А. Тесковой, в котором она обращает внимание на бедственное положение семьи профессора Н.О. Лосского и просит передать эту информацию президенту Чехословацкой Республики⁶.

Начало сближения между Цветаевой и Тесковой нужно отнести к 1924 г. М. Цветаева тогда жила в Праге, вероятно, они встречались на культурных мероприятиях в Едноте, Русском доме, Земгоре.

В конце декабря Цветаева получила во Вшенорах письмо от Тесковой с предложением прочитать лекцию в Карловом университете. Цветаева отказалась ввиду близких родов и пригласила Тескову ее навестить. Тескова была первой, кому Цветаева сообщила о рождении

⁴ Архив А. Бема. LA PNP, Rv 10–11.

⁵ Там же.

⁶ *Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918–1939)*. Прага, 1998. С. 56.

1 февраля 1925 г. сына Георгия. Надев свое лучшее платье, Тескова едет во Вшеноры и, выйдя из поезда, ищет дом с голубым забором и женщину, у которой недавно родился сын.

Несколько писем, написанных Цветаевой в Чехии, содержат информацию о встречах (на вечере поэзии, в Едноте, в Пен-клубе, в доме Цветаевой, в доме Тесковой, на вокзале). Большая часть писем написана Мариной Ивановной Цветаевой во Франции. В письмах из Франции сначала присутствует простая информация об условиях жизни, о необходимости получить нужные вещи, оставленные в Чехии, но постепенно они тематически обогащаются. По всей вероятности, искренний интерес Тесковой питает откровенность Цветаевой. Поэт делится своими творческими замыслами, описывает возрастные успехи своих детей, рассказывает о коллегах и новых знакомых.

Приехав во Францию по зову друзей, которые обещали ей помощь и стабильный заработок, Цветаева была сильно разочарована: у тех, с кем она дружила в Чехии, в Париже было много своих забот. Эмигрантские газеты и журналы часто не хотели печатать ее новые произведения, объясняя это либо идеологической направленностью, неприемлемой для данного печатного органа, либо тем, что читатели их не понимают.

Делясь с Тесковой, Цветаева часто комментирует оскорблявшее ее отношение редакций: «Последние новости» исказили «Сказку матери» до неузнаваемости (редактор И.П. Демидов), сократив в 40 местах (18 февраля 1935), «Перекоп» (6 месяцев работы) и французский «Молодец» (8 месяцев) — лежат («Воля России» не хочет напечатать «Перекоп» из-за Добровольчества, «Современные записки» на предложение даже не ответили). Слоним заказал статью о детской литературе в Советском Союзе, а готовую отказался печатать (статья была опубликована позже в дискуссионном порядке, см. примеч. 10 к письму 68).

Тескова была старше Цветаевой на 20 лет. Видимо, она предложила называть ее Анной, так как в одном из писем Цветаева следует этой просьбе, но затем возвращается к привычному обращению «Анна Антоновна». Однако в их общении разница в возрасте не чувствуется.

Интеллектуальная и человеческая близость Цветаевой и Тесковой помогла им делиться не только впечатлениями о культурных событиях или размышлениями о литературе, но и мыслями о вполне земных делах и заботах. В письмах Цветаевой нет и тени сомнения, что она может быть не понята А. Тесковой: «...от русских я отделена — своими стихами, которые никто не понимает, своим своемыслием, которое одними принимается за большевизм, другими — за монархизм или анархизм» (1 января 1932). «Я, которую так долго травили за “современность” стихов — теперь вечно слышу упреки в “несовременности” *тем* моей прозы». И доверительно добавляет: «А Вы не думаете, что *та* “современность” и эта “несовременность” — одно, т.е. я?!» (24 ноября 1933). И еще откровенней, зная, что будет правильно понято: «Я единственный живой поэт».

Подробно писала М. Цветаева А. Тесковой о своих отношениях с редакторами журналов и газет. Настоящее издание переписки содержит прежде выпущенные характеристики писателей, критиков, редакторов. Таким образом, публикуются высказывания Цветаевой, в которых она порой очень резко, со злой насмешкой пишет о своих современниках (Адамовиче, Демидове, Рудневе, Гиппиус и др.).

В письмах упоминается довольно широкий перечень журналов и газет, которые Цветаеву, несмотря на ее сетования, все-таки печатали: «Дни», «Встречи», «Звено», «Последние но-

вости», «Руски архив» (Белград), «Студенческие годы», «Числа». «Русские записки», «Своими путями», «Благонамеренной», «Воля России», «Вёрсты»⁷.

Утверждение Цветаевой «во Франции мне плохо: одиноко, чуждо, настоящих друзей — нет» (11 декабря 1933) — не так уж безоговорочно. Ее семья долгое время жила в квартире О. Колбасиной-Черновой. М. Слоним способствовал тому, что большинство произведений Цветаевой были напечатаны в «Воле России», Д. Святополк-Мирский в марте 1926 г. пригласил ее на две недели в Лондон, Е. Извольская и Д. Святополк-Мирский помогали платить за квартиру, О. Андроникова-Гальперн, А. Берг и Карсавины организовали регулярный сбор средств для Цветаевой, Андреева и Лебедевы всегда откликались на все невзгоды семьи Эфрон. Но Марине Цветаевой было необходимо постоянное чувство близости человека, который бы ее любил. Этого она ждала от Тесковой, часто писала ей о своем большом желании встретиться в Праге или в Париже, ей посвятила она один из самых пронзительных своих циклов — «Деревья».

М. Цветаева пишет Тесковой и о мгновениях дружбы-любви с Н. Гронским, и о нескольких письмах А. Штейгера, вызвавших ее жертвенное внимание к больному другу, о короткой надежде, что наконец для кого-то она может стать самым близким и необходимым существом.

Очень важным событием в жизни Цветаевой была переписка с Рильке и Пастернаком⁸. Она тяжело переживала смерть Р.М. Рильке в 1926 г. Ей так хотелось вернуть его из небытия, что в произведениях, посвященных ему, она продолжала свой, теперь уже вечный, разговор с ним («Новогоднее», «Твоя смерть», 1927). Она попросила Тескову перевести эти обращения к нему на чешский, на язык родины Рильке. С его уходом умерла надежда на встречу втроем: Рильке, Цветаева, Пастернак. Да и письма Пастернака приходили все реже. Какое-то время Цветаева ждала и надеялась, что все вернется на круги своя, но позже ей не хватило слов, чтобы выразить всю боль разочарования от встречи с Пастернаком. Ведь еще недавно, в мае 1925 г., договорившись встретиться в Веймаре, они писали друг другу: М. Цветаева — «Наша встреча страшна как всякое чудо [...] Вы — единственная возможность для меня земной верности»⁹, Б. Пастернак — «Вы сердечный мой воздух, которым день и ночь дышу [...] водопад существованья [...] одна Вы еще поэт под этим нашим небом»¹⁰. А когда в 1935 г. Пастернак приехал в Париж на Международный конгресс писателей в защиту культуры, встреча обратилась в «невстречу», как писала о ней Цветаева в письме Тесковой. И не только нервное состояние и страх Пастернака перед диктатором Кремля стали причиной «невстречи». Поводы для взаимного отчуждения были с обеих сторон, но главным, на мой взгляд, являлось длительное пребывание поэтов в разных социально-политических условиях. Разве могла понять Цветаева меру и характер страха ее друга. И раскрывая эту тему в письмах к Тесковой, говоря о себе, о своей сущности: «...б е с т р а ш и е: то слово, которое я всё последнее время внутри себя, а иногда и вслух — как последний оплот — произношу: первое и последнее слово моей сущности. Рбзнящее меня — почти со всеми людьми!» (15 февраля 1936), она не понимает

⁷ См.: Лосская В. Марина Цветаева и парижская периодика // Марина Цветаева. Статьи и тексты. Wien, 1992 (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 32). S. 29–42.

⁸ Рильке Р.М., Пастернак Б., Цветаева М. Письма 1926 года. М., 1990.

⁹ Цветаева М., Пастернак Б. Души начинают видеть: Письма 1922–1936 годов. М., 2004. С. 583.

¹⁰ Там же. С. 70, 72.

ужаса положения Пастернака и пишет о бесстрашии свободного человека, не пережившего страха за свою жизнь и жизнь близких.

Одна из важных тем писем — мысли М. Цветаевой о Боге. Мало кому она их доверяла, а католичке Тесковой пишет о своем отношении к литургии и священнослужителям: «В священнике я вижу превышение прав: кто тебя поставил надо мною?.. Мне нужны такие, как Рильке, как Вы, как Пастернак: в Боге, но как-то без Бога... Недавно я записала такую вещь: самое ужасное, что Христос (Бог) уже был» (22 января 1929). Поэт размышляет о необходимости обретения Бога как духовного равновесия для некоторых народов: «Бог евреям был дан как противовес *цифр*, или как цифра к нулю, еврей минус Бог – ноль, *zéro* (o)» (28 ноября 1927). О сущности божественного она думает, беседуя с Тесковой о Л. Толстом, допуская, что Бог, может быть, — «труд, непосильное» или «радость, простая радость дыхания» (17 марта 1929). Продолжение этой темы находим в письмах Н. Гронскому и в ее тетрадах: «Христос — может быть он и не был Богом?» (НЗК I, 154).

Если бы письма-ответы Тесковой сохранились, вряд ли мы нашли бы созвучную реакцию на последние высказывания поэта. Трудно представить, что католичка Тескова относилась к ним одобрительно. Наше предположение, в частности, подтверждается хранящимся в архиве Тесковой обращением к верующим соотечественникам в тяжелое время немецкой оккупации: «Дорогие сестры. В это время... мы должны обратиться прежде всего к Богу. [...] Человек часто испытывает желание спрашивать Бога: Почему? Но в конце концов должен умолкнуть и благодарить, и радоваться, и удивляться Его необыкновенной любви. И поэтому нельзя плакать, нельзя отчаиваться, нельзя проклинать: это была бы языческая реакция...»¹¹

Живя в трудных бытовых условиях во Франции, чувствуя, что «замёрзла до дна души» (25 февраля 1931), Цветаева часто вспоминала Чехию: «Во Вшенорах тоже была грязь, но была большая уютная плита, за окном был лес, был уют *нищеты* и душевный отвод *настоящей* природы. Все те места помню, все прогулки, все дорожки. Чехию — добром помню» (24 ноября 1933). О красоте Праги Цветаева написала столько, что мало кто из писавших об этом городе иностранцев может с ней равняться.

Очень грустной в этих письмах является тема сложной обстановки в семье из-за ухудшившихся отношений Марины Ивановны с мужем и дочерью. Прежняя безграничная любовь Сергея и Ариадны к ней и их понимание были всегда опорой. Теперь они словно не замечали трудностей быта Цветаевой. Она так объясняла в письме одну из причин ссор: «Дома у меня жизнь тяжёлая — как у всех нас — мы все слишком особые и слишком разные: коллекция, а не семья! Каждому нужно — физически — место, к <оторо>го *нет*: все друг у друга под локтем и под боком: трения, раздражение» (3 июня 1931).

Главная же причина могла быть в другом: мировоззрение ее мужа становилось иным. Приехав во Францию на Рождественские праздники, С. Эфрон планировал вернуться в Прагу, чтобы защитить диплом в Карловом университете, но возможность быть с семьей, нахлынувшие заботы с изданием журнала «Вёрсты» и плохое здоровье помешали осуществить первоначальные планы. Уже в первые месяцы пребывания во Франции он писал сестре: «Встретился и подружился с замечательными людьми. [...] Я от очень многого отошёл и многое вижу в новом свете» (сентябрь 1926; НСИП, 328).

¹¹ Архив А. Тесковой. LA PNP.

Меняются его прежние идейные установки. Еще недавно в статье «Эмиграция» Эфрон писал, что немислимо даже согласие с большевизмом, будучи уверен, что «зло олицетворялось большевиками»¹². Но уже в Чехословакии он начал думать о возможности вернуться на родину. Из письма сестре видно, как сильно он тосковал по России, по людям, которые олицетворяли для него русскую культуру: «...в Россию страшно тянет. Никогда не думал, что так сильно во мне русское. Как скоро, думаешь, можно мне будет вернуться? Не в смысле безопасности, а в смысле моральной возможности» (6 апреля 1924; НСИП, 312).

В начале 30-х годов, охваченный желанием вернуться на родину, Эфрон идет на тесные контакты с советским посольством. Такому развитию его взглядов способствовало и наступление фашизма в Европе. Он начинает активно работать в Союзе возвращения на родину, позже становится его генеральным секретарем. «Сергей Яковлевич совсем ушёл в Сов<етскую> Россию, ничего другого не видит, а в ней видит только то, что хочет», — писала Цветаева Тесковой (16 октября 1932). Эфрон часто посещал коммунистический ресторанчик *Famille Nouvelle*, который являлся, вероятно, и местом встреч с его новыми знакомыми. Поэтому он, сидя здесь, неожиданно прерывает письмо своей сестре, объясняя: «Пришли по мою душу» (18 марта 1936; НСИП, 365). Конечно, С. Эфрон, оберегая Цветаеву, не посвящал ее в свое сотрудничество с НКВД и советской разведкой за границей, но неизбежные сомнения в правильности своего выбора были причиной нервного напряжения, и Цветаева не могла этого не чувствовать. А Сергей Эфрон, так и не сумевший реализовать себя ни в литературе, ни в кинематографе, ни в театре, не видевший перспектив для применения своих сил за границей, хотел вернуться на родину и с нетерпением ждал, когда согласится на возвращение Марина. Это было время, когда Цветаева писала Тесковой, что он «скоро возненавидит (а подсознательно уже временами ненавидит)» ее за то, что она не может на это решиться. Возвращаться в Россию она не хотела, при мысли о возвращении испытывала «ужас от весёлого самодовольного советского детского Мура» (29 марта 1936), ужас от того, что ей не дадут писать. И в своей тетради подвела этому итог: «Я в России XX века — бессмысленна» (НЗК I, 313).

Напряжение в семье усиливалось и по причине разного подхода к воспитанию детей. Полагая, что ребенку необходимо как можно чаще дышать чистым воздухом, Марина Ивановна ходила с сыном в лес; они брали с собой учебники, и Георгий готовил здесь домашние задания. Георгий был для нее вымечтанным сыном, она панически оберегала его от всех возможных опасностей, вероятно еще и потому, что всю жизнь не могла себе простить смерть младшей дочери Ирины. «Не уберегла» — стоит в ее стихах. Подробные записи о ее смерти Цветаева хранила в своих тетрадях все время эмиграции. Отношение матери к Георгию отец считает баловством. А Марине Цветаевой был враждебен тот путь, которым вел детей отец: Сергей Яковлевич стремился воспитать их единомышленниками вопреки миропониманию жены. Цветаева не могла запретить им совместные прогулки к его новым друзьям, в коммунистическое кафе (см. письмо С. Эфрона Георгию — НСИП, 372), но ее беспокоило будущее сына: «Мур живёт разорванным между моим гуманизмом и почти что фанатизмом — отца. Уже судит того и другого, не в смысле: осудить, а рассудить (...кто прав?)» (28 декабря 1935). Георгий был вдумчив, он стремился понять, что происходит вокруг него. Антагонизм некоторых взглядов любимых людей активизировал его мышление. Решая, кто из них прав, он стре-

¹² Эфрон С. Записки добровольца. М., 1998. С. 116.

мился найти свой путь. И всегда защищал мать. Бывало, бросался на отца с кулаками, жалея мать. Когда они оставались вдвоём, он был добр, послушен и старался помочь по дому.

Но самое тяжелое переживание Цветаевой — это отношения с дочерью. Пока они жили вдвоем в России, они любили друг друга больше всего на свете. В Чехии Аля часто вызывала раздражение Цветаевой. Правда, Аля быстро забывала обиды. И все-таки это уже была не та любящая дочка, которая в голодной Москве носила матери из «детского сада *пшено в ладони*» (26 января 1934) и писала о ее Богоподобии.

В Париже, в художественной школе у Ариадны появились новые друзья, изменились ее интересы. Она будто забыла о матери, стихи которой всю сознательную жизнь так любила: «Она жертвует *моей свободой*: я *никогда* не могу уйти вечером, ибо она *всегда*» (20 января 1936).

Попав под влияние отца, Ариадна чувствовала его моральную поддержку, теперь свой протест она могла подкрепить идеями, которым, вероятно, сама по-настоящему не верила. Ведь не могла пройти мимо нее информация в печати об арестах и процессах с трагическим исходом на ее родине. Сомнения, вероятно, были. И играли роль подводного течения, усилившего напряжение в семье. Цветаевой не нравились встречи дочери с людьми, считающими себя товарищами по партии и с первой встречи переходившими на «ты», она не хотела с мужем и дочерью ходить на празднование Октября, не ее был этот октябрь (21 ноября 1934). Всеми этими огорчениями она делилась с Тесковой.

Когда Сергей Яковлевич помог Але снять комнату в Париже, он не понимал, что для его жены согласие на уход дочери из дома равно «соучастию в собственном убийстве». Вероятно, только Тескова знала и понимала, как велико горе матери: «Я не узнаю ни его, ни ее. Оба меня *когда-то* любили больше жизни» (18 февраля 1935). «Но я-то воображала, что это связь — *нерушимая*». «...От меня уходит, не любя, моя дочь, которой я отдала двадцать один год жизни, т.е. всю свою молодость. [...] ...я просто ничего *не понимаю*: меня продали за развлечения и удобства. Меня — за кафе и хохотанье. [...] Мне все эти дни хочется написать своё завещание. Мне вообще хотелось бы не—быть» (21 ноября 1934).

Когда решался вопрос о возвращении Ариадны на родину, к мнению Цветаевой, похоже, никто не прислушивался. Ариадна уехала в СССР 15 марта 1937 г. Марина Ивановна с нетерпением ждала от нее известий, но письма были «пустоватые», о том, что учится стрелять и проходит курс санитарной обороны. «*Жизни ее я из них не вижу — и не увижу*. Она ведь вроде как приказала себе — переделаться, я этого *совсем* не понимаю и не вижу зачем ей это нужно было. Чтобы идти в шаг с веком? [...] О себе *по существу* я с ней говорить *не могу*, ибо вся она — отрицание меня и моего. *Не сговоримся*. [...] Дай ей Бог!» (27 сентября 1937). Через много лет дочь признавалась: «Никого в жизни я так не любила, как маму, — ни отца, ни брата, ни мужа, а детей у меня не было. Я любила маму всегда, но было время, в молодости, когда я хотела эту любовь совместить со всякими там мальчиками, девочками, с кино и с прочим, а мама презирала мою неразборчивую разносторонность. Тогда мама была мне не под силу, и нужно было столько пережить и перестрадать, чтобы дорасти до понимания собственной матери!» (НСИП, 75). Дети Марины Цветаевой Ариадна и Георгий планировали написать книгу о ней, но в 1944 г. Георгий Эфрон погиб на Белорусском фронте.

Сохранилась, к сожалению, лишь малая часть писем А. Тесковой М. Цветаевой, по ответам которой можно восстановить ту или иную информацию. По ним, в частности, видно, что Тескова делилась с ней самым сокровенным — например, проблемами, возникавшими в от-

ношениях с родственниками. Зная, как много времени Тескова посвящает заботам о близких, Цветаева корила ее: «Я Вас люблю, зачем Вы живете такой жизнью, есть обязательства и к собственной душе... [...] “Пора и о душе подумать“, глубокое слово, всегда против уставляемое заботам любви, труду любви, семье» (17 марта 1929).

По письменной реакции Цветаевой понимаем также, что А. Тескова печалится по поводу непостоянства друзей и непрочности дружб. «Вы пишете о прохладности друзей — о 20-ти годах дружбы, — вторит ей Цветаева, — эх! — я давно отказалась понять других» (10 ноября 1938).

Когда возникла проблема, где учиться Георгию, Тескова, вероятно, писала о школе и о роли отца в семье. Цветаева отвечала: «С<ергей> Я<ковлевич> рассеян, озабочен не тем — и еще меньше педагог, чем я. В этом он мне не помощь, а — наоборот — пассивностью своей — по м е х а» (22 января 1931). Одно письмо Цветаевой Тескова по ее просьбе сожгла. В ответ Марина Ивановна получает «доброе, мудрое, убедительное, неопровержимое письмо» (26 января 1934). Вероятно, уничтоженное письмо было о Сергее Яковлевиче, о влиянии отца на Ариадну. В ответном письме Тескова писала об Але: «голубоглазая девочка “богиня“». Цитируя это, Цветаева описала поведение Ариадны и свою реакцию — подробно, ставя на суд не только грубость дочери, но и свою, ожидая помощи — объяснения, почему она теряет дочь. Цветаевой было очень важно мнение Тесковой: в письмах часто повторяется: «Согласны ли Вы со мной?»

Анна Тескова — один из самых близких друзей — помогала не только материально, не только любовью, но и мудрыми, добрыми советами. Когда она видит, что отношения с дочерью доводят Цветаеву до отчаяния, до нежелания жить, то старается поддержать ее, пишет «освобождающее, окрыляющее письмо» и советует привести в порядок все написанное во Франции. Цветаева отвечает: «Начала-было — точно уже в ответ на Ваше письмо — приводить в порядок все свои стихи после “После России“, — их много, но почти нет дописанных: не успевала. [...] Но — ничего: постараюсь. Это — нужно сделать, чтобы хоть что-нибудь — от этих лет осталось...» (18 февраля 1935).

По ответам поэта мы можем судить, над чем в это время работала Тескова: переводила русских писателей, продолжала свою деятельность в Чешско-русском объединении (Едноте), стала членом Общества Достоевского, пыталась помочь производителям ковров в Словакии продавать их в Праге, мечтала организовать «ручно-умственное объединение»: кто-то читает, а кто-то — шьёт (20 января 1936).

Много раз Цветаева благодарила Тескову за помощь, которую всегда принимала не без смущения. И несмотря на это, она иногда сама об этой помощи просила. Значит, верила в искренность помогающей: «По тому, как я у Вас часто прошу, я знаю, что Вы меня любите» (29 ноября 1928). А. Тескова, несмотря на свое небольшое жалованье, помогала регулярно: «Огромное спасибо за ежемесячные присылки, всегда выручают в последнюю минуту! Вы одна и уцелели», — писала Цветаева (24 ноября 1933). «Вы человек, который исполнил все мои просьбы и превзошли все мои (молчаливые) требования преданности и памяти. Так, как Вы, меня никто не любил» (7 июня 1939). Уезжая в Россию, отбирая записи стихов и прозы, заметки и письма, Цветаева взяла с собой несколько писем А. Тесковой, написанных в трагические дни Мюнхенского сговора и оккупации Чехословакии фашистской Германией. Все, что было связано с этой трагедией, включая газетные вырезки, фотографии и письма, Цветаева поло-

жила в отдельный конверт. Эти материалы опубликованы в книге «Где мой дом?», изданной Домом-музеем Марины Цветаевой в Москве.

Непосредственно перед событиями в Чехии Цветаева переживала собственную очередную трагедию. После участия в деле невозвращенца Игнатия Рейсса С. Эфрон был переправлен советской спецслужбой в Советский Союз. Ариадна в то время уже жила в Москве. М. Цветаева осталась с Георгием во Франции. Но их отъезд уже был предрешён: она не привыкла оставлять близких в беде, и теперь ждала в отеле «Иннова» отъезда к мужу, о судьбе которого имела основания беспокоиться. Они с Муром во время ожидания визы впервые за годы эмиграции были обеспечены и жильем, и питанием; им даже «позволили» отдохнуть у моря. Но «сознание определяет бытие», как написала М. Цветаева С. Эфрону в ответ на его радость по поводу их обеспеченной жизни; тоскливое предчувствие не покидало Марину Ивановну. В это время газеты сообщили о трагедии Чехословакии. Цветаева писала в те же дни Тесковой: «Я думаю, Чехия — мое первое такое горе» (24 ноября 1938). Ей хотелось, чтобы ей было 20 лет, чтобы можно было подставить свою грудь за любимую Чехию против прежде так любимой Германии. «Германия, позор!» — восклицает она в своих антифашистских стихах и с радостью сообщает Тесковой о тех честных французах, которые выражают протест своему правительству, подписавшему Мюнхенское соглашение.

Поистине гражданским подвигом Марины Цветаевой были посланные в 1938 г. Анне Тесковой «Стихи к Чехии». И на благодарное письмо Анны Антоновны она ответила: «Рада, что стихи дошли — до глаз и сердца. ...Они мне самой напоминают... те несмолчные горные чешские ручьи: так они и писались — потоком» (26 декабря 1938).

15 марта 1939 г. ее любимая страна была оккупирована. Цветаева реагирует новым циклом стихов:

— Отзовитесь, живые души!
Стала Прага — Помпеи глуше:

Шага, звука — напрасно ищем...
— Так Чума веселит кладбище!

29–30 марта 1939

О, слезы на глазах!
Плач гнева и любви!
О Чехия в слезах!
Испания в крови!

О, черная гора,
Затмившая — весь свет!
Пора — пора — пора
Творцу вернуть билет.

15 марта — 11 мая 1939

Когда-то, стоя в своем любимом пражском храме Святого Георгия, она просила помиловать ее семью, сейчас она молилась святому Георгию о спасении своего любимого чешского народа (26 декабря 1938).

Вскоре М. Цветаева с сыном покинула Францию. В последнем письме 12 июня 1939 г. она писала Тесковой: «Кончается жизнь 17 лет. Какая я тогда была счастливая! А самый счастливый период моей жизни — это — запомните! — Мокропсы и Вшеноры... [...] Мечтаю о встрече на Муриной родине, к<отор>ая мне роднее своей. Оборачиваюсь на звук ее — как на свое имя. [...] Сейчас уже не тяжело, сейчас уже — судьба. Обнимаю Вас и всех ваших, каждого в отдельности и всех вместе. Люблю и люблюсь. Верю как в себя».

Этим кончается своего рода исповедь поэта. Благодаря встрече двух близких душ возник документ, во всем объеме еще не оцененный. Письма Анне Тесковой — свидетельство одного из самых трагических периодов: окончания одной и подготовки другой войны. И это свидетельство в отношении переживаемых поэтом событий и их влияния на судьбу собственной семьи и некоторых близких друзей предельно искренне. Поэтому письма Цветаевой — это драгоценный источник, проливающий свет на ее взгляды, мысли, чувства и творчество.

О трагической смерти Цветаевой Анне Тесковой сообщил А.Л. Бем. Тескова ответила горестным письмом: «...какое неожиданное и какое ужасное известие. Однако передо мной как на ладони лежит вся картина трагедии, о последнем действии которой Вы мне вчера сообщили. Корни этого страшного решения тянутся далеко-далеко. Если бы Марина была не в России, если бы у нее была возможность переписки, она бы не сделала этого, я уверена. Конечно, она не раз бывала на волосок от отчаяния, ведущего к такому концу. Там, однако, все обострилось, воплотилось в конкретную форму... Ведь она была очень стойкой, столько несчастий ей пришлось пережить. [...] ...Но не оказалось дружеской руки, которую бы ей подали, не оказалось близкого сердца, понимающего, разделяющего ее горе... А ведь она так любила жизнь [...] Со вчерашнего дня мы с Августой ни о чем другом и думать не можем. Опять свет впереди для меня погас. Мы все время надеялись, вдруг появится Марина, отведем ей комнату возле кухни (даже кое-что для этого подготовили), летом хотели увезти ее на Винницу... Она ведь так хотела какое-то время жить рядом! Если бы не Мур, она бы не уехала в Россию. Письма ее храню. Сожгла только то, что сама Марина попросила. В письмах много объясняющего ее жизнь, откровенного, интимного, того, над чем еще много раз придется задуматься. И всё время не хочу поверить... На этой или на следующей неделе будет отпевание у францисканцев — она любила св. Франциска из Ассизи» (15 февраля 1942)¹³.

Так кончается еще одна глава книги о русско-чешских культурных и человеческих контактах. Но история, в которой главным действующим лицом остается Марина Цветаева, продолжается. Борис Пастернак, считавший Цветаеву лучшим поэтом своего времени, написал: «Важно то, что ты строишь мир, венчающийся загадкой гениальности», и предсказал, что он станет «землей других эпох» и «почвой городов... других столетий»¹⁴.

¹³ Архив А. Бема. LA PNP, Rv 10—11; см. также: *Морковин В.* Два письма // *Československá rusistika*. 1969. № 2; *Струве Г.* О письмах М. Цветаевой к А. Тесковой // *Русская мысль*. 1969. 24 июля; *Он же.* Еще о письмах М. Цветаевой к А. Тесковой // Там же. 31 июля; *Он же.* Послесловие к письмам Марины Цветаевой к А. Тесковой // Там же. 4 сент.

¹⁴ *Цветаева М., Пастернак Б.* Души начинают видеть. С. 155.

В настоящее время в перечень достопримечательностей Праги включена мемориальная доска Марине Цветаевой, основано Общество Марины Цветаевой. Творчеству Цветаевой были посвящены несколько конференций. И в Праге, и во Вшенорах устраивались выставки, вечера и чтения ее стихов. Готовится к изданию перевод писем М. Цветаевой А. Тесковой на чешский язык.

Недавно в Праге на стене большого парка Стромовки мы нашли надпись на русском языке с ошибками:

«БІТЬ СОВРЕМЕННОКОМ — ТВОРИТЬ СВОЕ ВРЕМЯ, А НЕ ОТРАЖАТЬ ЕГО» *М. Цветаева.*

А на стене близ Кампы, где молодежь Праги долгие годы оставляет свои сокровенные мысли, дождь смывал слова:

«DEJ NÁM, VOŽE, TO DOBRÉ, CO NEMÁME, A ZASNOVEJ TO DOBRÉ, CO MÁME...»

Переключка или перевод слов Цветаевой из письма Анне Тесковой (3 января 1938):

«ДАЙ БОГ — ВСЕГО ХОРОШЕГО, ЧЕГО НЕТУ,
И СОХРАНИ БОГ — ТО ХОРОШЕЕ, ЧТО ЕСТЬ.
А ЕСТЬ — ВСЕГДА, — ХОТЯ БЫ ТОТ МОРАЛЬНЫЙ ЗАКОН ВНУТРИ НАС,
О К<ОТОР>ОМ ГОВОРИЛ КАНТ.
И ТО — ЗВЁЗДНОЕ НЕБО!»

Галина Ванечкова

Письма
1922–1939

Шарлотен, 2/15 ноября 1822

Ваше письмо о верховьях

Прекрасно, что вы так давно
уже в пути, но вы знаете, что
ваш 2^й кодир и озеро очень
близко — 14го.

Ваше письмо на верш 21го кодир
я получила. Хотелось бы знать
описание верш.

С уважением

Александр Гумбольдт

Ал: Praha VIII

Ribeň Svobodarna

№ 3 Serge Zfron

(вс А. Г.)

Мокропсы¹, 2/15 ноября 1922 г.

Милостивая Государыня,

Простите, что отвечаю Вам так поздно, но письмо Ваше от 2-го ноября получила только вчера — 14-го.

Выступить на вечере 21-го ноября я согласна. Хотелось бы знать программу вечера².

С уважением

Марина Цветаева

Адр<ес>: Praha VIII
Libeň Svobodarna
Mr Serge Efron³
(для М. Ц.)

¹ Село вблизи Праги, большая часть домов которого была дачами пражской буржуазии.

² Информацию о вечере 21 ноября найти не удалось, но 20 ноября М. Цветаева выступала на вечере «Скита поэтов» («Скит»: Прага 1922—1940. М., 2006. С. 703), о чем поэтесса Х.П. Кроткова (1904—1965; псевд. Ирманцева) записала в своем дневнике: «Я была на первом интимнике “Скита”, где читала свои стихи Марина Цветаева» (Минувшее: Исторический альманах. Вып. 21. М.; СПб., 1997. С. 385). Вероятно, первое публичное выступление Мари-

ны Цветаевой в Праге было организовано А. Тесковой и А. Бемом, руководителем «Скита поэтов». Вечер состоялся в зале «Русская беседа» (Ruska Beseda, Hálkova 35, Praha XII).

³ Адрес студенческого общежития для эмигрантов из России: Прага VIII, Либень, «Свободарна» (правильно: *Svobodárna* — сохранившееся название общежития для холостых, почешски неженатый — *svobodný*). С.Я. Эфрон (о нем см. примеч. 1 к письму 5) в то время — студент философского факультета Пражского Карлова университета, основанного в 1348.

Вшеноры, 5-го декабря 1924 г., пятница.

Многоуважаемая г<оспо>жа Тешкова¹,
(Простите, не знаю имени-отчества).

Мне очень трудно ответить на Вашу просьбу (о лекции) утвердительно, — и по двум причинам: первая: для того, чтобы читать лекции, нужно быть уверенным, что в какой-нибудь области знаешь больше, чем другие, — я же такой области *не* знаю. Тон с кафедры, силой вещей, — поучительный, я же могу гадать, утверждать, но не поучать.

Причина вторая и, объективно, более веская: в феврале я жду сына (непременно сына!) — и совсем не могу загадывать о мае. Думаю, что я буду так связана, что навряд ли, даже переборов все внутренние препятствия, смогу 21-го мая, в 7 ч<асов> вечера, стоять на кафедре.

В Едноте² я была несколько раз, но Вас там не видела. Удастся ли 14-го — не знаю, поездки по желез<ной> дороге мне уже трудны, и нет подходящего платья.

А Вас повидаю с удовольствием. Напишите, какой у Вас ближайший свободный день и предупредите открыткой (приходит на второй-третий день) — буду ждать Вас, могу даже встретить.

Если будет хорошая погода, — погуляем (здесь чудесные окрестности), дождь и снег — посидим дома и побеседуем, почитаю Вам стихи.

Познакомитесь, кстати, с моей дочерью и мужем.

Думаю, что Вам всего удобнее в субботу или в воскресенье? Буду ждать Вашей открытки.

Привет.

М. Цветаева

Мой адр<ес>: Všenory, č<íslo> 23 (P<oslední> P<ošta> Dobřichovice³).

Ехать до станции Вшеноры (вокзалы: Вильсонов, Винограды, Вышеград, Смихов⁴) — наш дом (23) один из последних в деревне, направо от шоссе, на пригорке, с ярко-голубым забором.

Поезда (со Смихова):

1 ч <ас> 29 м <инут>, 2 ч <аса> 15 м <инут>, 2 ч <аса> 57 <минут> — позже уже не сто́ит, ибо рано темнеет.

От нас — очень много поездов.

Итак, не откладывайте! Следующая суббота — 14-ое, Вы заняты в Едноте, — хотите 15-го, в воскресенье?⁵

¹ Тескова Анна Антоновна (Tesková; 1872–1954) — учительница начальных классов, чешская писательница и переводчица В. Соловьева, Л. Толстого, Ф. Достоевского, Д. Мережковского и К. Паустовского. Сначала член правления, затем председатель правления Едноты (см. следующее примеч.), член чешского Общества Достоевского. Ребенком жила с родителями в России, училась в русской школе. Вернувшись на родину, всю жизнь содействовала сближению русской и чешской культур. С Цветаевой познакомилась вскоре после ее приезда в Прагу, помогла организовать здесь ее первое выступление. Цветаева посвятила ей цикл стихотворений «Деревья» в сборнике «После России» (1928).

² Чешско-русская Еднота (*чеш. jednota* — единство) была образована на основе Чешско-русского комитета (1918), в 1919 переименованного в Комитет общества друзей русской культуры Чешско-русская Еднота. Собрания и встречи проходили в Китайском зале отеля «Беранек» (Praha 2, Vělohradská 110/478), в здании Palác Fénix (Václavské nám. 802/56; здесь находился клуб Едноты, где по пятницам собирались ее члены и гости), в гимназии, находившейся на улице Англицка (Anglická), в «Мешанской Беседе» (Nové

Město, Vladislavova 20), в библиотеке (Прага XII, ул. Брюссельская, № 18), в доме Каулиха на Карловой площади, № 20. Чешская и эмигрантская печать регулярно информировала о мероприятиях Едноты. Так, «Независимая русская еженедельная газета» сообщала 13 ноября 1931 (№ 37): «Чешско-Русская Еднота, 13-ый год неустанно работающая на поле чешско-русского взаимного сближения, в настоящее время перенесла свои собрания в новое помещение — Palác Fénix, II patro [дворец Феникс, 2-й этаж]. Во главе правления Чешско-Русской Едноты по-прежнему остаются неутомимые и верные друзья русских и России, проф. Й. Поливка, г-жа З.Я. Курц и А.О. Курц, А.А.Тескова, д-р И.И. Калла, проф. Я.И. Оутрата, проф. В.В. Вильд. Деятельность Едноты ведется на чисто культурной почве, без какого-либо политического уклона». Еднота прекратила свое существование в марте 1939 после немецкой оккупации.

³ Вшеноры, № 23, ближайшее почтовое отделение в селении Добржиховице.

⁴ Из перечисленных вокзалов в настоящее время действуют Вильсонов и Смихов.

⁵ Следующая суббота была 13 декабря, следовательно, воскресенье — 14 декабря.

Вшеноры, 11-го января 1925 г.

С Новым Годом, милая Анна Антоновна,
Давно окликнула бы Вас, если бы не с субботы на субботу поджидание Вашего приезда.

Теперь обращаюсь к Вам с просьбой: не могли ли бы Вы разузнать среди знакомых, какая лечебница («болезнь»¹ Вы знаете) в Праге считается лучшей, т.е. гигиенически наиболее удовлетворительной, считаясь с моей, сравнительно малой, платежеспособностью. Как отзываются об «Охране материнства»?² (сравнительно — дешевая). Срок у меня — месяц с небольшим, а у меня еще ничего не готово, кроме пассивного солдатского терпения, — добродетели иногда вредной.

Простите, что беспокою Вас столь не-светской просьбой, но у меня в Праге ни одной знакомой чешской семьи, — только литераторы, которые этих дел не ведают.

Шлю Вам привет и не теряю надежды в ближайшем будущем увидеть. — У нас прелестная ёлка, будет стоять до Крещения (6/19-го янв<аря>), приезжайте, заждем.

Сердечный привет.

МЦ

¹ Беременность М. Цветаевой.

² «Охрана материнства» — родильный дом на острове реки Влтавы — Штванице (от *чеш.* *štváti* — гнать; в давние времена здесь

охотились на дичь). М. Цветаева в письме О.Е. Колбасиной-Черновой (о ней см. примеч. 3 к письму 19) написала, что на нем надо «не рождать, а любить» (VI, 713).

Вшеноры, 2-го февр<аля> 1925 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Вам первой — письменная весть. Мой сын¹, опередив и медицину и лирику, оставив позади остров Штванице², решил родиться не 15-го, а 1-го, не на острове, а в ущелье³.

Очень, очень рада буду, если навестите. Познакомитесь сразу и с дочерью и с сыном.

Спасибо за внимание и ласку.

М. Цветаева

Р. S. Мой сын родился в воскресенье, в полдень.

По-германски это — *Sonntagskind*⁴, понимает язык зверей и птиц, открывает клады. Февральский камень — аметист.

Родился он в снежную бурю.

¹ *Эфрон Георгий Сергеевич* (1925–1944) — сын М. Цветаевой и С. Эфрона, которого в семье называли Мур, родился 1 февраля во Вшенорах, близ Праги (в конце 1925 семья переехала в Париж). Хорошо образованный, он занимался историей, прекрасно знал русскую и французскую поэзию, неплохо рисовал. Позже он писал в дневнике: «Процесс распада всех без исключения моральных ценностей начался у меня по-настоящему еще в детстве, когда я увидел семью в разладе, в ругани, без объединения. [...] Распад семьи был не только в антагонизме — очень остром — матери и сестры, но и в антагонизме матери и отца». Далее он вспоминал о том, какое разное влияние на него оказали мать и отец, об идеологическом сумбуре, царившем в школе, о невозможности ему, русскому, подружиться с одноклассником. Он прожил во Франции до 1939, до времени отъезда с матерью в СССР. Потрясенный

арестом сестры и отца, Георгий надеялся, что их скоро освободят. В начале войны с фашистской Германией он с матерью и группой писателей эвакуировался в Елабугу. После самоубийства Цветаевой (31 августа 1941) Георгий оказался в Ташкенте, где закончил среднюю школу, затем вернулся в Москву и в ноябре 1943 поступил в Литературный институт. В начале 1944 он был мобилизован. 7 июля рядовой Георгий Эфрон был смертельно ранен в бою на территории Белоруссии (см.: *Эфрон Г.* Письма. Болшево, 2002; *Он же.* Дневники: В 2 кн. М., 2004; *Викентьев С.* Строки о сыне // *Родина.* 1975. № 3. С. 28. — 3-я страница обложки. Публикация рисунков Г.С. Эфрона.)

² См. примеч. 2 к письму 3.

³ Долина во Вшенорах, где стоял дом Ванчуровых, в котором семья в то время снимала комнату.

⁴ Воскресное дитя (*нем.*).

Вшеноры, 10-го февраля 1925 г., вторник.

Дорогая Анна Антоновна,

Пишу Вам ночью, при завешенной лампе, почти наугад, — С<ергей> Я<ковлевич>¹ уезжает с утренним поездом, и в суматохе утра не успею.

Пакет до сих пор не найден², и письмо доктору³ не написано. Для последнего есть отговорка — лежание, но — как встану — что делать?! Думаю, что с пропажей — безнадежно, уж целая неделя прошла. Беда в том, что в отделении, кроме молодого человека, были только две барышни, а женщины на всё тряпичное льстятся.

Хуже всего — это письмо! (Сломался карандаш!). Я в глупейшем положении невежи. Видели ли на Петре⁴ Ч<ирико>вых, и не говорила ли она Вам чего-нибудь?

Я уже сижу, — вчера первый день. С прислугой пока ничего, местные (поденные) очень дороги, 12–15 кр<он> в сутки, *жить* не идут. Ищем в Земгоре⁵. Моя угольщица (лесовичка) уходит в пятницу — в леса, очевидно. У С<ергея> Я<ковлевича> в ближайшие дни 3 экзамена (Нидерле⁶, Кондаков⁷ и еще один), и он весь день в библиотеке. Весь дом остается на Але⁸, ибо я, даже если встану, недели две еще инвалид, т.е. долженствую им быть. Я не жалуюсь, но повествую. И всё это, конечно, минет.

Когда я встану, перепишу Вам кусочек прозы для чешск<ого> женского журнала⁹. У меня много прозы, — вроде дневника¹⁰ (Москва, 1917 г. — 1921 г.). Некоторые отрывки уже шли в «Воле России»¹¹, «Совр<еменных> Записках»¹² и «Днях»¹³. Дам Вам неизданное. Но хотелось бы наперед знать, примут ли. Для образца прочтите мой «Вольный проезд» в «Совр<еменных> Записках» (не то XIX, не то XX книга)¹⁴. Можно выбрать лирическое, есть юмор, есть быт. Напишите мне и приблизительный размер журнала. Есть у меня и маленькая пьеса «Метель»¹⁵ — новоготия сценка в лесной харчевне 30-х годов — в стихах, ее бы, я думаю, отлично перевел Кубка¹⁶. Но экз<емпляр> у меня один (напечатана в 1922 г<оду>, в парижском «Звене»¹⁷). Хотите ознакомиться — пришлю. Если Кубка заинтересуется, было бы очень приятно.

Большая просьба, м.б., нескромная: не найдется ли у кого-нибудь в Вашем окружении простого стирающегося платья? Я всю зиму *жила* в одном, шерстяном, уже расплзшемся по швам. Хорошего мне не нужно, — всё равно нигде не придется бывать — что-нибудь простое. Купить и шить сейчас безнадежно: вчера 100 крон акушерке за три посещения, на днях 120–150 кр<он> угольщице за 10 дней, залог за дет-

ские весы (100 кр<он>), а лекарства, а санитария! — о платье нечего и думать. А очень хотелось бы что-нибудь чистое к ребенку. Змея иногда должна менять шкуру. Если большое: ничего, можно переделать домашними средствами.

Купили коляску за 50 кр<он> — почти новую, чудесную: одновременно — и кровать и креслице. Продавали русские за отъездом. Постепенно мальчик обрastaет собственностью, надеюсь, что она не *прирастет*.

А вчера я свершила подвиг: уступила С<ергею> Я<ковлевичу> имя Бориса, которого мне так хотелось (в честь моего любимого современника, Бориса Пастернака¹⁸). Мальчик будет называться Георгий и праздновать свои именины в день георгиевских кавалеров. Георгий — покровитель Москвы и, наравне с Михаилом Архистратигом¹⁹, верховный вождь войск. (Он же, в народе, покровитель волков и стад. Оцените широту русского народа!)

Половина четвертого утра. Кончаю. Все спят, это мой любимый час.

У нас весна, на орешнике сережки, скоро гулять. Тогда Вы к нам приедете и уже не будете плутать.

Спокойной ночи или веселого утра. Надеюсь, что здоровье Вашей мамы²⁰ с весной поправится.

Простите за почерк.

МЦ

¹ *Эфрон Сергей Яковлевич* (1893–1941) — журналист, литератор. Сын революционеро-народников: мать — Елизавета Петровна Дурново (1855–1910), отец — Яков Константинович Эфрон (1854–1909). Его встреча с Цветаевой произошла в 1911, в 1912 они одновременно издали свои книги: М. Цветаева — «Волшебный фонарь», С. Эфрон — «Детство», которую он посвятил Цветаевой. Цветаева считала мужа талантливым литератором, ценила его человеческие достоинства; во всех ее сборниках есть посвященные ему стихи. «Нет тебя второго в мире сем...» — написано в одном из вариантов стихотворения «Писала я на аспидной доске...».

Эфрон учился в Московском университете. В 1916 был мобилизован, в 1917 участвовал в борьбе с большевиками. Во время Гражданской войны вступил в Добровольческую армию. В ноябре 1920 вместе с остатками врангелевских войск эвакуировался из Крыма в Галлиполи (Турция). С осени 1921 — в Праге,

студент философского факультета Университета им. Карла IV. Один из организаторов Демократического союза русских студентов, соредатор журнала «Своими путями» (1924–1926), член пражского Союза русских писателей и журналистов. В 20-е годы в эмигрантской печати было опубликовано несколько статей и рассказов С. Эфрона. В конце 1925, не защитив написанной работы по средневековому искусству и не получив диплома Карлова университета, С. Эфрон следует за ранее уехавшей в Париж семьей. Во Франции С. Эфрон — соредатор журнала «Вёрсты» (1926–1928), с 1927 — участник Евразийского движения, а затем председатель парижского евразийского клуба, член редколлегии газеты «Евразия» (1928–1929). После раскола движения Эфрон примкнул к его левому крылу. В 1931 подал прошение о советском гражданстве, тогда же стал негласным агентом Иностранного отдела Главного политического управления (госбезопасности). С 1934 — гене-

ральный секретарь Союза возвращения на родину. В октябре 1937, после убийства невольничка Игнатия Рейсса (резидента советской разведки, решившего порвать с СССР), в слезке за которым участвовал Эфрон, он был вывезен в СССР.

Перед разлукой он написал жене и сыну: «Мариночка, Мурзил — Обнимаю вас тысячу раз. Мариночка — эти дни с вами самое значительное, что было у нас с вами. Вы мне столько дали, что и выразить невозможно. Подарок на рождение!!! Мурзил, помогай маме». В конце записки вместо подписи — рисунок головы льва; в семье у С. Эфрона было прозвище Лев (НЗК II, 516).

На родине Эфрон в 1939 был арестован по ложному обвинению как французский шпион и 16 октября 1941 расстрелян. Позже А.С. Эфрон добилась справки о его реабилитации.

² Был потерян подаренный пакет с пленками.

³ Вероятно, А.О. Курц, переводчик (его перевод стихов А. Фета опубликован: Единство. 1932. № 13). К нему ездила В.Г. Чирикова, чтобы получить опись вещей в посылке (см. письмо 7).

⁴ Семья писателя Е.Н. Чирикова, которая присутствовала на торжественной панихиде по случаю 200-летия со дня смерти Петра Великого (храм Св. Николая) или на одном из мероприятий, посвященных этой дате (торжественная встреча выпускников Русской реформированной реальной гимназии в Русском доме или — там же — вечер слушателей Русского народного университета, на котором с докладом «Роль Петра Великого в истории России» выступил проф. А.А. Кизеветтер).

⁵ *Земгор* — Союз земств и городов — был организован в 1915 для помощи тылу во время мировой войны. Упразднен декретом СНК РСФСР в 1918. В эмиграции Земгор стал благотворительной организацией и играл главную роль в акциях помощи эмигрантам в области образования, трудоустройства, удовлетворения социальных нужд и потребностей в сфере здравоохранения. Собрания Земгора проходили в «Русском доме» (Панская ул., № 12).

⁶ *Нидерле Любор* (Niederle; 1865—1944) — профессор, ректор Карлова университета (1927—1929), чешский археолог, этнограф, антрополог и славяновед. Основоположник изучения чешского доисторического периода и основатель Археологического института в Праге.

⁷ *Кондаков Никодим Павлович* (1844—1925) — историк византийского и древнерусского искусства. С 1919 жил в эмиграции, с 1922 — профессор Карлова университета. Разработал иконографический метод изучения средневекового искусства. Его именем был назван Византологический институт в Праге (1925—1939). Семинар византийского искусства Кондакова посещал С. Эфрон и 19 февраля 1925 должен был держать у него экзамен. 17 февраля Кондаков скончался. В день его похорон 19 февраля М. Цветаева писала О.Е. Колбасиной-Черновой: «Узнав, — слезы хлынули градом: не о его душе (была ли?), о его черепной коробке с драгоценным, невозвратимым мозгом. Ибо этого ни в какой религии нет: бессмертия мозга» (VI, 723). См.: Очерк к 80-летию Н.П. Кондакова с фотографией его слушателей, среди которых С.Я. Эфрон (Студенческие годы. Прага, 1924. Сент. — окт. № 5 (16)).

⁸ *Эфрон Ариадна Сергеевна* (1912—1975) — художник, переводчик, мемуаристка. Дочь М. Цветаевой. Эмигрировала с матерью в 1922. Находясь в Чехословакии, недолго училась в русской гимназии в городе Моравска-Тршебова. В 1925 переехала с родителями во Францию. Училась в Париже в Училище изящных искусств при Лувре и в Училище прикладного искусства «Art et publicité». Работала в журналах «Russie d'Aujourd'hui» (Россия сегодня), «France—URSS» (Франция—СССР) и «Наш Союз». В 1937 вернулась в СССР, работала в журнале «Revue de Moscou» — «писала статьи, очерки, репортажи; делала иллюстрации, переводила». В августе 1939 была арестована по подозрению в шпионаже, в 1940 осуждена на восемь лет исправительно-трудовых лагерей; в феврале 1949 арестована вторично и сослана в Туруханский край. В 1955

реабилитирована. После возвращения в Москву, в период работы с архивом М. Цветаевой, Ариадна Сергеевна написала: «Читала их (дневниковые записи матери — Г.В.) по ночам, когда затихала большая коммунальная квартира. Напрасно думала я, что когда-то выплакала все слезы — этого было не оплакать. И требовала вся эта мука не слез, а действий, не оплакивания, а воскресения» (цит. по: Коркина Е. Архивный монастырь. М., 2007. С. 22). До конца своих дней она готовила к изданию произведения М. Цветаевой (*Эфрон А.С.* История жизни, история души: В 3 т. М., 2008; см. также: *Ариадна Эфрон.* Рисунок. Акварель. Гравюра. Болшево, 2003).

⁹ Имеется в виду чешский журн. *Ева*, выходил в г. Оломоуц. В 1924 в нем была опубликована «Дневниковая проза» (фрагменты из книги «Земные приметы» в пер. Отто Баблера. См.: *Ева.* 1924. № 3. С. 94–95).

¹⁰ *Октябрь в вагоне, Мои службы, Из дневника, Земные приметы.* К моменту написания письма были опубликованы отрывки из книги «Земные приметы» (*Воля России.* 1924. № 1/2; IV, 514–533), «Вольный проезд» (Современные записки. 1924. № 21; IV, 427–450), «Мои службы» (Там же. 1925. № 26; IV, 451–475), «Чердачное» (Дни. 1924. 25 дек.; IV, 534–542), «О любви» (Там же. 1925. 25 дек.; IV, 476–487).

¹¹ *Воля России* — орган эсеров, издавался в Праге, с конца 20-х годов — в Париже. Первоначально — ежедневная газ., затем еженедельник, а с сентября 1922 по 1932 — журн. политики и культуры, под ред. В.И. Лебедева, М.Л. Слонима, Е.А. Сталинского и В.В. Сухомлина.

¹² *Современные записки* — ежемесячный общественно-политический и литературный журн. (Париж, 1920–1940) под ред. Н.Д. Авксентьева, И.И. Бунакова, М.В. Вишняка (1920–1939), А.И. Гуковского (1920–1925) и В.В. Руднева.

¹³ *Дни* — ежедневная (позже еженедельная) газ. (1922–1933) выходила под ред. А.Ф. Керенского, сначала в Берлине, позже — в Париже.

¹⁴ Правильно: XXI книга.

¹⁵ *Метель* — опубл.: Звено. Париж, 1923, 12 февр. (III, 358–372).

¹⁶ *Кубка Франтишек* (Kubka; 1894–1969) — чешский писатель, критик и переводчик. Был знаком с М. Цветаевой, перевел ее стихотворение «Идешь, на меня похожий...» (опубл.: *Cesta. Praha.* 1924. № 29/30; см. примеч. 4 к письму 7). См. его заметку о М. Цветаевой: *Ruská literatura od roku 1900.* S. 172 (здесь впервые был напечатан графический портрет Цветаевой неизвестного автора, позднее широко публикуемый); *Kubka F. Hlasy od Východu.* Praha, 1960. S. 17–25. Ф. Кубка также автор мемуарного очерка «Грустный романс о Марине Цветаевой» (МЦВС II, 152–161).

¹⁷ *Звено* — еженедельный литературный журн. (Париж, 1923–1926), основан М.М. Винавером и П.Н. Милоковым.

¹⁸ *Пастернак Борис Леонидович* (1890–1960) — поэт, прозаик, переводчик, лауреат Нобелевской премии по литературе 1958, от которой он под давлением властей вынужден был отказаться. Его переписка с М. Цветаевой началась в 1922 и продолжалась до 1936.

Цветаева откликнулась на сборник стихов Пастернака «Сестра моя жизнь» статьей «Световой ливень» (Эпопея. 1922. № 3; V, 231–245), посвятила ему поэму «Молодец», к нему обращены циклы стихов «Провода» и «Двое», написанные в Чехии. Пастернак посвятил Цветаевой несколько стихотворений: «Не оперные поселяне» (1926), акrostих «Посвящение», предшествовавший первой публикации поэмы «Лейтенант Шмидт» (1926), «Марине Цветаевой» (1929), акrostих «Мгновенный снег, когда булжжик узрен...» (1929), «Памяти Марины Цветаевой» (1943).

Встреча их, о которой оба страстно мечтали, произошла в Париже в 1935, во время работы Международного конгресса писателей в защиту культуры, но не оправдала их ожиданий. Цветаева считала, что ее друг в угоду «примирению с действительностью» изменил Лирике. После возвращения М. Цветаевой в СССР они встречались редко, но Пастернак проводил Цветаеву с сыном в эвакуацию, поз-

же помог А. Эфрон по сути выжить в ссылке, посылая ей деньги в Туруханск.

¹⁹ *Михаил Архистратиг* (греч. — верховный военачальник) — архангел Михаил, предводитель небесного воинства; враг сатаны. Согласно Апокалипсису, сражался с драконом. Считается покровителем воинов, бьющихся за правое дело. Имя Михаил по-древнееврейски означает «кто подобен Богу». Уже более тыся-

чи лет архангел Михаил — покровитель Русской земли, его день празднуют (8) 21 ноября.

²⁰ *Тескова Анна* (Tesková; 1852–1936) — мать А.А. Тесковой, учительница музыки, дочь известного чешского патриота Вацлава Северы. Выйдя замуж за Антонина Теску, уехала с ним и с дочерью Анной в Москву, но после трагической смерти мужа уже с двумя дочками вернулась в Чехию.

Вшеноры, 15-го февраля 1925 г.,
воскресение

Милая Анна Антоновна,

Посылаю Вам для женского журнала свой «Вольный проезд». Прочтите и подумайте, подойдет ли для женского журнала. Если да и найдется переводчик, очень хотела бы хотя бы письменно с ним сообщиться. Пусть бы мне прислал список не совсем ясных слов и выражений (язык народный) — я бы пояснила.

А не взяли ли Вы бы сами перевести? С Вами бы мы, наверное, столкнулись. Сейчас, после лежания, очень ослабли глаза, поэтому посылаю уже напечатанное. — Не играет роли?

Сегодня целый день в Вашем халате. Приятное ощущение простоты, чистоты и теплоты. Поблагодарите от меня еще раз Вашу милую маму и пожелайте ей здоровья и хорошего лета.

Детские вещи очаровательны, особенно рубашечки. Теперь нужен рост, чтобы их заполнить.

А пирожные — напрасное баловство, *никогда* не привозите, пусть это будет в последний раз, в честь Георгия.

Целую Вас нежно.

МЦ

Р. S. Как Вам понравилась статья С<ергея> Я<ковлевича> «Церковные люди и современность»?¹

А чехи *тоже* забывают! В этом я убедилась тотчас же после Вашего ухода: в углу на ящике серый чемодан.

Или только побывавшие в России?

¹ В этой статье Эфрон писал о том, что невозможно отречься ни от старого, ни от нового в истории государства. Сравнивая Запад с Россией, он утверждал, что русским не близка секуляризованная мораль. Здесь же прозвучал

призыв автора разрушить разделяющую Россию и Запад духовную стену и научить каждого ответственности за жизнь на земле (см.: Своими путями. 1925. № 3/4).

Вшenorы, 26-20 февраля 1925 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Пе-ленки на-шлись!!! (Извещение из Пильзена¹). Но я их еще не видела, — потребовали опись, никто не знал, М-те Ч<ирико>ва² нарочно ездила в Прагу к г<оспо>же Курц³.

Теперь я смогу ответить доктору. Больше всего меня угнетало во всем этом злоключении — что я выхожу невежей. Но, помимо лирического удовлетворения, очень радуюсь вещам, верней: вещественности.

Спасибо за заботу о моей рукописи, но к этому № женского журнала я уже всё равно опоздала, — Вы говорили, к 8-му, — нужно выбрать, переписать, перевести. Пришлю, или — надеюсь — передам Вам для следующего №, может быть, вместе выберем.

А если устроите «Вольный проезд» в Cest'у⁴ — большое спасибо, я знаю этот журнал, — производит прекрасное впечатление.

Георгий растет. Ведем с ним длительные беседы⁵, причем говорю и за себя, и за него, — и — уверяю Вас — не худший метод беседы! (Приучена к нему своими мужскими собеседниками).

«Воля России» поднесла ему чудесную коляску — царскую! — (в моих устах наибольшая похвала, — не в их!). Если увидите Слонима⁶, передайте ему (сторонне, не от меня) мое восхищение: я не умею благодарить в упор, так же, как не умею, чтобы меня благодарили, — боюсь, что они все сочтут меня бесчувственной.

До свидания, надеюсь — до скорого. Приезжайте, — я всегда дома.

МЦ

Р. С. Главное забыла: есть прислуга —ходящая — родом из Теплиц⁷. Приходит ежедневно на три часа. Говорим с ней про Бетховена (Toeplitz, Beethovenhaus⁸).

¹ Пльзень (Plzeň — чеш.) — третий по величине после Праги и Оставы город в Западной Чехии.

² Чирикова Валентина Георгиевна (1875–1966) — драматическая актриса; жена Е.Н. Чирикова. С осени 1922 жила в Чехословакии,

после войны (1947) переехала к дочери в Нью-Йорк.

³ *Курцова Зденька* — выдающийся музыкант, сотрудничала с Еднотой и, по свидетельству проф. Лапшина, «оказала неоценимые услуги чешско-русскому музыкальному сближению» (*Лапшин И.* Чешско-русское сближение в области музыки // Русские в Праге 1918–1928 / Ред.-изд. С.П. Постников. Прага, 1928. С. 317).

⁴ *Cesta* (Путь) — еженедельник литературы, жизни и искусства, издававшийся в Праге поэтом, прозаиком, литературным критиком Мирославом Рутте (1889–1954).

⁵ О беседах с двухмесячным сыном М. Цветаева рассказала в письме Колбасиной-Черновой. Во время одной из таких бесед она выразила надежду, что у нее родился защитник и, хотя он эмигрант, он русский, — потому что «Россия в нас» (VI, 742).

⁶ *Слоним Марк Львович* (1894–1976) — публицист, литературный критик, переводчик; член партии эсеров. Окончил Петербургский университет. Покинул Россию в 1919, жил во Флоренции, где окончил Институт высших наук, затем в Праге и Париже, где заведовал литературным отделом в журнале «Воля Рос-

сии», в котором были опубликованы лучшие произведения Цветаевой, написанные за границей. Дружба их с разной степенью интенсивности продолжалась все время пребывания Цветаевой за границей. Позже переехал в США, где преподавал русскую и европейскую литературу; автор двухтомной истории русской литературы и многих других работ, а также воспоминаний «О Марине Цветаевой» (опубл.: Новый журнал. Нью-Йорк, 1970. № 100; 1971. № 104; МЦВС II, 90–145).

«Наступит день, — писал Слоним о Цветаевой, — когда ее творчество будет заново открыто и оценено и займет заслуженное место как один из самых интересных поэтических документов пореволюционной эпохи» (*Slonim M.* Modern Russian Literature: From Chekhov to the present. N.Y., 1953. P. 340; см. также статьи и рецензии М. Слонима в МЦКС I (по имен. указ.).

⁷ *Теплице* (Teplice — чеш.) — город на севере Чехии, в то время в нем преобладало немецкое население.

⁸ *Beethovenhaus* (Дом Бетховена — нем.) — санаторий. В Теплице Бетховен бывал дважды, в 1811 и 1812, и встретился с Гёте.

Вшеноры, 20-го апреля 1925 г.,
второй день Пасхи

Воистину Воскресе¹, дорогая Анна Антоновна!

Мое Христос Воскресе до Вас не дошло, — думая, что Вы будете в Едноте, передала через С<ергея> Я<ковлевича>, а Вас не было.

Писала Вам о нынешней (в 7 ч<асов> в<ечера>, в «Мещанской Беседе»²) «Грозе»³, где С<ергей> Я<ковлевич> играет Бориса и куда я Вас приглашала.

— Жаль. — Впрочем, за смертью родственницы, Вы навряд ли бы пошли.

С<ергей> Я<ковлевич> сейчас в городе, поэтому не могу сказать точно, в какой из дней он будет у Вас. Только прошу — письма через него не передавайте, боюсь повторения чириковского случая с пленками, тем более что он окончательно замотан «Грозой» и Пасхой и еле волочит ноги.

Приедете — привезете. Лучше так.

Очень жду Вас, у нас весна, гуляем с коляской.

Нынче мой первый выезд в Прагу за 3 месяца, — жаль, что не увидимся.

Целую Вас.

МЦ

В том письме была первая фиалка — от Али. Сейчас их — россыпи!

¹ «Воистину Воскресе» — ответ Цветаевой на традиционное приветствие «Христос Воскресе», употребляемое только в православном вероисповедании. Это значит, что Тескова поздравила М. Цветаеву первой с русской Пасхой.

² «Мещанская беседа» — общественно-политический центр пражан, где проводились

культурные мероприятия (Měšťanská beseda, Nové Město, Vladislavova 20). Его основание в 1845 было вызвано активной деятельностью множества разбросанных по городу обществ читателей, любительских музыкальных и театральных групп. Подобные центры «бесед» функционировали и в других чешских городах.

³ *Гроза* — пьеса А.Н. Островского.

Вшеноры, 3-го мая 1925 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Давайте — отложим чтение до июня, очень прошу! Как раз около 12-го будет в Праге Степун¹, мне очень хочется его послушать, а выехать два раза на одной неделе мне не удастся. (Можно ли не предпочесть другого — себе?!). К тому же я сейчас как-то очень устала, а такой вечер требует полного сосредоточения, ведь дело в *выборе* стихов, — я живу по стольким руслам! кто мои слушатели? не для себя же читаешь! (Для себя — пишешь).

Словом, моя большая просьба: *перенесем* на июнь.

Я еще не поблагодарила Вас как следует за Вашу память, доброту, заботу — благодарить легко равнодушных — и, когда сам равнодушен. Некоторые слова, произнесенные, звучат холодно и грубо, совсем иначе, чем внутри. Вот эти внутренние слова мои к Вам — как бы я хотела, чтобы я бы их не произносила, а Вы бы их всё-таки услышали!

Умилена вашим вопросом о простуде: конечно, нет: я болею только в хорошей жизни, а, может быть — *от* нее.* Есть у меня, в одной неоконченной вещи — житии Егория Храброго² — такое обращение к Егорию — волка:

«Ухитримся-ка, Егор, жить поплоче:
Удавиться нам от жизни хорошей!»

(Это я — тот волк!)

С большой радостью думаю о Вашем приезде как-нибудь на целый день, с Вами мне легко, — Вы не замечаете быта, поэтому мне не приходится ничего нарушать. Будем ходить и сидеть, а может быть — лежать даже! на траве, на горе — и говорить, и молчать.

А я Вас в прошлый раз даже не напоила чаем! Но это, отчасти, Вы виноваты: когда мне с человеком интересно, я забываю еду: свою и его. Но, по-настоящему, г<ос-по>жа А<ндрее>ва³ виновата: в таком хорошем доме *должен* быть чай. (Иначе, для чего они — хорошие дома?!).

Аля в восхищении от Ваших тетрадей. Спасибо. Целуем Вас обе, С<ергей> Я<ковлевич> шлет привет.

МЦ

Р. С. Госпоже Пуркиньевой⁴ я уже написала.

* Оттого — так редки болезни! [Здесь и далее звездочкой обозначены ремарки Цветаевой]

¹ *Степун Федор Августович* (1884–1965) — философ, писатель, публицист, литературный критик. После Октября 1917 сотрудничал в газете «Возрождение», журнале «Современные записки». В 1922 был выслан из России, жил в Германии, преподавал в религиозно-философской академии в Берлине. В мае 1925 прочел в Праге два доклада: «О старых грехах и новых задачах русской демократии» (8 мая) и «Советская и зарубежная Россия» (11 мая). С 1926 возглавлял кафедру социологии в Высшей технической школе Дрездена. Профессор Дрезденского университета, уволен в 1937 за проповедь христианства. В 1931–1939 один из редакторов журнала «Новый град» (Париж), с 1946 возглавлял кафедру русской культуры в Мюнхенском университете. Цветаева знала его еще в Москве и поддерживала с ним дружеские отношения в эмиграции. Степун отдавал Цветаевой одно из первых мест среди поэтов, он писал о переживаемой им «острой радости» при чтении ее стихов, а также о том, что «она мыслит быстрыми, смелыми бросками, прыжками, как та белка, которую уже Ницше сравнивал с творческой мыслью» (МЦКС I, 279–280; II, 16–26). Степун — автор предисловия к первому посмертному изданию прозы М. Цветаевой (Нью-Йорк, 1953).

² *Житие Егория Храброго* — незавершенная поэма-сказка «Егорушка». О Егории Храбром Цветаева знала много легенд. На создание поэмы-сказки ее вдохновила встреча с молодым красноармейцем Борисом Александровичем Бессарабовым (1897–1970). Он был влюблен в ее стихи. «Наружность: богатырская. Малиновый — во всю щеку — румянец, вихрь неистовый — вся кровь завилась! — волос, большие, блестящие, как бусы, черные глаза, прелестный невинный маленький рот, нос прямой, лоб очень белый и высокий. Косая сажень в плечах, — пара — донельзя! — моей Царь-Девнице...» — писала Цветаева Е. Ланну в январе 1921 (VI, 176).

³ *Андреева Анна Ильинична* (урожд. Денисевич, в первом браке Карницкая; 1883–1948). Вдова писателя Л.Н. Андреева (1871–1919). Покинув Россию, жила в Чехии (Вшеноры) и во Франции. Ее дружеские отношения с М. Цветаевой продолжались все время эмиграции. Уезжая из Франции в СССР, Цветаева писала Андреевой: «Спасибо за все — от Вшенор до Ванва [...] Живописнее, увлекательнее, горячее, *даровитее*, неожиданнее и, в чем-то глубоко — *НАСТОЯЩЕЕ* человека — я никогда не встречу» (VII, 657).

⁴ *Пуркиньева* (правильно: Пуркинева) — личность не установлена.

Вшеноры, четверг
[14 мая 1925 г.]¹

Дорогая Анна Антоновна,
Бесконечное спасибо за посылку! Простите за позднюю благодарность, каждый день, каждый час хотела писать — и всё некогда, некогда, некогда!
Пальму с бананами? Я удовлетворилась бы иерусалимской стеной² на солнце.
(Можно ведь и не плакать?)
Приходите завтра, в пятницу, на диспут о совр<еменной> литературе³, — буду.
В 7 ч., в Земгоре.
Целую Вас, — увидимся?

МЦ

¹ Датируется по содержанию.

² *Стена плача* в Иерусалиме — часть уцелевшей западной стены разрушенного Второго Храма, место молитв евреев.

³ Диспут *О путях русской литературы* в архиве В.Ф. Булгакова (см. о нем примеч. 9 к письму 23) обозначен датой 15 мая 1925 (В. Булгаков. LA PNP, 1 — F/94).

Вшenorы, 26-20 июня 1925 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Очень рада, что окликнули, — я уж боялась, что Вы на меня в обиде за ту коротенькую записочку в ответ на чудесную объемистую посылку. И сто раз хотела вам еще написать, — но роковое «некогда», ничего не успеваю.

Очень жду Вас во вторник с г<оспо>жой Юрчиновой¹, очень хочу, чтобы она мне понравилась (я — ей — на втором месте!).

О Pen-Club'e² расскажу — непосредственно, как всегда. Очень жалела, что Вас там не было, сидели бы вместе.

А у нас грозы, — каждый день по-две. И множество роз в саду, — грозы розам в пользу!

Жаль, что не знаю Вашего поезда, а то бы Аля встретила.

Итак, до скорого свидания!

МЦ

¹ Юрчинова Эва (Jurčipová; наст. имя и фам. Анна Веберова; 1886–1969) — чешская писательница, переводчица, близкая знакомая А. Тесковой.

² Пен-клуб (PEN, от *англ.* — Poets, Essayists, Novelists) — международное объединение ли-

тераторов, основанное в 1921 английскими писателями Дж. Голсуорси и К.Э. Даусон-Скотт (см.: Морковин В. Пражский Пен-клуб и его русские гости // Československá rusistika. 1968. № 5. S. 293–296).

Виеноры, 12-го авг <уста> 1925 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Не люблю открыток, да и Вы не любите, но письмо написать не соберешься, а открытка — всё-таки — что-то.

Где Вы и что Вы? Всё ждала от Вас весточки. Как здоровье Вашей мамы и Ваше? Что делаете, что читаете?

О нас, вкратце: С <ергей> Я <ковлевич> вот уже месяц, как в санатории (Земгорской Здравнице¹), за эту зиму потерял 18 кило, сейчас весит 62, вес костей. Аля и Георгий растут и цветут. Живем без прислуги (разбалованная мною, ушла со скандалом), с трудом, но пишу. Заканчиваю воспоминания о Брюсове². Вот бы хорошо — отрывки в *Pragerpresse*³. Не знаете ли адреса Кубки? Если бы написали ему (о Брюсове для *Prager Presse*) была бы Вам очень благодарна.

Когда возвращаетесь? Как погода? У нас круглые грозы.

Целую нежно, привет Вашей матушке и сестре⁴. От Али также поцелуй.

МЦ

Пишу в 5 ч <асов> утра, в неизменном спутнике — Вашем халате. Из причн <евого> костюма вышло мне отличное платье, все хвалят.

¹ *Земгорская здравница* — санаторий для эмигрантов из России, преимущественно больных туберкулезом. Открыта в приобретенном Земгором доме около станции Засмуки 15 сентября 1923. В 1932 объект был передан Чехословацкому Красному Кресту. Попасть сюда на лечение Сергею Эфрону помог Марк Слоним.

² *Брюсов Валерий Яковлевич* (1873–1924) — поэт-символист, прозаик, драматург, общественный деятель. Он привлек внимание молодой М. Цветаевой как один из лучших поэтов и теоретиков литературы. Для Брюсова же поэзия Цветаевой, выходящая за рамки академизма, была неприемлема. В феврале 1921 Брюсов организовал в Москве вечер поэтесс,

на который пригласил Цветаеву. Ему посвящен очерк М. Цветаевой «Герой труда» (Воля России. 1925. Кн. 9/10, 11; IV, 12–63). Брюсов неоднократно высказывался о творчестве Цветаевой (МЦКС I, по имен. указ.).

³ *Prager Presse* — пражская газ. на немецком языке (1921–1938), издательство Orbis. Неофициальный орган правительства Чехословакии, в основном Министерства иностранных дел, который информировал читателей об экономической и культурной жизни страны и ее внешней политике.

⁴ *Тескова Августа Антоновна* (Tesková; 1878–1960) — младшая сестра Анны Тесковой, родилась в Москве. Преподавательница начальной школы, автор лирических рассказов.

Вшеноры, 9-го сент <ября> 1925 г., среда.

Дорогая Анна Антоновна,

Простите за поздний отклик, сердцем я откликнулась раньше.

Бесконечное спасибо Вам за заботу, рукопись Кубке отправлена, сказал, что раз-даст ее частично. Вышло, как всегда, впятеро длинней, чем думала, вместо анекдотических записей о Брюсове-человеке — оценка его поэтической и человеческой фигуры с множеством сопутствующих мыслей. Любопытно, как Вам понравится. Задача была трудная: вопреки оттолкновению, которое он мне (не одной мне) внушал, дать идею его своеобразного величия. Судить, не осудив, хотя приговор — казалось — готов. Писала, увы, без источников, цитаты — из памяти. Но, м.б., лучше, — мог бы выйти целый том.

Живем все — С<ергей> Я<ковлевич>, Аля, Георгий, я — хорошо. С<ергей> Я<ковлевич> полтора месяца пробыл в земгорской санатории, поправился, но, увы, объявилась нервная астма, недуг неопасный, но трудно-переносимый. Аля вся в грибах и ежевике, — приедете, угостим вареньем и маринованными белыми, есть даже отдельная баночка для Вашей мамы, памятуя ее страсть к грибам.

А у меня план: проведем с Вами как-нибудь целый день — волшебный. В Праге, я приеду. Пойдем в старую часть города, в какие-нибудь места, где никто не бывает, потом в кафе, потом домой, к Вам, — музыка и стихи. Ваша мама любит Шопена?¹ Если да, буду просить ее, — мой любимый.

Осуществим непременно. Попрошу С<ергея> Я<ковлевича> посидеть, вырвусь и дорвусь до настоящей себя.

Целую Вас. Сердечный привет маме и сестре. Не забывайте.

МЦ

Коричневый костюм переделала — отличное платье.

Фазанье перо — от Али. Весь лес усеян!

¹ Шопен Фридерик (Chopin; 1810–1849) — польский композитор и пианист. Особое чувство к музыке Шопена Цветаева объясняет

любовью к нему ее матери-пианистки и своей «польской кровью» (мать поэта происходила из обрусевшей польско-немецкой семьи).

Вшеноры, 1-20 Октября 1925 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Вопрос и просьба: не могли бы Вы похранить у себя некоторое время нашу корзину с вещами? Некоторое время, потому что: либо через три месяца — вернусь, либо, если устроюсь в Париже (в чем *очень сомневаюсь*), — С<ергей> Я<ковлевич> ее мне вышлет «*petite vitesse*»¹.

Корзина большая, предупреждаю, — но, может быть, нашлось бы место в передней? Невозможно везти с собой *всё*, не зная, останешься ли. Очень попросила бы Вас поскорей сообщить мне ответ. Заграничный паспорт на днях будет, визу М<арк> Л<ьвович>² обещал достать, денег пока нет. Еду с Алей и Муром (самовольное уменьшительное от Георгия) — два взрослых билета — и виза — и перевозка — и предъездная уплата долгов... Но, раз нужно, — думаю — уеду.

Непременно хочу перед отъездом провести с Вами вечерок. Я у Вас ни разу не была, знаю, что буду жалеть об этом — не хочу жалеть *небывшего*, а радостно вспоминать *бывшее*. — Видите, как я сама к Вам в гости напрашиваюсь? —

Отъезд — предполагаемый — после двадцатого этого месяца. Как поеду — не знаю: ужасающе-неприспособлена. Не едет ли, случайно, кто-нибудь из Ваших знакомых? Не знаю, напр<имер>, как устроить с питанием Георгия? Ест он 4 раза в сутки, и ему всё нужно греть. Как это делается? Спиртовку ведь жечь нельзя. Впервые я была в Париже шестнадцати лет — одна — влюбленная в Наполеона³ — и не нуждавшаяся ни в теплой ни в холодной пище. — Сто лет назад. —

Приезжайте к нам на прощание. Я Вас нежно люблю. Вы из того мира, где только душа весит, — мира сна или сказки. Я бы очень хотела побродить с Вами по Праге, потому что Прага, *по существу*, тоже такой город, — где только душа весит. Я Прагу люблю первой после Москвы и не из-за «родного славянства», из-за собственного родства с нею: за ее смешанность и многодушие. Из Парижа, думаю, напишу о Праге, — не в благодарности, а по влечению. Издалека всё лучше вижу. И, может быть, Вы мне сообщите несколько *реальных* данных, чтобы всё окончательно не уплыло в туман. Итак, мне *очень* хочется побродить с Вами по Праге, пока еще листья есть. Во мне говорит не любитель старины, — это *тесно* и *местно*, просто — влекусь в тишину. *Очень* хотелось бы узнать происхождение: приблизительное время и символ — того пражского рыцаря⁴ нá — вернее — под Карловым мостом — мальчика, сторожащего реку. Для меня он — символ верности (себе! не другим). И до страсти хотелось бы

изображение его — (где достать? нигде нет) — гравюру на память. Расскажите мне о нем всё, что знаете. Это не женщина, и спросить можно: «сколько тебе лет?» Ах, какую чудную повесть можно было бы написать — на фоне Праги! Без фабулы и без тел: роман Душ.

Никому не рассказывайте. Ведь не знаю, напишу ли, а будут знать другие — наверно не напишу.

Не рассказывайте также о моем отъезде, т.е. о возможности моего невозвращения. И, если вернусь, помогите мне устроиться в Праге, где-нибудь на окраине, хорошо бы — неподалеку от Вас. Мы бы вместе ходили и бродили. Жизнь за-городом не в меру тяжела — даже мне. Столько лишней работы и такая дороговизна на всё, кроме жилища. Помните нашу квартиру? Сырость (уже течет!), тьма — и вот, хозяйева, удостоверившись, что можно жить, раз мы прожили целый год, повышают плату на 100 кр<он>. Итак, уже не 200 кр<он>, а 300 кр<он>. — Сама жизнь выживает. —

А.И. А<ндрее>ва тоже уезжает, сначала в Берлин, потом в Париж. Ей тоже сложно: берет с собой пока только старшего. Но с деньгами — легче.

Думаю, уедет раньше меня.

Дорогая Анна Антоновна, сообщите, пожалуйста, адрес г<оспо>жи Юрчиной, она мне два раза писала открытки, но всё без адреса. Кроме того, у нее или у ее знакомой переводчицы — все мои книги и вырезки из газет, хочу знать, что с ними случилось.

Целую Вас нежно и жду письма.

МЦ

¹ Малой скоростью (*фр.*).

² М.Л. Слоним.

³ *Наполеон I* (Napoléon Bonaparte; Наполеон Бонапарт; 1769–1821) — полководец и государственный деятель, император Франции (1804–1814). Культ Наполеона для юной Цветаевой был одним из глубоких ее увлечений.

⁴ *Пражский рыцарь Брунцвик* (Brunčvík) — статуя, стоящая на одной из мостовых опор (на малостранском берегу) почти «под Карловым мостом», как писала М. Цветаева. Была уста-

новлена в XV в., разрушена во время войны со Шведами в 1648 и реконструирована скульптором Людвиком Шимеком (1837–1886) в 1884. Цветаева посвятила статуе стихотворение «Пражский рыцарь». Чешский Брунцвик заинтересовал и писателя А. Ремизова (см.: *Грачева А.* Легенда о чешском короле Брунцвике: Вариант Алексея Ремизова // *Rossica*. 1998–1999. № 2. С. 115–122). Об А.М. Ремизове см. примеч. 4 к письму 53.

6-го Октября > 1925 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Радуюсь Вашему отклику.

Насчет Парижа: еду не в Париж (не люблю *залибленных* мест, как *залибленных* людей: всегда подозрительно!) а, вообще, еду, — надо же куда-нибудь! А в Париж — потому что там мне обещают устроить выступление (заработок) и — потому что там друзья. У меня их мало.

Здесь прожила не год, а целых полтора — безвыездно. Не забывайте, что это не Прага — и даже не деревня, а крохотное провинциальное местечко, душное, как долина, где расположено. И слишком много черной работы, — мысль не тупеет, но чувства — спят.

Завтра Муру прививают оспу, во Вшенорах, за исключением поездки к франц<узскому> консулу (виза) буду безвыездно. *Очень* жду Вас, напишите — когда. Сердечный привет Вам и Вашим.

МЦ

[Одна строчка зачеркнута]

Простите за грязный лист, — не в моих привычках, — но осознанная вина — пол-вины!

Ехать думаю по окончании Муркиной оспы, — в последних числах этого месяца.

Спасибо за усыновленную корзину.

26-го Октябрю 1925 г., понедельник

Дорогая Анна Антоновна,

Ради Бога — сегодня же передайте это письмо г<оспо>же Юрчиновой. Денег из Парижа до сих пор нет, ехать мне 31-го, в субботу, необходимо. Иначе я остаюсь без квартиры (1-го уже въезжают) и без провожатых (31-го уезжают в Париж г<оспо>жа Андреева с сыном). Положение трагическое.

Я прошу г<оспо>жу Юрчинову одолжить мне эту тысячу крон. 15-го ноября, на Сокольской ул<ице>, в Земгоре, у г<осподи>на Заблоцкого¹ она их получит. Если парижские деньги придут — получит раньше. Объясните ей, что эти деньги — верные, мое ежемесячное чешское иждивение².

Просить мне не у кого, может быть она соберет среди знакомых. За день за два (в крайнем случае в пятницу) необходимо взять билеты. Поезд уходит в субботу, 31-го, в 10 ч<асов> 45 мин<ут> с Вильсонова.

Если ничего не изменилось, завтра у Вас будет Аля. Может быть через нее уже можно будет узнать ответ.

Спасибо Вам, и Вашей матушке, и сестре за чудесный день. Я Вашу матушку не поблагодарила тогда за игру, — это не значит, что я ее не почувствовала. Ей ведь тогда не хотелось играть Шопена, а она играла, — это меня вдвойне тронуло. Пристрастие мое к Шопену объясняется моей польской кровью, воспоминаниями детства и любовью к нему Жорж Санд³.

Целую Вас нежно. Убедите г<оспо>жу Юрчинову, что я не аферист и к деньгам, а главное — к просьбам о них — отношусь с отвращением. (Потому их у меня никогда и нет).

До свидания — через Алю — до завтра.

Любящая Вас

МЦ

¹ *Заблоцкий Михаил Лазаревич* (1861–1944) — юрист, адвокат, член правления пражского Земгора, преподаватель Русского юридического факультета в Праге. Член Комитета по улучшению быта русских писателей и жур-

налистов (КУБ), дела которого фактически вел один — отчетность, переписку и т. п.

² Чехословацкая Республика дружески приняла эмигрантов из России. С 1921 функционировала «Русская акция» — организация

помощи гражданам России. Им предоставлялись займы, возвращение которых откладывалось на далекое будущее. Чехословацкое правительство субсидировало КУБ. Документы комитета хранятся в РГАЛИ (Ф. 1568. Оп. 1. Д. 198). М. Цветаева получала ежемесячно сначала 1000, позже, когда семья уехала во Францию, — 500 чехословацких крон.

³ *Санд Жорж* (Sand; 1804–1876; наст. имя и фам. Аврора Дюпен (Dupin), в замужестве — баронесса Дюдеван) — французская писательница. Автор очерков о Гуситском движении в Чехии (о Яне Жижке и Прокопе Великом).

Вшеноры, 28-го Октяб<ября> 1925 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Аля от Вас вернулась — как из сказки. Конечно, Ваш дом — зачарованный, жилище не трех душ, а — Души. И душам в нем — «дóма». Остальные же пусть не ходят.

И — очаровательное внимание души к телу — спасибо за чудесный чай с таким чудесным названием и в такой чудесной обертке, за шоколад из времен Гомера, за напоминающие детство — сухари. Спасибо за всё.

Деньги беру и ими спасаюсь. Сегодня телеграмма из Парижа — раньше 12-го не могут. А ехать нужно — не всё налажено, а всё разлажено — разложено — жить в состоянии отъезда невыносимо.

Мур вчера нас сильно испугал: сильный жар, сонливость. Сегодня был доктор, предписал диету. Но сегодня ему (тьфу, тьфу, не взглянуть!) уже лучше — еще два дня на поправку — и авось —

Андрею ждут, но ее всё нет. Боюсь, что не дождемся.

Если в субботу не удастся — известим. Но пожелайте (верю в добрую волю), чтобы удалось. И приходите на вокзал — непременно. Если будут другие — всё равно. Знайте, что Вы и Ваша семья — те пол-дня у Вас — лучшее, что я оставляю в Праге.

Целую нежно. Благодарность, привет и любовь всем.

МЦ

[Письмо Ариадны Эфрон]

Вшеноры, 28 октября 1925 года

Дорогие Анна Антоновна и Августа Антоновна!

Страшно Вам благодарна за вчерашний день, так чудно у вас проведенный. Огромное спасибо от всех за чудесные сухарики, чай и шоколад. Вчера у Мура, когда я приехала, был сильный жар, сегодня ему лучше, и доктор сказал, что это оттого, что у него режутся зубки. Если он поправится к субботе, то скорее всего поедет 31 октября, в субботу, в 10 ч <асов> 45 м <инут> с Вильсонова вокзала. Придете? Мама очень обрадовалась легенде о рыцаре, в Париже о нем напишет. Мне, по предсказанию Ав-

густы Антоновны, всю ночь снился Чаплин¹, наши прогулки вокруг средневековой церкви и по Праге. Как теперь относится Муцик [кот] к граммофону?

Как он тогда пятился и выставлял ушки!

Вот обещанный мамин рыцарь Брунsvик²:

Рыцарь на мосту

Блédно-лицый
Страж над плеском века,
Рыцарь, рыцарь,
Стережущий реку.

(О найду ль в ней
Мир от губ и рук?!)
Ка—ра—ульный
На пути разлук.

Клятвы, кольца...
Да, но камнем в реку —
Нас-то — сколько
За четыре века!

В воду пропуск
Вольный! — Розам цвeсть!
Бросил — брошусь!
Вот тебе и месть!

Не устанем
Мы — доколе страсть есть!
Мстить мостами.
Широко расправьтесь,

Крылья! — В тину,
В пену — как в парчу!
Мосто-вины
Нынче не плачу.

— «С рокового мóсту
Вниз — отважься»
Я тебе по росту,
Рыцарь пражский!

Сласть ли, грусть ли
В ней — тебе видней,
Рыцарь, стерегущий
Реку дней.

Вот мамин стих о Брунсвике. Как Вам нравится?
Ну, нужно кончать. Привет Вам и Вашей милой матушке.
Целуем вас крепко.

Ваша Аля

«Мур» машет ручкой.

¹ *Чаплин Чарлз Спенсер* (Chaplin; 1889–1977) — американский актер, кинорежиссер, сценарист, создатель трагикомического образа «маленького человека».

² Правильно: *Брунцвик. Цветаева М.* Пижский рыцарь. Опул.: После России. Париж, 1928. С. 122 (II, 228).

Париж, 7-го дек<абря> 1925 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Узнаю из письма С<ергея> Я<ковлевича>, что Вы до сих пор от нас ничего не получали. Мы написали Вам с Алей тотчас же по приезде, т.е. на второй день, с подробным описанием дороги, видов, чувств, спутников, разговоров. О последней Чехии — мимолетной Германии — первой Франции. Обо всем.

Потом ждали ответа, потом устраивались, потом я, не отрываясь, дописывала к сроку две последние главы своей поэмы «Крысолов»¹ («Воля России»). Вторично написать не собралась не по отсутствию желания, но по абсолютной занятости: я в Париже месяц с неделей и еще не видела Notre-Dame!²

До 4-го декабря (нынче 7-ое) писала и переписывала поэму. Остальное — как во Вшенорах: варка Мурке каш, одеванье и раздеванье, гулянье, купанье — люди, большей частью не нужные — бесплодные хлопоты по устройству вечера³ (снять зал — 600 фр<анков> и треть с дохода, есть даровые, частные, но никто не дает. Так уже три отказа). Дни летят.

Квартал, где мы живем, ужасен, — точно из бульварного романа «Лондонские трущобы»⁴. Гнилой канал, неба не видать из-за труб, сплошная копоть и сплошной грохот (грузовые автомобили). Гулять *негде* — ни кустика. Есть парк, но 40 мин<ут> ходьбы, в холод нельзя. Так и гуляем — вдоль гниющего канала.

Отопление газовое (печка), т. е. 200 франков в месяц.

Как видите — мало радости.

Мурку достали коляску (своей не взяли — и зря). Но он из нее уже вырос. Необходима кроватка, а кроваток с *сеткой*, как в России и Чехии, здесь нет, сплошь металлические. Обходили весь Париж — таких не делают. Мур о металлические брусья разобьет себе голову, не куплю ни за что. А коляска мала, мелка, он всё время из нее вывешивается. Стоит только раз расстегнуться поясу (кожаных, как у кубковского мальчика, здесь нет, — наш матерчатый, от платья) — и он кувыркнется.

И вот, просьба, дорогая Анна Антоновна, — не могли ли бы Вы, совместно с Серрежей, купить где-нибудь подержанную детскую кроватку от *здорового* ребенка. (Новую везти нельзя и, боюсь, дорого). Или — без матраса — новую, с сеткой, крепкую и не слишком маленькую. Матрас выдаст себя новизной и придется платить пошлину. С<ергей> Я<ковлевич> 15-го получает иждивение, если у него сейчас нет денег — одолжите ему. Думаю, не так дорого. Кроватку хотела бы не шаткую, *не* поломанную.

С<ергей> Я<ковлевич> в 20-х числах едет к нам, взял бы с собой в багаж. А то — я прямо не знаю, как быть.

Еще: может быть можно было бы достать у г<оспо>жи Юрчиновой какое-нибудь темное платье мне, для вечера. Никуда не хожу, п.ч. нечего надеть, а купить не на что. М.б. у нее, как у богатой женщины, есть лишнее, которого она уже не носит. Мне бы здесь переделали. Если найдете возможным попросить — сделайте это. Меня приглашают в целый ряд мест, а показаться нельзя, п.ч. ни шелкового платья, ни чулок, ни лаковых туфель (здешний — «uniforme»). Так и сижу дома, обвиняемая со всех сторон в «гордости». С<ергею> Я<ковлевичу> об этой просьбе не говорите, — пишу ему, что у меня всё есть. А платье, если достанете, передайте — «посылает такая-то».

Мур большой, — 6 зубов, — веселый, тихий. Говорит «мама» (осмысленно) и очень явственно: «дда!». Ко мне очень привязан.

Целую нежно Вас, Вашу чудную маму и Августу Антоновну. Как Вы могли подумать, что мы Вам ни разу не написали?!

МЦ

¹ *Крысолов* — поэма М. Цветаевой, большая часть которой написана в Чехии, во Вшенорах, окончена в ноябре 1925 в Париже. Опубл.: Воля России. 1925. № 4–7/8, 12; 1926. № 1 (III, 51–108).

² *Notre-Dame* (полное назв. *Notr Dame de Paris*) — собор Парижской Богоматери.

³ Первый творческий вечер М. Цветаевой в Париже, организованный Союзом молодых

поэтов и писателей, состоялся только 6 февраля 1926 в зале Союза по адресу: 79 rue Denfert-Rochereau (XIVe). Эмигрантская пресса назвала его литературным событием года.

⁴ Имеется в виду, по-видимому, роман Томаса Бимса «Лондонские трушобы».

[Письмо Ариадны Эфрон]

Париж, 7 декабря 1925 года

Дорогая моя Анна Антоновна!

Очевидно, Вы не получили нашего большого письма, которое мы Вам написали на второй день по приезде, мы все ждали ответа, думая, что Вы очень заняты, а написать второй раз не было времени.

Мама совсем тут выбилась из сил, утром совсем почти не успеваешь писать, потому что надо готовить «Мурру» его ишку¹, потом его кормить, потом умываться, одеваться, не забыть подложить в камин, не забыть вымыть и переодеть Мура, не забыть вскипятить молоко, вымыть бутылочки, не пропустить часа Мурино кормления.

И таких «не забыть», увы, очень много. Потом обед. После обеда два часа гулять с мальчиком, потом его покормить, тут немного надо посидеть с Черновыми, очень милыми людьми, у которых мы и живем. Потом только мама соберется писать, непременно кто-нибудь да приходит, и значит, маме опять не писать, а разговаривать с пришедшим. Потом вечером нужно идти по какому-нибудь делу, и так весь день пропадает, потом мама ложится поздно, встает очень рано, и совсем не высыпается. Я хоть маме и помогаю, но не могу же я, например, гулять с «Муром»! Ведь это Париж, а не Вшеноры, автомобилей тут много. Бедной маме очень трудно. Один только Мур цветет, но увы, совсем вырос из коляски, голова и ноги не помещаются. Значит, необходима кровать, но тут кровати без сеточки, а с деревянными или железными брусками, так что ребенок каждую минуту ударяется головой.

Я в Париже уже кое-что видела: была на выставке декоративных искусств, в огромном магазине «Aux Galeries Lafayette»², где уже выставлены игрушки на Рождество, потом видела чудесный храм Notre Dame de Paris, с грозными химерами, изрыгающими воду во время дождя, с огромными окнами из цветных стекол, шуршащими шагами молящихся старух в черных старомодных платьях и салопях, белые фигуры святых в холодном, строгом сумраке. Была еще в кинематографе на чудесной собаке — волке «chien-loup Rin-tin-tin»³ и часто бывала на больших улицах Парижа, освещенных, громких и многолюдных.

Мне жалко, что нам не удалось почти ничего осмотреть с Вами и Августой Антоновной, но когда мы вернемся обратно, тогда будем ходить по Праге вместе, хорошо?

Что делает Ваш милый Муцик? Играли ли на граммофоне при нем? Я часто его вспоминаю, и нам не удалось с ним ближе познакомиться.

Один раз, проходя мимо большого грязного двора, увидела кур, и страшно обрадовалась, ведь со Вшенор я не видела ни одной курицы!

Целую крепко Вас, Августу Антоновну, и Вашей милой матушке поцелуй и приветы от всех нас и «Мурра».

Наш адрес: Paris, 19 arr. Rue Rouvet, 8. Chez Madame Tchernoff⁴.

Целую еще раз,

Ваша Аля

¹ Йишка (*jiška* — чеш.) — мука, поджаренная на масле. Заварив ее кипятком, чешские матери кормят детей.

² Галери Лафайет — знаменитый универмаг в центре Парижа.

³ Фильм «Собака-волк Рин-тин-тин».

⁴ Париж, 19-й округ, ул. Рувэ, 8, у мадам Черновой — первый адрес М. Цветаевой в Париже. К Рождеству 1925 приехал С.Я. Эфрон.

Париж, 19-го декабря 1925 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Поздравляю Вас с наступающим Рождеством¹. Волшебный город — Прага: там всё подарочно, всё ёлочко. Здесь (нынче 19-ое) ёлкой и не пахнет, в самом настоящем смысле слова. Ёлка считается германским обычаем, большинство ограничивается сжиганием в (дымящем!) камине — «*bûche de Noël*»². Подарки к Новому Году, в туфлю. — И всё. —

Выставки великолепны и — потому — холодны. Жалею детей, соблазняемых всеми окнами. Не отсюда ли — раннее разочарование?

С моим вечером дело, пока, не двинулось. Живу на окраине, ни с кем не вижусь, у наших хозяев³ у самих забот по горло. Не Париж, а Смихов, только гораздо хуже: ни пригорка, ни деревца, сплошные трубы.

Есть мечта переехать в Версаль, но от меня *ничего* не зависит. Кроме того, одна из дочек моей приятельницы, у которой гощу, очень озлоблена и завистлива. Покупаю Але фартук, и она, под видом шутки: «Какие все счастливые! У всех всё новое, только у меня одной...» и т.д. А у нее у самой полный шкаф платьев. Просто завистливые глаза. (*Завидовать — мне!*).

Это, конечно, мелочь, но в такой стесненной, скученной жизни каждое лыко в строку. *Ненавижу гостить*.

Другое горе: нет своей комнаты. Человек приходит ко мне — должен сидеть со всеми. Так было недавно с одной моей знакомой, приехавшей из России. А на людях — я не я, то есть тоже я, но не *основная*. Врожденная воспитанность заставляет направлять разговор на *общие* темы, — неинтересные никому. И человек *меня* не видит. Как я — его.

Но всё это — частность. Самое неудобное — жизнь вообще. Не нравится. То есть то́, как, пока жила. Может быть — на Востоке, но на Востоке мне не бывать.

Ах, как надоело *каждое* утро вставать — и еще так рано!

Муру 10½ мес<яцев>. Шесть зубов, волосы подростли. Немножко стоит, но не твердо, он вообще не торопится. (Аля говорит: «медленно, но верно!»). Ходит в чудном белом вязаном платьице и коричневых башмачках — подарки г<оспо>жи Кра-тохвиловой⁴. — Вы ее не знаете? — Получила вещи с оказией, страшно трогательно.

Очень много работаю. Только что сдала в «Дни» и «Последние Новости»⁵ рождественскую прозу⁶. Просмотрите рождественские номера.

24-го ждем С<ергея> Я<ковлевича>. Хочу, чтобы по крайней мере ему Париж пошел впрок. Ведь есть что поглядеть!

Не была даже в Notre-Dame, — не с кем (одна путаюсь) и нет времени. Вот с Вами бы пошла! А с какими-то барышнями — не хочется.

Читали ли отзыв в «Днях» о «Ковчеге»?⁷ И как встречен «Ковчег» чехами? Напишите. Интересно.

Вспоминаю Вас и Вашу милую семью с неизменной нежностью и любовью. Посылаю г<оспо>же Юрчиновой поздравительную открытку по Вашему адресу. Целую нежно. Не забывайте.

МЦ

¹ Рождество празднуется по Григорианскому календарю всеми христианами, за исключением православных, 25 декабря.

² Рождественское полено (фр.).

³ М. Цветаева по приезде в Париж с ноября 1925 по апрель 1926 жила в квартире О.Е. Колбасиной-Черновой. Там жили также ее дочери Ариадна (в замужестве Сосинская; 1908–1974) и Наталья (в замужестве Резникова; 1903–1992), приходила жившая с мужем Ольга (в замужестве Андреева; 1903–1979).

Колбасина-Чернова Ольга Елисеевна (1886–1964) — жена политического деятеля Виктора Михайловича Чернова (1873–1952). Автор «Воспоминаний о советских тюрьмах» (Париж, 1922) и «О Марине Цветаевой» (Мосты. Мюнхен, 1970. № 15; МЦВС II, 72–83).

⁴ *Кратохвила* — личность точно установить не удалось. Возможно, речь идет о супру-

ге писателя Ярослава Кратохвила (1885–1945).

⁵ *Последние новости* — ежедневная русская газета, выходившая в Париже в 1920–1940 под ред. П.Н. Милюкова (о нем см. примеч. 6 к письму 29).

⁶ М. Цветаева имеет в виду дневниковые записи «О любви» (см. примеч. 10 к письму 5) и «Из дневника» (опубл.: *Последние новости*. 1925. 29 декабря; IV, 488–496).

⁷ *Ковчег* — сборник Союза русских писателей в Чехословакии, издававшийся под ред. В.Ф. Булгакова, С.В. Завадского и М.И. Цветаевой (Прага: Пламя, 1926). Отзыв на сборник, подписанный инициалами «С. К.», появился в воскресном номере «Дней» 20 декабря 1925. Письмо же написано 19 декабря. Объяснить это можно тем, что Цветаева дописала письмо Тесковой позже, после выхода газеты.

[Письмо Ариадны Эфрон]

Париж, 19 декабря 1925 года

Дорогая Анна Антоновна!

Получили Ваше неоконченное письмо, спасибо! Я узнала сейчас же на конверте Ваш почерк, и очень мы с мамой обрадовались. Близится Рождество, ждем папу к со-

чельнику¹ (24) сюда. Я страшно беспокоюсь, что а вдруг приехать не успеет и на елку опоздает? А у меня всем уже есть подарки: маме — рубашка, которую сама сшила, с мережкой и вышивкой, папе — полдюжины платков (сама метила) и «Мурру» — очень миленького игрушечного баранчика, беленького, с голубенькой ленточкой. Вчера я была в «Воп-Marché»², огромном магазине, меня туда взяла с собой знакомая барышня. Видела там выставку праздничных игрушек — кукол, плиты и кастрюли для девочек, лошадей и оружие для мальчиков и мячики, и прыгалки для всех. Поразило меня особое отделение механических игрушек, — автомобили, поезда, автобусы, лодки, ходящие, бегущие, брыкающиеся, бодающиеся, стучащие, топающие, танцующие — лошади, ослы, собаки, какие-то неопределенные фигуры и всевозможные куклы, еще тигры, львы, гиппопотамы, даже страшно становится, если вдруг это все сдвинется с места!

Как живется всем вам в Праге? Наверное, много дел и забот! Будет ли у Вас елка? Мы уже для своей елки украшения делаем, под руководством одной из барышень, которая это дело знает очень хорошо.

Мне жалко, что кончается 1925 год и что наступает новый! Насколько старый год благороднее и лучше!

Но желаю Вам хорошего Рождества, веселого и счастливого Нового года!

Целую крепко Вас, Вашу милую маму и сестру, и целую Муцика в серую мордочку и розовый носик!

Пишите, ждем Ваших писем!

Еще раз поздравляю с наступающими праздниками!

Ваша Аля

¹ Сочельник — канун Рождества Христова.

² Букв.: дешевый рынок (*фр.*).

Париж, 30-го декабря 1925 г.

С Новым Годом, дорогая Анна Антоновна!

Мне живется очень плохо, нас в одну комнату набито четыре человека, и я совсем не могу писать. С горечью думаю о том, что у самого посредственного фельетониста, даже не перечитывающего — что писал, есть письменный стол и два часа тишины. У меня этого нет — ни минуты: вечно на людях, среди разговоров, неустанно отрываемая от тетради. Почти с завистью вспоминаю свою службу в советской Москве¹, — на ней написаны три моих пьесы: «Приключение»², «Фортуна»³, «Феникс»⁴ — тысячи две стихотворных строк.

Я не люблю жизни как таковой, для меня она начинает значить, т.е. обретает смысл и вес — только преображенная, т.е. — в искусстве. Если бы меня взяли за океан — в рай! — и запретили писать, я бы отказалась от океана и рая. Мне вещь *сама по себе* — НЕ НУЖНА.

Спасибо за привет и ласку. И чудное платье — чье? Читали ли Вы в «Днях» мое «О Германии»⁵ и узнали ли меня в такой любви?

Здесь много людей, лиц, встреч, но всё на поверхности, не затрагивая. С <ергей> Я <ковлевич> очарован Парижем, — я его еще не видела. И, пока, предпочитаю Прагу, ее — несмотря на шум, а может быть, — сквозь шум — тишину.

Целую нежно Вас и Ваших. Страшно не нравится жить.

МЦ

— Пояс чудный, — настоящий спасательный круг! Муру 1-го — 11 месяцев. Покупаю платья на 2 года — такой большой.

¹ В 1918–1919 Цветаева служила в Народном комиссариате по делам национальностей. Об этом ее мемуарная проза «Мои службы» (IV, 451–475).

² *Приключение* — пьеса Цветаевой о молодом Джакомо Казанове. Оpubл.: Воля России. 1923. № 18/19 (III, 458–498).

³ *Фортуна* — пьеса, посвященная судьбе известного французского политического и военного деятеля Армана-Луи Бирона-Гонто, герцога Лозена (1747–1793). Оpubл.: Современные записки. 1923. № 14, 15 (III, 373–414).

⁴ *Феникс* — пьеса о Казанове-старике. В 1922 московское частное издательство «Со-

звезде» выпустило в свет только третье действие пьесы под названием «Конец Казановы. Драматический этюд». Полностью опубликовано: Воля России. 1924. № 8/9 (III, 499–573).

⁵ Эссе *О Германии* — фрагменты из дневника 1919. Опубли.: Дни. 1925. 13 дек. (IV, 543–554).

[На обратной стороне письма — приписки Ариадны и Сергея Яковлевича]

Дорогая Анна Антоновна!

Получила Ваше милое письмо и чудные конфеты — таких тут нет. Этот пакетик мне положили под елку, и я ему очень обрадовалась. Поздравляю Вас, Вашу маму и сестру с Новым Годом. Завтра последний день бедного старого, 1925-го! Мне его очень жаль, лучше бы и не кончался. Здесь погода совсем не зимняя, теплый ветер, изредка теплый дождь. Не похоже ни на Рождество, ни на Новый Год. Скучаю по чешским снегам и морозам. Снег тут был один только раз, и газеты писали, что было много несчастных случаев: множество народу замерзло. Парижане как птицы — от всего гибнут!

Желаю всего лучшего к Новому Году. Целую крепко.

Ваша Аля

С Новым Годом, дорогая Анна Антоновна!

Передайте мои поздравления и лучшие пожелания Вашей сестре и матушке. Я перед Вами страшно виноват: подарок Марине довез, а письмо забыл в кармане костюма, оставшегося в Праге. Не сердитесь на меня очень, — в последний день в Чехии я носился ураганом.

Сердечный привет.

Душевно Ваш С. Эфрон

[Открытка с репродукцией: May. Boating party; archery. British Museum¹]

Лондон, 24-20 марта 1926 г.

Дорогая Анна Антоновна! Привет Вам и Вашим из Лондона², где вот уже две недели. Это первые мои две свободные недели за 8 лет (4 советских, 4 эмигрантских) — упиваюсь. Завтра еду обратно. Рада, но жаль. Лондон чудный. Чудная река, чудные деревья, чудные дети, чудные собаки, чудные кошки, чудные каминьы и чудный Британский Музей. Не чудный только холод, наносимый океаном. И ужасный переезд. (Лежала, не поднимая головы). Написала здесь большую статью³. Писала неделю, дома бы писала 1½ месяца. Сердечный привет Вам и Вашим. Люблю и помню.

МЦ

¹ Надпись на открытке: Май. Компания на лодке; стрельба из луков. Британский музей (англ.).

² М. Цветаева ездила в Лондон по приглашению князя Д.П. Святополка-Мирского (см. о нем примеч. 6 к письму 32). Была там с 10 по 25 марта 1926 и выступила на двух литературных вечерах.

³ М. Цветаева написала отзыв на книгу О.Э. Мандельштама «Шум времени» — «Мой

ответ Осипу Мандельштаму». Резкий тон статьи был неприемлем ни для «Вёрст», ни для «Воли России», и она оставалась долгие годы неопубликованной. Опубл.: Марина Цветаева (1892–1992) [Симпозиум, посвященный 100-летию со дня рождения]. Нортфилд, Вермонт, 1992 (V, 305–316).

Мандельштам Осип Эмильевич (1891–1938) — русский поэт, с которым Цветаеву в молодости связывала горячая дружба.

[Открытка, на лицевой стороне фотография:
La Vendée Maraichine, Intérieur de Bourrine']

9-го мая 1926 года

Запоздалое Христос Воскресе, дорогая Анна Антоновна! (Сейчас последний день нашей русской Пасхи).

Я уже две недели как в Вандее, одна с детьми, С<ергей> Я<ковлевич> очень занят новым журналом «Вёрсты»².

Прочтите, пожалуйста, мою статью «Поэт о критике» во второй книге «Благонмеренного»³ (только что вышла), за которую меня дружно травят: Адамович⁴, Осоргин⁵, А. Яблоновский⁶ и даже Петр Струве⁷, которого, впрочем, еще не читала. «Laisser dire»⁸ — вот что написано над дверью одного из здешних рыбацких домиков. То же говорю и я.

Дорогая Анна Антоновна, мне очень нужен весь мой материал (книги и вырезки), взятый у Кубки г<оспо>жой Юрчиновой. Как ее адрес?

Мой: St. Gilles-sur-Vie (Vendée)

Avenue de la Plage

Ker-Edouard

Целую Вас и Ваших. Всего доброго. Где будете летом?

Спасибо за рыцаря. Такая радость.

МЦ

¹ Вандея Марешин. Интерьер деревенского дома (*фр.*).

² Журн. *Вёрсты* был основан кн. Д.П. Святополком-Мирским, П.П. Сувчинским (см. о нем примеч. 3 к письму 30) и С.Я. Эфроном при участии А.М. Ремизова, М.И. Цветаевой и философа и писателя Л. Шестова. Из-за недостатка средств вышли только три номера — в 1926, 1927 и 1928. Зинаида Гиппиус (см. о ней примеч. 13 к письму 84) писала: «В журнале “Вёрсты”, хотя он и зарубежный, сотрудников-эмигрантов почти нет. Кроме ру-

ководителя, двух-трех “ближайших участников” (главные — Цветаева и Ремизов) да нескольких евразийцев, в журнале печатаются исключительно советские писатели, сотрудничающие в Красных Невах, Красных Огоньках, Лефах, На Постах и других коммунистических изданиях» (*Антон Крайний*. О «Вёрстах» и о прочем // Последние новости. 1926. 14 авг.). Как ни несправедлива была критика, 3-й номер журнала начинался с ответа на нее: «Третья книга Вёрст отличается от двух первых отсутствием перепечаток из советской ху-

дожественной литературы. Эти перепечатки [...] сыграли свою роль в обращении эмигрантского читателя “лицом к России”. [...] В Москве, а не в Париже пролегает главное русло современной литературы». И в том же номере читаем: «Мы пойдем и простим нынешнее лютное озлобление З. Гиппиус и без гречи, с благоговейной грустью обратимся к тем ее созданиям, которые дали ей непоколебимое место в пантеоне русского творчества» (Зинаида Гиппиус // Вёрсты. 1928. № 3. С. 142).

³ *Поэт о критике*. Опубл.: Благонамеренный. Брюссель, 1926. № 2 (V, 274–304). Два номера этого журнала под ред. кн. Д.А. Шаховского (см. о нем примеч. 7 к письму 24) вышли в свет в Брюсселе в 1926.

⁴ *Адамович Георгий Викторович* (1892–1972) — поэт, литературный критик, переводчик, эмигрировал в 1923. Автор нескольких сборников стихов, в том числе «Чистилище» (1922), посвященного французскому поэту Андре Мари Шенье, казненному якобинцами, что перекликалось с недавним расстрелом поэта Николая Гумилева. В эмиграции Адамович был ведущим литературным критиком (журн. «Звено», «Современные записки», «Встречи», «Русские записки», газ. «Последние новости» и др.). Своими главными оппонентами считал большевиков, превративших, по его мнению, искусство в государственное «полезное дело», таким образом «насилая саму сущность искусства». Адамович откликался на все публикации Цветаевой, поначалу высказывая «несочувствие Цветаевой-литератору [...] полную, глубокую и бесповоротную... неприемлемость» ее творчества (*Адамович Г.* Литературные беседы // Звено. 1927. № 2. С. 68–69). Но узнав ее ближе, убедился, что Цветаева — истинный и даже редкий поэт (МЦКС I, 358). См. другие статьи и рецензии Г. Адамовича там же. Цветаева в статье «Поэт о критике» с приложением подборки цитат из Адамовича «Цветник» отрицательно оценила Адамовича-критика. Позже ее отношение к нему изменилось: перед отъездом в СССР она записала стихотво-

рение Адамовича, которое кончается четверостишием:

Был дом, как пещера. И слабые, зимние
Зеленые звезды. И снег, и покой...
Конец. Навсегда. Обрывается линия.
Поэзия, жизнь! Я прощаюсь с тобой.

И добавила: («Чужие стихи, но [...] могли быть моими. МЦ»). См.: *Марина Цветаева — Георгий Адамович: Хроника противостояния*. М., 2000.

⁵ *Осоргин Михаил Андреевич* (наст. фам. Ильин, 1878–1942) — прозаик, переводчик, литературный критик, журналист, мемуарист. В 1922 выслан из Советской России на так называемом философском пароходе. Жил в Берлине и Париже, член Союза русских писателей и журналистов, редактор литературного отдела газ. «Дни». В его статьях о Цветаевой «Поэт Марина Цветаева» (Последние новости. 1926. 21 янв.), «Дядя и тетя» — о публикациях Ремизова и Цветаевой в «Благонамеренном» (Там же. 29 апр.), «По полям словесным» — о реакции Цветаевой на смерть Р.М. Рильке (Там же. 1927. 28 июля.) преобладает негативное отношение к творчеству Цветаевой (МЦКС I, 207–210, 247–252).

⁶ *Яблоновский Александр Александрович* (1870–1934) — беллетрист, фельетонист, критик, сотрудник газ. «Руль», «Возрождение», «Сегодня». Председатель Совета объединенного Зарубежного союза русских писателей и журналистов. Яблоновский часто выступал с критикой творчества Цветаевой (МЦКС I, 266–270).

⁷ *Струве Петр Бернгардович* (1870–1944) — общественный и политический деятель, экономист, социолог, литературный критик, журналист, мемуарист. Окончательно в эмиграции с 1920 (Константинополь, София, Париж, Прага, Белград). Редактор журн. «Русская мысль», газ. «Возрождение», «Россия», «Россия и славянство», член пражского и белградского Союза русских писателей и журналистов (МЦКС I, 270–272).

⁸ Пусть говорит (*фр.*)

[Открытка Ариадны Эфрон. На лицевой стороне фотография:
St-Gilles-sur-Vie (Vendée)¹]

St. Gilles-sur-Vie, 5 мая 1926 года

Христос Воскресе!

Дорогая Анна Антоновна, спасибо Вам за письмо и чудного Рыцаря. Я его передала маме, он ей очень понравился. Мы живем в маленьком рыбацком городке — Saint-Gilles-sur-Vie. Океан еще мрачен, дует ветер, и пляж нелюдим, еще нет праздных дачников и нарядных дачниц, и поэтому тут очень хорошо.

Вот наш адрес: St. Gilles-sur-Vie (Vendée) Avenue de la Plage Ker-Edouard².

Наши хозяйка — волшебные старичок со старушкой — она ходит в старинных чепцах. У них в комнате все стены завешаны календарями от 1884 года и вырезками из модных журналов от 1842 года. Весь этот городок живет старинной жизнью.

Целую Вас крепко,

Ваша Аля

Целую крепко Вашу маму и сестрицу, кланяюсь коту.

¹ Сен-Жиль-сюр-Ви (Вандея).

² Авеню де ла Плаж, Керр-Эдуар (*фр.*).

St. Gilles-sur-Vie, 8-20 июня 1926 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Ваше письмо было для меня большой радостью и поддержкой. Самая большая редкость — чистый подход к вещи, вещь и ты, — так Вы подошли к моему «Поэт о критике».

Статья написана *просто* (это не значит, что я над ней не работала, — простота дается не сразу, сложность (нагроможденность!) легче!), читалась она предвзято. Один из критиков отметил, что я свою внешность считаю прекрасной (помните о красоте и прекрасности?) — я, которая вообще лишена подхода к какой-либо внешности, для которой просто-внешности (поверхности, самого понятия ee!) нет.

Грызли меня: А. Яблоновский, Осоргин, Адамович (впрочем, умеренно, втайне сознавая мою правоту) и ...Петр Струве, забыв на секунду и Кирилла и Николая Николаевича'. *Ни одного голоса в защиту.* Я вполне удовлетворена.

Но всё это уже прошлое. Настоящее вещи — когда она пишется. Дописано — прошло. Самостоятельное существование вещи вне меня — вот цель и итог.

О нашей жизни. Приехал после парижских мытарств С<ергей> Я<ковлевич>, скелетоподобный, вечно-голодный и сонный. Первые дни ел и спал попеременно, сейчас отошел, ходит, пишет.

Погода ужасная, смена дождя и ветра, ходим в зимнем. На этом побережье *tous les vents se donnent rendez-vous*². Какие-то Норды, Осты, Весты, — и хоть бы один теплый!

Океан. Сознаю величие, но *не* люблю (никогда не любила моря, только раз, в первый раз — в детстве, под знаком пушкинского: «Прощай, свободная стихия!»³).

Она свободная, а я на ней — связанная. Свобода моря равна только моей несвободе на нем. Что мне с морем делать? Глядеть. Мне этого мало. Плавать? Не люблю горизонтального положения. Плавать, ведь это лежать, ехать. Я люблю вертикаль: ходьбу: гору. Равнодействующую сил: высоты и моей. На Океане я зритель: в театре: полулежа: в ложе. Пляж — партер. Люблю в театре только раёк (верх) т. е. горы, которых здесь нет.

Кроме того, море либо устрашает, либо разнеживает. Море слишком похоже на любовь. Не люблю любви. (Сидеть и ждать, что она со мной сделает.) Люблю дружбу: гору.

Мур почти ходит. С<ергей> Я<ковлевич> привез ему загон (Baby-Park⁴), ставим в сад, где и пасется. Очень большой и толстый, красивый, волосы начинают вить-ся. Больше всего любит животных. Много понимает, но говорит мало.

Аля знакомится с морем (Мур на него и не смотрит), но, думаю, тоже предпочитает земные волны: горы и листву. Здесь совсем нет деревьев и очень мало травы. Песок.

Но всё-таки радуюсь, что в *Вандее*⁵, давшей когда-то столь великолепную вспышку *воли*. В семи километрах от нас, возле фермы Mathieu⁶, крест с надписью: здесь такого-то числа 1815 г[ода] убит Henri de la Rochejaquelin⁷. — Вождь Вандеи.

Народ очаровательный: вежливый, веселый, легко жить. Одежда и головные уборы, как век назад. В нашем St. Gilles церковь XIII в.

Дорогая Анна Антоновна, у меня к Вам большая просьба, трудная, не знаю как приступить.

У Новеллы Чириковой⁸ на вилле Боженка во Вшенорах (где жила Андреева) осталась наша большая корзина. Если бы Вы забрали ее к себе, Вы бы нас спасли. Вещи там очень хорошие (всё Муркино приданое), много моих, письма, тетради, всё, что я не забрала с собой, уезжая. За лето моль поест шерсть, и вообще, дольше держать корзину у Ч<ирико>вых невозможно. Боюсь, что вещи уже сейчас заплесневели. А там, напр<имер>, чудесное Мурино пальто на четыре года, множество штанов и шерст<яных> чулок. Жаль.

Нынче же пишу В.Ф. Булгакову и его жене⁹, живущим во Вшенорах. Они Вам во всем помогут, только нужно списаться или сговориться. Všenory, č<islo> 33 (Булгаков).

Не знаю, где удобнее перетрясти и переложить вещи, — у Ч<ирико>вых или у Вас. Необходимо пересыпать нафталином.

Вторая просьба: мне очень нужны два летних платья: одно — переделка платья из подаренного Вами: *кремовое с красными горошинками* и другое: *голубое в клетку* (голубое, черное, белое — клетчатое, тонкое, сразу узнаете). Думаю, их можно, как старые вещи, переслать по почте. Мне совсем нечего носить, уехала в апреле, когда еще о летнем не думалось.

Не выписываю всей корзины сюда, п.ч. совсем не знаю, где будем осенью.

Булгаков найдет и лошада (м.б. тачку) до вокзала, и сдаст в багаж, — во всем может. Он необыкновенно сердечный и деятельный в дружбе человек.

Внезапная мысль: земными тяжестями умеют (т. е. соглашаются) ворочать *только души*. Тела косны, — себя еле носят, где уж — корзину!

Целую Вас нежно и бесконечно смущаюсь за просьбу. Сердечный привет Вашим.

МЦ

Деньги на расход вышлю тотчас же как получу Ваше согласие.

Да! Последняя просьба! На дне корзины должна находиться толстая коричневая немецкая мифология, в переплете, с картинками.

Gustav Schwab — Die schönsten Sagen des klassischen Altertums¹⁰.

Эту книгу нужно отправить отдельно, *почтой*, заказной бандеролью, *не* багажом. Она мне крайне нужна в возможно скором времени для II ч <асти> «Тезея»¹¹, которую пишу сейчас. Толстый, коричневатый, несколько разбехавшийся том. Там мое имя с припиской:

книга на всю жизнь.

— Как Вам понравились «Вёрсты»?

Жду письма. Сердечный привет от нас всех Вам и Вашим.

МЦ

¹ Кирилл Владимирович (1876–1938) — двоюродный брат Николая II и Николай Николаевич (1856–1929) — его дядя. В русской эмигрантской прессе того времени велись споры о том, кто из них должен стать наследником российского престола.

² Встречаются все ветры (*фр.*)

³ Первая строка любимого Цветаевой стихотворения А.С. Пушкина «К морю».

⁴ Детский манеж (*англ.*).

⁵ Вандея (Vendée) — департамент на западе Франции, являвшийся центром роялистских мятежей в период Французской революции и Директории. Переносное значение — контрреволюция вообще.

⁶ Матьё.

⁷ Рошжаклен Анри де ля (La Rochejaquelein; 1772–1794) — предводитель роялистского восстания в Вандее, направленного против Французской республики. Дата смерти, приведенная Цветаевой, ошибочна. В 1815 был убит его брат Луи де ля Рошжаклен (Вестник РХД. 1993. № 168. С. 177).

⁸ Чирикова Новелла Евгеньевна (в замужестве Рождественская, Бирюкова, Ретивова; 1894–1978) — дочь писателя Е.Н. Чирикова (1864–1932). На вилле «Боженка», где они жили, встречались эмигранты из России и чешская интеллигенция на литературных и музыкальных вечерах. Вилла находилась недалеко от дома, где жила Цветаева. После ее

отъезда во Францию здесь некоторое время жил С. Эфрон.

⁹ Булгаков Валентин Федорович (1886–1966) — общественный деятель, журналист, писатель, мемуарист, библиограф, последний секретарь Л.Н. Толстого. Был выслан из России в 1923. Жил с семьей в Праге и ее пригородах. Автор дневника «Л.Н. Толстой в последний год его жизни»; председатель пражского Союза русских писателей и журналистов (1924–1927), секретарь музейной комиссии и директор Русского культурно-исторического музея в пригороде Праги — Збраславе. Во время войны был арестован гестапо и отправлен в лагерь для интернированных советских граждан в Германии (1943–1945). В 1948 вернулся в СССР, работал в доме-музее Л.Н. Толстого в Ясной Поляне. Все годы эмиграции был другом Цветаевой и высоко ценил ее творчество. Уезжая в СССР, переписал и прокомментировал все ее письма к нему и оставил их в Литературном архиве в Праге на Страгове, как и другие свои письма, документы и рукописи (LA PNP. 1 — F/94). Письма Цветаевой с расширенными комментариями были подготовлены мною к изданию Литературным архивом: *Цветаева М. Письма Валентину Булгакову. 1925–1927.* Прага, 1992.

Булгакова Анна Владимировна (до замужества Цубербилер; 1896–1964) — учительница.

¹⁰ Книга немецкого писателя Густава Шваба (Schwab; 1792–1850) *Прекраснейшие легенды классической древности* была переведена на русский язык и выдержала три издания (1907–1916).

¹¹ *Тезей* — первая часть незавершенной трилогии *Гнев Афродиты* (1923). Опул.: Вёрсты. 1927. № 2; III, 574–632; вторая часть — *Федра* (Современные записки. 1928. № 36, 37; III, 633–686); третья часть — *Елена* не была написана.

St. Gilles, 20-20 июля 1926 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Потеряла Вашу открытку с адресом, всё надеялась найти при тщательной уборке, она не осуществилась, пишу по-старому в надежде, что дошлют.

К 15-му сентября возвращаюсь в Прагу¹, на оставшиеся здесь два месяца буду получать половинную стипендию, т. е. по 500 кр<он> вместо 1000 кр<он>. Бóльшего в мою пользу ни Булгаков, ни Завадский², ни другие хлопотавшие добиться не могли. Надеюсь, что прежнюю стипендию возобновят при моем приезде, на 500 кр<он> я с детьми никак не проживу. Выясню это к 15-му августа.

Теперь — в случае прежней тысячи в месяц — можно ли мне надеяться, дорогая Анна Антоновна, устроиться на эти деньги в Праге? Как бы хотелось возле Вас! Район (— думаю о детях, я фабрики и вокзалы, как самое печальное, — люблю) должен быть непременно хороший, с близким садом для прогулки. Мне хочется в Прагу, а не за́город, чтобы немножко побыть человеком, — не только душой и чернорабочим. Но я связана детьми и деньгами. О квартире думать нечего? Квартира — свобода, но — дорого? недоступно? Нельзя ли было бы найти две комнаты у чехов, любящих русских и не слишком строгих к порядку? Самое лучшее было бы — с уборкой (платила бы прислуге), м.б. с обедом? (только не за общим столом!). В той же Чехии можно жить по-человечески, я жила не по-человечески и устала так жить, заранее устала. Прагу я люблю самым нежным образом, но, по чести, так мало от нее взяла — и не по своей вине. В Праге ведь — музыка! Ни разу не была в концерте. Хотелось бы познакомиться с чехами, особенно с женщинами, всё это было бы возможно в Праге, невозможно за городом. Я буду жить одна с детьми, как я могу на целый день уехать в Прагу, оставляя Мура одного с Алей. Аля — большая, но девочка, большая девочка. Мур промочит ноги, Мур упадет со стула и т.д. Заместительницы у меня нет, я ни разу не выеду в Прагу. Я знаю себя. В Праге я могу уйти на час — это другое дело, или вечером, уложив Мура, всё это *другое*. Мне хочется *влюбиться* в этот город, для этого нужен досуг.

Одну комнату — трудно, мне дети не дадут писать, я курю (Муру вредно), — много вещей и т.д.

Вот так, дорогая Анна Антоновна, подумайте и ответьте, возможно ли? Если нет — что ж, буду искать за городом, жить где-нибудь да нужно.

Иногда по вечерам я буду приходить к Вам, читать Вам стихи, беседовать, слушать музыку Вашей мамы. Не часто. Не бойтесь. Может быть, — когда-нибудь —

пойдем с Вами побродить по старым местам. Я люблю Прагу совсем особой любовью, вижу ее городом *âmes en peine*³, — м.б. от тумана?

Я уже здесь не живу, оставшиеся полтора месяца *пролетят*, я не могу жить тем, что заведомо кончится. Моя Вандея уже кончилась. Вижу уже вечер укладки, утро отъезда. Передышка в Париже — рачьте дале!⁴ (Безумно люблю этот крик кондукторов, жестокий и творческий, как сама жизнь. Это она кричит — кондукторами!).

Рачьте дале — но куда? У меня сейчас в Чехии ничего твердого нет, в устройстве я совершенно беспомощна. Вильсонов вокзал — куда? Боюсь, что просто сяду с Алей и Муром под фонарь — ждать судьбы (дождусь полицейского).

О здешней жизни уже не пишется, я уже еду, Вы это чувствуете. Больно (не очень, но всё-таки), что эсеры, которых я считала друзьями: Сталинский⁵, Лебедев⁶, Слоним — ничего для меня не сделали, даже не попытались. Реально: вступишь они — меня бы не сократили на половину, душевно — не понимаю такого платонизма в любви. Их поведение для меня *слишком лирично*.

Спасибо от всего сердца за участие, *действуют* в жизни сей только лирики. Проверьте: не парадокс.

— Знаете ли Вы, что редактор «Благонамеренного», Шаховской⁷ (22 года) на днях принимает послух на Афоне. (Пслух — послушник — идет в монастырь.) Чистое сердце. Это лучше чем редакторство.

Целую нежно Вас и Ваших. Сердечный привет от С<ергея> Я<ковлевича> и Али.

МЦ

Мур ходит, очень много понимает, но говорит очень мало.

¹ В действительности М. Цветаева в Прагу не вернулась.

² *Завадский Сергей Владиславович* (1871–1935) — сын сенатора, известный до революции судебный деятель, профессор гражданского права, историк литературы, публицист. В 1921 эмигрировал в Польшу, в Чехословакии с 1922. Профессор Русского юридического факультета, председатель Союза русских писателей и журналистов в Праге (1923–1924) и его почетный член. Вместе с Цветаевой и Булгаковым редактировал сборник «Ковчег». Член правления Едноты, член и председатель совета Русского заграничного исторического архива, первый председатель Общества русских юристов. Автор трудов о Л. Толстом, Ф. Достоевском. Цветаева с большим уважением и симпатией относилась к Завадскому, даже связала для него шарф.

³ Неприкаянных душ (*фр.*)

⁴ *Račte dále* — Проходите, пожалуйста! (*чеш.*)

⁵ *Сталинский Евсей Александрович* (1880–1952) — эсер, публицист, прозаик, литературный критик. В эмиграции с 1919, в 20-х годах подолгу жил в Праге, был соредактором журнала «Воля России». В начале Второй мировой войны переехал в США.

⁶ *Лебедев Владимир Иванович* (1884–1956) — общественный и политический деятель, эсер, прозаик, публицист, литературный критик. До Октябрьской революции был активным участником революционного движения, затем управляющим морским министерством во Временном правительстве. В эмиграции с 1919. Соредактор газ., затем журн. «Воля России» (1920–1932) и «Руски архив». Жил в Белграде, Праге, Париже, в 1936 пере-

ехал в США. Семьи Лебедевых и Эфрон поддерживали дружеские отношения на протяжении всего периода эмиграции.

⁷ *Шаховской Дмитрий Алексеевич* (1902–1989). Потомок древнейшего княжеского рода. В эмиграции с 1920, печатался в разных периодических изданиях. С 1924 — член бельгийского Пен-клуба, с 1926 — редактор религиозно-философского журн. «Благонамеренный». В 1926 принял монашеский постриг на

Афоне. В 1946 переехал в Америку. Возведен в сан архиепископа Сан-Францисского (1950). Отец Иоанн (Шаховской) активно участвовал в православных программах русской службы радиостанции «Голос Америки». Обширное литературное, богословское, философское и проповедническое наследие отца Иоанна ставит его в один ряд с наиболее яркими фигурами русского православного возрождения.

Nádraží

Станция Вшеноры, где останавливаются пражские поезда.
Со станции можно подняться пешком в деревни Новы Двур (сейчас Чернолице),
Горни Мокропсы (сейчас Вшеноры II) и Вшеноры.
Старая открытка

Вилла «Боженка», где жили А.И. Андреева
с детьми и семья Чириковых.
Вшеноры, ул. Кветослава Машиты, дом 292.
Фотография М. Ванечка

Горни Мокропсы, В халоупках, дом 521.
Здесь семья жила с ноября 1922 по август 1923.
Фотография Я. Трновского

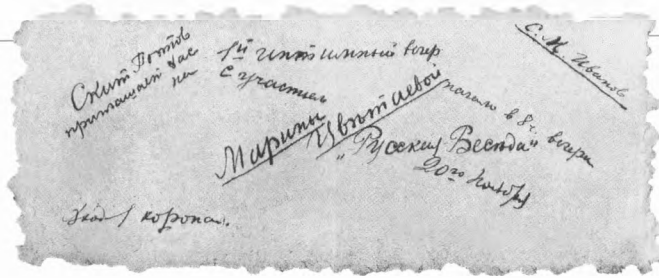
Родители Анны Тесковой – Анна и Антонин Тесковы.
Снимки сделаны в Москве, где отец занимал должность директора пивоваренного завода

Анна Тескова с дочерьми – Анной и Августой – в Чехословакии.
«Ваш дом – зачарованный, жилище не трёх душ,
а – Души. И душам в нём – "дома"». *М. Цветаева*

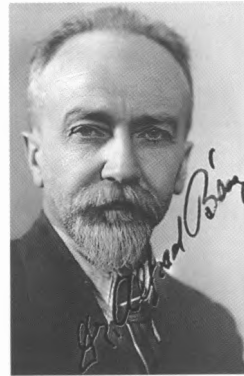
Сёстры Тесковы – Августа и Анна – учительницы начальных школ в Праге

Пригласительный билет на литературный вечер,
на котором М. Цветаева впервые выступила в Праге

В этом доме помещалась редакция эсеровского журнала «Воля России». Здесь Моцарт когда-то писал своего «Дон-Жуана». М. Слоним, который рассказал М. Цветаевой об этом, спросил, не помешает ли ей политическая направленность журнала; Цветаева ответила, что в политике она не разбирается, но Моцарт решил её согласие.
Фотография М. Ванечка

Альфред Людвигович Бем – филолог, наставник молодых поэтов пражского литературного объединения «Скит». Друг Анны Тесковой, редактор её переводов

Марк Львович Слоним – литературный критик, публицист, переводчик. Литературный редактор «Воли России», где его стараниями были опубликованы многие произведения М. Цветаевой

Петршин – холм, возвышающийся над Прагой. Фотография Я. Трнковского

Та гора была – миру!
Бог за мир взывает дорого!
Горе началось с горы.
Та гора была над городом.

М. Цветаева. «Поэма Горы»

Старый Смиховский вокзал, откуда уходили поезда во Вшеноры и деревню Хухле, в которой жил К. Родзевич. Кафе на первом этаже – место встреч М. Цветаевой и К. Родзевича. *Старая открытка*

Крик станций: останься!
Вокзалов: о жалость!

.....

От нас? Нет – по нас
Колёса любимых увозят!

М. Цветаева. «Крик станций»

Константин
Болеславович
Родзевич – юрист,
лирический герой
поэм и стихов
М. Цветаевой

Сёстры Екатерина и Юлия Рейтлингер,
друзья М. Цветаевой и С. Эфрона.
Екатерина часто помогала М. Цветаевой,
была её провожатой по Праге

Бржевов.

В левом доме находилась квартира сестёр Рейтлингер,
куда М. Цветаева ушла от семьи в дни романа с К. Родзевичем.
«Две недели она была в безумии. Рвалась от одного к другому.

(На это время она переехала к знакомым.)
Впервые я видел её в таком отчаянии». С. Эфрон

Семья Эфрон после рождения Георгия.
«Вспоминаю Вшеноры...
Алю с косами, такую преданную и весёлую,
и добрую». *М. Цветаева*

Ариадна Эфрон и Олег Туржанский –
они дружили в Мокропсах и Вшенорах

Вшеноры, ул. Над росцестим, дом 324.
Здесь родился Георгий Эфрон (Мур).
«Св. Георгий – покровитель
Москвы и белых войск.
Уменьшительное: Егорушка
и чешское Иржик.
(Был у чехов такой король) –
на память о Чехии». *М. Цветаева*

[К письму приклеены два листочка]

St. Gilles-sur-Vie (Vendée)
Av. de la Plage, Ker Edouard
[Первая половина августа]¹

Дорогая Анна Антоновна,

Дошло ли до Вас мое первое письмо по старому адресу, с подробными вопросами и просьбами о зимнем устройстве?

Наши дела таковы: мне разрешено оставаться здесь до 15-го сентября, т.е. 15-го сентября я уже должна быть в Чехии. До этого срока я буду получать по 500 кр<он>, вместо тысячи (уже получила за июль), как все писатели, живущие за границей (Бальмонт², Тэффи³, Зайцев⁴ и еще кто-то). Буду ли я получать прежнюю тысячу в Чехии — не выяснено, выясню. Ехать на 500 кр<он> невозможно, мне и так придется брать в долг на дорогу, далекую и дорогую. Если 500 кр<он> — вещь решенная, буду хлопотать о предоставлении их мне во Франции. Не знаю чего желать. Очень жаль расставаться с С<ергеем> Я<ковлевичем>, оставлять его одного в Париже — неустрашенного и не умеющего жить, — с другой стороны страшно за детей. Париж без денег — очень мрачная вещь. Вопрос разрешится сам собой: дадут тысячу, еду, дадут 500 кр<он> — буду просить о высылке их мне во Францию. Во Франции я, будучи на глазах, нет-нет да приработаю, в Чехии заработка, кроме «Воли России», нет.

Написала Завадскому с просьбой узнать. Времени у меня месяц с небольшим. Неизвестность — хуже всего.

Сердечное и растроганное спасибо за высланные сто крон, никогда перевод (бланк) не вызывал во мне такого умиления. Я только боюсь, что Вы себя чего-нибудь насущного лишили. Это меня растрavляет.

Ваша открытка. Взглянув, я почувствовала странное волнение. В чем дело? Деревья. Деревья, которых я не видела в Париже (фабричный район), которых не вижу здесь (один песок). Деревья, которые люблю больше всего на свете. У моря я у моря, в лесу я — в лесу: mitten drinnen⁵. У моря я в гостях (ненавижу гостить, такой расход любезности!), в лесу я дома, одна, сама своя. Я, по чести, не люблю моря и не думаю, чтобы его можно было любить. Оно несоизмеримо больше меня, я им подавлена. И величие его — не родственное (оттого подавлена!). Всякое величие родственно, но иное вели-

чие исключает понятие родства. Таково море. Я охотно отказываюсь (м.б., неохотно, но... приходится!) от родственности в жизни, но с вещью (Ding) я роднюсь. Пусть меня не любят люди, но деревья пусть меня любят. Море меня не любит. — Вот. —

На Вашей открытке деревья явственно протягивают мне руки, и открытка больше взволновала меня, чем море (даже Океан!), в котором я в тот день купалась. В море я купаюсь, в листе я тону.

Всякое не люблю сложно — как и люблю! — поэтому так пространно.

Как Вам живется, дорогая Анна Антоновна, Вам и Вашим? Какова погода — это главное действующее лицо в нашей жизни? Есть ли знакомые?

Нас собирается навестить А.И. Андреева, стосковавшаяся среди своих великовозрастных — и именно потому скучных — детей. Помните, как мы вместе у нее были в гостях? Люблю ее всей нашей рознью.

Целую Вас нежно, сердечный привет матушке и сестре. Я иногда вспоминаю Вашу бабушку, вязавшую при луне, и думаю, что она была счастливее меня.

Аля целует, С<ергей> Я<ковлевич> всячески приветствует.

МЦ

1-го Муру полтора года, пришло фотографию.

Если бы Вы, дорогая Анна Антоновна, со своей стороны навели справки о (500 или 1000?), в Чехии, было бы оч<ень> хорошо.

¹ Письмо датируется по содержанию.

² *Бальмонт Константин Дмитриевич* (1867–1942) — поэт, переводчик, эссеист. С 1905 находился под влиянием революционных идей, должен был эмигрировать. В феврале 1917 приветствовал революцию, написал гимн: «Да здравствует Россия, свободная страна!», но уже в мае заявил, что отказывается от мстительных призывов. Эмигрировал в 1920. В тяжелые послереволюционные годы Бальмонт и Цветаева были большими друзьями, помогли друг другу. Это время Бальмонт описал в воспоминаниях «Где мой дом?» (Последние новости. 1923. 5 авг.; МЦВС I, 116–123). Позже в Париже выступал с лекцией «О пережитом при большевиках». Его предсказания судьбы России были печальны: «Проснешься — вновь в цепях». Переводил чешскую поэзию (см.: *Kšicová D. Balmontovy překlady Jaroslava Vrchlického // Slavia. XLVII. № 4*). Душевно больной Бальмонт закончил свои дни в русском приюте во Франции. Всю жизнь поэт с большой любовью и уважением относился к Цветаевой, она пла-

тила ему тем же (IV, 6–11, 271–280; *Бальмонт К. Марина Цветаева — МЦКС I, 73–74*).

³ *Тэффи* (наст. фам. Надежда Александровна Бучинская, урожд. Лохвицкая; 1872–1952) — писательница, автор юмористических рассказов, фельетонов. С 1919 за границей.

⁴ *Зайцев Борис Константинович* (1881–1972) — писатель. С 1922 в эмиграции. Цветаева с семьей Зайцева была знакома еще в Москве, в июне 1921 Ариадна гостила в доме родителей Зайцева в их бывшем имении Прилькино Каширского уезда Тульской губернии. С дочерью Зайцева Натальей Ариадна дружила во Франции. Вспоминая о Цветаевой, Зайцев писал: «Прочитал список погибших [...] — все писатели, поэты, критики: “арестован”, “пропал без вести”, “расстрелян”, “покончил с собой”. [...] Кто из нас смеет учить кого-то, кто жизнью заплатил за ошибки? Но сказать — где правда и где неправда — мы можем» (*Зайцев Б. Собр. соч. М., 1999. Т. 6 (доп.). С. 239, 243*).

⁵ В самой середине, внутри (*нем*).

[Письмо с приложенной открыткой:
вид Мёдона (Meudon — Vue générale du Bois¹)]

St. Gilles, 24-20 сент <ября>. 1926 г.

ДЛЯ ВАС ОДНОЙ²

Дорогая Анна Антоновна!

Какая трудная задача! Письмо, долженствующее убедить человека, меня не знающего, что мне — внешне — плохо. Мне внешне всегда плохо, потому что я не люблю его (внешнего), не считаюсь с ним, не отдаю ему должной важности и с него *ничего* не требую. Всё, что я люблю, из внешнего становится внутренним, с секунды моей любви перестает быть внешним, и этим опять-таки, хотя бы в обратную сторону, теряет свою «объективную» ценность. Так, напр<имер>, у меня есть с моря, принесенный приливом или оставленный отливом, окаменелый каштан — талисман. Это не вещь. Это — знак. Чего? Да хотя бы приливов и отливов. Потеряв такой каштан, я буду горевать. Потеряв 100 царск<их> тысяч рублей в Госуд<арственном> Банке³ (Революция) я не горевала ни минуты, ибо, не будучи с ними связана, не считала их своими, они в моей душе не числились, только в ухе (звук!) или в руке (чек), — на поверхности слуха и руки. Не имев, их не теряла.

Чешское иждивение. Я всегда удивлялась, за что мне дают. Если бы кто-нибудь из них любил мои стихи — да, или меня лично — да, но так, вообще, на веру... Таинственно. Я знаю себе цену: она высока у знатока и любящего, нуль — у других, ибо (высшая гордость) не «держу марки», предоставляю держать — мою — другим.

Для настойчивости в просьбах нужны — наивность, цинизм, бесстыдство: нужно поверить в то, что ты — для Чехии напр<имер> — *фигура*, поэт, для обществ<енных> деятелей — ценность, поверить в целый ряд несообразностей и внушить их другим. Или же: прикинуться дурачком, убогоньким, нищенским: «по-о-дайте, Христа ради!»

Для первого я слишком скромна, для второго — слишком я, в обоих случаях — ТРЕЗВА.

Поэтому, и днесь и впредь, мои просьбы неубедительны: застенчивы, юмористичны (чего не прощают!), иногда — прямолинейны (что отталкивает), всегда своеобразны, т.е. с печатью моего образа, который сильным мира сего не нравится. Начи-

наю прошение — просыпается мысль, юмор, «игра ума». Если два раза «что́» или два раза «бы» — беру другой лист, не нравится, хочется безукоризненной формы, привычка слуха и руки.

Мне бы нужно СПИСЫВАТЬ свои прошения, тогда бы они удовлетворяли и — удовлетворялись.

«Умираю с голоду» — «голодная смерть» — «страдаю общим малокровием» — не могу. Безвкусно, преувеличенно, грубо, неправдоподобно, НЕ Я. Я: «Несколько стеснена»... «жизненные условия тяжелы — как и полагается, впрочем» — и дело уже провалено: обобщение, убивающее частный (мой) случай.

— Voilà⁴ . —

Если бы г<осподин> Г<ирса>⁵ был одной с Вами и со мной породы, это письмо было бы ЛУЧШИМ, ибо — вопль сердца! но... это неправдоподобно, посему прилагаю другое письмо... которое буду сочинять час.

О нас всех: Поездка С<ергея> Я<ковлевича> — сейчас — расстроилась. Поиски квартиры, устройство на зиму, П № «Вёрст». Поедет, думаю, в начале декабря и к Вам не только «зайдет», но встречи с Вами и Вашими ждет и ей горячо радуется.

Квартира снята, — в 15 мин<утах> поездом от Парижа. Meudon. Лес. Отдельный садик для Мура. Жить мы будем с одной вшенорской семьей, дом пополам⁶. Так легче. Адрес пришлю на днях. Нынче 24-ое, выезжаем, д<олжно> б<ыть>, 1-го-2-го. Тотчас же по получении от С<ергея> Я<ковлевича> точного адреса, пришлю Вам — еще отсюда.

Франц<узские> хозяйки не лучше чешских, гораздо хуже; уезжая, надо лакировать шкафы и кровати, этого со мной в Чехии — да и нигде — не было. Грозят агентами и жандармами. Неизвестно за что. Очевидно, простое желание выжать из последних иностранцев (мы здесь последние, как были — первые) последнюю копейку.

Мур хорошо ходит и бегает, живой, ловкий, бесстрашный, лезет в море, как в ведро, и в ведро, как в море. Говорит мало, но понимает всё. Аля выросла, похудела, похорошела. В Париже будет учиться в школе рисования Добужинского⁷ и Билибина⁸. Лучше чем гимназия, — и призвание и будущей заработок.

В письме с адресом будет — милая Анна Антоновна, приходите в ужас! — просьба о корзине, которая нам очень нужна. Мур из всего вырос, а там и чулки, и штаны, и пальто — все чешские подношения.

Теперь, дорогая Анна Антоновна, давайте помечтаем. Вы непременно должны к нам приехать, в Мёдон, погостить, посмотреть Париж. — Хорошо бы на Рождество. Я знаю, что поездка дорога, но ... раз в жизни! Вся устрашающая Парижа отпадает — Вы будете за городом, Париж только по желанию, но — совсем близко, рядом, поезда ходят через кажд<ые> полчаса.

Давайте осуществим. Побываем с Вами и в Версале, и в Фонтенебло, и в Музеях, и на набережных Сены. — Чудно? — Могли бы приехать с С<ергеем> Я<ковлеви-чем> (думаю, — в Прагу поедет в начале декабря), а обратно, в Прагу, — вторая мечта! — со мной.

Страшно хочу в Прагу. Устроили бы мой вечер в Едноте, Вы бы меня познакомили с чехами, которых я совсем не знаю, побродили бы по Праге, словом — было бы чудно. Погостила бы у Вас неделю — 10 дней. Наговорились бы.

Кроме того, я человек трудовой, мне — лишь бы стол. Вашей жизни бы я не мешала, меня «развлекать» не нужно.

Ах, как было бы чудно!

На поездку я бы наработала и, м.б., немножко заработала бы — вечером — в Праге. Притянув чехов, а? Женские круги всегда отзывчивые?

Так оправдан был бы обратный билет. *Все русские* бы на меня пошли, а их у вас ведь еще немало?

Ответьте — что думаете.

Прага — в письме для Г<ирсы> этого не напишу — мой любимый город. Недавно видела открытку с Еврейской синагогой — сердце забилось. А мосты! А деревья? Вспоминаю как сон.

Денежные дела плохи. За лето ничего не печатала, (написала три небольших поэмы: «С МОРЯ»⁹, «ПОПЫТКА КОМНАТЫ»¹⁰, «ЛЕСТНИЦА»¹¹ — последняя пойдет в «Воле России»), с «Соврем<енными> Записками» разошлась совсем, — просят стихов ПРЕЖНЕЙ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ, т.е. 16 года. Недавно письмо от одного из редакторов: «Вы, поэт Божьей милостью, либо сознательно себя уродуете, либо морочите публику». Письмо это храню. Верх распушенности. Автор — РУДНЕВ¹², бывший московский городской голова. Вы, наверно, его знаете, бывает в Праге, правый эсер.

Кончаю, чтобы приняться за *то* письмо. Буду писать крупно и ясно, такого (т.е. моего) почерка Г<ирса> не поймет.

Целую Вас нежно и бесконечно благодарю за любовь и память.

МЦ

Псылаю Вам 1 книгу «Вёрст». Нынче же.

Только что закончила второе письмо. Не перепутайте, давая!

Прочтите оба Вашим и напишите впечатление.

P. S. В письме для Г<ирсы> *ничего* не врала.

[Текст на приложенной открытке]

— Вот куда я Вас зову. (В пяти минутах от нас.)

Весь парк расположен террасами. Есть плюшевые стены, похожие издалека, вернее, свысока — на черные пруды. Есть, замурованные наглухо, бывшие увеселительные павильоны. Есть тишина. *На нее* Вас зову!

Счастливых праздников!

Был ли снег в Сочельник?

МЦ

¹ Мёдон. Панорама леса (фр.).

² См. примеч. к письму 27.

³ По завещанию матери сёстры Цветаевы свою долю наследства могли получить по достижении ими сорокалетнего возраста. Но после Октябрьской революции все средства, хранившиеся в Государственном банке, были экспроприированы.

⁴ Восклицание, обозначающее «Вот так!» (фр.).

⁵ *Гирса Вацлав* (Girsa; 1875–1954) — чешский политик и общественный деятель, до Первой мировой войны врач-хирург (Киев), с 1920 — чрезвычайный посол и уполномоченный представитель министра иностранных дел Чехословакии Э. Бенеша, один из руководителей Русской акции помощи эмигрантам из России.

⁶ См. примеч. 3 к письму 28.

⁷ *Добужинский Мстислав Валерианович* (1875–1957) — художник, иллюстратор, с 1924 жил за границей, с 1939 — в США.

⁸ *Билибин Иван Яковлевич* (1876–1942) — художник, иллюстратор, ученик И. Репина, член объединения «Мир искусства». С 1920 эмигрант, в 1936 вернулся на родину. Умер от голода в блокадном Ленинграде.

⁹ *С моря* — поэма написана в мае 1926 как поэтическое послание Б. Пастернаку. Поводом явилось письмо Пастернака, в котором он описал сон о встрече с Цветаевой (первоначальное название — «Вместо письма»). Опубл.: Вёрсты. 1928. № 3 (III, 109–113).

¹⁰ *Попытка комнаты* — поэма обращена к Райнеру Марии Рильке и Борису Пастернаку. Опубл.: Воля России. 1928. № 3 (III, 114–119). М. Цветаева писала Пастернаку: «Произошла

любопытная подмена: стих писался в дни моего крайнего сосредоточения на нем [Рильке. — Г. В.], а направлен был — сознанием и волей — к тебе» (*Рильке Р.М., Пастернак Б., Цветаева М.* Письма 1926 года. М., 1990. С. 210).

¹¹ *Поэма Лестницы*. Фабрики на окраинах Праги запечатлены в стихотворении Цветаевой «Заводские», а убогая жизнь на фабричной окраине Парижа — в поэме, первоначальное название которой «Повесть о том, как живет и работает черная лестница». Опубл.: Воля России. 1926. № 11 (III, 120–131).

¹² *Руднев Вадим Викторович* (1879–1940) — врач, московский городской голова (1917), член партии эсеров. Эмигрировал в 1919. В Париже — один из основателей и сотрудников журн. «Современные записки». Полученные от Цветаевой тексты безжалостно правил и сокращал. В письме В.Н. Буниной от 27 ноября 1933 Цветаева сетовала: «Я не умею писать, как нравится Милукову. И Рудневу. Они мне сами НЕ нравятся!» (VII, 263). Имя Руднева часто встречается в корреспонденции Цветаевой. Переписку Цветаевой и Руднева (1933–1937) см.: *Цветаева М., Руднев В.* Надеюсь — стоворимся легко. М., 2005. В предисловии В. Лосская пишет, что «публикуемая переписка существенно меняет устоявшееся мнение об отношениях Цветаевой и Руднева», который помогал решать ее материальные проблемы. Цветаева не только отвечала благодарностью, но и хвалила его литературный вкус и прекрасную работу корректора (*Лосская В.* Предисловие // Там же. С. 7–8; см. также: *Крейд В.* Марина Цветаева и «Современные записки» // Новый журнал. 1990. № 178. С. 258–269).

St. Gilles, 24 сентября 1926 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Простите, что так долго Вам не писала. Виной — переписка большой драматической поэмы «Тезей», 1-ой части трилогии, написанной в Чехии, в 24 г<оду>.

Переписываю на всякий случай, потому что еще не знаю, где пойдет. А поместить надо — с прекращением чешской стипендии совсем обнищали. Летом ничего не печатала, — все журналы отдыхали. На обратный путь придется занимать по 20 фр<анков> у знакомых. Дадут, как всегда, самые бедные. Так, в августе, когда нам было так плохо (прекращение стипендии), нам сразу прислали по 100 фр<анков> двое Сережиных приятелей, бывших чешских студентов, один — маляр, другой — шофер на грузовике. От богатых ждать нечего, им самим нужно.

В нынешней нищете своей я неповинна, — работала как никогда. Три поэмы за лето и переписанный, т. е. подготовленный и местами заново написанный «Тезей». Кроме того — вся работа по дому на мне: кухня, стирка, починка, заботы о Георгии, который не только ходит, но бегаёт — и бегаёт всюду, нужно непрерывно следить. В меня, очень живой.

С ужасом думаю о долгах лавочникам. Здесь манера — приходиться на дом за заказом и предлагать, даже навязывать. Сколько раз просила: «нет денег, не приходите!» — «Vous payerez après!»¹ (чем?!). Впрочем, кредит нас в свое время спас, был месяц полного нищенства, все наличное уходило на молоко и хлеб.

Последние известия из Чехии печальные. Сергей Ив<анович> Варшавский² сообщил мне, что, по словам Мих<аила> Лазар<евича> Заблоцкого, мне и в половинной (500 кр<он>) стипендии отказано. Во многих письмах из Чехии намеки, что вернуться я, мне бы возобновили ссуду полностью, но как я могу вернуться, когда С<ергей> Я<ковлевич> связан редактированием «Вёрст» (высылаю № 1), кстати, дающих ему 1.000 фр<анков> с номера, а № выходит раз в 4–5 мес<яцев>. Издание идейное, деньги случайные, больше платить не могут.

Я уже столько раз просила в Чехии похлопотать за меня — что отчаялась. Я убеждена, что увидь г<осподин> Гирса мой рабочий день, — хотя бы стол! — он первый постоял бы за меня; т. е. за 500 кр<он> ссуды. Кроме труда у меня в жизни нет ничего, да, в конце концов, — и не нужно ничего: возможности работать. Трех спокойных часов в день.

Отнимите у меня писанье — просто не буду жить, не захочу, не смогу. Только писаньем уцелела в Сов<етской> России. Только тетрадью живу все эти годы за границей. Это — моя судьба. Труда для себя и здоровья для своих — больше мне, в чистоте сердца, не нужно ничего.

Самое растроганное и умиленное спасибо за Ваши 100 кр<он>, они нас спасли. Верну *при первой возможности*, этот долг свят.

Страшно хотелось бы, хотя бы на месяц в Прагу, но — не говоря уже о проезде! — не могу оставить детей и С<ергея> Я<ковлевича>, который *постоянно хворает*. Легкие и общий упадок сил.

Нежно целую Вас и Ваших. Скоро пришлю фотографии Георгия. Что скажете о «Вёрстах»?

МЦ

P. S. Посоветуйте, к кому мне еще обратиться с просьбой о половинной ссуде? Своих знакомых просила всех.

Письмо, не вошедшее в первое издание под редакцией В. Морковина и З. Матхаузера, обнаружено нами в архиве МИД ЧСР (А МЗУ, Вох 261), оно предназначалось для информации сотрудников Русской акции: в нем говорилось о бедственном положении семьи Цветаевой. Похоже, семья Тесковой продумала этот ход как один из способов повлиять на членов комиссии и сохранить финансовую помощь семье. (Впервые опубли.: *Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918–1939)*. Прага, 1998.)

¹ Вы заплатите потом! (*фр.*)

² *Варшавский Сергей Иванович* (1879–1945) — юрист, публицист, журналист, общественный деятель. В эмиграции с 1920. Участник 1-го съезда русских писателей и журналистов за рубежом (сентябрь 1928, Белград), председатель Союза русских писателей и журналистов (1934–1939), преподаватель Русского юридического факультета, в Чехословакии — с 1923, в 1945 арестован советскими спецслужбами, депортирован в СССР; погиб в заключении.

ВЕРСТЫ
9, rue Dupuytren
Librairie «Moscou»
Paris¹

Париж, 12-20 Октября 1926 г.
Bellevue (S. et O.)
31, Boulevard Verd
(près Paris)²

Дорогая Анна Антоновна!

Простите, что только сейчас собралась написать и поблагодарить, — первая неделя устройства. Устроились мы чудесно, под Парижем, в лесу — и каком! Огромном, старом, на много вёрст. Живем с одной русской (вшенорской) дамой³ и ее сыном⁴. Ее нижний этаж, наш — верхний. Чешское иждивение как раз покрывает квартиру. При доме — садик, в 3 минутах ходьбы — большой пустынный парк с обсерваторией (соседство звезд). Город-сад, городок-садище, с редкими автомобилями. Холмы. Мы, по Алиному выражению, на берегу Парижа.

Расходы большие, нужно везде ставить печи (камины не греют). Квартира с мебелью, но без посуды. Всё — заново (всё было в Чехии!) — тазы, сковороды, кастрюли и т.д. Часть нашего бывшего имущества еще в корзине — той. Теперь о корзине.

Она у Новеллы Чириковой, на даче Боженка, где Вы бывали у Андреевой. Там же — не в корзине, нужно спросить у няни — примус, белый овальный эмалированный таз с ручками — и м.б., еще что-нибудь. Няня знает.

Другая часть наших вещей на чердаке у наших прежних хозяев: солдатский ранец с Сережиными рукописями, шинель, башмаки, холщевый мешок вроде портпледа (самодельный). Хозяева знают и, думаю, отдадут. Нужно будет им заплатить за хранение.

Корзина полна на две трети, многое еще войдет. Думаю, необходимо ее переложить, она не была рассчитана на дальнюю дорогу и тихую скорость. Есть бьющиеся вещи, их бы хорошо заткнуть по бокам. У Брзя⁵ еще книги С<ергея> Я<ковлевича>, их, думаю, лучше отправить отдельным пакетом. К делу укладки притягиваем также жену Брзя, пишу одновременно ей. По получении этого письма, дорогая Анна Антоновна, напишите открыточку Наталии Владимировне Брэй (на лавку Вейса. Všenory, rap J. Vais, для такой-то), чтобы сговориться, когда и как осуществить укладку и от-

правку. Не знаю, принимают ли *малой* [подчеркнуто дважды] скоростью на вшенорском вокз<але>, если нет — багажом до Вильсонова вокз<ала>, а там сдать — малой скоростью, если можно, с таможенным осмотром. Если же нет, — не беда, вещи все старые, осмотрят здесь.

Корзина мне нужна крайне: в ней все Муркины теплые вещи, пальто, вязаные штаны, чулки, всё, что ему именно сейчас нужно.

Если можно, пусть с Вильсонова отправят прямо на нашу станцию: *Bellevue* (Seine et Oise) 31, Boulevard Verd, если нет — *Paris, gare Montparnasse*⁶. Корзина должна быть хорошо перевязана веревками (Брэй!) и с билетиком: Madame Marina Efron, 31, Boulevard Verd *Bellevue* (Seine et Oise) près Paris.

Квитанцию, пожалуйста, заказным перешлите нам. Хорошо бы на Вильсоновом спросить о приблизительном сроке прибытия. М.б., багаж из Чехии в Париже принимают только на *Paris Gare de l'Est*⁷, тогда — пусть так. Лишь бы квитанция.

Расходы (перевозка, деньги за хранение *Ванчуровым* — (наши бывшие хозяева) — и т.д.) возместим тотчас же.

Спешу отправить письмо, нежно целую Вас и очень прошу прощения за, надеюсь, последнее дело.

МЦ

¹ Письмо написано на бланке журнала «Вёрсты», адрес редакции: 9, улица Дюпюитрен, книжная лавка «Москва», Париж.

² Белльвю (Сена и Уаза), Бульвар Вэр, дом № 31 (близ Парижа).

³ *Туржанская Александра Захаровна* (урожд. Дмитриева, 1895–1974) — приятельница Цветаевой, до эмиграции актриса, бывшая жена Вячеслава Константиновича Туржанского (1891–1976), знаменитого кинорежиссера, одного из зачинателей немого кино в России. Цветаева называла Туржанскую «мокропсинским ангелом», была с ней откровенна и со-

хранила с ней дружеские отношения до отъезда на родину.

⁴ *Туржанский Олег Вячеславович* (1916–1980) — сын Туржанских.

⁵ *Брей Александр Александрович* (1894–1931) — из семьи обрусевших англичан, литератор, художник, актер и режиссер, член студии МХТ. Неоднократно выступал с чтением стихов М. Цветаевой. Супруги Брей были соседями семьи Эфрон во Вшенорах.

⁶ Белльвю (Сена и Уаза), Бульвар Вэр, Париж, вокзал Монпарнас.

⁷ Париж, Восточный вокзал.

Bellevue (S. et O.)
31, Boulevard Verd
18-20 дек <абр> 1926 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Я так давно Вам не писала, что начинаю сразу:

Извещение о корзине получили, но корзина еще не пришла, придет на днях (одна корзина, два ящика). Придет наложенным платежом. Совсем не знаю, что сказать Вам в ответ на Ваше уведомление о высылке денег. Такие вещи, как всё незаслуженное, режут, я их боюсь, ибо, режа, пробивают кору моего ожесточенного сердца. Мне было бы легче, если бы такого в моей жизни не бывало. Поймете ли Вы меня?

Я безоружна перед добротой, — совершенно беспомощна. Как старый морской волк, например, в цветнике. Поймете ли Вы меня?

Долг буду возвращать постепенно, самое большое — раза в три. Мне скоро предстоит получка за часть «Тезея», которого смогу Вам выслать еще до выхода «Вёрст» — отдельным оттиском. Бесконечно радуюсь моей немецкой книге на дне корзины. Впредь урок — не расставаться.

Мечту о Вашем приезде сюда не покинула. Весной у нас будет чудно, мы живем почти в парке (старый дворец маркизы de Pompadour¹, разрушенный в 70 году моими Deutschland über alles², — впрочем тогда было: Preussen³). У нас свободная мансарда, где зимой нельзя жить (нет отопления), но весной чудесно. В нее и переселится С<ергей> Я<ковлевич>, а Вы будете жить рядом с нами — Алей, Муром и мною. Кроме того, при доме садик. Вообще — всё в зелени. Съездим с Вами в Версаль — две остановки, ближе, чем от Вшенор до Праги.

Давайте — *СЕРЬЕЗНО*. Дорога дорогá, но окупится жизнью здесь. Вам нужно взять какой-то душевный отпуск — у семьи. Не отдышавшись душа ссыхается, знаю это по себе. Семья ведь — сердце. Сердце разрастается в ущерб души, душе совсем нет места, отсюда естественное желание — умереть: не *не* быть, а *сможь быть*. — Так ли это у Вас?

Не соблазняя Вас Эйфелевой башней (назойливой), ни даже выставками, всё это всё-таки скорей — для глаз и из породы развлечений, то есть несколько презренно. Соблазняя Вас *другим воздухом*, Вами на свободе, Вами самую же. Это — как основа. Остальное — Версаль, Лувр, Люксембург — очаровательные частности. А вот весна — не частности, а в Париже она чудесная.

Хотите — на Пасху? Давайте всерьез. Вырвите месяц, чудный месяц в воздухе!

«Вёрсты» и евразийство⁴ газеты рвут⁵ на куски. Пропитались нами до 2-го №, выходящего на днях. Новая пища. Особенно ПОЗОРНО ведет себя Милюков⁶, но оно и естественно: он *бездушен*, только голова.

Второй № лучше первого, полу́чите. Есть огромная ценность: «Апокалипсис» Розанова⁷.

Аля почти с меня, учится дома, очень способна к так называемым <гуманитарным> наукам, т.е. не наукам вовсе. Живется ей нелегко, ибо весь день занята Муром. Я, как всегда, разрываюсь между всем и тетрадь. На тетрадь мало остается. Пишу II часть «Тезея», — две картины. Мур громадный, очень живой, очень любящий и до ужаса любознательный, т.е. хватает всё. Головка вьется. Красивый мальчик.

Говорит только отдельные слова, словом совсем не занят, с него достаточно — понимать. Живость моя, вообще многое мое. 1-го февраля ему будет два года. Из прошлогоднего парижского пальто вырос так, что незаметно очутился в курточке. Радуюсь чешским вещам в корзине.

Простите за бессвязное письмо: утро, тороплюсь. Жду обещанного длинного письма. Опишите Рождество! О Праге думаю с нежностью, мой любимый город после Москвы.

И чехи этого никогда не узнают!

Скоро Новый Год, буду думать о Вас и желать для себя — в нем — Вашего приезда. Целую нежно Вас и Ваших. Скоро напишу еще.

МЦ

Напишите — что думаете о Пасхе в Bellevue?

¹ Помпадур Жанна Антуанетта Пуассон, маркиза де (Pompadour; 1721–1764) — фаворитка французского короля Людовика XV.

² Германия превыше всего (*нем.*) — слова из «Песни о Германии», ставшей после франко-прусской войны (1870–1871) государственным гимном объединенной Германии.

³ Пруссия (Preußen) — государство, а с 1871 — часть единой Германии.

⁴ *Евразийство* — идейно-политическое и философское течение 20–30-х годов в среде русской эмиграции. Началом движения считается выход в свет сборника «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения: Утверждения евразийцев». По мнению его авторов —

Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого (см. о нем примеч. 6 к письму 47), П.П. Сувчинского (см. о нем примеч. 3 к письму 30), Г.В. Флоровского, — пространство между Карпатами и Тихим океаном, названное ими Евразией, имеет собственный путь развития, отличный от такового Европы и Азии. Печатные органы евразийцев — «Евразийская хроника» и еженедельник «Евразия», членом редколлегии последнего был С. Эфрон. Эпиграф газеты — «Россия нашего времени вершит судьбы Европы и Азии. Она — шестая часть света Евразия — узел и начало новой мировой культуры». В редакции «Вёрст» к началу 1927 на позициях евразийства стояли П.П. Сувчин-

ский, Д.П. Святополк-Мирский и С.Я. Эфрон. В 1929 движение раскололось на «левое» и «правое» крыло. Лидерами первого были С. Эфрон и Д.П. Святополк-Мирский, ставшие активными членами Союза возвращения на родину, созданного в Париже.

⁵ Первый номер «Вёрст» (начало лета 1926) вызвал бурную негативную реакцию в эмигрантских кругах. «Последние новости», «Возрождение», «Дни» и «Современные записки» инкриминировали его авторам пропаганду большевистских идей. Зинаида Гиппиус назвала редакцию «Вёрст» просоветской, а поэзию Цветаевой — беспринципной.

⁶ *Милюков Павел Николаевич* (1859–1943) — историк, публицист, политический деятель, один из создателей и лидер партии кадетов, в 1917 министр иностранных дел Временного правительства. С 1918 в эмиграции, главный ред. газ. «Последние новости».

⁷ *Розанов Василий Васильевич* (1856–1919) — писатель, публицист, религиозный мыслитель. «Апокалипсис нашего времени» (9 вып. републ.: Вёрсты. 1927. № 2) ранее был издан в Сергиевом Посаде десятью выпусками (1917–1918), малым тиражом и был почти не доступен читателю.

Bellevue (S. et O.)
près Paris
31, Boulevard Verd
15-20 января 1927 г.

[1926 год исправлен на 1927]

Дорогая Анна Антоновна,

Итак — не приедете? Жаль. Почему-то поверила в чудо.

Думали ли Вы о том (конечно, думали!) что всё, что для других — просто, для Вас — чудо (и наоборот). Бытовая поездка в Париж, силой Вашего желания, сразу теряет свои естественные очертания, рельсы загибают — в никуда.

Жаль, но не всё потеряно, и знаю, что силой *своего* желания когда-нибудь добьюсь.

«Мне так хочется, что заведомо безнадежно» — или: «Тем, что мне так хочется — заведомо безнадежно». *Желание как обеспеченный неуспех.* (У Вас тоже так?) Желание как паралич жеста.

Не трусость. Не слабость. Не лень. *Чувство судьбы.* Heilige Scheu¹ — иначе не скажу.

От всей души хочу Вас, к Вам, быть с Вами. У меня с Вами покой и подъем. (Покой без подъема — скука. Подъем без покоя — тоска). Если бы Вы знали, как мне ску-у-учно с людьми!

В Праге мне было лучше (между нами), была обездоленная и благородная русская молодежь, добрая, веселая и любящая семья Чириковых, был С<ло>ним (отпал? отстал? — «тот поезд, на который все — опаздывают»², я — о поэте), — о Вас не говорю, было — при сравнительно нечастых — почему не чаще? — встречах — постоянно сознание Вашего сочувствия, сопутствия, присутствия. В Париже у меня друзей нет и не будет. Есть евразийский круг — Сувчинский³, Карсавин⁴, другие — любящий меня «как поэта» и меня не знающий, — слишком отвлеченный и ученый для меня, есть сожительство с русской семьей: бабушка, взрослые сын и дочь, жена другого сына, внук, — милые, но густо-бытовые — своя жизнь, свои заботы! — и больше нет ничего.

Так что — кажется главная моя, да нет — единственная моя радость с людьми — БЕСЕДА — отпадает.

Окончательно переселилась в тетрадь.

Муру через 2 недели год⁵, сниму и пришло. Кругломордый, синеглазый, в больших локонах. Аля — еще чуть-чуть и с меня, но переменялась мало, совсем не повзросела. С<ергей> Я<ковлевич> измотан и измаян, глотает мышьяк и еще что-то, но мало помогает.

О Рильке⁶ в другой раз. Германский Орфей, то есть Орфей, на этот раз явившийся в Германии. He Dichter — (Рильке) — Geist der Dichtung⁷.

Да! Очень прошу Вас, дорогая Анна Антоновна, — если действительно состоится лекция⁸ обо мне М.Л. С<лонима> — запомните возможно точнее, ведь это нечто вроде [зачеркнуты четыре слова] эпилога, нет, — некролога: целой долгой дружбы. Мне хочется знать, хорошо ли он знает — что потерял?

А о нем над гробом⁹ — хорошо сказали. Ребенок над разбитой игрушкой, с той разницей, что раньше сам ломал, а эта — сама сломалась. Что ломал-то — старые, а сломалась-то — новая!

Он совершенно бездушный человек. Бездушие беру не как порок, а как изъян* (не данное). Только двоих таких и знала. Первого сочла за ангела¹⁰, второго за героя (да, да), оба оказались — просто — формой.

С<лони>ма я знаю лучше, чем кто-либо.

Не забудьте, дорогая Анна Антоновна, возможно точнее, в его выражениях! — запомнить лекцию. Просто, тут же запишите — что понравится. Это для меня проверка — очень любопытного, ибо совсем непонятого явления: ПОЛНОГО ПОДОБИЯ ДУШИ — при полном отсутствии ее. А может быть — СЛОВЕСНАЯ душа? Не знаю.

Мой тот свет постепенно заселяется: еще Рильке! А помните штейнеровское¹¹:
Auf Wiedersehen!¹²

Нежно целую Вас, хочу к Вам в Прагу. Самый сердечный привет Вашей матушке и Августе Антоновне от всех нас.

Пишите.

МЦ

P. S. Корзина всё едет: теперь из Парижа в Bellevue (15 мин<ут>! — едет две недели!)

* Органический порок: как сердца — например.

¹ Священная боязнь, осторожность (нем.).

² Цитата из стихотворения Цветаевой *Поэт — издали заводит речь...* входящего в цикл *Поэты* (II, 184–186).

³ *Сувчинский Петр Петрович* (граф Шелига-Сувчинский; 1892–1985) — музыковед, литературный критик, пианист, публицист, теоретик евразийства. В эмиграции с 1920, жил в

Германии, во Франции. Возглавлял издательство «Евразия» (1922–1928), соредaktor сборника «Евразийский временник» (1923–1927). В конце жизни часто концертировал, занимался поисками молодых музыкальных талантов. Письма Цветаевой к нему опубли.: VI, 314–325 (см.: *Осинова Н.О.* Петр Сувчинский — адресат Марины Цветаевой. Девятая цветаяевская междунар. научн.-темат. конф. (Москва, 9–12 окт. 2001). М., 2002. С. 72–80).

⁴ *Карсавин Лев Платонович* (1882–1952) — историк-медиевист, философ, богослов. В 1922 выслан за границу на так называемом философском пароходе. Жил в Берлине, с 1926 — в Париже. Участвовал в евразийском движении. Его первоначальная антипатия к Цветаевой постепенно меняется почти на дружеское отношение. Через Карсавина и его семью А. Тескова посылала М. Цветаевой деньги и вещи. Из Парижа Карсавин переехал в Литву, где в 1928 стал профессором Каунасского, затем Вильнюсского университетов (1940–1946). В 1949 был арестован, приговорен к 10 годам заключения. Погиб в лагере (см.: *Лебедева М.С.* Неостывающая память. М.; Иваново, 1998. С. 102–129. Гл.: Поэт и метафизик. Марина Цветаева и Лев Карсавин: возможные партнеры).

⁵ Описка. Георгию в 1927 исполнилось два года.

⁶ *Рильке Райнер Мария* (Rilke; 1875–1926) — австрийский поэт, родился в Праге. В 1920 ему было предоставлено чехословацкое гражданство. Любимый поэт Цветаевой. Пастернак, зная об этом и желая чем-то скрасить ее эмигрантское существование, попросил Рильке послать Цветаевой во Францию его книгу, что тот и сделал. Цветаева ответила восторженным письмом, которое явилось началом их переписки, продолжавшейся полгода (см.: *Небесная арка: Марина Цветаева и Райнер Мария Рильке.* СПб., 1992; *Рильке Р.М., Пастернак Б., Цветаева М.* Письма

1926 года. М., 1990). Рильке посвятил Цветаевой одну из своих элегий — «Elegie für Marina», она ему (после смерти Рильке) — поэму «Новогоднее» (III, 132–136) и очерк «Твоя смерть» (V, 186–205).

⁷ Не поэт... — дух поэзии (нем.).

⁸ М.Л. Слоним прочел в Чешско-русской Едноте доклад о творчестве М. Цветаевой 11 февраля 1927.

⁹ В Праге трагически погибла невеста Слонима Л. Бучковская. Речь идет о ее похоронах. Годы спустя М. Слоним с горечью писал: «Она [Цветаева] ни словом, ни письмом меня не попыталась поддержать в этот момент, один из самых страшных в моей жизни. Это — странная какая-то ее жестокость, холод бесчувствия...» (*Лосская В.* Марина Цветаева в жизни. М., 1992. С. 318).

¹⁰ Речь идет о режиссере Ю.А. Завадском (1894–1977), которому посвящен цикл стихотворений «Комедьянт» (1918–1919; I, 450–462) и образ которого отразился в пьесе М. Цветаевой «Каменный ангел» (1919; III, 415–457).

¹¹ *Штейнер Рудольф* (1861–1925) — философ-мистик, основатель и глава международного антропософского общества. Жил и умер в Дорнахе, в Швейцарии. В бытность Цветаевой в Праге дважды выступал с докладами на немецком языке. 30 апреля 1923 супруги Эфрон присутствовали на его лекции «Развитие и воспитание человека в свете антропософии», которая состоялась в помещении Пражской товарной биржи. Позже М. Цветаева по памяти описывала свои впечатления о скучном докладе, о «юноше», похожем на протестантского проповедника и молодого Бодлера, «с движениями птицы», который не сказал «ничего нового, ничего примечательного, ничего своего». После доклада Цветаева попросила Штейнера сказать ей одно слово — на всю жизнь. «До свиданья», — ответил он (НСТ, 233–235).

¹² До свиданья (нем).

Bellevue (S. et O.)
31, Boulevard Verd
21-20 февр <аля> 1927 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Спасибо за полноту слуха и передачи¹, еще больше — за мужество отстаивать отсутствующего², — не о себе в Париже говорю, о себе в жизни говорю. Все мои друзья мне о жизни *рассказывают*, как моряки о далеких странах — мужикам. (Le beau rôle, как видите, в этом уподоблении — *n'est pas pour moi, — mais... je me fiche des beaux rôles!*³) Из этого заключаю, что я в жизни не живу, что впрочем ясно и без предпосылки. И вот Вы, мужественное сердце, решили меня — силой любви — воскресить в жизнь, — не воскресить, ибо никогда не жила — а явить в жизнь⁴. И что ж — час прожила. Брю и Слониму тоже, хоть не та же — благодарность.

А я наверное 11-го вечером, пока читалось и говорилось, как обычно летала по лестнице или варила на следующий день обед, п.ч. к вечеру — как пишущий — не го-жусь: целый день хотелось — нельзя было, можно — расхотелось, *размоглось*.

Кончила «Письмо к Рильке»⁵ — поэму. Очень точный образец моих писем к нему, но полнее других, п.ч. последнее здесь и первое там. Пойдет в № 3 «Вёрст». Сейчас пишу «прозу» (в кавычках из-за высокопарности слова) — т.е. просто предзвучие и позвучие — во мне — его смерти⁶. Его смерть в моей жизни растроилась: непосредственно до него умерла Алина старая Mademoiselle и непосредственно после (все на протяжении трех недель!) один русский знакомый мальчик Ваня. А в общем — *одна смерть* (одно воскресение). Лейтмотивом вещи не беру, а сами собой встали две строки Рильке:

Denn Dir liegt nichts an den Fragenden:
sanften Gesichtes
siehst Du den Fragenden zu⁷.

На многое (внутри) меня эта смерть еще подвигнет.

Внешне *очень* нуждаемся — как никогда. Пожираемы углем, газом, электр<ичеством>, молочницей, булочником. Питаемся, из мяса, вот уже месяцы — исключительно кониной, в дешевых ее частях: coeur de cheval, foie de cheval, rognons de cheval⁸ и т.д., т.е. всем, что 3 фр<анка> 50 фунт — ибо есть конина и в 7-8 фр<анков> фунт! Сначала я скрывала (от С<ережи>, конечно), потом раскрылось, и теперь С<ережа> ест сознательно, утешаясь, впрочем, евразийской стороной... конского сердца. (Чин-

гис-Хан⁹ и пр<очее>.) А Струве или кто-то из его последователей евразийцев в возродившейся (и возрожденской) «Русской Мысли»¹⁰ называет Чингис-ХАМАМИ. Впрочем, если немножко видите русские газеты — знаете. Я в стороне — не по несочувствию (большое!) — по сторонности своей от каждой идеи государства — по односторонности своей, м<ожет> быть — но в боевые минуты налицо, как СПУТНИК.

С<ережа> в евразийство ушел с головой. Если бы я на свете жила (и, пропуская целый ряд других «если бы») — я бы наверное была евразийцем. Но — ни идея государства, ни российское государство во мне не нуждаются, нуждается ряд других вещей, которым и служу.

Сторонне же говоря — евразийские семинары (Карсавин, Вышеславцев¹¹ и др.) — большое добро. Жаль, что их письменность, пока, ниже их устности — их нужно слушать, а не читать (не о названных говорю, хотя Карсавин, напр<имер>, в реплике — блестящ) —

№ III «Вёрст» обещает быть прекрасным. Не оповещаю только из суеверия. Попадался ли Вам на глаза № I «Русской мысли»? Единственный (и какой!) СВЕТ — письмо Рильке о Митиной Любви¹². Рильке — о Бунине¹³, — чувствуете всё великодушные Рильке? Перед Рильке — Бунин (особенно последний) анекдотист, рассказчик, газетчик.

Вспоминаю Прагу, и где можно, когда можно, — страстно хвалю.

Да! а С<ло>ним (подобие постоянной души — после лекции) тогда, конечно, был опьянен СЛОВОМ, т.е. путем слова раскрывающейся в нем души — неуловимой, ибо — тут же, с закрытием рта, улетающей. Пребывай она в нем — он был бы: ein grosser Mensch¹⁴.

Дорогая Анна Антоновна, Вы один из редких людей, которым мне постоянно хочется писать, а еще больше — говорить. Верю в — не сейчас, так потом — осуществимость Парижа, в поездку в Версаль, во всё, что расцветет во мне парижского — только с Вами.

Скоро переезжаем, хозяйка надбавила сразу 3 тыс<ячи> фр<анков>, из которых (живем двумя семьями) на нас приходится половина. Платить невозможно, — итак: прощай, сад! прощай, парк! Но в Bellevue с Вами всё-таки съездим — из какого-нибудь другого загорода, п.ч. в Париже, к счастью, жить невозможно.

Да, Вы наверное знаете, что Неандер¹⁵ (монархист, председатель Орэсо¹⁶, участник Зарубежного съезда¹⁷ и прочее — и прочее — и прочее) перешел к большевикам, а Ходасевич¹⁸ (друг и соотрапезник Горького, посетитель коммунистических кремлевских журфиксов, — затем сотрудник «Дней» — затем «Последних Новостей») — в «Возрождении»¹⁹ (Струве).

Оба продались.

Закончу письмо Муром и Алей. Мур понемножку, но говорит, — много слов и несколько фраз, отлично понимает картинки. Каждую ночь перелезает из своей кро-

вати в нашу с Алей — досыпаем ночь втроем. Аля образцовая сестра, но — бедная девочка — из-за смерти француженки не учится, так жаль. Француженка, по дружбе, брала 7 фр <анков> (!) за урок, дешевле 15 фр <анков>, не считая дороги, не найдешь. Иждивение мне пока из Чехии, слава Богу, идет. Напишите, дорогая Анна Антоновна, кого из чехов благодарить? Неловко — получать и молчать!

Целую Вас нежно, спасибо за любовь и память. Сердечные приветствия от С <ергея> Я <ковлевича> и меня Вашей матушке и сестре.

Пишите!

МЦ

Скоро масленица — как хотелось бы Вас пригласить на блины!

¹ М. Цветаева благодарит А. Тескову за рассказ о выступлении Слонима.

² М. Цветаеву (вероятно, благодаря помощи друзей) не лишили материальной поддержки из Чехословакии, о чем свидетельствует благодарность А. Тесковой «за мужество отстаивать отсутствующего».

³ Красивая роль... не для меня — но... я презираю красивые роли! (фр.).

⁴ Вечер, посвященный творчеству М. Цветаевой, с докладом Марка Слонима и чтением стихов Александром Бреем был организован Чешско-русской Еднотой 11 февраля 1927.

⁵ *Письмо к Рильке* — поэма «Новогоднее»; была закончена 7 февраля 1927. Оpubл.: Вёрсты. 1928. № 3 (III, 132–136).

⁶ См. примеч. 6 к письму 30.

⁷ Ибо вопрошающие тебе безразличны: с кротким лицом глядишь ты на обремененных (нем.). Неточная цитата из стихотворения Рильке *Gerüchte gehn, die dich vermuten* (Часослов).

⁸ Конское сердце, конская печенка, конские почки (фр.).

⁹ *Чингис-Хан* — Чингисхан (Тэмуджин; ок. 1155–1227) — основатель и великий хан Монгольской империи (с 1206), организатор завоевательных походов против народов Азии и Восточной Европы. Для евразийцев был знаковой фигурой (см.: *Хара-Даван Э.* Чингиз-хан как полководец и его наследие. Белград, 1929).

¹⁰ *Русская мысль* — ежемесячный литературно-политический журн. (под ред. П.Б. Струве). Последовательно издавался в Софии,

Праге, Берлине (1921–1923). Говоря о «возродившейся» «Русской мысли», М. Цветаева имеет в виду попытку Струве в 1927, после четырехлетнего перерыва, издавать этот журнал в Париже. Называя «Русскую мысль» «возрожденской», Цветаева тем самым сближает ее с газ. «Возрождение», где евразийцы подвергались резкой критике.

¹¹ *Вышеславец Борис Петрович* (1877–1954) — философ, профессор Московского университета, преподаватель русского Богословского института в Париже. Вместе с Карсавиным участвовал в так называемых Евразийских семинарах.

¹² Письмо Р.М. Рильке, в котором он анализирует «Митину любовь» И.А. Бунина, перевел Г.П. Струве. Его статью и письмо «Р.М. Рильке о И.А. Бунине» см.: *Русская мысль*. 1927. № 1.

¹³ *Бунин Иван Алексеевич* (1870–1953) — писатель, почетный член Петербургской академии наук (1909). С 1920 в эмиграции во Франции. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1933). Член и председатель (1921–1922) парижского Союза русских писателей и журналистов, один из организаторов изд-ва «Русская земля», член Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции. Цветаева не любила творчество Бунина. Их неприязнь была взаимной. Бунин упрекал Слонима за его восхищение поэзией Цветаевой (см.: МЦКС I, 309–312). Критикуя «Вёрсты», он не пощадил поэта (см.: МЦКС I, 298–300). Однако, делясь Нобелевской пре-

мией с литераторами-эмигрантами, Бунин не забыл и М. Цветаеву.

¹⁴ Большой человек (нем.).

¹⁵ *Неандер Борис Николаевич* (1893–1931) — юрист, в эмиграции с 1920. Видный политический деятель, председатель Объединения русских эмигрантских студенческих организаций (ОРЭСО) и Союза русских студентов в Праге. Позже жил в Париже. Был разоблачен как большевистский агент. После возвращения в СССР работал в газ. «Вечерняя Москва».

¹⁶ ОРЭСО было основано в октябре 1921, в него входило 37 студенческих организаций из разных стран, существовало до конца 1934.

¹⁷ Российский зарубежный съезд проходил в апреле 1926 в Париже. В нем участвовали представители русских диаспор почти 30 государств. Съезд стал одним из центральных моментов общественно-политической жизни русской эмиграции.

¹⁸ *Ходасевич Владислав Фелицианович* (1886–1939) — поэт, критик, переводчик, литературовед. В эмиграции с 1922. В одной из статей он писал: «Восхваление внутрисоветской литературы и уверения в мертвенности литературы зарубежной стали в последнее время признаком хорошего тона и эмигрантского шика. Восхитительная сказка Марины Цветаевой, конечно, представляет собой явление, по значительности и красоте не имею-

щее во внутрисоветской поэзии ничего не только равного, но и хоть могущего по чести сравниться с нею» (*Ходасевич В.* Заметки о стихах: Марина Цветаева «Мблodeц» // Последние новости. 1925. 11 июня. С. 4; МЦКС I, 185–191). С Цветаевой был знаком в Москве. Позже признавался: «Сквозь все несогласия с ее поэтикой и сквозь все досады — люблю Цветаеву» (*Возрождение*. 1928. 19 июня). См. статьи и рецензии В. Ходасевича в МЦКС I, по имен. указ. О его отношении к Цветаевой Семен Карлинский писал: «В течение почти двух десятилетий [...] этих двух поэтов разделяло взаимное непонимание и даже недоверие [...]. Тем более знаменательно [...] литературное и личное сближение этих мастеров русской поэзии, осуществившееся к 1930-м годам» (*Карлинский С.* Письма М. Цветаевой к В. Ходасевичу // *Новый журнал*. 1967. Кн. 89. С. 102). Несправедливое ироническое замечание Цветаевой о Ходасевиче как «посетителе коммунистических журфиксов» связано с его очерком «Белый коридор. Из кремлевских воспоминаний» (1925). Позже Цветаева посвятила Ходасевичу воспоминания об Андрее Белом «Пленный дух».

¹⁹ *Возрождение* — ежедневная русская газ., выходившая в Париже (1925–1940) под ред. П.Б. Струве (1925–1927) и Ю.Ф. Семенова (1927–1940).

[Письмо Ариадны Эфрон]

Bellevue, 21 февраля 1926 г.¹

Дорогая Анна Антоновна,

Спасибо Вам за чудное пальто, в котором уже хожу, и за очень вкусные конфеты, которые уже съедены.

Корзина привезла много приятных, давно забытых вещей, игрушек, книг. Среди вторых приехал мой старый медведь, которого я подарила Муру на его двухлетие.

Здесь вчера, неожиданно, среди полной весны пошел снег, пошел так же мгновенно, как и ушел. Здесь все так случается, неожиданно, сразу. Таковы и сами французы.

Здесь мы с Муром ведем почти одинаковую жизнь, встаем, едим, гуляем вместе. Он очень вырос, говорит довольно много и больше всех любит папу, а меня меньше всех. Я много читаю по-французски, прозу и стихи, старинные и новые.

Целую Вас крепко, и еще раз благодарю за подарки. Привет Вашей маме, желаю ей здоровья, и Вашей сестре.

Ваша Аля

[Приписка рукой М. Цветаевой]

Ради вакхова возгласа вслед Тезею: *БОГ!* и была написана вся вещь. Ваше прозрение — гениально.

МЦ

¹ Описка: 1927 год.

*Мёдон, третий день Пасхи [26 апреля] 1927 г.
(Meudon S. et O. 2, Avenue Jeanne d'Arc¹).*

Воистину Воскресе, дорогая Анна Антоновна!

Последнее мое письмо к Вам явно пропало, написала Вам тотчас же по переезде в соседний городок на новую квартиру, около месяца назад.

Квартира удобная и недорогая: три комнаты (две порядочных, одна — моя — маленькая), ванная, крохотная кухня (вроде клетки для гориллы, — я очень точна), собственное центральное отопление — всё это 350 фр<анков> в месяц. (Отопление, конечно, наше). Но — немеблированная, пришлось обростать, вернее — спешно обрости — вещами. Кое-что дали, часть купили в рассрочку. Контракт на три года. Для Вас — отдельная комната, когда бы ни приехали — моя. Сплю с детьми, а работать я бы спокойно могла в Вашем присутствии. Совсе не оставляю мечты о Вашем приезде, очень верю в него, как во всё естественное, изнутри-полагающееся*.

Читаю Ваше письмо и улыбаюсь: маленькая Прага — и сколько имен и событий. А у меня большой Париж — и rien², м.б. оттого, что не хочу: не ищу. Окружена евразийцами — очень интересно и ценно и правильно, но — есть вещи дороже следующего дня страны, даже России. И дня, и страны.

В порядке действительности и действенности евразийцы — ценность первого порядка. Но есть порядок — над-первый, au dessus de la mêlée³, — МОЙ . Я не могу принять всерьез завтрашнего лица карты, потому что есть после-завтрашнее и было — сегодняшнее и, в какой-то день, совсем его не будет (лица). Когда дерутся на улицах — я с теми или с другими, сразу и точно, когда борьба отвлеченная, я (честно) ничего не чувствую, кроме: было, есть, будет.

Меня в Париже, за редкими, личными исключениями, ненавидят, пишут всякие гадости, всячески обходят и т.д. Ненависть к ПРИСУТСТВИЮ В ОТСУТСТВИИ, ибо *нигде* в обществ<енных> местах не бываю, *ни на что ничем* не отзываюсь. Пресса (газеты) сделала свое. Участие в «Вёрстах», муж — евразиец и, в итоге, у меня КОМСО-МОЛЬСКИЕ стихи, и я НА СОДЕРЖАНИИ у большевиков.

Schwamm (und Schlamm!) drüber!⁴

Из «Совр<еменных> Зап<исок>» ушла — вежливо и громогласно — за публичное обвинение Вишняком⁵ (одним из редакторов) — «Вёрст» — в погромности. О «Возрождении» и «Посл<едних> Новостях» нечего и говорить, «Дни» давно кончи-

лись. Не печатаюсь *нигде*. Из всей заграничной печати — «Воля России», пребывавшая верной, и «Вёрсты», *МЕЖДУ НАМИ* зависящие (говорю о существовании их) исключительно от доброй воли, вернее самоволия Св<ятополка> Мирского⁶, достигающего на них — по фунту, по два — деньги у англичан. Очень капризен, временами ГРУБ, (перепечатка во II № *омерзительной* «Москвы» Белого⁷ и Алданова-Тынянова, *всеми читанного*⁸, дело его рук. Иначе — «к черту Вёрсты!» *Между нами!*)

Но — неожиданное везение. Нашелся издатель для моей последней (1922 г<од> — 1925 г<од>) книги стихов⁹, большей частью возникшей в Чехии. (Чехия минуя два первых берлинских месяца). Издатель, очень любящий мои стихи и хотящий, чтобы они были. Книга (ТОЛЬКО ВАМ!) называется «ПОСЛЕ РОССИИ» — хорошо? Я в этом названии слышу многое. Во-первых — тут и слышать нечего — простая достоверность: все — о стихах говорю — написанное после России. Во-вторых — не Россией одной жив человек. В третьих — Россия во мне, не я в России (Сережины слова, уходя на Дон. *NB!* Для нас Россия была Москва). В четвертых: следующая ступень после России — куда? — да почти что в Царство Небесное!

А в общем название скромное и точное.

О книге никому ни слова (выйдет осенью!) — СГЛАЗЯТ. Здесь никому не говорю.

Живем вблизи большого мёдонского леса, наша Avenue Jeanne d'Arc в него входит. Но, к сожалению, окраина леса заселена семьями и парочками, а дальше, с Муром, круто. Нужно идти по крайней мере полчаса, чтобы обрести лес. Полчаса *моих* — с Муром полтора часа. В Чехии было лучше.

Мур очень большой, говорит — всё для него необходимое, кудрявый, красивый, толстый, ловкий, — изящный медведь. Одолевает живостью, весь день погоня за ним по всем комнатам. Всё трогает и присваивает. В общем — настоящий здоровый (тьфу, тьфу, не сглазить!) ребенок, была бы няня — всё было бы просто. Але няня не была нужна — были. Муру необходима — не будет. Ласков, не терпит расставаний, отца любит больше всех. Первая его самостоятельная фраза была: «Налóду масса» с — через несколько дней — прибавлением — «дéни мало» (Народу масса, денег мало). Этим встречает, занимает и провожает всех чужих.

Слишком много черной работы и людей. Вот мой вздох. *Все* утра пропадают: 4 раза в неделю рынок, нельзя пропускать. Остальные три — случайность насущных и насущность случайных дел. Кроме утренней еды всем и готовки обеда — ну, белье сосчитать, ну — выстирать, ну — срочно зашить, много — ну... Аля очень помогает, но от природы медленна, это часто раздражает. В общем хорошая здоровая красивая девочка — очень красивая, хорошеет день от дня. Уже почти с меня ростом, будет больше. Не учится. Когда есть время — читает.

— О распорядке дня. После завтрака — (около часу) — прогулка с Муром приблизительно до четырех, в 4 все опять хотят есть — кто хочет, кто должен — так, до 5 ч<асов>, а в 5 ч<асов> — только сядешь за тетрадку — какой-нибудь гость,

всегда *редкий*, (п.ч. знакомых — туча!) — даже сердиться нельзя. Нужно кормить, а в 7 ч <асов> обед, а потом чай, а потом Мур идет спать, а потом я уже больше ничего не могу и не хочу. День *раздроблен*, сплошные «фрагменты».

За зиму написала — меньше половины «Федры», письмо к Рильке (поэма), прозу о Рильке: «ТВОЯ СМЕРТЬ»¹⁰ (около двух листов), которую и предлагаю Вам для перевода. Содержание: о соседстве могил, — рассказ о смерти M-elle Jeanne Robert¹¹ — рассказ о смерти русского мальчика Вани — попытка истолковать смерть Рильке. Лирическая проза. Вещь будет переведена на франц <узский> и на немецкий, была бы *счастлива*, если бы Вы перевели ее на чешский. Вещь вне-национальная, *над-национальная*. Пойдет в след <ующем> № «Воли России», пришлю уже в корректуре. Кажется — хорошая вещь. Ведь Россия на смерть Рильке ничем не ответила, это был мой долг. (Россию он любил, как я Германию, всей непричастностью крови и свободной страстью духа). В предпоследнем письме его вопрос: как слово «Nest — in Deiner Sprache, die so nah ist, alle zu sein»...¹²

Поэма к нему пойдет в № III «Вёрст».

(Сейчас, кстати, жду его секретаршу¹³, русскую, работавшую у него два последних месяца его жизни. Боюсь только — судя по ее письмам — простовата. У меня впечатление, что для нее Р <ильке> просто большой поэт и хороший человек. — Напишу.)

У нас, дорогая Анна Антоновна, очень похожие жизни: сплошной черновик. И очень похожие — другие жизни, *те*. Проще: и здесь и там живем одной жизнью, здесь *на́черно*, там *на́бело*. Прага или Париж — неважно. Впрочем, ЯВНО предпочитаю Прагу. В Париже нужно жить Парижем, иначе ты в нем и он для тебя бессмысленен. Кроме того, Париж — рассредоточенен, с архипелагом сердец, у Праги же один центр — рыцарь. (Показательно для современной Праги, что он *под мостом!* Мы с Вами тоже *под мостом!*). Моя мечта (пока несбыточная) когда-нибудь приехать к Вам погостить: побыть собой. Мы бы с Вами бродили по Праге и непременно проехали бы вглубь страны, в *дичь*.

Да! у меня в книге будет только два посвящения: одно Пастернаку, другое (весь цикл) Вам¹⁴. Он уже переписан и на днях пойдет в набор. Какой — пока не скажу. — Мой самый любимый и совершенно связанный с Вами. —

Целую Вас от всей души, люблю, помню, жду.

МЦ

С <ергей> Я <ковлевич> шлет Вам всем сердечный привет и память. Он говорит, что вы его принимали, как родного. Здоровье С <ергея> Я <ковлевича> плохо, очень кашляет, выглядит ужасно. Кроме того — печень.

У нас в лесу дикие гиацинты — синие. Большие, с сильным запахом. Аля приносит охапки!

* Вы приедете изнутри себя, а не извне событий.

¹ Мёдон (Сена и Уаза). Авеню Жанны д'Арк, дом № 2.

² Ничего (фр.).

³ Над схваткой (фр.).

⁴ Оставим это! (нем.).

⁵ *Вишняк Марк Вениаминович* (1883–1975) — эсер, публицист, политический деятель, юрист. Критически относясь к монархии, был решительным противником Октябрьского переворота. В эмиграции с 1919. Один из ред. «Современных записок», где вел постоянный раздел «На Родине». В 1940 переехал из Франции в Нью-Йорк.

⁶ *Святополк-Мирский Дмитрий Петрович*, князь (1890–1939) — литературовед, критик, публицист, поэт, переводчик. В эмиграции с 1920 (Польша, Греция), с 1921 в Англии; участник евразийского движения (с 1922), учредитель и соред. журн. «Вёрсты» (1926–1928), член редколлегии газ. «Евразия» (1928–1929); в 1932 вернулся в СССР, в 1937 арестован, погиб в лагере.

Первоначальное восприятие Мирским Цветаевой: «Талантливая, но безнадежно распущенная москвичка» (см.: Предисловие // Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. Париж, 1924) скоро изменилось. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что он в марте 1926 пригласил ее в Лондон прочесть лекции. А позже он писал: «Единственная действительно исключительная — М. Цветаева, которая именно в эмиграции дала всю меру своей гениальной силы («Поэма Конца», «Поэма Горы», «После России») — но она особенно мало типична для эмигрантской литературы и какие у нее есть точки соприкосновения с другими поэтами современности — все в Москве (Пастернак, Маяковский). Эмигрантская литература почти не считала ее за свою» (*Святополк-Мирский Д.* Заметки об эмигрантской литературе // Евразия. 1929. 5 янв. № 7. С. 6; МЦК I, 397 и имен. указ.; см. также: Contemporary Russian Literature. L., 1926; *Mirsky D.P.* Uncollected writing on Russian Literature. Berkley, 1989.

⁷ Видимо, негодование М. Цветаевой вызвала попытка А. Белого в романе «Москва»

пойти на компромисс с новой советской идеологией. *Белый Андрей* (Борис Николаевич Бугаев; 1880–1934) — поэт, прозаик, теоретик символизма, литературный критик, мемуарист. В 1921–1923 жил в Германии, был одним из организаторов и первым председателем берлинского Дома искусств, ред. журн. «Эпопея». В Берлине А. Белый сблизился с эмигрировавшей М. Цветаевой, дружбе оба остались верны на всю жизнь. Живя в Чехословакии, Цветаева хлопотала о том, чтобы Белый смог получить стипендию чехословацкого правительства, для этого был необходим его приезд в Прагу. Но в конце 1923 Белый вернулся в Россию (см.: *Белый А.* Поэтесса — певица // Голос России. 1922. № 971; МЦК I, 95–99).

⁸ *Алданов-Тынянов, всеми читанный...* В этом номере «Вёрст» печатался фрагмент из книги Ю. Тынянова «Кюхля». М. Цветаева сравнивает Тынянова как автора исторических произведений с М. Алдановым, чьи исторические романы были в эмиграции хорошо известны. *Тынянов Юрий Николаевич* (1894–1943) — историк и теоретик литературы, писатель; *Алданов Марк Александрович* (наст. фам. Ландау; 1886–1957) — прозаик, эссеист, публицист. В эмиграции с 1919 (см.: *Мартынов А.В.* Марина Цветаева и Марк Алданов (по материалам архива М.А. Алданова) // Лики Марины Цветаевой: XIII межд. научн.-темат. конф. (9–12 октября 2005). Сб. докладов. М., 2006. С. 173–177).

⁹ *После России* — последний прижизненный сборник стихов (Париж, 1928) М. Цветаевой помог издать *Путерман Иосиф Ефимович* (1885–1940), выходец из России, служащий советского торгпредства в Париже, бывший пайщик издательства «Плеяда» (см.: *Фрезинский Б.* Все это было в XX веке: Заметки на полях истории. Винница, 2006. С. 369–380). М. Слоним, считавший Цветаеву «своеобразным и большим поэтом», «наиболее ярким представителем современной русской поэзии», откликнулся на выход сборника в свет статьей, в которой опровергал мнение тех, кто утверждал, что стихи Цветаевой непонятны: «Наоборот, ее стихи до того определены, их

выражения до того точны и сжаты, что порою они достигают математической четкости» (Дни. 1928. 17 июня; МЦВК I, 343–346).

¹⁰ Прозу *Твоя смерть* М. Цветаева закончила писать 27 февраля 1927, опубл.: Воля России. 1927. № 5/6; V, 186–205) В переводе А.Тесковой на чешский была напечатана в журн. «Lumír» (Лумир. Прага, 1928. № 6/7).

¹¹ Мадемуазель Жанна Роббер.

¹² «Гнездо — в Твоем языке, который так близок стать всеобщим...» (нем.).

¹³ *Черносвитова Евгения Александровна* (1903–1974) — переводчица, секретарь Р.М. Рильке в 1926. Приводила в порядок его корреспонденцию, переписывала перевод французского поэта Поля Валери для издательства «Инзел», читала ему вслух. После кончины Рильке выполнила его поручение: послала Цветаевой «Греческую мифологию», которая была ей необходима для работы.

¹⁴ См. примеч. 1 к письму 2.

[Письмо Ариадны Эфрон]

Дорогая Анна Антоновна,

Я очень обрадовалась, получив Вашу открытку. У нас теперь тоже хорошо, весь лес зеленый и полон цветов. Мы с Муром гуляем очень много, он уже большой и довольно хорошо говорит.

Я бы хотела вернуться в Чехию, или чтобы Вы сюда приехали, я бы Вам показывала Париж, как Вы мне показывали Прагу. У нас в Meudon'e есть чудная церковь 15 века, огромная, с лестницами, разноцветными окнами и солнечными часами. Я ее очень люблю и представляю себе ее наполненную дамами и *seigneur'*ами¹ тех времен. Мне всегда прошлое нравится больше настоящего. Конечно, Париж и Франция так не сохранили свою старину, как Чехия, но и тут есть совсем неожиданные остатки старины: возле 7-миэтажного дома — полуобвалившиеся ворота 17 века или какой-нибудь Андерсеновский домик тут же примостившийся.

Я сейчас не учусь, но читаю много и довольно прилично говорю по-французски. Напишите мне про Вас и всех Ваших, и про Прагу!

Целую Вас крепко, так же, как Вашу Маму и Сестру.

Ваша Аля
Meudon 28 апреля 1927 г.

[Приписка М. Цветаевой]

Только что получен Ваш подарок. Спасибо от всего сердца! Благодарить подробнее — смущаюсь, прочтите всё ненаписанное. Сердечный привет Вашим.

¹ Сеньорами (фр.).

Meudon (S. et O.),
2, Avenue Jeanne d'Arc
4-20 Октября 1927 г.

Дорогая Анна Антоновна, начнем по порядку. Вам по адресу Grégrova, č<íslo> 1190 лежат по крайней мере *четыре письма*. Мы никогда не переставали писать Вам, никакого перерыва не было. Последнее письмо отослано дней 10 назад, и я всё ждала на него ответа. Справьтесь в местном почтовом отделении, письма должны быть там, потому что обратно не вернулись, хотя на обороте каждого был обратный адрес. Удивительная тупость почты! Вы столько лет живете на Грегровой, переехали через несколько домов, и писем не доставляют! Почтальон же должен Вас знать! Сейчас Вы уже поняли, в чем дело: мы писали č<íslo> 1190, а Вы переехали в č<íslo> 12, причем письма с переменной адреса мы не получили, впервые вижу, это č<íslo> 12 на Вашей вчерашней открытке. Я в большом огорчении: неужели Вы могли подумать, что я просто Вам не пишу? Нет, писала и я, и Аля, много раз. По-моему, первое пропавшее письмо было до рукописи о Рильке, — отослала письмо, потом рукопись, и на письмо уже не получила ответа. Это было много месяцев тому назад. Всё писала, а Вы всё не получали. Пошлите заявление на почту, все наши письма там.

Повторю вкратце последнее. 8-го сентября мы должны были ехать на Океан — на месяц — ; нам предоставляли целый дом. Взяла ряд авансов на билеты, всё уже было готово... и 2-го, т.е. меньше чем за неделю, заболевает Мур. Болезнь началась рвотой и сильным жаром, на другой день заявила сыпь. Позвали доктора: краснуха. Мур пролежал 3 недели, а 18-го, в день Алиного рождения (5/18 сент<ября>), заболела я. Краснуха оказалась скарлатиной. 19-го слегла Аля, дом превратился в лазарет. Лежу уже 17 дней, нужно ещё 10. Жар прошел, сыпь тоже, но нужно лежать, п.ч. после скарлатины часто бывают всякие гадости, если рано встать, напр<имер> — порок сердца. Сильнее всех болела я, у Али даже не было сыпи, — только несколько дней поболело горло. Я же целую неделю не могла спать из-за безумной боли рук, ног и шеи, — отравление токсинами. Теперь всё хорошо, нужно надеяться, — хотя бывают всякие сюрпризы — что пройдет бесследно. В общем, во Франции скарлатина легкая, не то, что в России, где от нее сплошь да рядом умирали, особенно взрослые. Так, напр<имер>, умерла первая жена Вячеслава Иванова¹, писательница Зиновьева-Ганнибал², заразившись от детей.

Но увы! Конверт с дорожными деньгами, тщательно заклеенный, чтобы не истратить «на жизнь», — пуст. Всё ушло на врачей и на лечение. Но главного я Вам не сообщила: я *побрилась*. Брилась уже два раза, после третьего начну обрастать. После скарлатины сильно лезут волосы, не выношу этого ощущения: лучше *ничего*, чем мало! Пишу Вам лежа, в детском голубом колпаке. Великодушные знакомые сравнивают меня кто с римлянином, кто с египтянином.

Мур и Аля на ногах, оба похудели. Мур целый месяц просидел дома, без воздуха здоровья нет. Теперь уже выходит. Говорит решительно всё и обожает рассказы. Очень живой. Но в общем послушный и совсем не капризный. Спит с Алиным чешским медведем, про которого говорит, что: «неведь не умеет сказки рассказывать Муру». Когда убежусь, что письма на Grégrov'у 12 доходят, пришлю Вам его фотографию. Большая просьба: если среди Ваших знакомых есть мальчишки старше него, т.е. лет 4-ех-6-ти, хорошо было бы достать для Мура костюм, он из всего вырос, а покупать очень дорого. С 2-3-летнего на него не подойдет, он *громадный* и толстый. Можно только с ребенка намного старше. Хорошо бы и белье и чулки. Скоро будет оказия. В Праге сейчас сын Варшавского, через две недели поедет обратно, можно было бы дать ему. Но не беспокойтесь зря, если трудно — совсем не начинайте.

А вот моя большая мечта. Нельзя ли было бы устроить в Праге мой вечер, так чтобы окупить мне проезд туда и обратно, — *minimum* 1.000 крон. Приехала бы в январе-феврале на две недели, остановилась бы, если бы Вы разрешили, у Вас. Мы провели бы чудных две недели. Для этого нужно было бы продать 200 бил<етов> по 5 крон или 100 билетов по 10 кр<он>. Неужели же это невозможно?? Хорошо бы притянуть чехов. В устройстве помогли бы Брэй, Альтшуллер³ и Еленев⁴. Мое решение *вполне серьезно*, я очень соскучилась по Вас и иного выхода не вижу. Кроме того, мне очень хочется написать о Чехии, за две недели Вы бы мне многое рассказали, походили бы с Вами по музеям, м.б. съездили бы в какие-нибудь окрестности, я бы *записывала*, а приехав в Париж, — написала бы. Это моя давняя мечта. Напишите, что Вы об этом думаете?

К февралю я бы порядочно обросла (не забудьте, что я бритая!) и, в крайнем случае, могла бы выдать свою стриженую голову за последнюю парижскую моду. Вы бы встретили меня на вокзале, — подумайте как чудно! Давайте осуществим. Никакому Океану я так не радовалась, как сейчас — мысли о Праге.

С нетерпением жду ответа. *Всё дело в тысяче крон.*

С<ергей> Я<ковлевич> всячески приветствует мою мысль. Он, бедный, сейчас совсем извелся с нашими болезнями и лечениями. А тут еще евразийские дела, корректуры «Вёрст» (скоро выходит 3 №). Много о евразийстве расскажу устно.

Пока кончаю, простите за почерк, пишу лежа и бумага танцует. Самый сердечный привет от С<ергея> Я<ковлевича>, Аля крепко целует и напишет в следующем. Не хочу задерживать этого.

Целую нежно Вас и Ваших. Справьтесь о письмах!
 Всем сердцем Ваша

МЦ

¹ *Иванов Вячеслав Иванович* (1866–1949) — поэт, филолог, теоретик русского символизма. В 1905–1906 в его квартире в Петербурге, в так называемой Башне (Таврическая, 25), устраивались знаменитые «среды» — собрания литераторов. Переводил древнегреческую, итальянскую и французскую поэзию. С 1924 жил в Италии.

² *Зиновьева Лидия Дмитриевна* (Зиновьева-Аннибал; 1866–1907) — вторая жена Иванова. Прозаик, драматург, критик. Умерла, заразившись скарлатиной от крестьянок, за которыми ухаживала в деревне.

³ *Альшутлер Григорий Исаакович* (1895–1983) — врач. Окончил Пражский университет (1925), сын известного врача И. Альшут-

лера, лечившего А.П. Чехова и Л.Н. Толстого. Цветаева заранее сказала ему, что позовет его, когда придет время рожать, и позже утверждала, что он спас ее и новорожденного Георгия. Г.И. Альшутлер стал профессором Карлова университета в Праге; после войны жил в США.

⁴ *Еленев Николай Артемьевич* (1894–1967) — историк, искусствовед, писатель и критик, член Союза русских писателей и журналистов. Вместе с С. Эфроном прошел путь из Галлиполи в Прагу. Семьи Еленевых и Эфрон дружили. После Второй мировой войны Еленев пересел в США. Автор воспоминаний о М. Цветаевой (*Еленев Н.* Кем была Марина Цветаева? // Грани. 1958. № 39; МЦВС II, 16–43).

[Письмо С.Я. Эфрона]

Дорогая Анна Антоновна,

Хочу от себя прибавить несколько слов о поездке Марины к Вам в Прагу. Если бы Вы сейчас видели М<арину> и поговорили бы с ней немного, — Вам стало бы ясно, до какой степени она нуждается в отдыхе — не только физическом (к<оторый> не так трудно предоставить ей и здесь в Медоне), но и душевном — духовном.

М<арина> непрерывно живет в фантастическом творческом напряжении. За прошлый год ею написаны трагедия, четыре поэмы, ряд стихотворений и много прозы. Так, как она, — никто не работает (и это при очень трудной домашне-бытовой жизни).

Притока впечатлений извне нет совершенно. Нельзя годами питаться лишь из внутренн<его> мира. Необходима смена воздуха, всей обстановки, людей.

Поездка в Прагу — к Вам зарядит ее на месяцы и месяцы работы.

И... но об ее отношении к Вам писать мне нечего. Вот.

Мне думается, что скромный вечер при помощи Марининых друзей устроить будет не так трудно.

Всего Вам доброго.

Привет всем Вашим.

С. Эфрон

Meudon, S. et O.
2, Avenue Jeanne d'Arc
20-20 Октября 1927 г.
№ 1¹

Дорогая Анна Антоновна, сердечное спасибо за письмо и подарок, оба дошли. Я уже неделю как встала, всё хорошо, кроме боли в кистях рук, так и оставшейся, — оставляю ее на каком-нибудь летнем холме.

Страшно обрадована относительной возможностью поездки к Вам, март — очень хорошо, успеют отрасти волосы. Кстати, нынче бреюсь в седьмой и последний раз, очень трудно остановиться, — понравилось — но С<ергей> Я<ковлевич> возмущен и дальше брить отказывается.

Вчера сдала последнюю корректуру своей книги стихов «После России». Из 153 стр<аниц> текста — 133 стр<аницы> падают на Прагу. Пусть чехи убедятся, что не даром давали мне иждивение все те годы. За Чехию у меня написаны: «После России», «Мблodeц»², «Тезей», «Крысолов», «Поэма Горы», «Поэма Конца»³ и ряд прозаических вещей. Очень помогала *природа*, которой здесь *нет*, ибо лес с хулиганами по будням и гуляющими по праздникам — не лес, а одна растрava.

Знаете, как странно? Помните мою дружбу с волероссийцами, особенно — с М<арком> Л<ьвовичем>? Видела его за всё время — один раз⁴, т.е. с самого его переезда во Францию. Самым преданным оказался Лебедев, с которым я меньше всего водила дружбу. Он, действительно, искренно расположен, единственный из них откликнулся на все наши беды. А М<арк> Л<ьвович> оказался совершенно бездушным, — помните мои слова о нем, после смерти его невесты? Всё, на что его хватает, влюбленность в очередную и хроническое кокетство с дочерью, кстати очень на него похожей: «Je n'aime pas les roupées cassées». — «Mais puisque c'est toi qui l'a cassée» ... «Pas une raison pour l'aimer. Tant pis pour elle!»⁵. Живут рядом с нами, в меня влюбляется каждый раз, как видит. Тоже вроде отца.

Читаете ли Вы травлю Евразийцев в «Возрождении», «России»⁶, «Днях»? «Точные сведения», что Евразийцы получали ОГРОМНЫЕ СУММЫ от большевиков. Доказательств, естественно, никаких (ибо быть не может!) — пишущие знают эмиграцию! На днях начнутся опровержения, — как ни гнусно связываться с заведомо-лжецами, — необходимо. Я вдалеке от всего этого, но и мое политическое бесстрашие по-

колеблено. То же самое, что обвинить *меня* в большевицких суммах! Так же умно и правдоподобно.

С<ергей> Я<ковлевич>, естественно, расстраивается, теряет на этом деле последнее здоровье. Заработок: с 5 1/2 ч<асов> утра до 7–8 веч<ера> игра в кинематографе фигурантом за 40 фр<анков> в день, из к<отор>ых 5 фр<анков> уходят на дорогу и 7 фр<анков> на обед, — итого за 28 фр<анков> в день. И дней таких — много — если 2 в неделю. Вот они, большевицкие суммы!

Скоро выходит 3-ий сборник «Вёрст» — *очень* хороший. Много о евреях.

Большая просьба, дорогая Анна Антоновна, узнайте в бывшей «Воле России» (Uhelny trh, č<íslo> 1) судьбу моего ящика с книгами (на нем *мои* буквы), брошенного М<арком> Л<ьвовичем>, несмотря на мои горячие просьбы переслать. М.б. еще можно сыскать след. Ящик средний, русские и немец<кие> книги. Если найдется, *приютите*.

Кончаю, иду на рынок, дождь, неприятно. Как Ваш перевод? Как здоровье всех? Аля и я крепко целуем. На Ваш подарок Муру и Але будут куплены башмаки.

Сердечно Ваша

МЦ

Р. С. Кому из чехов советуете послать книгу? Выйдет недели через две.

¹ Вероятно, в связи с потерей на почте нескольких писем Цветаева решила письма нумеровать.

² *Молодец* — поэма-сказка на сюжет сказки А.Н. Афанасьева «Упырь» (Молодец. Сказка. Прага: Пламя, 1924. Обложка работы Н.И. Исцеленнова).

³ *Поэма Горы* и *Поэма Конца* были написаны в Чехии. Поводом для их написания была любовь Марины Ивановны к К.Б. Родзевичу и разрыв с ним (см. о нем примеч. 2 к письму 38). Первая окончена 1 февраля 1924 (Вёрсты. Париж, 1926. № 1; III, 31–50); вторая — 8 июня 1924 (альманах Ковчег. Прага, 1926. № 1; III, 24–30). Тема поэм — начало и конец любви, но не только, обе многоплановы и многозначны. Образы-символы «Поэмы Горы» и «Поэмы Конца» семантически связаны. Пас-

тернак писал Цветаевой 25 марта 1926 о «Поэме Конца» как о «бездне ранящей лирики», «Микеланджеловской раскидистости». «Так должны шевелиться *губы* человеческого *геня*... Так, так именно, как в ведущих частях этой поэмы. [...] Какой ты большой, дьявольски большой артист, Марина!» (*Цветаева М., Пастернак Б.* Души начинают видеть: Письма 1922–1936 годов. М., 2004. С. 148–149).

⁴ См. примеч. 6 к письму 24.

⁵ Не люблю сломанных кукол. — Но раз ты ее сломала... Это не значит, что ее надо любить. Тем хуже для нее! (*фр.*).

⁶ *Россия* — еженедельная газ. (под ред. П.Б. Струве; 1927–1928), с декабря 1928 по 1934 — «Россия и славянство» (при участии П.Б. Струве и под ред. К.И. Зайцева).

Мёдон, 28-го ноября 1927 г.

Meudon (S. et O.), 2 Avenue Jeanne d'Arc

Письмо № 2

Дорогая Анна Антоновна,

Мимо нашего окна люди идут с поезда. И вот, вчера, явление Варшавского¹, с чемоданом в одной руке, посылкой — в другой. *Всё подошло нельзя лучше*: ничто не малó, а велика только рубашка (белая), до которой Мур, конечно, скоро дорастет. Синее пальто как раз впору, скаутская рубашечка тоже, впору и башмаки, и чулки, и все шапки. Теперь о вязаном костюмчике (гнома). Вы угадали мою мечту, вот уже почти *два года* (Муру 2 г<ода> 9 мес<яцев>), как мечтала о таком для Мура, об именно всем-сразу: шапке, куртке, штанах, шарфе и *именно* — голубом. Размеры идеальные, как на заказ. Нынче в первый раз после долгого сиденья дома (простужен, как всё окружающее) Мур вышел на улицу. День был мягкий, пражский: туман, дуновение, сон. Мы гуляли одни (Аля была в школе), прошли в наш чудесный парк, где (туман!) не было ни души.

Только голубой Мур и я. В 4 часа стало уже смеркаться, ночь напознала как пуховик. Не хотелось уходить: одиночество и туман, — мои две стихии! Мур из голубого превращался в синего — сизого, — цвета разостлавшегося вдаль Парижа и неба над ним. Людей не было: был *новый* (всегда!) Мур в новом костюме и тысячелетняя я. «Сколько Вам лет?» — «Час. — Старше камней». Человека, который бы не улыбнулся в ответ, полюбила бы с первого раза. Но — отвлекаюсь — моим годам, вообще, суждено смущать. Мне осенью исполнилось 33², выгляжу на 23, а Аля, которой — 14, на 16. Путаница. Впрочем, *никогда*, с *четырёх лет*, не имела своего возраста, ни с виду, ни внутри, раньше и *была* и выглядела старше, сейчас выгляжу моложе, *живу* — моложе, и неизмеримо старше — есмь.

Мур гулял в новых башмаках и чулках, башмаками неустанно любовался, вернувшись домой, не захотел сменять на туфли и сейчас немилосердно ими гремит.

— Писала ли я Вам про Алину школу? Она делает *огромные* успехи, — *pas de géant!*³ — *никогда* не учившись, великолепно и сразу овладела гипсом, — сначала орнаментом, теперь — фигуры. Недавно принесла мне чудесную голову льва. Ездит через день, на 3–4 часа. Школа недорогая: 20 фр<анков> в месяц, один день барышни, другой день — молодые люди. Мудрое распределение в городе, где всё направлено на разницу полов. Не люблю Парижа. «Dunkle Zypressen! Die Welt ist gar zu lustig! Es wird doch alles vergessen»⁴. (Мур, глядя на перечеркнутое: «Мама! Ты грязь сделала».)

Разговор. Я: «Мур, что мне написать той тете, к<отор>ая тебе подарила все эти чудные вещи: шапочку, шарфик, башмаки, штаны? Ну?.. Милая тетя»... Мур: «Милая тетя! (пауза) подари мне *еще* штаны! (пауза) на Рождество. — Как ее зовут, тетю?» — «Тетя Аня». — «Тетя Аня, Мула гулял сегодня в парке в новом костюме. Там были скамейки и туман. (Мама! Где тетя Аня? Где?) Был туман. Был еще один туман. Было много. Потом они ушли домой. Живут они (туманы) в городе. Еще тете написать про Муру, что Мура человек: у Мула есть голова». Дальше шел откровенный и обильный вздор, который опускаю. Его живость — и радость и беда, затихает только за рисованием, если не рисует или не слушает, носится по всем комнатам, хватая и запропашая всё. Ему бы, как мне (хотя по разным причинам), жить 100 лет назад, лучше — 150, в ландшафте детства Багрова-внука⁵. Дети должны расти (т.е. матери должны пасти их) в природе, одни с животными, другие с деревьями. Парк или скотный двор, огород или большая дорога, всё — только не город! В город изредка, как на ёлку. Книги, печи, собаки, просторы, словом Российская держава 100 лет, 50 лет, ах — даже 10 лет! — назад. То, что я хочу, в конце концов (кроме книг!) имел каждый мужик, а книги? на то у мужика есть песня, есть сказка. И — ассоциация *обратная* мужику, песне и сказке, — перехожу к М.Л. С<лони>му. Похоже. Мало-похоже — он, живой! Вспыхнувший профиль (ибо, на вопрос, отвернулся) — жест к карандашу — кружочек, точка, еще точка, после секундной заминки правота во всем, кругом, по кругу (окружности Парижа!). Таков есть, таков был — и не был, в дни дружбы со мной! Ему со мною было дружить трудно, я не только хотела, я *видела* его большим. Отсутствие природы, недр, корней, жизнь верхами (не высотами!)*, воображение, замещающее и душу и сердце, *легкость*, на смертном одре имеющая обрушиться на него целым Мон-Бланом. Я о нем редко думаю, но когда думаю — всегда с жалостью, как о недостойно-больном или больном, недостойном боли. Короче и жесточе — самое бесплодное что есть: ИРРЕЛИГИОЗНЫЙ ЕВРЕЙ. Бог евреям был дан как противовес *цифр*, или как цифра к нулю, еврей минус Бог — НОЛЬ, ZÉRO (о). Ни с кем из эсеров не вижусь, очевидно — не нужна и, значит, не нужны. А м.б., остыли ко мне из-за Сережиного евразийства, всё более и более зажигающего сердца — не только зарубежных нас!

Прага! Прага! Никогда не рвалась из нее и всегда в нее рвусь. Мне хочется к Вам, ее единственному и лучшему для меня воплощению, к вам и к Рыцарю. Нет ли его изображений покрупнее и пояснее, вроде гравюры? Повесила бы над столом. Если у меня есть ангел-хранитель, то с его лицом, его львом и его мечом. Мне скажут (не Вы, другие!) — «*ВАША* Прага», и я, схитрив и в полной чистоте сердца, отвечу: «Да, *МОЯ*».

Ничего не боюсь, ни знакомств, ни гостей, я умею по-всякому, со всеми. Написала и увидела: *по-своему* со всеми. Я от людей не меняюсь, они от меня — чаще — да. Скучны мне только политики.

М.б. ничего и не выйдет, что ж — была мечта! Очень удивлюсь, если выйдет: в Праге меня все более или менее видели, а это единственное, что интересно в «поэте-се». М.б. (шучу, конечно) сослужит моя новая прическа, в данную минуту равная русскому старорежимному гимназическому 1-классному *бобрику*. Волосы растут темнее,

но не жёстче, чем были. Хожу без всякой повязки. Женщины огорчаются, мужчинам нравится.

Недавно сдала в «В<олю> Р<оссии>» для ноябрьского № «ОКТЯБРЬ В ВАГО-НЕ»⁶, — мой Октябрь 1917 г<ода> (Дорога из Феодосии в Москву). Думаю, Вам понравится. Там хорошая формула буржуазии. Дописываю последнюю картину «Федры» (трагедия). Мой «Тезей» задуман трилогией: «АРИАДНА» — «ФЕДРА» — «ЕЛЕНА»⁷, но из суе-(ли?)-верия не объявила, для этого нужно, по крайней мере, одолеть две части. Знаете ли Вы, что на долю Тезея выпали *все* женщины, все-навсегда? Ариадна (душа), Антиопа (амазонка), Федра (страсть), Елена (красота). Та троянская Елена. 70-летний Тезей похитил ее семилетней девочкой и из-за нее погиб.

Столько любовью и *все* несчастные. Последняя хуже всех, потому что любил куклу. Недаром М.Л. С<лоним> в честь Елены Спартанской⁸ назвал свою дочь! («Леночка»).

С<ергей> Я<ковлевич> через день играет в «Жанне д'Арк»⁹, условия ужасающие: в холщевых костюмах на холоде, без завтрака (берет с собой), грубость, окрики, недружелюбие французов-фигурантов, рабочий день с 6 ч<асов> утра до 7–8 ч<асов> вечера, и всё это за 40 фр<анков> в день (5 из них на проезд). — Die Welt ist gar zu lustig!¹⁰ — Кроме того, дает уроки русского и бесплатно редактирует «Вёрсты». — На днях выходит № III, вышлем.

О Рильке: 29-го сего декабря его годовщина, не послужит ли это при помещении перевода? Очень хотелось бы увидеть эту вещь напечатанной именно в Чехии¹¹. Р<ильке> — величайший поэт *всей* современности — ведь уроженец Праги!

Пора кончать, поздний вечер. Еще раз, от всей души, спасибо за чудные подарки. Коробка мне напомнила рождение Мура и поступила в Алину полную собственность. Ее лучшее самочувствие — дарить и угощать.

Нежно целую Вас, сердечный привет маме и сестре.

МЦ

— Пишите! —

Не видаетесь ли с В.Ф. Булгаковым? Если да, передайте ему мою память и симпатию. Всё собираюсь ему написать.

Это письмо слишком толсто, в следующем письме снимки (домашние) Али и Мура.

* а м.б. и ВЕРШКАМИ!

¹ См. примеч. 2 к письму 27.

² Данные о возрасте неточны: М. Цветаева родилась 26 сентября (ст. ст.) 1892. Возраст Ариадны также указан здесь неверно (как и в некоторых иных письмах). Дочь Цветаевой родилась 5 сентября (ст. ст.) 1912.

³ Гигантскими шагами (*фр.*).

⁴ *Темные кипарисы! / Мир чересчур весел. / И все будет забыто.* — Заключительное трехстишие из стихотворения «Frauen-Ritornelle» Теодора Шторма (Storm, 1817–1888). Эти же строки Цветаева поставила первым эпиграфом к своей поэме «Перекоп» (Лебединый стан. Перекоп. Париж, 1971; III, 148–188).

⁵ *Детские годы Багрова-внука* — автобиографическая повесть Сергея Тимофеевича Аксакова (1791–1859).

⁶ *Октябрь в вагоне* — дневниковая проза. Оpubл.: Воля России. 1927. № 11/12; IV, 418–429.

⁷ Написаны были только две части: *Ариадна* (III, 574–632) и *Федра* (III, 633–686).

⁸ *Елена Спартанская* — Елена Прекрасная, в древнегреческой мифологии — дочь Зевса и

Леды, выданная замуж за спартанского царя Менелая. Позже, влюбившись в сына троянского царя Париса, бежала с ним в Трою, чем навлекла бедствие на город: из-за нее началась Троянская война.

⁹ *Страсти Жанны Д'Арк* (1928) — фильм датского режиссера К.Д. Дрейера (Dreyer; 1889–1968).

¹⁰ Мир чересчур весел (нем.).

¹¹ См. примеч. 10 к письму 32.

[Письмо Ариадны Эфрон]

Meudon, 28 ноября 1927 г.

Дорогая тетя Аня,

Спасибо Вам за великолепные Мурины вещи — (все подошли) и за дивные конфеты — неисчерпаемую коробку. Мура очень оценил орешки на конфетах, всех их перетрогал и перекусал. А в Париже все витрины готовятся к Рождеству: всюду написано: «Etreennes utiles»¹, и в эти Etreennes входит всё: от электрических лампочек до манто и от чудных кукол 40 годов до усовершенствованных паровых кухонь и паровозов для детей. Перед игрушечными витринами я замираю и обмираю. Какие куклы! На все цены и вкусы! Всё залито огнем: звери самые разнообразные, клоуны, игры, но самое интересное это животные: собаки, обезьяны, слоны, верблюды. Есть усовершенствованные, прыгающие, ходящие, рычащие, воющие, лающие, но таких я не очень люблю. Принаряжается ли Прага? Много ли у Вас снегу? У нас шел только один раз, утром, 5 минут. Я ему так обрадовалась, Мур тоже, хотя не совсем понимал, в чем дело.

Я сейчас учусь в рисовальной школе, довольно успешно. Эта школа находится в самом католическом квартале города: в каждой витрине — библии, распятия и — теперь — огромные количества розовых восковых Христов на соломе, и — вокруг — голубые Богородицы, Иосифы в синем, цари и волхвы в красном, золотом и узорчатом, пастухи в белом и мулы, овцы, бараны, коровы, лошади, в своем собственном и неизменном одеянии.

Еще раз спасибо за чудную посылку и за конфеты, которые семейным советом были мне отданы в распоряжение.

Целую Вас крепко, привет Вашей Маме и Сестре.

Ваша Аля

P. S. Когда я научусь хорошо рисовать, то непременно pošлю Вам мои рисунки, мамин портрет, например.

¹ Практичные новогодние подарки (фр.).

Meudon (S. et O.),
2, Avenue Jeanne d'Arc
12 декабря 1927 г.
№ 3

Дорогая Анна Антоновна, на днях (уезжает в среду) у Вас будет, с маленькой рождественской посылочкой, П.П. Сувчинский, вождь евразийства. Постарайтесь побеседовать с ним на *его* тему, — он очень разносторонен, но ко всему другому сейчас либо равнодушен, либо пристрастен, а — чем стихи, скажем, под евразийским углом, лучше Евразийство в упор. Оба выиграете.

О С<ув>чинском (а есть что!) напишу после Вашей встречи с ним, в ответ на Ваше впечатление. Предупреждаю: крупнейшая фигура эмиграции.

Скоро Рождество. Я, по правде сказать, так загнана жизнью, что ничего не чувствую. У меня — за годы и годы (1917 г. — 1927 г.) — отупел не ум, а душа. Удивительное наблюдение: именно на чувства нужно время, а не на мысль. Мысль — молния, чувство — луч самой дальней звезды. Чувству нужен досуг, оно не живет под страхом. Простой пример: обваливая 1½ кило мелких рыб в муке, я могу думать, но чувствовать — нет: запах мешает! Запах мешает, клейкие руки мешают, брызжущее масло мешает, РЫБА мешает: каждая в отдельности и всё 1½ кило вместе. Чувство, очевидно, более требовательно, чем мысль. Либо всё, либо ничего. Я своему не могу дать ничего: ни времени, ни тишины, ни уединения: я *всегда* на людях: с 7 ч<асов> утра до 10 ч<асов> вечера, а к 10-ти ч<асам> так устаю, что — какое чувствовать! Чувство требует *силы*. Нет, просто сажусь за штопку вещей: Муриных, С<ергея> Я<ковлевича>, Алиных, своих — 11 ч<асов>, 12 ч<асов>, 1 ч<ас> — С<ергей> Я<ковлевич> приезжает с последним поездом, короткая беседа — и спать, т.е. лежать с книгой до 2 ч<асов>, 2½ ч<асов> — хорошие книги, но я бы еще лучшие писала, если бы —

Виновата (виновных нет), м.б. и я сама: меня, кроме природы, т.е. души, и души, т.е. природы — ничто не трогает, ни общечеловечность, ни техника, ни — ни — Поэтому никуда не езжу: ску-учно! Профессор читает, а я считаю: минуты до конца. — К чему? — Так и сегодня: евразийская лекция о языковедении. Кажется — близко? Только *кажется*. Профессор (знаменитость) *все* языки ведет от *четырех* слов¹. Когда я это услышала, я сразу отвратилась: ничто *четное* добра не дает. А рифма? Рифма есть ТРЕТЬЕ!

Так и не пошла, и сижу между чулком и тикающим будильником. —

Как я хочу в Прагу! — Сбудется?? Если даже *нет*, скажите: *да!* В жизни не хотела назад ни в один город, *совсем не хочу в Москву* (всюду в России, *кроме!*), а в Прагу хочу, очевидно, пронзенная и замороженная. Я хочу *той* себя, несчастно-счастливой, себя — «Поэмы Конца» и «Горы», себя — души без тела всех тех мостов и мест. (NB! Вот и стих:

Себя — души без тела
Всех тех мостов и мест.)

Где я ждала и пела,
Одна как дух, как шест.
Себя — души без тела
Всех тех мостов и мест.

Так когда-то писались стихи, не писала (отдельных) с 1925 г., мая — месяца².
Маяться — мой глагол!

Как я хотела бы с Вами — по Чехии! В-глубь! (Знаю, что совсем несбыточно!) После Праги — (Города — ПРИЗРАКА) — в природу. Неужели дело в деньгах, которые — были или не были — презирала. Да, будь деньги! Учителей и книг — Але, образцовую няню — Муру, квартиру с садиком, а себе? каждый день — писанье и раза два в год — отъезды, первый — к Вам. Недавно мне кто-то сказал, что мои прежние сто русских тысяч сейчас равнялись бы миллиону франков. — Звук. —

Кончила «Федру». Писала ее около полугода, но ведь пишу в день $\frac{1}{2}$ <аса>, много — час! Очень большая, больше «Тезея». «Тезей» задуман трилогией: «Ариадна» — «Федра» — и написанной быть имеющая — «Елена». Не знаю, куда сдать. М.б., в «Совр<еменные> Записки». Сейчас занята общей чисткой и выправкой, много недавших мест. — Справлюсь. — Держит меня на поверхности воды, конечно, тетрадь.

До свиданья! Думайте обо мне на пражских мостах и улочках (*не* — улицах!). Может быть всё-таки когда-нибудь вместе?..

МЦ

Мур каждый день гуляет в Вашем чудном голубом костюме, — голубой медведь.

[На полях] Не привлечь ли к устройству моего вечера в Праге В.Ф. Булгакова? Он очень деятельный. И хороший друг. Если захочет — сможет.

[На полях] Р. С. *Очень* важно, чтобы Валент<ин> Фед<орович> вовремя получил письмо и успел передать Вам вещи (маленький пакет) для Сувчинского.

[На полях] Р. С. *Прочтите*, пожалуйста, прилагаемое письмо к нему и перешлите или передайте возможно скорее. Не знаю его адреса.

¹ Речь идет, по-видимому, об учении Николая Яковлевича Марра (1864–1934), русского советского востоковеда и лингвиста, создателя так называемой яфетической теории. Произвольные гипотезы Марра были впоследствии отвергнуты научной лингвистикой.

Докладчиком был молодой филолог Борис Генрихович Унбегаун (1898–1973).

² Исключением является стихотворение *Тише, хвала!..* (26 января 1926; II, 262–263) и несколько неоконченных — в тетрадах.

[Почтовая открытка с фотографией Мёдонского леса]

Meudon (S. et O.) 2, Avenue Jeanne d'Arc

Сочельник 1927 г. 24. XII. 27.

№ 4

Дорогая Анна Антоновна!

Поздравляю Вас с праздником рождества Христова и наступающим Новым Годом. Как досадно вышло! Сувчинский был и не зашел, не повидал Вас, не рассказал Вам о нас, и нам о Вас ничего рассказать не смог. Кроме того, все мои планы с нашими мелочами расстроены, — у Вас ли вещи, т.е. занес ли их к Вам Булгаков? Если да, храните до более верной оказии, — ездят же люди из Праги в Париж! Я очень жалею, там был камушек, который я хотела оправить для Али в кольцо к Рождеству.

Аля больна: ангина, лежит в постели и пишет Вам поздравление. Мур тоже простужен. После сильных морозов — весенний сильный ветер с дождем, вот и простудились. Пишите мне. Целую Вас нежно, сердечный привет и поздравления Вашим.

МЦ

Вот лес, где мы гуляем летом.

[Видовая открытка от Ариадны Эфрон с фотографией:
Meudon (S.-et-O.), Avenue Jeanne d'Arc.]

24 декабря 1927 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Поздравляю вас, Вашу маму и сестру с наступившим Рождеством и наступающим Новым Годом и желаю Вам больше того, что принято желать.

Простите, что пишу Вам карандашом, но я больна (ангина) и сижу в постели, очень недовольная, п.ч. болезни всегда приходят в самое неурочное время. Сейчас болезнь пришла на самые праздники.

Очень прошу Вас, милая Анна Антоновна, похранить наши вещи, за которыми не зашел Сувчинский, до поры до времени, т. к., наверное, скоро будут новые оказии.

Целую Вас крепко и поздравляю еще раз.

Ваша Аля

Р. S. Первый дом направо на открытке — наш.

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
3-го января 1928 г.
№ 4 или 4 bis¹

Милая Анна Антоновна, еще неохотно вывожу 1928 г. — как каждый новый, впрочем. Заминка руки и сердца, под заминкой — измена. Не сомневаюсь, что стерпится — слюбится. (Кстати, люблю эту поговорку только навыворот, так — только *терплю*.)

Огромное и нежнейшее спасибо за новогодний подарок, прямо в сердце, а осуществление — чудное серебряное старинное кольцо Але, с камеей: амуром-Муром, и столик Муру. Получат после-завтра под ёлкой. Будет столько гостей, а Вас не будет. Будет, кстати, герой² моей «Поэмы Конца» — с женой³, наши близкие соседи, постоянно видимся, дружественное благодушие и равнодушие, вместе ходим в кинематограф, вместе покупаем подарки: я — своим, она — ему. Ключ к этому сердцу я сбросила с одного из пражских мостов, и покоится он, с Любúшиным⁴ кладом, на дне Влтавы — а может быть — и Леты⁵. Кстати, в Праге, определено, что-то летейское, в ветвях, в мостах, в вечерах. Прага для меня *не* точка на карте.

Новый Год встречала с евразийцами, встречали у нас. Лучшая из политических идеологий, но... что мне до них?! Скажу по правде, что я в *каждом* кругу — чужая, всю жизнь. Среди политиков так же, как среди поэтов. Мой круг — круг вселенной (души: то же) и круг человека, его человеческого одиночества, отъединения. И еще — забыла! — круг площади с царем (вождем, героем). С меня — хватит. Среди людей какого бы то ни было круга я не в цене: разбиваю, сжимаюсь. Поэтому мне под Новый Год было — пустынно. (Чем полней комната — тем...) То, что я Вам рассказываю, Вам не новость: *нам* не новость.

После-завтра ёлка, в Париже игрушки от 5 сант<имов> (блестящие пилки, ножницы, молоточки), ёлка будет вся обвешана. Есть еще и пражские игрушки. Да! третьего дня, когда ездила в Париж за подарками, на старинной площади St. Germain-des-Prés⁶ (жила там, когда мне было 16 лет) — моя спутница, вдруг: «Слоним!» — «Где?» — «Окликнуть?» И я, неожиданно: «А нý его к чертям!» — без злобы, добродушно. *До того не нужен*. («К чертям», конечно, не в ад, а к его обычным делам, заботам, удачам.) Думал ли он, и — главное — думала ли я тогда под Рождество 1924 г., что через три года и т.д. *Лучше* — не знать будущего!

«Вёрсты» вышли, но своих номеров у нас еще нет, как будут — вышлем. Получите их, надеюсь, еще до газетной травмы, чтобы знать за что травят. Номер боевой: чуть ли не четыре статьи об евреях.

— Получила вчера большое милое письмо от В.Ф. Булгакова, как Вы думаете — не притянуть ли его к устройству моего вечера? Он сам рад будет повидаться. Неужели не наскребем тысячи крон?

Волосы мои порядочно отросли, но — новая напасть: нарыв за нарывом, живого места нет, взрезыванья, компрессы, словом уж три недели мучусь. Причина 1) трупный яд, которым заражена вся Франция, 2) худосочие. Есть вспрыскиванье, излечивающее раз навсегда, но 40 градусный жар и лежать 10 дней. Не по возможности. М.б. когда-нибудь... А пока хожу Иовом⁷.

Алино рисованье подвигается: очень способна и старается. Но моя работа сокращена ровно на три дня в неделю, ибо я с 11 ч <асов> утра до 6 ч <асов> вечера одна с Муром. Вот кстати наша сегодняшняя с ним беседа:

— «Мама, ты любишь машину?» — «Нет». — «Почему?» — «Потому что люблю НОГИ».

— «А червяки тебя любят?» — «Нет, и я их не люблю». (Пауза, и — тоном утверждения): — «ПАУКИ — тебя любят?»

«Машина» у него, как у русских шоферов, — автомобиль.

От меня, т.е. от Вас к Рождеству получает столик, от С<ергея> Я<ковлевича> стройку, от Али цветные карандаши. Странно он будет помнить границу, где Рождество после Нового Года (Новый Год все русские празднуют по новому, Рождество — почти все — по старому).

О ёлке Вам напишет Аля, это ее праздник.

Спасибо за чудную мечту о совместной Праге и далее. Как Ваше здоровье? В Париже климат неизмеримо-хуже, чем в Праге, не зима, а болото. Все кругом простужены. Вспоминаю чудные вшенорские холмы: холод, хворост. Мне хорошо было там жить, хотя мальчишки и кидались камнями.

Целую Вас нежно, сердечный привет Вашим, Шопена люблю и узнаю как никого. М.

Очень рада, что Вам понравился Мур. Вот Вам Аля с ним, посылаю ради Али, он засмеялся и расплылся.

¹ bis (лат.) — здесь: второе.

² Родзевич Константин Болеславович (1895–1988). Родился в Петербурге в семье военного врача. Окончил гимназию в Люблине. Учился в университетах Варшавы, Киева и Петербурга. В 1917 поступил на военную

службу. Окончив военное училище, служил во флоте, участвовал в Гражданской войне, одно время был комендантом Одесского красного порта, но в Галлиполи попал с остатками Добровольческой армии. В 1922–1924 студент юридического факультета в Праге. С весны

1926 жил во Франции. Участник евразийского движения, сотрудник С. Эфрона в редакции газ. «Евразия». Позже, в беседе с мной признался, что стыдился своей беспринципности, ибо служил и белым, и красным. Он не хотел вспоминать о Бухенвальде и с гордостью говорил о своем членстве во Французской коммунистической партии. Литератор В.Б. Сосинский (см. о нем примеч. 8 к письму 55) писал мне: «Борясь против фашизма в Испании, К.Б. Родзевич проявил себя героем. К концу Испанской войны он командовал полком. Боролся с фашистами во Франции; прошел все невыносимые испытания в Бухенвальде». Герой «Поэмы Горы» и «Поэмы Конца» о Марине Цветаевой вспоминал с тихой грустью и радостью, гордясь посвященными ему поэмами и стихами — «Весь “Овраг” — мой»; а ее письма назвал редкими, удивительными и прекрасными. Утверждая, что они пережили настоящую любовь, Родзевич искренне сокрушался: «Ах, как мало мы все ей помогли! Нельзя было допустить ее отъезда в Россию». В старости он рисовал ее портреты и резал по дереву ее изображения и изображения Сергея Эфрона (см.: *Цветаева М. Письма к Константину Родзевичу*. Ульяновск, 2001; *Саакянц А. «Духа не угашайте»: Письма Константина Родзевича // Саакянц А. Спасибо Вам! М., 1998. С. 471–522;*

Бросса А. Групповой портрет с дамой. Гл. из кн. «Агенты Москвы» // *Иностранная литература*. 1989. № 12. С. 226–247).

³ *Булгакова Мария Сергеевна* (Муна; 1898–1979) — дочь о. Сергея Булгакова, в первом браке Родзевич, во втором — Степуржинская. В 1938 М. Цветаева напишет о чете Степуржинских как о своих приятелях.

Степуржинский Владимир Александрович (Степуржинский; 1895–1977) «очень хорош: широк, добр». Она «страшно мелка — во всем», «дикая мешанка», «но так как она кусок моей молодости... — кусок моей Поэмы Горы — и так как она когда-то очень трогательно и действительно меня — любила — я ее все-таки немножко люблю...» (Письма А. Берг. VII, 528).

⁴ *Libuše (чеш.)* — легендарная чешская княгиня Либуше основала первую пражскую крепость Вышеград над Влтавой. Согласно сказаниям, на дне Влтавы лежит золотой клад княгини Либуше.

⁵ *Лета* — в древнегреческой мифологии — река забвения в подземном царстве. «Кануть в Лету» — быть забытым.

⁶ Сен-Жермен-де-Пре.

⁷ *Иов* — ветхозаветный пророк, веру которого бог Яхве испытывал физическими страданиями, попустительствуя сатане, когда тот наслал на Иова проказу.

Meudon (S. et O.),
2, Avenue Jeanne d'Arc
10-20 февраля 1928 г.

Дорогая Анна Антоновна, обращаюсь к Вам со следующей большой просьбой, — не найдете ли Вы мне подписчиков на мою книгу «После России», — посылаю Вам три бланка в отдельном конверте.

Дело с книгой таково: по внесении в типографию 2/3 стоимости книги (4.000 фр<анков>) книга, совсем готовая, начинает печататься. Издатель¹ разместил уже 25 подписок, но больше не может, остальные 15 должна разместить я. Вот и прошу Вас, может быть удастся? Техника такова: подписчик заполняет бланк и отправляет его издателю, по указанному адресу, с приложением соответствующей суммы. Проще будет, если эти деньги будут сразу вручены Вам, Вы с заполненными бланками перешлете их издателю. (Заполненные бланки важны для нумерации, каждый подписчик получит свой №.) — М.б. та редакторша подпишется? Хорошо бы разместить все три, и поскорее: от быстроты зависит появление книги.

Ясно ли Вам? Дорогими экземплярами мы с издателем окупаем часть издания, ибо наличных ни у него ни у меня нет. Деньги идут *не мне*, а в типографию.

Издатель очень торопит, книга залежалась, пора выпускать. Хотела просить Вас сделать всё возможное, но Вы и так всегда делаете — больше, чем можете!

В субботу у нас Брэй, побеседуем, расскажет о Вас, о Праге. Спасибо за открыточку, — жаль, что не зашел, но уезжающих², как сумасшедших, судить нельзя.

Целую Вас нежно, тороплюсь отправить.

МЦ

¹ См. примеч. 9 к письму 32.

² В 1928 Брей с семьей переезжал из Праги в Лондон.

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
[?] февраля 1928 г.

Дорогая Анна Антоновна, отвечаю Вам тотчас же. На Прагу я никогда не надеялась, — слишком хотелось. Тешила себя мечтой, но знала, что тешу. Читали ли Вы когда-нибудь *Der Trompeter von Säckingen*?¹ Там песенка, с припевом:

Behüt Dich Gott — es wär zu schön gewesen
Behüt Dich Gott — es hat nicht sollen sein!

Так у меня всю жизнь. Меньше бы хотела к Вам — наверное бы сбылось. Я к Вам хотела и хочу — сказать просто? — ЛЮ-БИТЬ. Я никого не люблю — давно, Пастернака люблю, но он далёко, всё письма, письма, никакой приметы *этого* света, должно быть и не на этом! Рильке у меня из рук *вырвали*, я должна была ехать к нему весной. О своих не говорю, другая любовь, с болью и заботой, часто заглушенная и искаженная *бытом*. Я говорю о любви на воле, под небом, о вольной любви, тайной любви, не значущейся в паспортах, О ЧУДЕ ЧУЖОГО. О ТАМ, ставшем ЗДЕСЬ. Вы же знаете, что пол и возраст не при чем. Мне к Вам хочется домой: *ins Freie*²: на чужбину, ЗА ОКНО. И — о очарование — в этом *ins Freie* — уютно, в нем *живется*: облако, на котором можно стоять ногами. Не тот свет и не этот, — третий: сна, сказки, мой. Потому что Вы совершенно сказочны (о, не говорите, что я «преувеличиваю», я только — *додаю!*). Словом — к Вам, в тепло и в *родной* холод. И, возвращаясь к *Trompeter*'у — не правильнее ли было бы:

Behüt Dich Gott — es wär zu schön gewesen
Behüt Dich Gott — es hat nicht WOLLEN sein?³

Мечь жизни за все ТЕ СВЕТÁ.

Вы спрашиваете о «После России»? Сложно. Книга, говорят, вышла месяц назад, но никто ее не видел. Издатель (неврастеник) ушел из издательства и переехал на новую квартиру, на письма не отвечает. Издавал он книгу самолично, на свой риск, в издательстве о ней НИЧЕГО не знают. С «Вёрстами» вышла передрыга: очень большое количество экземпляров было, по недосмотру, отпечатано так слабо, что пришлось их в типографию вернуть. Отсюда задержка. Надеюсь, что на днях получите. О них уже был отзыв⁴ в «Возрождении» (орган крайне-правых, бывший струвовский). В них мои

обе вещи «С моря» и «Новогоднее» (поэмы) названы набором слов, дамским рукоде-
лием и слабым скóлком с Пастернака, как и всё мое творчество. (NB! Пастернака
впервые прочла за границей, в 1922 г <оду>, а печатаюсь с 1911 г <ода>⁵, кроме того
Пастернак, в стихах ВИДИТ, а я СЛЫШУ, но — как правильно сказала Аля: «Они и Вас,
и П<астерна>ка одинаково НЕ ПОНИМАЮТ, вот им и кажется»... Всё дело в том, что
я о П<астерна>ке написала хвалебную статью⁶ и посвятила ему «Мблодца»⁷).

Была бы я в России, всё было бы иначе, н-н-но — Россия (звука) нет, есть буквы:
СССР, — не могу же я ехать в глухое, без гласных, в свистящую гущу. Не шучу, от
одной мысли душно. Кроме того, меня в Россию не пустят: БУКВЫ НЕ РАЗДВИНУТСЯ.
(Sesam, thue Dich auf!⁸). В России я поэт без книг, здесь — поэт без читателей. То, что
я делаю, никому не нужно.

Да! О М<арке> Л<ьвовиче>. Живет рядом, по той же дороге, через остановку.
Мёдон, еще что-то и Vanves, в этом Vanves у него чудная вилла — говорят — я не бы-
ла. Не был у меня ни разу, видела раз у А<нны> И<льиничны>⁹, на чтении «Федры»
(И ч<ась> «Тезея»). Был как ни в чем не бывало. И я — ничего.

Я очень одинока, бывают у нас только евразийцы, им я неинтересна, или так же
мало интересна, как мне — они. Не те — миры, не тот язык, им мое всё равно, мне —
их. Дружеское равнодушие. У меня никого нет. С молодыми поэтами я не дружу: сла-
бые стихи и сильное самомнение, хвалят друг друга по взаимному уговору, мне там
делать нечего.

А Мур чудный. Ровно 1-го февраля, в день своего трехлетия, начал говорить «Р»,
и так увлекся, что часто вместо «ГЛАЗА» — «ГРАЗА» (ГРОЗА!) и «НА ПОЛУ» —
«НА ПОРУ» (ПАНУ!). Сегодня он, занимая гостя (племянника С.В. Завадского, — тоже
евразиец), — «Владик¹⁰, когда я на тебе женюсь, — я буду угощать тебя чаем, и каша-
ми, и макаронами». Обожает шахматы, не дает играть. — «Вот красная собака (NB!
Конь) съела королеву!». — «А королева съела лошадь, проглотила и убежала». Скоро
опять будем снимать, увидите. Пишу поздно вечером, устала. В субботу у нас будет
Брэй, расскажет о Вас и о Праге. Заранее спасибо за Алину книжку и Муркины шта-
ны. Вы бесконечно-трогательны. Не считайтесь письмами и сроками. Да! Получила
милое и грустное письмо от С.В. Завадского, очень его люблю, а Вы?

[На полях] Аля напишет отдельно — и о Муркиных ёлках, и о дне рождения, —
она прирожденный летописец. И, кажется, хочет послать Вам рисунки. Но это сюрприз.

Сердечный привет от С<ергея> Я<ковлевича>, от меня же — больше, чем мо-
гу сказать.

МЦ

¹ *Трубач из Зекингена* — популярная (200 из-
даний) поэма (1853) немецкого поэта и рома-
ниста Йозефа Виктора фон Шеффеля (Scheffel;
1826–1886):

Храни Тебя Бог, это было бы слишком
прекрасно,
Храни Тебя Бог, этому не суждено
было быть!

Цитата из стихотворения фон Шеффеля «Прощание молодого Вернера» в переводе М. Цветаевой.

² На волю (*нем.*).

³ Да хранит Тебя Бог — это было бы
слишком прекрасно,
Да хранит Тебя Бог — это не хотело
быть! (*нем.*).

⁴ Речь идет о рецензии на третий номер «Вёрст», опубликованной в газ. «Возрождение» 3 февраля 1928, подписанной *Н. Дашков* (наст. имя и фамилия — *Владимир Васильевич Вейдле*; 1895–1979). Искусствовед, литературный критик, эссеист. Эмигрировал в 1924, профессор Богословского института в Париже (1932–1952). Автор книг «Умирание искусства» (Париж, 1937), «Вечерний день» (Нью-Йорк, 1952), «О поэтах и поэзии» (Париж, 1973). О поэмах М. Цветаевой Дашков отозвался отрицательно: «Два стихотворения [«С моря» и «Новогоднее»] этой поэтессы (я намеренно не говорю поэта, потому что стихи эти — именно дамские стихи) [...] крайне расплывчаты, многословны, написаны не только ни о чем, но и ни с чем» (МЦКС I, 342). Позже Вейдле изменил свое отношение к поэзии Цветаевой. Он писал в воспоминаниях: «Не вся эмигрантская критика, но парижская, в большинстве своем, недооценивала ее. Недооценивал и я (прежде всего потому, что недостаточно знал ее стихи), покуда в 34-м году не познакомился с ней и не почувствовал тотчас, что такой человек, как она, не может не быть подлинным и значительным поэтом. [...] Какое мужество, какая сила духа, какое бесстрашное упрямство быть собой, — до конца неразменность, цельность, твердость! Какая способ-

ность не только нести страдание, которого столько выпало на ее долю, но и страданию противостоять. И почти всегда — какая прозорливость!» (*Вейдле В.* О тех, кого уже нет // Новый журнал. 1993. № 192/193. С. 357, 358).

⁵ На самом деле печаталась с 1910: сборник стихов «Вечерний альбом».

⁶ *Световой ливень* — опубл.: Эпопея. Берлин, 1922. № 3 (V, 231–245). Статья написана под впечатлением полученного от Б. Пастернака только что вышедшего сборника его стихов «Сестра моя — жизнь» (М., 1922).

⁷ М. Цветаева сопровождала «Молодца» посвящением Б. Пастернаку, взятым из русской былины «Морской царь и Садко»: «За игру за твою великую, за утехи твои за нежные...» Посылая книгу, она написала: «Борису Пастернаку. Марина Цветаева. Прага, май 1925 г.» (хранится в РГАЛИ).

⁸ Сезам, отворись! (*нем.*) — заклинание при преодолении препятствий. Из арабской сказки «Али-баба и сорок разбойников».

⁹ А.И. Андреева.

¹⁰ *Иванов Владислав Дмитриевич* (ок. 1901–1970) — племянник С.В. Завадского. Автор одной поэтической книги — «Концы и начала. Попытка эпоса» (1930) и брошюры «Заметки по вопросам эстетики» (1931). Принадлежал к левому крылу евразийцев, печатался в газ. «Евразия». В 1927–1928 В.Д. Иванов «использовал свой чешский паспорт и нанялся матросом на корабле, идущем по северному пути. С этого корабля в Архангельске он рассовывал [евразийскую. — *Г.В.*] литературу по почтовым ящикам» (*Фейнберг М., Клюкин Ю.* Дело Сергея Эфрона // Столица. 1992. № 38. С. 61).

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
11 марта 1928 г.

Дорогая Анна Антоновна, пишу Вам в тесном соседстве Мура, у меня под левым локтем доламывающего игрушечные часы. — «Я уже сломал. Нужно в починку отдать одной Мадаме. Я ей дам свои, а она мне даст новые». Убегает в коридор и, стоя у входной двери: «Откро-ойте! Пожалуйста! Покупать мне нужно часы! Вот эту дверь самую! Раскрашенную!»

Мур в Ваших чудесных зеленых штанах (Jägerhose, Wildleder¹) и Вашей — еще той посылки — зеленой рубашечке, подтяжки — третья зелень, сын лесника — или браконьера. (Я часто думаю об *обратных* союзах: судьи и подсудимого, лесника и браконьера, вплоть до палача и жертвы. Родство.)

Книжка чудесна, Аля каждый вечер раскрашивает по картинке, чешскому еще не разучилась, понимает все. Очень трогательно со стороны Г <оспо> жи Жегулиной², что сама занесла, я очень благодарила ее и приглашала зайти посидеть, но она торопилась. Сказала, что вторую часть посылки доставит Евреинов³. Я его знаю, встречалась с ним в Праге, его дочь училась в Тшебовской⁴ гимназии одновременно с Алей.

Как благодарить? У Мура в жизни не было таких чудесных штанишек, всё что он носит — всегда ношенное, обжитое, как приятно влезать в новую вещь. Кроме того они никогда не проносятся. Словом, если бы я выбирала сама, я бы других не выбрала.

— Милое лицо у художницы, и здоровое, и болезненное, вроде dolcezza e dolore⁵. И очень славянское. То есть, у писательницы, это муж — художник.

Огромное спасибо за устройство подписок, Вы сделали чудо. Тэффи, напр<имер>, у которой такие связи (Великие Князья, генералы, актрисы, французская знать), не могла устроить ни одного. Три билета мне еще устроил отец Б. Пастернака, Леонид Пастернак⁶, художник (живет в Берлине). Вообще мне на заочность везет, мое царство.— Книга скоро выйдет, к несчастью, издатель вроде автора: всё на Божию милость. «Где-нибудь, когда-нибудь». У нас в России бывали такие ямщики: он спит, а лошадь везет. А иногда: он спит, и лошадь спит.

Недавно, на самых днях, пережила очередную встречу со смертью (помните, в «Твоя смерть» — кто следующий?). Умер от туберкулеза кишок брат моей подруги, Володя⁷, 28 лет, на вид и по всему — 18. Доброволец, затем банковский служащий в Лондоне. Содержал мать и больную сестру, — она-то и есть моя подруга, 11 лет боль-

на туберкулезом, от обоих легких один полумесяц, остальное съедено, ни работать ни ходить не может, красавица, 32 года. Работал, работал, посылал деньги, посылал деньги, приезжает в Париж к матери повидаться — жар. Пошли к врачу: туберкулез обоих легких. Подлечился, поступил на службу уже здесь, простудился, кровохарканье, туберкулез кишок. Никто дома не догадывался: ... «слабый желудок», врачи, видя безнадежность, молчали. С <ережа> настоял на операции, сделана была Александринским⁸ (гениальный московский хирург и добрейший человек) блестяще. Вырезано было пол' слепой кишки (не только отросток), но зараза оказалась по всему кишечнику. Зашили. Прожил еще месяц. Ни секунду за всю болезнь не подозревал об опасности. «Вот поправлюсь»... А жизнь ему нужна была не для себя, а для других. Жить, чтобы работать — а работать, чтобы другие жили. Умер тихо, всю ночь видел сны. — «Мама, какой мне веселый сон снился: точно за мной красный бычок по зеленой траве гонится»... А утром уснул навсегда. Это было 8-го, — вчера, 10-го, хоронили. У французов не закапывают при родственниках, родные оставляют голый гроб. Насилу добились у могильщиков, чтобы заравняли яму при нас, и длилось это 1 час 20 мин <ут>. Час 20 мин <ут> мать стояла и смотрела как зарывают ее сына. Лопаты маленькие, могильщики ленивые, снег, жидкая глина под ногами. А за день погода была летняя, все деревья цвели. Точно природа, пожалев о безродном, захотела подарить ему на этот последний час русские небо и землю. Проводила мать и сестру до дому, зашла — тетушка накрывает на стол, кто-то одалживает у соседей три яйца, говорят про вчерашнее мясо. — Жизнь. — В тот же вечер мать принялась за бисерные сумочки, этим живут. Вот и будет мешать бисер и слезы.

— Огромное спасибо за всё: подарки, билеты, а главное — долгую память любви.

[Без подписи]

¹ Кожаные короткие штаны, называемые «охотничьи».

² *Жекулина Аделаида Владимировна* (правильно: Жекулина, урожд. Евреинова; 1866–1950) — педагог, общественный деятель. С мужем Сергеем Ивановичем Жекулиным, крупным землевладельцем, в своем имении в России они построили школу. После его смерти, оставшись с девятью детьми, переехала в Киев, где открыла «Жекулинскую» женскую гимназию, в 1910 основала педагогическое отделение для подготовки учителей и воспитательниц детских садов. Во время Первой мировой войны заведовала госпиталем. После

убийства большевиками ее сына-студента покинула Киев. В 1920, оказавшись в Константинополе, организовала здесь детские сады, начальные школы и гимназии для русских детей. Позже одна из гимназий была переведена в Чехословакию, в г. Моравска Тршебова, другая — в Болгарию. С 1922 по 1948 жила в Чехословакии, затем в Бельгии. Из многих основанных ею детских садов один — в Праге — функционирует до сих пор. Председатель Объединения русских учительских организаций за границей (1923–1928), основательница Педагогического бюро, которое издавало бюллетень о педагогической деятельности. Ее

внук, Г. Жекулин, проживающий в Торонто, считается одним из лучших библиографов И.С. Тургенева (см.: *Жекулин Г.* «Чешские» стихи Марины Цветаевой — МЦКС, II, 450–458).

³ *Евреинов Борис Алексеевич* (1888–1933) — историк, писатель, секретарь Русского исторического общества, член Союза русских писателей и журналистов. В Чехословакии с 1923; племянник А.В. Жекулиной.

⁴ В 1923 в Русской гимназии с интернатом в Моравской Тршебове было 30 преподавателей и 523 учащихся. В это время здесь училась дочь Цветаевой Ариадна Эфрон.

⁵ Радость и печаль (*ит.*).

⁶ *Пастернак Леонид Осипович* (1862–1945) — художник. Покинул Москву в 1921 и поселился в Германии с женой Розалией Исидоровной (1868–1939), пианисткой, преподавателем фортепиано, и двумя дочерьми Жозефиной (1900–1993) и Лидией (1903–1989).

⁷ *Завадский Владимир Александрович* (1896–1928) — младший брат известного театрального режиссёра Ю.А. Завадского (1894–1977) и подруги М. Цветаевой — В.А. Аренской (урожд. Завадской; 1895–1930), для которой Цветаева написала роль дамы в «Метели» (1918). Служил в Добровольческой армии, затем банковский служащий. На его смерть Цветаева откликнулась поэмой «Красный бычок» (Воля России. 1928. № 12; III, 145–147).

⁸ *Алексинский Иван Павлович* (1871–1945) — хирург, профессор (1907) медицинского факультета Московского университета. Член I Государственной думы. Кадет. В эмиграции с 1920. Один из основателей французско-русского госпиталя в Вильжюифе (юго-восточное предместье Парижа). Его дочь *Алексинская Надежда Ивановна* (1897–1929) — врач и ассистентка отца, подруга по России А.З. Туржанской, хорошая знакомая семьи Эфрон.

[Письмо Георгия, написанное рукой М. Цветаевой]

Милая тетя Аня! У меня есть перо, я могу сам написать на бумажке чернилом, пером. Спасибо за штаны, я в них поеду в Москву и буду тете покупать гребенку, вел'сипед, еще другой вел'сипед, много. Я ей еще куплю чулки в Бомарше (Bon Marché, больш<ой> магазин) и башмаки, такие но-овые!

(Мур п о д п и с а л с я)

[Рисунок Мура]

[Письмо Ариадны Эфрон]

Милая тетя Аня,

Спасибо Вам огромное за чудесную книгу с картинками, они очень хорошие, особенно мне понравились две из сказки «Povsátný Háj»¹, где елочки похожи на крылья ангелов, а одежды принца и принцессы на крылья птиц. Я вообще очень люблю сказки и люблю рисовать к ним картинки. Год тому назад я сделала иллюстрации к «Снежной Королеве» Андерсена², штук 20, в отдельной тетради, но теперь они мне

уже не нравятся, теперь бы я сделала лучше. Когда я научусь *хорошо* рисовать, я Вам пошлю что-нибудь красивое, хорошо сделанное, для Вас я очень постараюсь.

Мура тоже был в восторге, объяснял каждую картинку по-своему. Вас он очень — заочно — любит, и если ему что-нибудь, какая-нибудь вещь нравится, дома ли, на улице ли, в витрине ли — он говорит: «Это чешское, из Чехии, это тети Анино!» Так он привык получать от Вас такие чудные подарки!

Милая Тетя Аня, приезжайте к нам, сюда, хоть на немножко, ведь вы маме писали, что устали, отдышитесь здесь! Здесь делается очень хорошо, все зеленое, в лесу — дикие гиацинты, лютики, маргаритки, птичьи голоса. Хотя чешская весна — еще лучше. И Мур будет Вам так рад, он увидит в Вас ту «Чехию», которая его так балует издавна. А мама как будет рада! А я! Приезжайте посмотреть на Химер Notre Dame? Joconde'у и Венеру Милосскую — Лувра, на Сену, на Saint-Sulpice³..... и на Муру, которого Вы бы не узнали, большой, умный и добрый.

Целую Вас крепко, Вашу Маму и Сестру.

Ваша Аля и Мур (Мур сам подписался)

¹ Священный лес (*чеш.*).

² Андерсен Ханс Кристиан (Andersen; 1805—1875) — датский писатель-сказочник. Его пе-

ру принадлежат также путевые очерки и автобиографические произведения.

³ Сен-Сюльпис — собор Св. Сюльписа в Париже.

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
10 апреля 1928 г.

Христос Воскресе, дорогая Анна Антоновна!

Окликаю Вас на перегибе вашей и нашей Пасхи, в лучший час дерева, уже не зимы, еще не лета. Ранней весной самый четкий ствол и самый легкий лист. Лето берет количеством.

Как у вас в Праге? В Мёдоне чудно. Первые зазеленели каштаны, нет — до них какие-то кусты с сережками. Но, нужно сказать, французская весна мне не по темпераменту, — какая-то стоячая, тянущаяся месяцами. В России весна начиналась, т.е. был день, когда всякий знал: ВЕСНА! И воробьи, и собаки, и люди. И, начавшись, безостановочно: «рачьте дале!»¹ как кричат ваши кондуктора. Но худа или хороша — всё же весна, то есть: желание уехать, ехать-не доехать: ЗАЕХАТЬ. (Два смысла: 1) завернуть, 2) не вернуться. Беру во втором).

У нас в доме неожиданная удача в виде чужой родственницы², временно находящейся у нас. Для дома — порядок, для меня — досуг, — первый за 10 лет. Первое чувство не: «могу писать!» а: «могу ходить!». Во второй же день ее водворения — пешком в Версаль, 15 километров, блаженство. Мой спутник³ — породистый 18-летний щенок, учит меня всему, чему научился в гимназии (о, многому!) — я его — всему, чему в тетради. (Писанье — ученье, не в жизни же учишься!). Обмениваемся школами. Только я — самоучка. И оба отличные ходоки.

— Сердечное, к большому стыду сильно запоздавшее спасибо за шоколад. Угощались и угощали.

— Читали ли в «Воле России» «Попытку комнаты»? Эту вещь осуждает всё мое окружение. Что скажете? Действительно ли непонятно? Не могу понять.

Как встречали Пасху? Были ли за-городом? Как здоровье — Ваше и Ваших? Что думаете о лете? Как работается? Счастлива буду получить от Вас весточку.

Простите за короткое письмо, оно не в счет, просто хочется окликнуть. Посылаю вам Мура в Wildleder-Jäger-штанах⁴, его любимых. Он «чешское» употребляет как похвалу. — «Хорошая погода: ЧЕШСКАЯ», «красивая машина: ЧЕШСКАЯ». Оттого, что из Чехии для него, пока, одна радость. Снимали его в мёдонском лесу, в 7 мин <утах> от нашего дома. Нежно Вас целую, отдыхайте, поправляйтесь на Пасху.

МЦ

¹ Проходите, пожалуйста! (*чеш.*).

² *Андреева Наталья Матвеевна* (урожд. Стольниковы; 1883–1962) — вдова брата писателя Л.Н. Андреева Всеволода (1873–1916). Прожила в семье около года, помогая по хозяйству. Маленький Георгий звал ее «Маталья Матавевна».

³ *Гронский Николай Павлович* (1909–1934) — поэт, друг Цветаевой, сосед по Мёдону. Родился в Териоках. Его родители переехали во Францию, когда ему было 11 лет. В Париже окончил русскую школу (1927). Учился на юридическом факультете. В 1933 поступил на третий курс факультета философии и литературы Брюссельского университета, где готовил работу о Державине. Цветаева знала его юношей, радовалась, что он стал «большим

поэтом». Трагически погиб в парижском метро. Отец издал его посмертный сборник «Стихи и поэмы» (Париж, [1936]), на который последовал отзыв Цветаевой (1936). Она посвятила ему очерк «Поэт-альпинист» (1934) и стихотворный цикл «Надгробие» (1935). О творчестве Гронского положительно отзывались Адамович, Бем и Ходасевич, последний отмечал большое влияние на его поэзию Державина и Цветаевой (см.: *Морковин В.* «Крылатая и безрукая» (М. Цветаева и Н.П. Гронский) // Труды 1-го Междунар. симпозиума. Лозанна, 30.VI. — 3.VII.1982. Берн, etc., 1991; *Цветаева М. Гронский Н.* Несколько ударов сердца: Письма 1928–1933 годов. М., 2003.

⁴ См. примеч. 1 к письму 41.

[Письмо Ариадны Эфрон]

Meudon, 10 апреля 1928 г.

Дорогая тетя Аня, Христос Воскресе!

Пасха тут чудесная, колокола, возвращаясь из Рима, принесли с собой дивную погоду, подснежники и гиацинты, лучшие подарки для всех. Мур чует Пасху, спрашивает, приносят ли зайцы подарки гадким мальчикам и дарятся ли на Пасху паровозы? На эти два вопроса он получает ясный ответ — нет! У него есть иногда милые, удачные слова и выражения: «Какая погода сегодня раскрашенная!» или «Солнышко какое новое, травка моя зеленая!» Сейчас пальто уже не носят, и Мур ходит в Вашем синеньком костюмчике, вызывающем всеобщее восхищение.

Ваши конфеты длились долго, ели их с удовольствием: вкусные и чешские, и даже теперь, когда они кончились, коробки служат для всяких мелочей. Я ежу каждый день от 1 ч <аса> до 4-х в мастерскую Шухаева¹, учусь рисованью, довольно успешно, кажется.

А в Медоне строится русская церковь из какого-то особенного состава, изобретенного русским инженером, открывается она в Чистый Четверг². Пойдем все на торжественную службу.

Целую Вас крепко, привет маме и сестре.

Ваша Аля

И Мур тоже поздравляет и целует (Мур сам написал).

Р. S. Две кляксы на первой странице письма сделаны Муром. Между прочим, он уже умеет находить букву А, печатную, в книгах.

¹ *Шухаев Василий Иванович* (1887–1973) — график, живописец, иллюстратор, сценограф, педагог. Окончил в Москве Строгановское художественно-промышленное училище и Петербургскую Академию художеств. Участвовал в росписи церкви Николая Мирликийского (г. Бари, Италия) и зала ожидания Казанского вокзала (Москва). С 1921 в Париже. Давал уроки живописи, оформлял спектакли для труппы И.Л. Рубинштейн (см. о ней примеч. 7 к письму 90). Преподавал в Русской академии Т.Л. Сухотиной-Толстой и в своей студии на Монпарнасе. В 1935 вернулся в

СССР. Ему принадлежат эскизы оформления нового здания Библиотеки им. В.И. Ленина в Москве (с 1992 Российская государственная библиотека). Преподавал в персональной мастерской в Институте живописи. В 1937 вместе с женой был арестован, выслан в Магадан, где оформлял спектакли Магаданского театра. В 1947 был освобожден, поселился в Тбилиси. В 1962 получил звание заслуженного деятеля искусств Грузинской ССР.

² Чистый Четверг — четверг перед Пасхой. В 1928 он падал на 12 апреля.

Pontillac, près Royan
Charente Inférieure
Villa Jacqueline¹
1-20 августа 1928 г.

Моя дорогая Анна Антоновна! Получила Вашего рыцаря² на берегу Океана, — висит над моим изголовьем, слушая то, чего наверное никогда не слышал — прилив.

Мы здесь две недели, всей семьей + дама³, полу-чужая, полу-своя, живущая у нас с весны и помогающая мне по хозяйству и с Муром. С<ергей> Я<ковлевич> скоро уезжает обратно, — евразийские дела, мы все остаемся до конца сентября.

Поехали на море, а не в горы, потому что все, кроме меня, его — им предпочитают. Горы у меня где-то впереди, еще дорвусь. Здесь и лучше и хуже, чем в Вандее. Скалы, деревья, поля, — это лучше (там — только пески), а хуже — здесь всё-таки курорт, хотя и семейный, — с казино, теннисами и всякой прочей мерзостью. (Любя *Спарту*⁴, ненавижу спорт.)

Кроме того, в С. Жилле, где мы были в третьем году, никого знакомых не было, поэтому С<ергей> Я<ковлевич>, напр<имер>, чудно отдохнул. Здесь же ½ пляжа — русские, купаются, гуляют (любя *ходьбу*, ненавижу гулянье) и едят вместе. Третий минус: пришлось, из-за денежных соображений, сдать одну комнату детям А.И. Андреевой — 19-ти, 18-ти и 15-ти лет⁵. Много лишнего шума и никакого чувства дома, точно сам живешь в чужой квартире.

Уехали мы на деньги с моего вечера⁶ — был в июне и скорее неудачный: перебила III моск<овская> Студия, приехавшая на несколько дней и как раз в тот день в единств<енный> раз дававшая «Антония» (Чудо св. Антония, Мэтерлинка⁷). Но всё-таки уехали.

Здесь из русских: профессора Карсавин и Лосский⁸ с семьями, проф. Алексеев⁹, П.П. Сувчинский с женой¹⁰, жена проф. Завадского¹¹ с дочерью¹² и внуком, эсеровская многочисленная семья Мягких¹³ и племянник проф<ессора> Завадского Владик Иванов. Кроме Лосских и Мягких — все евразийцы. Но, евразийцы или нет — всех вместе слишком много, скучаю, как никогда — одна.

Про Мура. Чудесно говорит, рост и вес шестилетнего, веселый, добрый, смелый, общительный, общий любимец. С утра до вечера на пляже, купается. Самый красивый ребенок на всем пляже.

Разговор. Я рассказываю ему «Белоснежку»¹⁴. «Лес был темный, страшный, но она не боялась». Мур: «Она была солдат?» (Сказку знает наизусть). Сегодня утром: «Я хочу в Мёдон, мне здесь надоело, всё время отлив. Не люблю океан!» (Дело в том, что Мёдон для него — вагон, а вагон он любит больше всего и больше океана.)

Вот карточки, не все удачные, но всё же что-то дают.

— Простите за поверхностное письмо, живем пятеро в двух комнатах, причем я в проходной, всё время входят и выходят, никогда не бываю одна.

Что наш план о моей осенней поездке? Нечего надеяться? А как хотелось бы провести с Вами несколько дней, в тишине. Парижа я так и не полюбила.

Dunkle Zypressen!

Die Welt ist gar zu lustig,—

Es wird doch alles vergessen!¹⁵

Целую Вас нежно, наши все Вас приветствуют.

МЦ

Пишите о своем лете. Хорошо ли Вам? Как здоровье Вашей матушки?

¹ Понтайяк, близ Руайана (Нижняя Шаранта), Вилла Жаклин.

² Рыцарь Брунцвик (см. примеч. 4 к письму 14); его фотографию Тескова послала по просьбе Цветаевой.

³ *Андреева Наталья Матвеевна* (см. примеч. 2 к письму 42).

⁴ *Спарта* (Лакедемон) — древнегреческий полис. Спартанцев-мальчиков воспитывали выносливыми, готовя их к возможным лишениям. Они проходили военно-физическую подготовку в интернатах, где их обучали также чтению, письму и хоровому пению. Девочек воспитывали в семье, но и они должны были хорошо бегать, бороться, метать копье и диск.

⁵ Речь идет о детях Андреевой: Савве Леонидовиче (1909–1970), Вере Леонидовне (1910–1986) и Валентине Леонидовиче (1912–1988).

⁶ Литературный вечер Цветаевой, на котором она прочла несколько последних вещей, состоялся 17 июня. Вступительное слово произнес М.Л. Слоним

⁷ В июне 1928 в Париже гастролировал Московский драматический театр им. Евг. Вахтангова (бывш. Третья студия МХТ).

17 июня театр давал комедию М. Метерлинка «Чудо св. Антония». *Метерлинка Морис* (Maeterlinck; 1862–1949) — бельгийский драматург, поэт.

⁸ *Лосский Николай Онуфриевич* (1870–1965) — философ, в 1922 выслан из СССР. В Понтайяке находились его сыновья: Владимир (1903–1958) — богослов и Борис (1905–2001) — историк, искусствовед, мемуарист (см.: *Лосский Б.* Что мне вспоминается — МЦВС II, 84–89).

⁹ *Алексеев Николай Николаевич* (1879–1964) — профессор, теоретик права. В эмиграции с 1920. Участник евразийского движения. В 1924–1925 читал курс общей теории государства в Карловом университете, позже работал в Берлине, Страсбурге (1931–1940), Белграде и Женеве.

¹⁰ *Сувчинская Вера Александровна* (урожд. Гучкова, во втором браке Трейл, Traill; 1907–1987) — дочь военного и морского министра Временного правительства Александра Ивановича Гучкова (1862–1936), крупного землевладельца и домовладельца, управляющего Московским учетным банком, председателя III Государственной думы. Сувчинская принадлежала к левым, просоветски настроен-

ным кругам эмиграции. Видимо, в первой половине 30-х годов стала агентом ОГПУ. Входила в Союз возвращения на родину, который возглавлял в Париже С. Эфрон, и занималась вербовкой русских эмигрантов в интербригаду во время Гражданской войны в Испании. Позже постоянно жила в Англии, занималась журналистикой. По утверждению К.Б. Родзевича, была его большим и многолетним другом.

¹¹ *Завадская Калерия Ивановна* (урожд. Гостинопольская, в первом браке Полешко; 1876–1963) — жена С.В. Завадского.

¹² *Макаева Клавдия Петровна* (урожд. Полешко; 1906–?). Дочь Завадской от первого брака. Русская актриса, позже — диктор на чешском радио в передачах для СССР. С сим-

патией и уважением отзывалась о М. Цветаевой, с восхищением — о С. Эфроне, в частности говорила, что он был душой компании, артистично рассказывал разные армейские истории, вел себя благородно и скромно.

¹³ *Мягких — Мягков Александр Геннадьевич* (1870–1957) — геолог, инженер, политический деятель; его жена — *Мягкова Вера Викторовна* (урожд. Савинкова; 1872–1942), старшая сестра эсера, организатора нескольких террористических актов, писателя (псевд. В. Ропшин) Б.В. Савинкова (1879–1925); их дети — Геннадий и Лидия. Учительница иностранных языков, душеприказчица брата, хранительница его архива. С 1921 семья жила в Праге.

¹⁴ *Белоснежка* — сказка братьев Grimm.

¹⁵ См. примеч. 4 к письму 35.

Понтайяк, 9-20 сентября 1928 г.

Дорогая Анна Антоновна! Получила Ваше письмо из чешских лесов, где Вас уже нет (и где я — еще есть!). Мой океан тоже приходит к концу, *доживаю*. Впереди угроза отъезда: перевозка вещей, сдача утвари — хозяйке, непредвиденные траты, финальный аккорд (диссонанс!). Боюсь этих вещей, томлюсь, тоскую. Зачем деньги? Чтобы не мучиться — душевно — из-за разбитого кувшина.

В сентябре должен был приехать сюда ко мне один мой молодой (18 л<ет>) друг¹, чудесный собеседник и ходок. Сентябрь — месяц беседы и ходьбы: беседы на ходу! я так радовалась — и вот — как всегда — что? — *несвершение*. В последнюю минуту оказалось, что ехать не может, действительно не может, и я бы не поехала. Остался по доброй воле, т.е. *долгу*, — как я всю жизнь, как Вы всю жизнь — оставались, остаемся, оставайтесь — будем. Так же не поехал на океан, как я не поеду к Вам в Прагу. — Порядок вещей. — Не удивилась совсем и только день горевала, но внутренно — опустошена, ни радости, ни горя, тупость. Ведь я в нем теряю не только его — его-то совсем не теряю! — а СЕБЯ — С НИМ, ЕГО — СО МНОИ, данную констелляцию в данный месяц вечности, на данной точке земного шара.

Хороший юноша. Понимает всё. Странно (*не странно!*), что я целый вечер и глубоко в ночь до его приезда (должен был приехать 1-го, ходила на вокзал встречать, возвращаюсь — письмо) напевала:

Behüt' Dich Gott! Es wär zu schön gewesen —
Behüt' Dich Gott! Es hat nicht sollen sein².

Я всё лето мечтала о себе-с-ним, я даже мало писала ему, до того знала, что всё это увидит, исходит, ПРИСВОИТ. И вот —

«Милый друг, я понадеялась на Вашу линию, — пересилила *моя*. Вы просто оказались в *моей* колее. ЕСЛИ БЫ ВЫ ЕХАЛИ НЕ КО МНЕ, ВЫ БЫ ПРИЕХАЛИ.

Вы теряете весь внешний мир, любя меня»³.

А внешний мир — это и рельсы, и тропинки вдоль виноградников, — и мы на них...

В Мёдоне мы с ним часто видимся, но — отрывочно, на людях, считаясь с местами и сроками. Здесь бы он увидел меня-одну, единственную *меня*. Второй раз этого не будет, жизнь не повторяет своих даров — особенно ТАК принимаемых.

Будь я другой — я бы звала его, «либо — либо», и он бы приехал, бросив семью, которая в данный час только им и держится (не денежно, хуже), и был бы у меня сен-

тябрь — только не мой, ибо у той, которая может рвать душу 18-летнего на части, не может быть моего сентября. Был бы чужой сентябрь. — Бог с ним! — Так у меня всё-таки — мой.

A celle qu'on jour je vis sur la grève
Et dont le regard est mieux qu'andalou —
Donne un coeur d'enfant pour qu'elle le crève:
— Il faut à chaqun donner son joujou...⁴
(Баллада Ростана. NB! Юношеская).

Я знаю, что *таких* любят, о *таких* поют, за *таких* умирают. (Я всю жизнь — с старыми и малыми — поступаю как мать).

Что ж! любви, песни и смерти — во имя — у меня достаточно!

Я — die Liebende, nicht — die Geliebte⁵.

Читали ли Вы, дорогая Анна Антоновна, когда-нибудь письма M-elle de Lespinasse⁶ (XVIII в.). Если нет — позвольте мне Вам их подарить. Что я — перед этой Liebende! (Если бы не писала стихов, была бы ею — и пуще! И может быть я все-таки — Geliebte, только не-людей!)

...То мой любовник лавролобий
Поворотил коней

С ристалища. То ревность бога
К любимице своей⁷.

Нынче 8-ое, Вы еще успеете написать мне сюда, тронемся 27-го (7 — любимая цифра Рильке). А не успеете —

2, Avenue Jeanne d'Arc
Meudon
(Seine et Oise)

Вам хочется что-нибудь подарить Муру? Подарите ему башмаки, самые простые, для улицы, — его № — 31.

В Чехии чудная обувь, куда лучше, чем в Париже. — Лучше коричневые, это наряднее. Я сдуру купила ему 32 №, сваливаются с ног, дорастет только через год. А № 31 — как раз на всю эту зиму.

Простите, ради Бога, за нескромную просьбу.

Пишите об осенней Праге. Господи, до чего мне хочется постоять над Влтавой! В том месте, где она как руками обнимает острова!

Я еще когда-нибудь напишу о Праге — как никто не писал — но для этого мне нужно увидеть ее заново — гостем.

На приезд *не* надеюсь, *ich hab' es schon verschmerzt*⁸.

Целую Вас нежно, о Муре подробно напишу в следующем письме (с фотографией). Аля напишет сама. Сердечный привет Вашим.

МЦ

Зовите меня просто Марина.

Але на днях (5/18-го) исполняется 15 лет. Правда, не верится? В Чехию приехала 9-ти.

А мне — тоже скоро (26-го сент<ября>/9-го окт<ября>) — 34, в Чехию приехала 28-ми.

А Муру 1 авг<уста> исполнилось 3½ года. В Чехию приехал О дня⁹.

Выиграл, в общем, только Мур.

— «Мур, молись: Святой Боже» — «Святой Боже»... — «Святой крепкий»... (Мур, уже с сомнением:) — «Святой... крепкий?»... — «Святой бессмертный»... — «Как — бессмертный? Это Кащей — бессмертный!» — «Помилуй нас!»

¹ Н.П. Гронский.

² См. примеч. 1 к письму 40.

³ См. парафраз этих слов в кн.: *Цветаева М., Гронский Н.* Несколько ударов сердца: Письма 1928–1933 годов. М., 2003. С. 84–85.

⁴ Той, что я видел однажды на песчаном берегу

И чей взор нежней, чем у андалузки, —
Дай ей сердце ребенка, чтоб потерзать его:
— Каждому же надо дать игрушку... (*фр.*)

Из «Баллады о Новом Годе» французского поэта и драматурга Эдмона Ростана (1868–1918). В юности Цветаева начала переводить на русский язык его драму «Орлёнок», но не закончила, обнаружив, что перевод уже существует.

⁵ Я — любящая, не возлюбленная (*нем.*). М. Цветаева не случайно изъясняется здесь по-немецки: ее размышления о любящих и любимых навеяны повестью Р.М. Рильке «Записки Мальте Лауридса Бригге» (1910).

⁶ *Леспинас Жюли де* (De Lespinasse; 1732–1776) — хозяйка парижского литературного салона, где собирались французские энциклопедисты. Посмертно были опубликованы прославившие ее любовные письма к графу де Гибери (1809).

⁷ Из стихотворения Цветаевой *Ночного гостя не застанешь*... (После России. 1922, Берлин; II, 131).

⁸ У меня уже это переболело (*нем.*).

⁹ М. Цветаевой в 1928 исполнялось 36 лет, в Чехию она приехала 29 лет, а дочери Але исполнилось 16 лет. День рождения М. Цветаевой 26 сентября (ст. ст.) падает на 8 октября по новому стилю (так как даты XIX в. переводились прибавлением 12 дней). Церковный праздник Иоанна Богослова («В колокольный я, во червонный день / Иоанна родилась Богослова»), совпадавший до 1918 с днем рождения М. Цветаевой, после смены календаря сейчас церковью отмечается 9 октября (так как даты XX в., в том числе церковные праздники, переводились прибавлением 13 дней).

Понтайяк, 25-го сент <ября> 1928 г.

Дорогая Анна, только что Ваше письмо, после-завтра утром едем, пишу в самую уборку и укладку. Третьего дня уехали г<оспо>жи Завадские, т.е. жена Сергея Влад<иславовича> и падчерица, в Праге будут 1-го, повидайтесь с ними, они Вам много о нас всех расскажут. Хотели Вам с ними послать что-нибудь, но сидели абсолютно без денег, а сейчас, когда деньги пришли, они уже уехали. Но ничего, okazji еще будут.

Посылаю Вам пока Мура, — видите, какое *разное* лицо? Карточки сняты одна за другой. С<ергей> Я<ковлевич> пишет, что пришла от вас посылка — Але и Муру. Спасибо! Радует. Сердечное спасибо и за башмачки, не бойтесь, что велики! если № 31, то как раз. Мур ростом и размером с хорошего шестилетнего. (Вес 27½ кило — голый!).

Кончаю, нежно Вас целую, из Мёдона напишу еще. Это только записочка.

Марина
Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc

[Приписка на полях] Это мой польский (бабушкин) герб. [Герб не обнаружен]

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
18-го ноября 1928 г.

Дорогая Анна Антоновна! Во-первых и в главных: башмачки дошли — чудесные — Мур носит, не снимая. Не промокают и размер как раз его. Спасибо от всего сердца, это больше, чем радость, — необходимость.

Рада, в свою очередь, что наша посылочка дошла, отослана она была 26-го сентября. Но винить нельзя, г<оспожа> Завадская *очень* занята (кстати, она гораздо лучше и проще, и милее, чем я думала, в Понтаяке я с ней очень сошлась, — просто очень хороший человек, без мелкости).

Очередная и очень важная просьба. Мы *очень* нуждаемся, всё уходит на квартиру и еду (конины, другое мясо не доступно — нам), печатают меня только «Последние Новости» (газета), но берут лишь старые стихи, лет 10 назад. — Хороши *последние* новости? (1928 г. — 1918 г.). Но весь, имеющийся у меня ненапечатанный матерьял, иссяк. Вот просьба: необходимо во что бы то ни стало выцарапать у Марка Львовича мою рукопись «Юношеские стихи»¹. Писать ему — мне — бесполезно, либо не ответит, либо не сделает. Нужно, чтобы кто-нибудь пошел и взял, и взяв — отправил. На М<арка> Л<ьвовича> никакой надежды, я его знаю, «найду и pošлю» — не верьте. Передайте ему прилагаемую записочку, где я просто прошу передать «Юношеские стихи» Вам, не объясняя для чего, (чтобы у него не было возможности обещать — и не сделать). Если можно — сделайте это поскорее. Раз в неделю стихи в «Посл<едних> Новостях» — весь мой заработок. *Все* «Юношеские стихи» не напечатаны, для меня и для «Посл<едних> Новостей» (где меня — старую — т.е. молодую! — *очень* любят) — целый клад.

Выслать необходимо *заказным*, у меня даже черновики нет. Я знаю, как тяжело такое поручение, но у меня, кроме Вас, дорогая Анна Антоновна, в Праге друзей нет (Слоним, в делах, — враг!).

Рукопись у него в Праге, сам говорил. Когда-то дала почитать, так и осталась. Если скажет «сейчас не могу, найду», спросите: «когда?», *не верьте обещаниям*, я — хорошо к нему относясь, слишком хорошо его знаю.

Присылкой этой рукописи Вы меня спасете, там есть длинные стихи, по 40–50 строк, т.е. 40–50 фр<анков> в неделю: деньги!

Тщетно стараюсь накопить на выходные башмаки: два месяца собирала гоо фр<анков>, и в 5 дней (на еду) истратила — нынче пятый. Вот и вспомнила «Юношеские стихи».

Слава Богу, погода теплая, почти не топили.

— Пишу большую вещь — «Перекоп»² (конец Белой Армии) — пишу с большой любовью и охотой, с несравненно большими, чем, напр<имер>, «Федру». Только времени мало, совсем нет — как всю (взрослую!) жизнь. С щемящей нежностью вспоминаю Прагу, где, должно быть, мне никогда не быть. Ни один город мне так не врас-тал в сердце!

Behüt Dich Gott! es wär zu schön gewesen —

Behüt Dich Gott! es hat nicht sollen sein!³

Целую Вас нежно.

Марина

¹ *Юношеские стихи* — сборник, включающий стихи 1913–1915. «Неизданную книгу “Юношеские стихи” Цветаева считала этапной в своем творчестве. [...] В годы, когда создавались произведения, вошедшие в “Юношеские стихи”, молодому поэту было почти невозможно избежать влияния символизма, акмеизма или футуризма. Тем поразительнее самобытность развития Цветаевой, полное отсутствие подражательности в ее творчестве, тематическая и формальная самостоятельность» (Коркина Е. О «Юношеских стихах»

Марины Цветаевой // Коркина Е. Архивный монастырь. М., 2007. С. 73–74). Историю с «Юношескими стихами» в изложении Слонима см.: Лосская В. Марина Цветаева в жизни: Неизданные воспоминания современников. М., 1992.

² *Перекоп* — поэма М. Цветаевой, посвященная Гражданской войне в России. При жизни Цветаевой не была опубликована. Впервые: Воздушные пути. Нью-Йорк, 1967. № 5 (III, 148–184).

³ См. примеч. 1 к письму 40.

[Письмо Ариадны Эфрон, посланное с письмом Цветаевой от 18 ноября 1928]

Meudon 6 ноября 1928 г.

Дорогая тетя Аня,

я очень рада, что наши раковинки (и брошка) Вам понравились. Мур очень любил их собирать, набирал целые горы и обижался, когда ему не позволяли нести это огромное количество домой.

Когда Мур получил Ваши башмаки, он был в диком восторге и всем их показывал, говоря при этом: «Посмотрите, какие у меня чудные башмаки! Они чешские, мне их тетя Аня из Праги прислала! Я так рад!» И теперь он их иначе не называет, как: «Тети-Анины башмаки».

Я приготовила для Вас несколько рисунков, иллюстрации к сказкам Андерсена, но все никак не соберусь их послать, и потом они мне кажутся недостаточно хорошими для Вас.

Мы все мечтаем с Вами увидеться, мы так соскучились по Вас и Чехии!

А Мур, никогда Вас не видевший (осмысленными глазами), хорошо по нашим рассказам знает «Тетю Аню, и ее маму, и ее сестру, и кота Муцика, и Прагу». И еще знает, что зимой в Праге снег и что дед Мороз и св<ятой> Николай приносят игрушки всем хорошим детям (и, конечно, гадким детям тоже приносят!) и что там река, и башни, и мосты... И еще я ему перевожу сказки из той книги с чудными картинками, которую Вы мне прислали.

Сейчас он стоит около меня и говорит: «Кому ты пишешь?» — «Тете Ане», и он начинает приставать: «Я тоже! Я тоже напишу!»

Милая тетя Аня! Я Вас очень люблю и целую.

Мур

Это я его рукой и под его диктовку. А это он, рядом с подписью, нарисовал «человика» (!)

Целую Вас крепко.

Ваша Аля

Mendon (S. et O.)

2, Avenue Jeanne d'Arc

29^e cours BZP.

Делна, даре диктаторско! Во срџана и б
мавкени: огуанко сѹ асно ја ругајте,
наесовази? подарен! Деј, Даре и е кинда
ди ке досетана: М. П. ки сѹвади ке досетана
на инена ке сѹборачеи, - ке ѹ јасно, -
ке равнадушии ("les absents ont toujours
tort", в зоси ош офрѹкне роданѹи,
у нашѹи, "les absents ont toujours raison,
- les prѹsents - tort"!)

Дѹфа дари Даре је јасно, мек
дѹвајнакесе сѹвак дѹвајнакесе:

Срџано ѹресе у дѹвајнакесе "седе".

Но ѹду наш и у Даре тако ѹду и
јасно, ѹд мек дѹвајнакесе.

Дѹфа: ѹресе мек Даре на тени,
- сѹ дѹвајнакесе јасно ѹду - мек мек
огуанка јасно. (М! мек (ѹду)
ѹду мек кинда ка ка наш ѹду
ке ѹресе, Даре - ѹресе). Даре ѹресе
дѹвајнакесе, в ѹду. Срџано у мек сѹвак
о ке в ѹресе! ("dit dem heimlichem
"prosim")

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
29-20 ноября 1928 г.

Дорогая Анна Антоновна! Во первых и в главных: огромное спасибо за рукопись, настоящий подарок! Без Вас я ее никогда бы не достала: М<арк> Л<ьвович> ни словом ни делом на письма не отвечает, — не по злобе, — по равнодушию («les absents ont toujours tort»¹, в этом он обратное романтику, у которых «les absents ont toujours raison, — les présents — tort»²).

Нежно благодарю Вас за заботу, мне вспоминается стих Ахматовой:

Сколько просьб у любимой всегда!³

По тому как я у Вас часто прошу, я знаю, что Вы меня любите.

Второе: перевод моего Рильке на чешский, — его второй родной язык — для меня огромная радость. (NB! Меня (прозу) еще никто никогда ни на какой язык не переводил, Вы — первая). Рильке вернулся домой, в Прагу. Сколько у него стихов о ней в юности! («Mit dem heimatlichem „proším”»⁴).

Пришлете мне книжку с Вашим переводом?⁵ Аля поймет, да и я пойму, раз знаю оригинал.

Третье: сегодня в Прагу выезжает чета Савицких⁶. Посылаю Вам с ними — если возьмут — кремовые замшевые перчатки, я их немножко поносила, чтобы не выглядели новыми. Отлично стираются в мыльной пене (или в «Люксе») — только не надо ни выжимать ни ополаскивать. Купила Вам кремовые потому что нарядные и потому что Вы бы себе светлых никогда не купили, — правá? Посылаю еще с Савицкими — Вы рассмеетесь! — один свой старый башмак (NB! носила три года, пока не треснул лак) — на мерку, если бы Вы на самом деле вздумали сделать мне такой чудный подарок.

Этот башмак мне как раз, но вот в чем дело: он, как Вы сами увидите, совсем без ранта (рант — кожаный край подошвы вокруг башмака), если те, что Вы мне думаете подарить, будут с большим рантом, нужно этот рант прибавить, т.е. взять чуть-чуть (½ пальца) больше, чтобы носок не оказался короче, а то будут малы. [Нарисована подошва с рантом.] Нужно, чтобы носок новых был бы как раз такой же, как носок этого, мерьте по носку, прибавляя рант en plus⁷. Каблук хотелось бы такой же, не выше и не уже, самая удобная форма, я много хожу. И форма хорошая, не шире, а то нога будет ездить. Цвет хотелось бы темно-коричневый, как у Мура, вообще что-нибудь прочное для ходьбы. Этим подарком я буду счастлива, чешская обувь славится, а

в Париже только лак хорош. (Когда-нибудь разбогатею и пришлю Вам лаковые туфли, нарядные. Когда-нибудь — разбогатею? Нет. Но когда-нибудь — пришлю. NB! Эти вещи — не связаны!).

Весь вопрос в том, согласятся ли Савицкие везти этот одинокий башмак. (В перчатках не сомневаюсь). Узнаю их адрес и сообщу Вам, на месте — спишетесь, как достать или доставить посылочку. М.б., они сами вам напишут (я их очень мало знаю).

Чтобы кончить о башмаках (целая Жакерия!⁸ Я бы на месте Савицкого повезла бы его на палке!) — новых не посылайте почтой, а лучше ждите okazji (можно будет предварительно запачкать подошвы) — вот почему: очень высока пошлина (Zoll)⁹. За Муркины взяли 25 фр <анков>, за взрослые возьмут не меньше 50 фр <анков>, а у меня их в тот день может не быть (наверное не будет!). Лучше подождать случая, бывают же, ездят же!

Простите за скучное письмо, мне очень совестно. Сейчас иду к Савицким и припущу — берут ли. Если не возьмут башмака, обрисую и пришлю.

Посылаю Вам Мура в трех видах в Вашем костюме и башмаках, немножко темно, но сейчас осень, мало света (NB! Не для души, — для фотографии!)

Целую Вас нежно, спасибо за всю доброту, пишите.

Любящая Вас

Марина

30-го ноября, четверг¹⁰

Вчера уехал Савицкий и всё повез. Обещал вещи Вам переслать с кем-нибудь из знакомых. Он, кажется, человек точный. Живет за городом. Проф. Петр Николаевич Савицкий (Евразиец). Напишите впечатление от «Евразии», и Ваше, и других! (Говорю о № 1 евразийской еженедельной газеты, к <отор>ую, надеюсь, получили). В след <ующем> письме напишу Вам о Маяковском¹¹, к <оторо>го недавно слышала в Париже¹². (В связи с моим обращением к нему в газете). NB! Как его толкуете? Не забудьте ответить.

¹ Отсутствующие всегда неправы (фр.).

² Отсутствующие всегда правы, неправы — присутствующие (фр.).

³ Неточная цитата из стихотворения А. Ахматовой *Столько просьб у любимой всегда!*.

⁴ «С родным “пожалуйста”» (нем., чеш.). Райнер Мария Рильке родился в Праге, здесь прошли его детство и юность. Цветаева изменила строку из его стихотворения «Im Dome» (В соборе). У Рильке: «Mit leisem “Prosim!”» (С тихим “Пожалуйста!”) (*Небесная арка*: Марина Цветаева и Райнер Мария Рильке. СПб., 1992. С. 43, 240).

⁵ См. примеч. 10 к письму 32.

⁶ *Савицкий Петр Николаевич* (1895–1968) — экономист, географ, социолог, видный деятель евразийского движения. В 1920 эмигрировал в Болгарию, в 1921–1945 жил и преподавал в Праге, член Союза русских писателей и журналистов. В 1945 арестован советскими спецслужбами, депортирован в СССР и отправлен в мордовские лагеря. После освобождения из заключения (1954) вернулся в ЧСР. В 1961–1962 арестован чехословацкими службами безопасности. Его жена — *Савицкая Вера Ивановна* (1897–1960).

⁷ Сверх этого (*фр.*).

⁸ *Жакерия* — крестьянское антифеодалное восстание во Франции в 1358 в период Столетней войны (1337–1453).

⁹ Пошлина (*нем.*).

¹⁰ 30 ноября 1928 была пятница.

¹¹ *Маяковский Владимир Владимирович* (1893–1930) — советский поэт. М. Цветаева с большим уважением относилась к В. Маяковскому, его поэтическому таланту (см.: Эпос и лирика современной России: Владимир Маяковский и Борис Пастернак — V, 375–396) и посвятила ему в 1921 стихотворение (II, 54–56), а после его трагической смерти цикл из семи стихотворений — реквием «Маяковскому» (II, 273–280). В. Маяковский, к сожалению, недооценивал Цветаеву-поэта, в ее стихах он ничего, кроме «цыганского лиризма», не увидел (*Маяковский В.* Собр. соч.: В 13 т. Т. 12. М., 1959. С. 79). Цветаеву очень огорчило это замечание: «...не за себя, за него» (письмо Пастернаку от 21 июня 1926). В Париже у Эльзы Триоле долгое время пролежала, оставленная Маяковским, книга «После России», подаренная ему Мариной Цветаевой (см.: *Саакянц А.* Марина Цветаева: Жизнь и творчество. М., 1997. С. 512–513).

¹² М. Цветаева была на выступлении В. Маяковского в кафе «Вольтер» 7 ноября 1928, в среду. «Приветствие Маяковскому» в связи с приездом его в Париж Цветаева поместила в газ. «Евразия». В нем она вспоминала, что незадолго до того, как покинуть Россию, случайно встретила Маяковского на улице и спросила его: что передать Европе? Маяковский ответил: «Что правда — здесь». После выступления поэта в Париже на вопрос, что скажете о России после чтения Маяковского, Марина Ивановна ответила: «Сила — там» (*Евразия.* 1928. 24 нояб. № 1; VII, 351). Маяковский, отбирая в 1930 материалы для своей выставки «20 лет работы», вспомнил о Цветаевой. Среди книг, плакатов и документов он поместил написанное ею 3 декабря 1928 письмо из Парижа (VII, 350):

Дорогой Маяковский!

Знаете, чем кончилось мое приветствие Вас в «Евразии»? Изъятием меня из «Последних новостей», единственной газеты, где меня печатали... [...]

Оцените взрывчатую силу Вашего имени... [...].

До свидания! Люблю Вас.
Марина Цветаева

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
1 января 1929 г.

С Новым Годом, дорогая Анна Антоновна!

Желаю Вам в нем здоровья, покоя, удачи, работы.

Вчера, на встрече у Евразийцев, думала о Вас и в 12 ч<асов> мысленно чокнулась. Как Вы глубоко правы — ТАК любя Россию! Старую, новую, красную, белую, — всю! Вместила же Россия — всё, (Рильке о русском языке: «Deine Sprache, die so nah ist — alle zu sein!»¹) наша обязанность, вернее — обязанность нашей любви, — ее всю вместить!

Написала Вам большое письмо и заложила — знаете, как это бывает? — вошли, оторвали, сунула, — столько бумаг! Найду — дошлю.

— Как Вы встречали? Дома? На людях? А может быть, спали?

Аля нарисовала чудесную вещь: жизнь, по месяцам, Нового Года. Январь — ребенком из камина, февраль — из тучки брызжет дождем, март — сидя на дереве, раскрашивает листву и т.д.

Она бесконечно — даровита, сплошной Einfall².

— Это не письмо, записочка, чтобы не подумали, что не думаю. Пишу сейчас большую статью о лучшей русской художнице — Наталье Гончаровой³. Когда-нибудь, в письме, расскажу Вам о ней.

Мур болен: 2 недели глубокий бронхит, лежит в постели. Просит передать тете Ане, чтобы она скорей к нам приехала, «а то Новый год состарится, и мои новые игрушки поломаются, а я хочу ей их показать». Мы с Алей крепко целуем Вас и всех Ваших, от С<ергея> Я<ковлевича> сердечный привет и пожелания.

МЦ

Книга М<арка> Л<ьвовича>⁴ очень поверхностна, напишу Вам о ней подробнее. На такую книгу нужна любовь, у него — туризм. NB! Не говорите.

У нас чудный синий день, — первый за всю зиму, — а у Вас? Обнимите за меня всю Прагу!

¹ См. примеч. 12 к письму 32.

² Поток, лавина (нем.).

³ Гончарова Наталья Сергеевна (1881–1962) — правнучатая племянница Натальи

Николаевны Гончаровой, жены А.С. Пушкина. Живописец, график, театральный художник, приехала в Швейцарию в 1915 по приглашению Сергея Павловича Дягилева (1872–1929). М. Цветаеву с Н. Гончаровой познакомил в 1928 М. Слоним. Они условились о совместной работе. Цветаева запечатлела образ художницы в очерке «Наталья Гончарова», объединив в нем интервью, исследование и эссе (Воля России. 1929. №5/6, 7, 8/9; IV, 64–129). Н.С. Гончарова сделала иллюстра-

ции к поэме «Молодец» в расчете на отдельное издание на французском языке (в переводе М. Цветаевой). Сохранилась папка с 31 рисунком к поэме (подробнее см.: *Баснер Е.В.* О работе Наталии Гончаровой над поэмой «Молодец» // Марина Цветаева. Поэт и время: Выставка к 100-летию со дня рождения. 1892–1992. М., 1992. С. 183–188). См. также примеч. 6 к письму 61.

⁴ Слоним М.Л. По золотой тропе: Чехословацкие впечатления. Париж, 1928.

Meudon (S. et O.)
2, avenue Jeanne d'Arc
9-го января [1929]/27-го дек<абря>1928 г.

Дорогая Анна Антоновна!

Я в большой тревоге: чешское иждивение (500 кр<он>), приходившее ровно 1-го числа, до сих пор не пришло. Это совпало с русским Рождеством (нынче 3-ий день), вторую неделю живем в кредит, а здесь не то, что в Чехии: смотрят косо.

Ради Бога, узнайте в чем дело: недоразумение или — вообще — конец? Без предупреждения: 1-го ждала, как всегда. Говорила со Слонимом, — говорит: пишите Завазалу¹. Но я его с роду не видала и совсем не знаю как ему писать. И — главное — если *заминка*, писать вовсе не нужно, если же *конец* — нужно очень выбирать слова и доводы, — если вообще таковые могут помочь.

Что мне нужно делать? Без чешского иждивения я пропала. И вот, просьба: пойдите к Д<окто>ру Завазалу и узнайте, и, если *конец*, сделайте всё, чтобы продлить. Стихами не наработаешь, печататься негде, Вы сами знаете. Большинство писателей живет переводами их на иностранные языки, у поэтов этого нет. Гонорар — 1 фр<анк> строка. Я нигде не печатаюсь, кроме «Воли России», с «Посл<едними> Нов<остями>» из-за приветствия Маяковскому² — кончено, «Федра» в «Совр<еменных> Зап<исках>» проедена еще 1 г<од> с лишним назад, во время скарлатины.

У меня *просто ничего нет*. Скажите всё это Д<окто>ру Завазалу и поручитесь, что это правда — которую все знают.

Я всё-таки единственный живой поэт за границей. (NB! От этого мне не легче.)

— Ёлка все-таки была (и есть) — с прошлогодними и самодельными украшениями. *Каждый* раз, зажигая, вспоминаю Вас. Мур целый месяц болел (грипп и затяжной бронхит), сегодня в первый раз вышел. Они оба — Аля и он — сияют. Сияю и я — ёлочным и их сиянием.

У меня есть для Вас подарок, подаренный мне и мысленно уже передаренный Вам. — Не знаете ли okazji? У евразийцев раскол, и Савицкий³ вряд ли повезет.

— Таковы дела. —

Целую Вас нежно, сердечный привет и пожелания Вашим, простите за трудную просьбу, — если бы не крайность...

МЦ

Я Вам писала последняя — сравнительно недавно — дошло ли?

¹ *Завазал Зено* (Зенон) (Zavázal; 1881–1934) — советник Политического департамента МИД ЧСР, где занимался делами русской эмиграции, член Совета РЗИА, член Куратория Русского народного университета,

член Славянского института, позже — генеральный консул в Дрездене.

² См. примеч. 12 к письму 47.

³ См. примеч. 4 к письму 29 и примеч. 6 к письму 47.

Meudon (S. et O.)
22-20 января 1929 г.

Дорогая Анна Антоновна! О Ваших письмах: я их храню, ни одного не потеряла и не уничтожила за все эти годы. Вы один из тех редких людей, которые делают меня *добрее*: большинство меня ожесточает. Есть люди, которых не касается зло, дважды не касается: минует и — «какое мне дело?!». Это я — о Вас. Меня — касается, ко мне даже притягивается, я с ним в каком-то взаимоотношении: *тяготение вражды*. Но это я в скобках, вернемся к Вам. Вас бы очень любил Рильке. Вы всем существом поучительны (*lehrreich*) и совсем не нравоучительны, Вы учите, не зная, — тем, что существуете. В священнике я всегда вижу превышение прав: кто тебя поставил надо мною? (*между Богом и мною, тем и мною, всем — и мною*). Он — посредник, а я — непосредственна. Мне нужны такие, как Рильке, как Вы, как Пастернак: в Боге, но как-то — без Бога, без этого слова — Бог, без этой стены (*между мной и человеком*) — Бог. Без *Бога по образу и подобию* (иного мы не знаем). Недавно я записала такую вещь: «самое ужасное, что Христос (Бог) уже был!». И вдруг читаю в посмертных письмах Рильке (перевожу, пойдут в февральской «Воле России» — «Aus Briefen Rainer Maria Rilkes an einen jungen Dichter²») — «Warum denken Sie nicht, dass er der Kommende ist»³. Бог — не предок, а потомок, — вот вся «религиозная философия» (беру в кавычки, как рассудочное, профессорское, учебническое слово) — Рильке. Я рада, что нашла формулу.

Рильке когда-то мне сказал, «Ich will nicht sagen, Du hast Recht: Du bist im Recht», im Recht-sein, im Guten-sein⁴, это всё о Вас. (Убеждена, что Рильке бы Вас любил, — почему «любил», — *любит*). Убеждена еще, что когда буду умирать — за мной придет. *Пе-ре-ве-дет* на тот свет, как я сейчас *пе-ре-во-жу* его (за руку) на русский язык. Только *так* понимаю — перевод.

— Как я рада, что Вы *так же* (за руку) перевели меня — что меня! меня к Рильке! — на чешский. За что я *так* люблю Вашу страну?!

О жизни, житейском. Башмакам очень радуюсь, ничего, что г^оспожа Т. не взяла, кто-нибудь авось возьмет — к весне! Об иждивении узнала от М.Л. Слонима, — а он из консульства — что вместо 1-го будут выдавать после 20-го, но кому из парижских литераторов — неизвестно. Будем ждать.

— Бесконечное спасибо за очередную помощь, сразу заплатила долг в лавке, — здесь не Чехия — кредита не любят. Камень с плеч!

Писала ли я Вам о Мүриной болезни: грипп и затяжной (глубокий) бронхит, тянувшийся месяц. Слава Богу, прошел. Но — вслед — сильный припадок печени, с ослаблением сердца, у С<ергея> Я<ковлевича>. Лежал неделю, — он, который никогда не лежит. Сейчас еле бродит. У Евразийцев раскол⁵. Савицкий — сумасшедший (раз), сумасшедший честолюбец (два), он и проф<ессор> Алексеев вдвоем утверждают, что С<ергей> Я<ковлевич> ЧЕКИСТ И КОММУНИСТ. Если встречу — боюсь себя... Проф<ессор> Алексеев⁶ не сумасшедший, но негодяй, верьте мне, даром говорить не буду. Я лично рада, что он уходит, но очень страдаю за С<ережу>, с его чистотой и жаром сердца. Он, не считая еще двух-трех, единственная МОРАЛЬНАЯ СИЛА ЕВРАЗИЙСТВА. — Верьте мне. — Его так и зовут «Евразийская совесть», а проф<ессор> Карсавин о нем: «золотое дитя Евразийства». Если вывезено будет — то на его плечах (костях).

Про Муркино Рождество Вам напишет Аля. Ёлку разобрали только на днях — 6/19-го. Игрушки были еще чешские, приехавшие в той знаменитой корзине. Зажигали с Сочельника каждый вечер. «Я люблю смотреть издали» (Мур). Он очень умный, очень добрый, очень особый мальчик. 1-го ему исполняется 4 года, — как годы бегут! Целую Вас нежно, пишите о здоровье. КАК Я ХОЧУ К ВАМ!

Марина.

Если горячее и подробнее не благодарю, то только из смущения. Прочтите — так.

¹ В письме к Гронскому Цветаева писала: «...не могу перенести мысли, что *Христос уже был*, что нечего ждать» (*Цветаева М., Гронский Н.* Несколько ударов сердца: Письма 1928–1933 годов. М., 2003. С. 130).

² Из писем Райнера Мария Рильке к молодому поэту (*нем.*). Перевод (с предисловием) Цветаевой нескольких писем Рильке был впервые опублик.: Воля России. 1929. № 2; V, 647–659.

³ «Почему Вы не думаете, что он — Тот, Кто еще придет» (*нем.*).

⁴ «Я не хочу сказать, что Ты имеешь право: Ты в праве», а пребывать в праве — пребывать в добре (*нем.*).

Рильке в письме к Цветаевой от 28 июля 1926 так размышляет о «правоте» и «праве»: «Ты всегда права, Марина (не редкий ли случай для женщины?), — права в самом обыч-

ном, самом безмятежном смысле. Это право-обладание бесцельно и, должно быть, безначально. Но ты права своей чистой непритязательностью и полнотой целого, откуда ты черпаешь, и в этом — твое бесперывное право на бесконечность» (*Небесная арка: Марина Цветаева и Райнер Мария Рильке.* СПб., 1992. С. 96).

⁵ Раскол среди евразийцев произошел в 1929. П.Н. Савицкий, П.П. Сувчинский, Н.С. Трубецкой, Н.Н. Алексеев и другие представители правого крыла движения были против просоветской ориентации представителей левого крыла — С.Я. Эфрона и Д.П. Святополка-Мирского. В 1930 евразийство как организованное движение прекратило свое существование.

⁶ См. примеч. 9 к письму 43.

Meudon (S. et O.)
2, Av. Jeanne d'Arc
19-20 февраля 1929 г.

Дорогая Анна Антоновна! Вчера вечером — только села Вам писать письмо, разложила блок-нот, уже перо обмакнула в чернильницу — гость, неожиданный и нежеланный. Пришлось, не написав ни слова, всё сложить и унести. Но сегодня, слава Богу, день дошел уже до такого часа, что нижданному, ни нежданному не бывать. Чудно бьют часы на башне — одиннадцать. Вспоминаю Прагу, связанную для меня с часами и веками. (Я так люблю Прагу, что — уверена — в ней никогда не буду). Кстати, историйка. Недавно Аля от кого-то принесла домой книгу «La maison roulante»¹, которую я когда-то читала и обожала в детстве, в далеком детстве, до первой заграницы, до 8 л<ет>. Смотрим картинки — знакомое — давно-недавне-знакомое: ночь, башня, мост, — ПРАГА! КАРЛОВ МОСТ. Оказывается, я раньше по нему ходила, чем ходила ногами, раньше на целых 20 лет! (Книга о цыганах, Bohême — Богемия². Прага тогда была Богемией, следовательно, волей *слов*, герой книжки, украденный мальчик Adalbert³ — и я за ним — должен был бродить по Праге). Страшная картинка: цыган с ножом, а месяц над ним, как кинжал.

Теперь о нынешнем. Иждивение за 2 месяца (на что не надеялась) получила и купила кастрюльку — Lilor, волшебную, со свистком, к<отор>ая всё варит в 15 мин<ут>, самые огнеупорные супы. Овощи и картошку — в 5 мин<ут>. Волшебство. Когда вещь готова, кастрюлька свистит. Но если тотчас же снять крышку — взрывается, рассыпаясь на тысячу свинцовых пуль. Не только самовар, но самострел. *Еще не варила*. Жду свободного утра С<ергея> Я<ковлевича>, чтобы показал — как. (Купила вчера, и еле довезла, — точно *уже* с 8 литрами шей!). Вот бы Вам такую! Есть ли это в Чехии? Через границу без пошлины не перевезти. Принцип: варка паром. Завинчивается наглухо.

Только что продержала корректуру перевода 7-ми писем Рильке (не ко мне, конечно!) и вступления к ним. Прочтете в следующем (февральском) № «Воли России». Убедена, что во всем, что Р<ильке> говорит и я говорю — услышите свое. Письма Р<ильке> — о писании стихов (dichten⁴) — о детстве — о Боге — о чувствах. Перевела как только могла, работала, со вступлением, три недели. — Пишу большую

не-статью о Н. Гончаровой, лучшей русской художнице, а м.б., и художнике. Замечательный человек. Немолодая, старше меня лет на 15. Видаюсь с ней, записываю. Картины для меня — *примечания к сущности, никогда бы не осуществленной, если бы не они*. Мой подход к ней — *изнутри человека, такой же, думаю, как у нее к картинам*. Ничего от внешнего. *Никогда не встречала такого огромного я среди художников!* (живописцев).

Из этого отношения может выйти дружба, может быть уже и есть, но — молчаливая, вся в действии. Я *ее* пишу (NB! Как художник, именно портрет!), а она пишет иллюстрации к моему «Молодцу»⁵. Ни я, ни она не показываем.

Много сходства: демократичность физических навыков, равнодушие к мнению: к славе, уединенность, $\frac{3}{4}$ чутья $\frac{1}{4}$ знания, основная русскость и созвучие со всем... Она правнучка Н.Н. Гончаровой, пушкинской роковой жены. — Есть глава и о ней. —

У нас были морозы в 20 гр<адусов>, при здешней одежде и обуви — беда. А у меня еще живы высокие теплые чешские башмаки, — вот и ходила, даже бегала. Здесь таких не достать ни за какие деньги, — *весь женский Париж без исключения* — в туфельках. А я ходила в них и в толстых черных чешских шерстяных чулках (*весь Париж в светлых!*). В угольных складах мгновенно не оказалось углей, приходилось вымалывать по ведру. Но теперь, слава Богу, потеплело. Мур Вашей голубой (от медвежьего костюмчика) куртки не снимал ни днем ни ночью, самая теплая. Башмаки тоже служат лучше нельзя. Он всё растет, огромный, 7 л<ет> на вид и вес, — 1-го фев<аля> ему исполнилось 4 года. Летит — время?? Аля большая, красивая, добрая, умная, спокойная. Чудесно пишет и очень хорошо рисует. («Nur Zeit!»⁶). С эсерами не вижусь никогда, с М<арком> Л<ьвовичем> изредка переписываемся по журнальным делам.

Кончаю на др<угой> день, уже ничего не успею, целую Вас нежно, спасибо за всё.

МЦ

¹ *Дом на колесах* — книга французской писательницы де Штольц (Фанни де Бегон).

² *Богемия* (от *Boiohaetum* — страна бойев) — название территории, где жили кельтские племена в последние века до н. э., а позже образовалось государство Чехия. Богемия — официальное название Чехии (без

Моравии) в составе Габсбургской империи (1526–1918). *Bohémien* — по-французски цыганский.

³ Адальбер.

⁴ Слагать стихи (*нем.*).

⁵ См. примеч. 3 к письму 48.

⁶ Только время (*нем.*).

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
17-20 марта 1929 г.

Дорогая Анна Антоновна! Только что Ваше письмо. Я Вас люблю, зачем Вы живете такой жизнью, есть обязательства и к собственной душе, — вспомните Толстого¹ — который, конечно, подвижник, мученик дома (долга) — но который за этот подвиг *ответит*. Вы правы кругом — и Толстой был прав кругом — и вдруг, мысль: «грехи — что! Грехи Бог простит, а — подвиги??» Служил ли Толстой Богу, служба дому? Если Бог — труд, непосильное: да. Если Бог — радость, простая радость дыхания: нет. Толстой, везя на себе Софью Андреевну² + всё включенное, не дышал, а хрипел.

«Пора и о душе подумать», глубокое слово, всегда противопоставляемое заботам любви, труду любви, семье. «Не в праве». Вы не в праве, но Ваша душа — в праве, в праве — мало, то, что для Вас — роскошь, для нее — необходимое условие существования. Вы свою душу губите. И, в ответ: «кто душу положит за други своя!» И еще в ответ: «Оставь отца своего и мать, и иди за мной»³. Я сейчас на краю какой-то правды.

У нас весна. Нынче последний день русской масляницы, из всех русских окон — блинный дух. У нас два раза были блины, Аля сама ставила и пекла. Мур в один присест съедает 8 больших. Его здесь зовут «маленький великан», а франц <узская> портниха: la petit rhenomène⁴. В лесу чудно, но конечно несравненно с чешским. Вы не думайте, что «игра воображения», я очень упорна в любви, Чехию полюбила сразу и навсегда. Мне и те деревья больше нравятся.

— Был у нас доклад М <арка> Л <ьвовича>⁵ о молодой зарубежной литературе. «Молодой зарубежной литературы нет, есть молодые зарубежные писатели». Прав, конечно. Потом разбор, справедливый, посему — безжалостный. (Вспомните основу суда: не милосердие, а справедливость). Из пражан определенно выделил Лебедева⁶ и Эйснера⁷, с чем согласна. Из парижан — Поплавского⁸. Даровитый поэт, но путаный (беспутный) человек. Мысли М <арка> Л <ьвовича> часто остры, форма *обща*, всё время переводишь на настоящие слова. Те мысли — не теми словами.

— Одна работа о Гончаровой кончена⁹ и сдана, даю сербам. — 2 листа, немножко меньше (28 печ <атных> стр <аниц> формата «В <оли> Р <оссии>») — 8 чудесных иллюстраций (снимки с ее картин). Жизнь и творчество. Подумайте, нельзя ли было бы куда-нибудь устроить в Чехию? Или Чехия и Сербия — слишком близко?

Пойдет в следующем № сербского «Русского Архива». Другая работа¹⁰, большая, пойдет в «Воле Р<оссии>», начиная с апреля. Большая просьба: если прочтете и понравится, напишите от себя в редакцию, — а м.б., не от себя, пусть кто-нибудь из знакомых напишет — какие-нибудь одобрительные слова, просто: Читатель (не могла ли бы написать Ваша сестра? Вашу руку знают) — а то волероссийцы — неявно, но всё же — как-то затруднялись брать, — вещь на 2, на 3 номера. Можно написать по-чешски. И лучше — после *майского* №, когда они начнут отчаиваться в нескончаемости!

Да! Чудная и скорая оказия для башмаков: в Париж в конце марта — м.б., уже в 20-тых числах — значит, на днях — едет *Сталинский*. Позвоните ему по телеф<ону>, чтобы условиться, но *дела* не называйте: по телеф<ону> отказать легко. Он весь день в «Воле России». Думаю, для меня — повезет. Только непременно *почерните* подошвы, — хорошо, если бы кто-нибудь поносил день, два. Скажите Сталинскому (Евсей Александрович), что *очень* нужно, что башмаки лежат уже полгода и т.д. Пусть везет *на риск*. М.б., возьмет и Мурино медвежонка. (Воображаю радость Мура! *Обожает* зверей!) Мур весь в Вашем, башмаки *редкостные*, всю зиму носит, *ни разу* не чинили.

До свидания. О Маяковском напишу непременно¹¹. Но лучшее сказали Вы: грубый сфинкс. О нем (и о двух других) появится на днях очень хорошая статья С<ергея> Я<ковлевича>¹² во франц<узском> журнале. Пришлю. Как Вам понравился перевод Р<ильке>? Целую Вас. М.б., в этом году соберетесь в Париж? (На Пасху!) А? Провели бы с Вами ЧУДНЫЙ МЕСЯЦ! — Подумайте.

МЦ

¹ Толстой Лев Николаевич, граф (1828–1910) — писатель, религиозный философ.

² Толстая Софья Андреевна (урожд. Берс; 1844–1919) — жена Л.Н. Толстого, мемуаристка.

³ Парафраз ряда мест из «Нового Завета»: «...как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин 15: 13); «...оставит человек отца своего и мать, и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть» (Мф 19: 5; Мк 10: 7; Послание апостола Павла к Ефесянам, 5: 31).

⁴ Маленький феномен (*фр.*).

⁵ Доклад М.Л. Слонима «Молодая зарубежная литература» состоялся на открытом литературном вечере объединения «Кочевье» 7 марта 1929 в таверне Дюмениль (бульвар Монпарнас, 73). Основные положения доклада были затем опубликованы под названием «Молодые писатели за рубежом» (Воля России. 1929. № 10/11).

⁶ Лебедев Вячеслав Михайлович (1896–1969) — по образованию инженер, поэт, прозаик, переводчик, критик, член пражского Союза русских писателей и журналистов и «Скита», где его поэзию ставили на первое место. В Чехословакии с 1922, где и умер. Во время немецкой оккупации был арестован гестапо. Критика отмечала влияние М. Цветаевой на поэзию Лебедева (*Струве Г.* Заметки о стихах: Вячеслав Лебедев // Россия и славянство. Париж, 1929. 24 авг.). См.: *Лебедев Вяч.* Звездный крен. Прага, 1929; *Лебедев Вяч.* Кавалерийская баллада // Студенческие годы. 1925. № 19.

⁷ Эйснер Алексей Владимирович (1905–1984) — поэт, прозаик. С 1925 жил в Чехии, с 1931 — во Франции. Поэма «Конница» Эйснера (Воля России. 1928. № 5) в статье Слонима «Россия и Европа» была рассмотрена под углом зрения евразийской теории. В 1929 его

рассказ «Роман с Европой (Записки художника)» получил премию «Воли России». Друг С. Эфрона и М. Цветаевой. Участник Гражданской войны в Испании, адъютант Матэ Залки. В 1940 вернулся в СССР, был репрессирован, провел в лагерях и ссылке 16 лет. После освобождения в «Новом мире» (1957. № 6) появился отрывок из его воспоминаний «Смерть генерала Лукача», а позже «Двенадцатая интернациональная: Воспоминания бойца 12-ой интербригады» (М., 1990). Написал воспоминания о Цветаевой: «Она многое понимала лучше нас...» (МЦВС I, 202–212).

⁸ *Поплавский Борис Юлианович* (1903–1935) — поэт, прозаик, критик. В эмиграции с 1920. Автор романа «Аполлон Безобразов», сотрудник «Чисел». Многие считали его самым многообещающим поэтом эмиграции. В Париже посещал Художественную академию Гранд-Шомьер и историко-филологиче-

ский факультет Сорбонны. Скончался при невыясненных обстоятельствах, отравившись наркотиками.

⁹ Очерк «Наталья Гончарова» в сокращенной версии в переводе на сербохорватский был напечатан в журн. «Руски архив» (Белград, 1929. № 4, 5/6), редактором которого был Владимир Иванович Лебедев.

¹⁰ Речь идет о полном варианте очерка «Наталья Гончарова».

¹¹ В. Маяковский 12 марта 1929 в последний раз приезжал в Париж. Цветаева была на его выступлениях.

¹² Статья С. Эфрона «Поэты новой России» (под псевд. С. Dourmovo) опубли.: *Les Poètes de la nouvelle Russie // Cahiers de l'étoile*. Paris, 1929. III–IV (сообщено Е. Лубяниковой. По ее сведениям, в ближайшее время статья будет опубликована в переводе А. Поповой).

Meudon (S. et O.)
2, Av. Jeanne d'Arc
7-20 апреля 1929 г.

Дорогая Анна Антоновна! Нынче кончила переписку своей большой работы о Гончаровой, пойдет в «В<оле> России», в апрельском номере. Сербская уже переведится. В общей сложности — 7 печатных листов, очень устали глаза.

Первое письмо — Вам, и первое в письме — нежное спасибо за посылку. Башмаки чудные, таких в Париже не найдешь, будут служить мне как Муру — его, которые всю зиму носит не снимая. Мурины медведь и барашек до сих пор целы: жалеет: не ест. Отгрызет маленький кусочек от подножья овцы и — «Ой, что я сделал! Жа-ал-ко!!» Алину коробку — не жалели, а бумажки жалели, не рвали и храню. Сталинский, привезший, много рассказывал о Чехии, особенно она — Вы ее не знаете? — добродушная дама в каракулевом саке¹. Почему-то от Праги — в восторге. Говорю почему-то, потому что ни с мостами, ни с островками, ни с туманами не связывается. Но было приятно, что хвалит Прагу.

Я ничего не умею хотеть, кроме как в работе, в которой не хотеть — не умею. Ничего не умею добиваться. Мне всегда за кого-то и что-то стыдно, когда у меня нет того, на что я в праве — только любовь дает права — когда у меня нет того без чего я — не я. Кому-то и чему-то ведь было бы несравненно лучше, если бы я завтра же, забрав и Мура и Алю, могла выехать к Вам в Прагу. Я Вас считаю самой настоящей Муриной крестной, обе (одна крестила, другую вписали)² — неудачны: совершенно равнодушны. О.Е. Чернову (вписанную в метрику, — отсутствовавшую) Вы должны знать по Союзу Писателей³. Мы у нее жили по приезду в Париж. Лучший пример: ее дочери чудно шьют и мать боготворят, Мур из всего молниеносно вырастает, лоскутов — полный дом, — ни рубашечки. И попросить нельзя, — удивленные лица. Не заходит *никогда*. Мура видела раз за всю зиму. Другая (собственно-крестившая) Мура любила до полутора года, потом перестала — неизвестно почему. За всю зиму была — раз. Живет в трех минутах. Всё это — на час, а крестные — навек. Поэтому, хотите или не хотите, я Вас самым серьезным образом считаю Муриной крестной — пусть заочной, но самой настоящей и любящей. Крестный его — Ремизов⁴ — его не видел ни разу (живет в Париже) и ни разу не позвал. Мне не повезло. Но, руку на сердце положая, я Вас в крестные тогда не позвала только из-за того, что крестил о. Сергей, который бы мог узнать, что Вы не православная, и даже навверное знал (общий круг).

А помните увлечение Муром г<оспо>жи Андреевой? (Живет в Кламаре, в 20 мин<утах> от Медона). — И не вспоминает!

Ах, дружба, любовь двухдневная, —
А забвеньё — на тысячу дней!

(Женские — стихи⁵). Может быть я долгой любви не заслуживаю, есть что-то, — нужно думать — во мне — что все мои отношения рвет. Ничто не уцелевает. Или — век не тот: не дружб. Из долгих дружб — только с Вами и Кн. Волконским⁶, людьми иного поколения. Да! о дружбах. Недавно праздновали первую годовщину «Кочевья»⁷. Была и я — как гость. М<арк> Л<ьвович> сидел на председательском месте, справа блондинка, слева брюнетка, обе к литературе непричастные. Не обмолвились (с 8 ч<асов> веч<ера> до 12 ½ ночи) ни словом, впрочем — слово было: о Гончаровской статье: два листа или полтора листа? Не усмотрите в этом ни обиды, ни уцелевшей привязанности, — только задумчивость.

...Держала тонкие листы
И странно так на них глядела,
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело⁸.

— Не знаю, что выйдет из дружбы с Гончаровой. Она очень спокойна и этим — успокаивает меня. Мне всегда совестно давать больше, чем другому нужно (= может взять!) — раньше я давала — как берут — штурмом! Потом — смирилась. Людям нужно другое, чем то, что я могу дать. Раз М<арк> Л<ьвович> мне сказал: «Одна голая душа. Даже страшно!»

У нас весна. (Боже! Сколько раз это писано!) Первые распустились ивы — мое любимое дерево. Дубы молчат. Я всё вспоминаю мой куст можжевельника на горе, который я звала кипарис. А иногда Борис (Пастернак). Он тоже не пишет. Целую Вас нежно, пишите, люблю Вас, спасибо за всё.

МЦ

¹ Sac (*фр.*) — женское пальто.

² Крестины Георгия состоялись 8 июня 1925 во Вшенорах, крестил отец Сергей Булгаков (см. примеч. 7 к письму 104), крестную — О.Е. Колбасину-Чернову, которая в это время была в Париже, замешала А.З. Туржанская, крестного А. Ремизова — А.А. Брей.

³ Союз писателей — Союз русских писателей и журналистов в Чехословакии учрежден в октябре 1922 на основе преобразованного

Союза русских журналистов и писателей. Действовал до февраля 1942.

⁴ Ремизов Алексей Михайлович (1877–1957) — прозаик, драматург, литературный критик, публицист, мемуарист. В эмиграции с 1921 (Таллин, Берлин), один из организаторов берлинского «Дома искусств». С 1923 в Париже, член Центрального Пушкинского комитета. В 1924 благодаря помощи правительства Чехословакии супруги Ремизовы ез-

дили на лечение в Карловы Вары. Цветаева встретила с ними, когда Ремизовы остановились в Праге. А. Ремизов был заочно записан крестным отцом Георгия Эфрона. В 1948 супруги Ремизовы приняли советское гражданство.

⁵ Как предполагает Е.Б. Коркина, Цветаева вспоминает строки Натальи Крандиевской (1888–1963), с которой летом 1912 жила по соседству на даче под Москвой. См. также письмо 77, где Цветаева продолжает цитату и упоминает, что стихотворение написано о Петербурге. Н.В. Крандиевская, москвичка, в те годы жила в Петербурге, будучи первым браком за Ф.А. Волькенштейном, присяжным поверенным.

⁶ *Волконский Сергей Михайлович*, князь (1860–1937) — внук декабриста С.Г. Волконского. В 1899–1901 — директор императорских театров. В эмиграции с 1921. Театральный критик парижских «Последних новостей», директор Русской консерватории в Париже, беллетрист. Читал лекции по русской истории и литературе за границей, выступал как художественный критик, занимался общеполитическими и нравственными вопросами искусства. Г. Адамович в некрологе о Вол-

конском писал: «Это был один из самых одаренных, самых своеобразных, живых и умственно-отзывчивых людей, которых можно было встретить в нашу эпоху...» Стал другом Цветаевой еще в Москве. К нему обращен цикл стихов «Ученик» (1921; II, 12–17) и статья «Келдр. Апология (о книге С.М. Волконского “Родина”» (1923; V, 246–270). Волконский посвятил Цветаевой книгу «Быт и бытие» (Берлин, 1924). Незадолго до смерти из Франции переехал в США.

⁷ *Кочевье* — литературное объединение в Париже. Образовано в 1928 по инициативе М.Л. Слонима; его членами были В.Л. Андреев (см. о нем примеч. 9 к письму 90), В.Б. Сошинский (см. о нем примеч. 8 к письму 55) и др. молодые поэты. Сначала — еженедельные собеседования, позже — публичные собрания, участницей которых часто бывала Цветаева. Со дня первого собрания летом 1928 до осени 1931 состоялось 110 встреч.

⁸ «Держала тонкие листы...» — неточная цитата из стихотворения Ф.И. Тютчева (1803–1873) «Она сидела на полу...». У Тютчева: «Брала знакомые листы И чудно так на них глядела...»

[Письмо Ариадны Эфрон]

2 апреля 1929 г.

Дорогая тетя Аня.

Поздравляю Вас с праздником и благодарю за чудесные конфеты.

Здесь таких нету, ни конфет, ни коробок. Сталинский рассказывал о чешских морозах. Нам почти не верилось — здесь вербы, фиалки и деревья начинают зеленеть. Недавно были с мамой и с Муром в Версале — там все мраморные амуры похожи на Мура, который важно разгуливал по аллеям, держа руки за спиной и с почтением поглядывая на голых Геркулесов.

Особенного праздника тут не видно, точно не Пасха, а воскресенье, три воскресенья подряд! Гуляют нарядные французы, гуляют нарядные француженки, гуляют нарядные французята, едят, бросают в лесу бумаги и шкуры от бананов, а к вечеру уезжают в Париж. Только прекрасны колокола, они-то пасхальные! И еще витрины пасхальные — в яйцах и зайцах.

Мур страшно обрадовался Вашему подарку, особенно медведю, которого желает и жалеет есть. Он Вам написал письмо — моей рукой, и еще мне диктовал массу вещей, «чтобы тетя Аня приехала со мной кататься на поезде в Версаль», и что нужно приготовить много конфет для тети Ани... словом, он Вас очень серьезно ждет.

Посылаю Вам один из моих последних рисунков — это Тристан и Изольда¹, Тристан увозит Изольду к королю Марку.

Как здоровье Вашей мамы, Ваше и сестры? Мы тут по два раза переболели гриппом, Мур до сих пор кашляет.

Целую Вас и Ваших крепко, и еще раз благодарю за чудные подарки.

Ваша Аля

¹ *Тристан и Изольда* — герои старых кельтских легенд. Тристан, племянник короля Марка, влюбился в его жену Изольду. Эта тема часто использовалась в искусстве (фран-

цузский рыцарский роман о трагической любви рыцаря Тристана и жены корнуоллского короля Изольды, опера Р. Вагнера «Тристан и Изольда»).

Милой тете Аня

Я очень радуюсь своим последним звонкам.
Приезжайте к нам. У нас здорово побывать.
У нас всегда хорашая, посмотрите мурчо
Целую Вас.

Мурчо

Meudon (S. et O.)
2, Av. Jeanne d'Arc
19 июня 1929 г.

Дорогая Анна Антоновна! Начинаю день с письма к Вам.

Знаете русское выражение: некогда о душе подумать. Так и со мной. (Так и с Вами). Сегодня мне вспомнилась Прага — сады. Сады и мосты. Летняя Прага. Что мне сделал этот город, что я его ТАК люблю?

И вот мечта: осенью сойте *que соите*¹ приехать к Вам — о душе подумать. В один конец я бы деньги достала, не могли ли бы Вы достать в другой? Но м.б., последнего бы и делать не пришлось, ибо тысячу крон своим выступлением в Праге, конечно, соберу. А не тысячу — так пятьсот: обратный путь. Давайте решим это твердо. М.б. нашелся бы в Праге какой-нибудь музыкант (или музыкантша, что даже предпочитаю), который бы согласился выступить у меня на вечере бесплатно, чтобы устроить *смешанный* вечер: стихи и музыка. (Можно — стихи, проза и музыка.) Билеты бы распространили предварительно. Дешевые — при входе. Так это делается здесь.

По-моему — важен факт приезда, *уже-присутствия*. Заочно — всё трудней. Вы бы меня познакомили с чешскими дамами, и они бы помогли. Тем более, что у меня сейчас есть «хорошие» платья и вид парижский. (NB! Помогают охотнее красивым и богатым, Вы это знаете). Словом, начать не с конца *нужды*, а с обратного. Их много.

В Праге я конечно буду счастливая — и это располагает.

Жила бы я у Вас — если можно. На жизнь у меня денег нет, кроме того — хочу быть с Вами, для этого и еду, ибо Прага для меня Вы. *Тá* Прага. Была бы чудная жизнь, 2 недели чудной жизни, по возвращении я бы конечно о Праге *написала*, и этим бы и внешне окупила поездку. Прогостила бы у Вас 2 недели. Я бы Вам помогала и была бы с Вами только, когда бы Вы этого захотели. Я умею быть одной.

Давайте решим это *серьезно*. 2-го ноября будет 4 года с моего приезда сюда: 4 года тоски по Праге. Выберем прежде всего месяц: м.б. сентябрь? (Вторая половина). Или все еще «на даче»? Мне бы хотелось в хорошую погоду, зимой боюсь: без меня простудят Мура. Я могла бы приехать к вам 15-го, а вечер устроить — 30-го, перед самым отъездом. Подумайте о музыкальной части, чехи так музыкальны, наверное найдется. Можно и пенье (хорошо бы старые народные песни, а я читала бы *русское* народное: свое). Можно устроить *чудесный* вечер, и для души!

Мой парижский прошел отлично². Хотела было ехать со всеми своими в горы или на море, но... зверские цены (2 комн<аты> с кухней — 2000 фр<анков> за три месяца) — да еще билеты — да еще всё *то же хозяйство*. Руки опускаются. Целый день готовить можно и в Мёдоне. И лес у нас под боком (NB! Угрюмый, заросший, заколдованный какой-то, — *страшно-мрачный*, совсем без цветов, один плющ. И хвои нет, — моей любви! Но — всё-таки лес, и Муру хорошо).

Поездка в Прагу мне будет наградой за лето в Мёдоне (о как мне надоедают всё те же места!)

Давайте решим. Буду жить мечтой, потом доставать визу, потом — телеграмму Вам: буду такого-то — и 2 недели с Вами, Вы — со мной. Хотите? Деньги на дорогу туда у меня *есть*. Не истрачу. Заклею конверт.

Утром буду писать, после завтрака — что хотите. А чудные вечера!!

— Пишите о *Вашем* лете: едете ли куда-нибудь? М.б., уже уехали? Если едете или уехали — *когда* вернетесь?

Итак, подумайте обо всем (месяц, музыкальная часть, возможность моего гощения) и напишите мне возможно скорей. Мое решение настолько серьезно, что посылаю заказным.

Целую и обнимаю Вас. *Пора* свидеться!

МЦ

А потом Вы ко мне — знакомиться с Вашим крестником Муром (чудный!) и заново с Алей. — Да? —

7 июля 1929 г.

Письмо залежалось, и кое-что изменилось: м.б. всё-таки поедем в горы, в Савойю, в городок С. Мишель, над Греноблем. (Посмотрите на карте). Есть дешевый дом с двумя кроватями и столами — остального ничего, но можно обойтись ящиками. В глубоком лесу, пейзаж — преувеличенная Чехия.

Так что, если поедем, моя поездка в Прагу переносится на ОКТЯБРЬ (если поедем, то на два месяца, до конца сентября). Но желание и решение остаются в силе.

Очень жду от Вас весточки, до свидания — через 3 месяца?

Целую Вас

МЦ

¹ Любой ценой (*фр.*).

² На вечере, который состоялся 25 мая 1929 в зале Вану, М. Цветаева прочла свои старые стихи, отрывки из поэм «Царь-Девница» и «Молодец», стихи из сборника «После России» и отрывки из новой поэмы «Перекоп».

В вечере участвовал С.М. Волконский, прочитавший эссе «Репетиция и представление». Георгий Адамович похвально отозвался о вечере, о выступлении Цветаевой и о ее поэзии (Иллюстрированная Россия. Париж, 1929. № 24. С. 14).

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
7-20 августа 1929 г.

Дорогая Анна Антоновна! Я уже вижу себя у Вас — хотя не знаю *где*, — не представляю себе улицы, а дом — кажется — большой? Комнату помню, одну, где сидели, и другую — из которой шла музыка. Но м.б. у Вас новая квартира, и я *ничего* не помню.

А Савойя — улыбнулась (увы, увы!). Господин, с которым я списывалась, упустил тот домик, и у меня не хватило мужества начинать поиски в другом месте. Всё хорошее занято и всё дешевое занято, меня касается только последнее. — Так мы и не уехали. — Отправляю Алю на 2 недели в Бретань, к Лебедевым (тем)¹, буду пасти Мура. А осенью — к 1-му ноября? — к Вам, если не передумаете, я не передумую, ибо ни о чем другом не думаю. Всё, что Вы пишете о вечере, вечерах, очень подходит. И о домах, куда, и о дамах, с которыми... Отдаюсь всецело в Ваше распоряжение. Боюсь только, что меня начнут расспрашивать о парижских новинках, а у меня только одна новинка — да и та мёдонская — Мур. «*Quel triste plaisir que de s'amuser!*»² — так я смотрю на вечерний Париж. Его приманки — не для меня. Но, в крайнем случае, для поддержания престижа парижанки, могу врать и буду врать.

А знаете заветную мечту «парижанки»? — ОВЧИНА. Честное слово. Сплю и вижу во сне. Здесь достать нельзя, а я так малокровна, верней, *бескровна*, что ничем кроме *меха* согреться не могу, выйдя на улицу, сразу коченею и при 2-3 гр<адусах> мороза отмораживаюсь. Души не *убыло*, а крови *убыло*. — И вот, надежда на Чехию, верней, Словакию, — в Праге я видела словацкие *полушубки* на овечьем (бараньем меху). Но мне полушубка (коротенького) мало, п.ч. с России отмороженные колени, мне нужна длинная шуба — или просто овчина, которой смогу подбить имеющееся пальто. (Здесь мех носят наружу, «для красоты», и готовы пойти в меховом хоть в апреле месяце. Весь Париж — *напоказ*).

Как Вы думаете, что могла бы стбить либо такая шуба (на бараньем меху) либо овчина. Если в Праге нет, нельзя ли выписать из Словакии? (Там баранов много, мне говорили.) Хотелось бы хорошенькую, кудрявую, как у нас в России, — были такие: чистенькие, без запаха. М.б. можно достать по случаю? Было бы дешевле. В Париже последнее кошачье «манто» — тысяча фр<анков>, не хочу кошки, хочу барана. Если у Вас есть кто-нибудь в Словакии, нельзя ли было бы спросить? Я думаю, на месте — дешевле. *Овчину на целое пальто*. Можно было бы купить заранее (узнав цену, день-

ги вышло), а по приезде мне бы всё устроила г<оспо>жа Завадская³, она отлично шьет и дорого за шитье не возьмет. И границе платить бы не пришлось, ибо поехала бы обратно — в нем (баране).

Простите за такую длительную баранью мечту. Но слишком намучилась от прошлогодных холодов, и тогда же решила — овчину *coûte que coûte*⁴.

— Сейчас август, 7-ое, ждать около 3-х мес<яцев>. — Пройдут. — Прошли же почти 4 года! (Выехали 1-го ноября⁵ 1925 г. — видите, и числа те же). Хорошо бы — для рифмы — и сейчас выехать 1-го! М.б. так и будет. — Уже знаю подарок, который Вам привезу. Мало — знаю! *есть*.

О другом, а именно — Хашеке⁶: «Бравый солдат Швейк». — Знаете, конечно? И очаровывающая и отталкивающая книга. Чешский Иванушка-дурачок, — просто русский деньщик. Бездарны места с чистой идеологией, иногда пересол с духовенством, но в целом — даровитый человек и единственная вещь. Как жаль, что так рано умер. И как безнадежна попытка друга⁷ (*другого!*) закончить. Как сразу всё добреет и тупеет.

А вот Вам — бравый солдат Мур. Хорош? Карточки передержаны, в жизни он — блондин. Скоро пришлю Вам большого Мура (лицо) и Алю. Аля страшно радуется поездке и страшно горюет, что оставляет меня без рук. — Трогательная девочка, и отпуск (первый за 5 л<ет>!) заслужила.

Из новостей: вышла замуж младшая дочь О.Е. Черновой — м.б. помните? — Адя, за молодого писателя Сосинского⁸, к<оторо>го м.б. читали в «В<оле> Р<осси>». — Рада, что понравилась Гончарова. «Окончание в следующем номере». — Неужели Вы еще на М<арка> Л<ьвовича> — удивляетесь? (Неответ на письмо). Как Вы *хорошо* думаете о людях! Его воспитанность чисто накожная (его⁹: ничтожная) — чуть царапни — сцарапнул! Но он не груб, ибо грубость — активность и страстность, либо: природа, дикарство, а в нем: ни активности (кроме как в политике или очередном романе) ни страстности (никогда!) и уж конечно — ни природы. Точно он не рожден, а сделан.

Пора кончать. Надеюсь, что перешлют. Обнимаю Вас, радуюсь Вашему лету. Привет Вашим. Пишите.

М.

¹ *Лебедевы* — большие друзья Цветаевой в Праге и Париже: Владимир Иванович (см. примеч. 6 к письму 24) и Маргарита Николаевна (см. примеч. 2 к письму 64). Их дочь Ирина Владимировна Лебедева дружила с дочерью Цветаевой. Перед отъездом в СССР Цветаева доверила Лебедевым часть своего архива, позже погибшего.

² «Какое грустное удовольствие — развлекаться» (*фр.*).

³ См. примеч. 11 к письму 43.

⁴ См. примеч. 1 к письму 54.

⁵ Выехали 31 октября (см. письмо 16).

⁶ *Гашек Ярослав* (Hašek; 1883–1923) — чешский прозаик и журналист. Участник Первой мировой войны (1914–1918). Автор сатириче-

ских рассказов, статей, фельетонов, пародий и известного во всем мире (переведен более чем на 50 языков) неоконченного четырехтомного романа «Похождение храброго солдата Швейка во время мировой войны».

⁷ *Ванек Карел* (Vaněk; 1887—1933) — журналист. После смерти Гашека в 1923 по просьбе издателя закончил четвертый том его романа и написал еще два: «Швейк в плену» и «Швейк и революция». Однако описал похождения героя только во время Февральской революции и всю историю закончил тем, что 26 августа 1917 Швейк вдруг бесследно исчез на просторах России. До 1949 издавались все шесть томов. Позже текст Ванека перестали печатать, обосновав это большим количеством неприличных выражений.

⁸ *Сосинский Владимир* (наст. имя и фам. Бронислав Брониславович Сосинский-Семихат; 1900—1987) — литературный критик, прозаик, поэт, переводчик, журналист, мемуарист. В эмиграции с 1920. Участник берлинской группы «Четыре плюс один»; с 1924 в Париже, участник группы «Кочевье», член Союза русских писателей и журналистов. Работал у известного фотографа П.И. Шумова, студии которого принадлежат лучшие портреты М. Цветаевой во Франции. Доброволец французской армии (1939), участник французского Сопротивления. Сосинский был большим другом М. Цветаевой и С. Эфрона и часто приходил им на помощь. Примером действенности этой дружбы может служить рецензия на первый номер журнала «Новый

дом» (Париж, 1926), вышедший под редакцией Н. Берберовой, Д. Кнута и др. «Я не подберу имени, — писал Сосинский, — для обозначения того, что сделал “Новый дом” с разбором одной из прекраснейших поэм, ставшей самым большим литературным событием после “Двенадцати” [А. Блока] — “Поэмой Горы” Марины Цветаевой. Как низко должен пасть человек, чтобы решиться на выхватывание отдельных строк, а то и слов, из чистых лирических мест поэмы — и на составление из них достаточно циничных и порнографических сцен. Это уже не отсутствие такта, корректности, порядочности — это уже большее...» (Воля России. 1926. № 11). Перед отъездом Цветаевой в СССР он помог ей привести в порядок могилу родителей и брата С. Эфрона на кладбище Монпарнас. По просьбе К. Родзевича он передал Ариадне Эфрон адресованные герою «Поэмы Горы» письма М. Цветаевой. О Цветаевой он писал: «Она пришла с другой планеты, с другими понятиями, представлениями о морали, этике и взаимоотношениях с людьми...» (см.: *Сосинский В.* Она была ни на кого не похожа (МЦВС II, 178—188); *Он же.* Рец.: М. Цветаева. Ремесло: Книга стихов (МЦКС I, 340—341); *Он же.* Рассказы и публицистика. М., 2002).

Чернова Ариадна Викторовна (по мужу Сосинская; 1908—1974) — автор критических статей, переводчица. М. Цветаева переписывалась с ней (1924—1926; VI, 666—677).

⁹ Стало быть (*лат.*).

Мёдон, 6-го сент<ября> 1929 г.

Дорогая Анна Антоновна! Ваше письмо ждала вчера, а получила сегодня. На каком основании (ждала)? Своей уверенности в нем. — «А сегодня будет письмо от А<нны> А<нтоновны>». (Говорила из завтра.)

— Мигрень — и что?? Давайте радоваться! У меня вот шея болит — гланды — Бог еще знает какие, но гланды не я, я — еду. Слушайте: в награду за безвыездное лето, за всё тот же лес всё в новых сальных бумажках (сгребаю Муркиными граблями и жгу, вопреки полному воспрещению костров), за вот-уже *месяц* неписания (Алина Бретань!) — за всё это и другое многое — хочу в середине Октября съездить в Бельгию. Близко, дешево, есть где остановиться, новая страна, старые города — С<ергей> Я<ковлевич> недавно был по евразийским делам и в очаровании. Но к Ватерлоо¹ это слово уже не относится, — вещь посильнее! Стоял там, где стоял Наполеон, и мысленно следил за боем. Всего этого хочу и я. Устрою в Брюсселе вечер, который окупит дорогу. Поеду на неделю. А в первых числах ноября — к Вам.

Виделась (после полугодового перерыва, бывали — дольше!) с М.Л. С<лонимом>, приезжал ко мне, гуляли. Отношения приятные, очень далекие, он всё сбивается на литературу, а я, как всегда, соответствую. Говорили о поездке в Прагу. Очень советует вечер в Rep-Club'e² (м.б., неправильно пишу?), ручается за материальный (гносное слово!) успех. Обещает перед отъездом дать ряд советов и писем. Жаль, что его не будет, — освободил бы Вас от части хлопот. А с другой стороны, *единственной!* — не жаль, мне хочется *Вашей* Праги.

Я Прагу совершенно не знаю. Хочу знать всё. Не была ни в одном музее, ни на одном концерте, — только в кафе со С<лонимом>, зато, кажется, во всех. (Была, впрочем, на Шляпине³ и на Стравинском⁴, но это к *Праге* не относится). Зато в садах — была. Какие чудные сады! Хотелось сказать — особенно весною, нет! — особенно зимою, когда никого нет. У меня в Праге есть приятельница, Катя Рейтлингер⁵ (дочь легкомысленного отца⁶, к<оторо>го Вы наверняка знаете), она меня тоже сможет поводить. В Праге я никогда не была свободной, — хотя бы от страха последнего поезда, как чудно будет знать, что некуда спешить. Заматываться мы с Вами не будем: больше всех музеев и концертов я мечтаю о вечерах с Вами — беседах, музыке, тишине. Я от зрелищ и сборищ сразу устаю.

Радуюсь Завадским — ему и ей. Она вопреки видимости — прелестный человек.

Куда — за́ город? Я лучше Мокропсов и Вшенор места не знаю. Моя мечта — *когда-нибудь* приехать туда на́-лето с Муром, показать ему его колыбель. Он бы в Чехии был счастлив — с гусями, с ручьями! Здесь ему — *тесно*: в глубь леса не ходим (опасно), а вблизи от дома — всё те же дамы, и пары, и глаза. *Никто* его не пропускает без изумленного возгласа или взгляда. Он, среди французских детей, не из другой страны, а с другой планеты. Голова — *последний* детский размер, ростом мне по грудь (4½ года!), а я не маленькая. И голове и росту нужен простор. Здесь дети *пищат*, он когда на воле, *орет*, — просто от силы. Неловко, когда орет один. — «Мур, нельзя!» — «Но почему же? Здесь же нет соседей!» — Жаль его. Подпражская природа несравненно крупнее подпарижской. С тоской вспоминаю реку, сливы, поля, — здесь поля совершенно нет. Как жаль, что у меня в Чехии не было аппарата. Свой привезу, м.б. удастся снять, хотя поеду в самую туманную пору. — Помню один новогодний день в Праге — солнце, синева, сброшенное пальто. («Прага» — собирательное, дело было в родных Мокропсах). Проще: Мокропсы была *деревня*, со всем деревенским: гусями, козами, даже — кузницей! Здесь ничего этого нет: пригород, сплошные лавочки. Многие (особенно многия!) бы со мной поменялись, но мне Стèме Toucalon не нужен, а что́ кроме? Сознание, что в Париже? Слишком залюбленный город, я актерам не поклонница.

Если бы Вы сюда приехали, мне всё бы это сразу понравилось — от желания, чтобы понравилось и сознания, что нравится — Вам. И я бы многое нашла, что́, несомненно, есть. Но такого загаженного леса Вы и в худшем сне не видели! Всё бросают. Не земля, а сплошные консервные жестянки — гнусные. (В 40° в тени (вот уже неделя!) есть консервы, когда рынок лопается от зелени. Пьют, кстати (*зимняя норма!*)), по 4 литра вина в день, не считая «аперитивов»).

Напишите про новое место, про здоровье — Ваше и мамы. Начало ноября — подходит для приезда? Итак, через 2 месяца, которые пролетят как день.

Целую Вас нежно, спасибо за всё.

МЦ

Спасибо за запрос об овчине, в Прикарпатской Руси, конечно, есть.

¹ *Ватерлоо* — населенный пункт в Бельгии, южнее Брюсселя. В 1815 англо-голландские войска под командованием А.У. Веллингтона и прусские войска под командованием генерал-фельдмаршала Г.Л. Блюхера разгромили здесь армию Наполеона I, что привело к вторичному отречению его от престола.

² См. примеч. 2 к письму 11.

³ *Шалапин Федор Иванович* (1873–1938) — певец (бас), режиссер. Исполнял ведущие партии на сценах Московской частной оперы

С.И. Мамонтова, в Большом и Мариинском театрах, участвовал в Русских сезонах С.П. Дягилева. С 1922 за рубежом. Воспоминания — «Страницы из моей жизни», 1917; «Маска и душа», 1932.

⁴ *Стравинский Игорь Федорович* (1882–1971) — композитор, дирижер. С 1910 жил в Европе, с 1939 — в США. Творчество Стравинского претерпело сложную эволюцию от импрессионизма к неоклассицизму и додекафонии. Автор многих опер и балетов.

⁵ *Рейтлингер Катерина (Екатерина) Николаевна* (в замужестве Кист; 1900—1989) — друг семьи Эфрон. В Праге студентка строительного-архитектурного факультета Пражского политехнического института. Вернулась в СССР в 1955, постоянно жила в Ташкенте.

⁶ *Рейтлингер Николай Александрович* (1862—1931) — экономист, имел также юридическое образование. В эмиграции с 1920. Отец Юлии и Катерины Рейтлингер.

Meudon (S. et O.)
2, Av. Jeanne d'Arc
20-20 сентября 1929 г.

Дорогая Анна Антоновна! Получили ли Вы мое письмо — недели две назад — с детскими карточками — не заказным? Писала в Прагу, как Вы просили. Есть новости: 20-го в Брюсселе мой вечер и оттуда я могла бы прямо проехать в Прагу. Но — вопрос: будет ли к тому времени всё готово для моего вечера? *Когда* Вы его предполагаете? Если не позже 7-го—8-го ноября, я бы могла проехать непосредственно из Бельгии, считая днем выезда приблизительно 22-ое—23-ье. Если же позже — между 15-тым, скажем, и 20-тым, вернусь из Брюсселя в Париж и отсюда поеду. (Не могу так долго отсутствовать из дому). Главная работа по вечеру в предварительном распространении билетов. Пражский вечер нужно устроить по образцу парижских. Отпечатываются билеты-приглашения (прилагаю образец) и распределяются между организаторами вечера (Ваши — и?). Билеты без указания цены, вроде как бы почетные, и предназначаются для богатых — кто сколько даст. В Париже *минимум* — 25 фр<анков>, в Чехии возьмем — 25 крон. Каждый организатор сам продает сколько может, остальные же просят (купившего) распространить между *его* знакомыми, предупреждая о цене. Словом — распространение по периферии. В день вечера — верней: ко дню вечера — непроданные билеты возвращаются. Деньги за билет предпочтительно брать тотчас же, но если «у меня сейчас нет на руках» — «заплатите потом». *Лишь бы взяли*. Словом, по образцу подписки на имеющую появиться книгу, с той разницей, что вечер будет непременно, а книга иногда — и не пишется! — Ясно ли Вам? Всё дело и вся надежда на успех — именно в предварительной продаже билетов, ибо входные будут дешевые и дадут мало. На билете-приглашении *ни за что не указывать цены*. (Если говорить по чести, всё сводится к *платному приглашению*). Стало быть, билеты нужны двух типов: приглашения и входные, — в два разных цвета. На входных цена помечается. Хорошо бы — 5 кр<он>, 7 кр<он>, 10 кр<он> (входные). В Бельгии назначают 5 фр<анков>, 10 фр<анков>, 15 фр<анков> (входные) — подумайте. Продешевить мне нельзя, ибо уж очень дорогá дорога. Но отсюда входную плату трудно установить, Вам виднее.

Нужен один основной вечер, — первый, — козырной, в зале, вмещающем не меньше 300 человек. Потом можно и вечерки, — отдельные прозы, например, которые тоже что-нибудь дадут (по образцу Рейна (кабы Rheingold!) с притоками). Да!

Слоним советует отдельный вечер в Pen-Club'e. — Ваше мнение? — Смогу прочесть, по-французски, прозу, и м.б. Вы прочтете по-чешски из моего Рильке. (Или чехов заденет — «австриец»? Не думаю). Основной вечер. Нужна музыка. Хорошо бы пение чего-нибудь народного, чешского. Но — найдем ли мы даровых участников (участниц)? В Париже идут охотно. Нет ли у Вас, среди знакомых, хороших голосов или рук (рояль, скрипка). Музыка необходима. Не могу же я полтора или два часа сряду читать стихи. А так, с музыкой — 2 отделения: I — музыка, II — стихи, или даже три. С передышкой. — Чехи музыкальны. — Подумайте. — «Не согласились ли бы Вы выступить на вечере М<арины> Ц<ветаевой>» — и т.д.

Нужно, всё установив, назначить число и отпечатать билеты-приглашения. И тут же начать раздачу. Вам нужны помощники (—цы! В них больше толку). Нужен небольшой дамский комитет по устройству вечера, — человек пять, семь, со связями. От себя могу предложить только Катю Рейтлингер (дочку резвого старичка, к<отор>го Вы не можете не знать) — в замужестве Кист, ее адрес, конечно, знает Бём² (его ученица и, кажется, любимица) и не-даму: Н.А. Еленева³, которому уже пишу. Катя (Катерина Николаевна) всё сделает, что может, т.е. — больше. Когда будет выяснен день, нарисует афиши, к<отор>ые сама же разнесет по столовым, книжным магаз<инам> и иным людным местам. Можно будет на вечере у отдельного столика устроить продажу автографов, — если удобно? Мне всё равно — ибо денег со стихами не связываю, или: стихи от денег не хуже, а деньги от стихов — лучше. (NB! Я бы сама купила такой автограф — Ахматовой⁴, например). Но если в Чехии это — «дурной тон» — не будем.

Итак: найти зал (не меньше как на 250 чел<овек>!), бескорыстных участников-музыкантов (певцов или инструмент — что будет, хорошо бы — хороший женский голос, вообще вечер нужно под женским знаком, в конце поясню) — назначить число — отпечатать «Invitations»⁵ — и с Богом!

Хватит ли Вам на всё это — месяца? Нынче 30-ое, письмо Вы получите 3-го, вечер — крайний срок — 7-го, 8-го. Это я на случай маршрута Брюссель — Прага, без заезда в Париж. Но если времени мало и в конце ноября, напр<имер>, выгоднее — отложим до назначенного Вами 20-го, скажем, или другого числа, я из Брюсселя вернусь домой и поеду уже отсюда. В Париже я обычно начинаю за месяц, — м.б., и в Праге можно? Тогда увидимся скоро.

— О женском участии в устройстве. О женских руках. Верю в них и — знаю их. Помните, у Р<ильке> — «Die Liebenden»⁶ и у Беттины⁷ — «Ich will keine Gegenliebe!»⁸. Женщины живы со-чувствием. Кроме того — в нашем реальном случае — женщины гордятся своими, приобщая и приобщаясь. Много смеются над женскими журналами. Мне они — милее мужских, с их политической грызней и сплетнями. Есть ведь в Праге женский журнал? Хорошо бы, если бы Вы, в связи с вечером, написали обо мне несколько слов — заметочку — в очень общих чертах, что хотите (всё — есть!). Или — дали бы кому-нибудь написать, внушив содержание (NB! Меня же чехи не знают). Фотографию пришлю непременно, м.б. какую-нибудь удачную с Муром. Можно помес-

тить вместе с заметочкой, — за неделю, скажем, до вечера. Если я погощу у Вас до, Вы меня познакомите с какими-нибудь дамами, я «дам» не боюсь, разве уж каких-нибудь закоренелых (в *дамстве!*), которых — тоже не боюсь. И я для них — не опасна (не соперница! Ирину Одоевцеву⁹, напр<имер>, автора непристойного романа «Ангел Смерти» — если не читали — видáли — в «Посл<едних> Новостях»? — Одоевцеву бы — боялись, и ненавидели, ибо сама — дама, да какая!).

Итак, чтобы кончить о вечере: жду.

Адр<ес> Еленева:

Николай Артемьевич Еленев

Křemencová, 8

Ruský domov

Praha II

Ему уже написано.

Как жалко, если то письмо мое пропало! (Надеюсь, что нет). С карточками Мура и Али. Аля недавно вернулась из Бретани, счастлива бывшим — и счастлива сущим. Скоро возвращается Гончарова с Юга и возобновляются уроки. Гончарова *её* очень любит, в них есть сходство: глубокий покой, тихий ход.

Привезла из Бретани замечательные рисунки, — *не* с натуры, *и* с натуры, — как поэты с натуры пишут. Например: две бретонки с колоколенками на головах мимо домиков — в чепцах. Там кружево, здесь кружево, перемещение: сгущение. Скромность сущности при, временами, сознании сил. Как жаль, что нельзя её взять к Вам! Вы бы на неё не нарадовались. На днях 5/18-го сентября, ей исполнилось 16 лет. Знаете песенку (30-тых годов) — «Мне минуло шестнадцать лет — Но сердцу было боле»...¹⁰ *Не* боле! А если «боле» — то на целых триста. Подарила ей на рождение маленький аппарат «Brownie», самый дешёвый и отлично снимающий. Им она меня и снимет для журнала.

«Евразия» приостановилась¹¹, и С<ергей> Я<ковлевич> в тоске, — не может человек жить без непосильной ноши! Живет надеждой на возобновление и любовью к России.

А Мур, как я, — любовью к жизни. Только он — веселей меня (NB! Никогда не была веселой), действеннее. Но нрав и темп — мои. У него уже есть враги — почти все уличные мальчишки, которые считают его ровесником (им 10 л<ет> — ему 4½) и которых раздражает его особость. Здесь *все* дети — скелеты, ноги как нитки, страшно смотреть. Бледные, вялые. А он толст и крупен, и весел. Во французскую школу его отдать нельзя, — *всё* другое. Он там был бы глубоко-несчастен, ибо *дети злы*, — особенно к «пришломu», Мур же — страшно-русский, на лбу написано. С каким-то вызовом — русский. — Чтó с ним будет дальше? Дети его не любят. Женщины — да.

Кончаю. Сейчас они с Алей придут с прогулки и начнется кормежка. Здесь детей кормят почти исключительно хлебом и шоколадом, пьют — вином. Целый день сладкое и холодное. Одевают в тряпки зимой и в шерсть — летом. На шее, в июле и в ян-

варе, неизменный шарф. Ноги — зимой — синие. Не нравятся мне французские дети, а еще меньше — их родители. — Записалась. — Обнимаю. — Пишите.

МЦ

Что́ мечта моей души — овчина?

¹ Золото Рейна (нем.).

² *Бем Альфред Людвигович* (1886–1945?) — литературовед, историк литературы, критик, преподаватель Карлова университета, основатель и руководитель Семинария Достоевского при Русском свободном университете, Общества по изучению Достоевского и поэтического объединения «Скит». В Чехословакии с 1922. Был арестован советскими спецслужбами в 1945, обстоятельства его гибели неизвестны. А.Л. Бем отводил Цветаевой первое место среди поэтов эмиграции (Меч. Варшава, 1938. 12 июня), неоднократно откликался на ее публикации в периодической печати. В заметке «Скит поэтов» он писал: «Принято говорить о разделении русской литературы на “Советскую” и “эмигрантскую” [...] Не изменилось творчество Марины Цветаевой после того, как она оказалась в сердце эмиграции. Важна чуждость, с которой писатель воспринимает биение жизни, а не место, где он живет» (Последние новости. 1925. 29 марта). Бем очень тяжело переживал известие о смерти Цветаевой (*Морковин В.* Пражские отклики на смерть Марины Цветаевой // *Československá rusistika*. 1969. № 2). Его фамилию Цветаева писала по-разному (Бём, Бэм). Правильно: Бем.

³ См. примеч. 4 к письму 33.

⁴ *Ахматова Анна Андреевна* (наст. фам. Горенко; 1889–1966) — поэт. Цветаева поклонялась молодой Ахматовой, посвятила ей книгу «Вёрсты» (М., 1921) и поэму «На Красном Ко-

не». Уже находясь в Чехословакии, Цветаева писала: «Серебр<яным> ковшом из того же безд<онного> моря — вот Ахматова» (НЗК II, 289). Ахматова ценила поэзию Цветаевой, однако свое отношение проявляла сдержанно. По поводу разницы их поэтики Ариадна Эфрон остроумно заметила: «М<арина>! У Вас даже ночь — солнечная, а у Ахматовой — и день лунный» (Там же. С. 261). Они встретились только в 1941.

⁵ Приглашение (фр.).

⁶ Любящие (нем.).

⁷ *Беттина Брентано* (в замужестве фон Арним; 1785–1859) — немецкая писательница.

⁸ «Я не хочу ответной любви» (нем.).

⁹ *Одоевцева Ирина Владимировна* (наст. имя и фам. Ираида Густавовна Гейнике; 1895–1990) — поэтесса, прозаик, переводчица, критик, мемуаристка; во втором браке жена поэта Георгия Владимировича Иванова (1894–1958); в 1922–1987 в эмиграции, член парижского Союза русских писателей и журналистов.

¹⁰ Цитируется несколько измененное начало стихотворения А. Дельвига *Первая встреча* (1814): «Мне минуло шестнадцать лет, Но сердце было в воле...» Это стихотворение стало популярным романсом.

¹¹ *Евразия* — еженедельник по вопросам культуры и политики. *Clamart* (France) 1928–1929. № 1–35. В редакции работал С.Я. Эфрон.

Пригласительный билет:
Invitation
a la soirée de
MARINA ZWETAËVA
Poésie —
Ayant lieu le 17 juin 1928
38, Bd Raspail 9 h. du soir

Приглашение
На вечер
МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ.
Поэзия.
Состоится 17 июня 1928 г.
Бульвар Распай, 38. Начало в 9 ч. вечера

[На пригласительном билете под фамилией рукой М. Цветаевой приписано]
Cvetajeva.

[На обороте] Сообщите мне, пож<алуйста>, адрес Булгакова, хочу попросить
его лично.

[Письмо на листе бумаги и на двух открытках:

1. Bruxelles Manneken-Pis en Chasseur Alpin¹, 2. Bruxelles Manneken Pis]

Брюссель, 26-го Октября 1929 г.

Дорогая Анна Антоновна! Ваше письмо мне переслали в Брюссель. Расскажу Вам о своем вечере. Здесь колония маленькая, бедная и правая, т.е. — увы! — бескультурная. Но всё-таки набралось около ста человек, — для литературного выступления успех невиданный! Чистый сбор — 70 бельг<ийских> франков, т.е. 50 франц<узских>. Дорога, паспорт, виза, жизнь — не меньше 400 фр<анков>. Но могло быть и хуже, по крайней мере, покрыты расходы по залу и объявлениям. Живу я здесь у очень милых и сердечных людей, но не отдыхаю, потому что всё время езжу, хожу, осматриваю, разговариваю. И больше всего — выслушиваю. Все, с кем мне приходится встречаться, изголодались по новому человеку.

Бельгия мне напоминает Прагу, — тишина, чистота, старина. Была, — кроме Брюсселя, в Антверпене, в Брюгге и на море. Концы маленькие. Брюгге — лучшее, что я видела в жизни. Сплошная Slatá ulička². Но — с веянием моря, к<отор>ое здесь рядом.

Мечту о Праге не оставила. Будем ждать. Лучше бы вечер до января, ибо м.б., повлияло бы на продление иждивения. С<ергей> Я<ковлевич>, с перерывом Евразии, ничего не зарабатывает, мои доходы Вы знаете. Если и 500 чеш<ских> крон кончатся — не знаю, что будем делать.

С грустью и радостью прочла об овчине — сейчас денег нет — я ее только что проехала в Бельгию. Думаю, *приличная* — крон за 700? (Не слишком тяжелая). Что ж, м.б. за зиму и накоплю. Деньги, какие будут, буду отсылать Вам на хранение, дома удержать нельзя. А пока похожу в чем есть. Убийственно дорого в Париже егеровское³ шерстяное белье — 50 фр<анков> штаны, 40 фр<анков> фуфайка. Сколько — в Чехии? Боюсь думать о зиме, которая вот-вот начнется.

Да! О *Вашей* шубе. Здесь меховая (*настоящая* белка, не кролик, но белка не со спинки, а с живота, *серокоричневая*) 900 фр<анков>. Верх — мех, низ — шелк. По сравнению с пражскими ценами — дешево. За 1 т<ысячу> фр<анков> — *кротовая* шуба (таур⁴). *Не* подделка. М.б. если надумаете и есть деньги, привезти Вам такую шубу на себе? Белка прочнее и на 100 фр<анков> дешевле. Подумайте. — Свое пальто взяла бы на руку. Покрой прямой и элегантный. Сейчас белка не в моде, в прошлом

году эта же шуба стоила 2 т<ысячи> фр<анков>. Если бы надумали, пошла бы с дамкой высокого роста и крупнее меня, на нее бы купила и на себе бы привезла. Но это только с *заведомостью* поездки в Прагу, т.е. уже назначив *день*.

А для поездки в Прагу мне нужно обеспечение полутора тысяч крон, т.е. верных 1½ тысячи. Меньше нельзя: дорога в два конца, паспорт, жизнь. Т.е. три вечера, за к<отор>ые мне заплатят по 500 кр<он>. Иначе не выйдет, просто — не на что. Провал в Брюсселе — ничего, на него у меня хватило, на пражский риск — не хватает.

Из Мёдона напишу еще. Целую Вас нежно, в свидании *уверена*. Не забудьте упомянуть про шубу — по-моему, выгодно. И провоз обеспечен.

Если бы покупала — то только со *сведущим* человеком, хотя сама знаю меха отлично. Очень хочется чувствовать Вас в тепле и видеть Вас нарядной. Могу прислать каталог, где обе шубы: и беличья, и кротовая.

Пишу в 7 ч<асов> утра, в мансардной комнате, где живу и всегда хотела бы жить: чистота, пустота.

Обнимаю Вас, сердечный привет Вашим. Как здоровье всех?

МЦ

Как Вам нравится мальчик-фонтанчик?

¹ Брюссельский Писающий мальчик в форме альпийского стрелка (*фр.*).

² Правильно: *Zlatá ulička* (*чеш.*) — Золотая улочка на территории Пражского Града.

³ *Егерское* от Jäger — охотник (*нем.*) — теплое нижнее белье, первоначально предназначено для охотников.

⁴ Крот, кротовый мех (*фр.*).

[Без адреса и даты. Письмо написано после приезда из Брюсселя]

Дорогая Анна Антоновна! Давным-давно от Вас нет вестей. (В последний раз писала Вам из Брюсселя, — письмо, не открытку.) А у нас печальные: на почве *крайне-го* истощения у С<ергея> Я<ковлевича> возобновился старый легочный процесс — пока не активный, но грозный именно из-за этого истощения. (Т° утром 35 с десяти-ми, — так слаб!). А причина истощения пока темна, сейчас делают исследование кро-ви и на днях ведут просвечиваться рентгеном. Его случай сложен, ибо *всё* расшатано: и сердце, и легкие, и печень (старая болезнь). Посажен (из-за печени) на строгую ди-ету, а легкие требуют усиленного питания — с которым не справляется желудок.

Врачебная помощь нам обеспечена, но главное дело *в санатории*, т.е. отъезде, отдыхе, воздухе, покое = больших деньгах. «Евразия» кончилась¹, с ней и редактор-ское скромное жалованье, живем в долг, — куда там санатория! А она нужна. Нужен, помимо режима (питания) *воздух*, которого я не могу дать — (а Мёдон в котловине и с 4 часов дня весь в пару от близкого сырого леса) и покой — который при нашей жиз-ни — невозможен.

Надеюсь на людей (друзей). М.б. выручат. Еще не поздно и спасти можно. Д<ок-то>ра удивляются *силе* его организма, при ряде хронических болезней и ужасной жизни (все эти годы ложился в 2-3 ч<аса>, ел когда попало и что попало и т.д.), так долго сопротивлявшегося.

Ради Бога, чтобы только не прекратилось в 1930 г<оду> чешское иждивение! Тогда мы совсем пропали. Вот я полгода писала «Перекоп» (поэму гражданской вой-ны) — никто не берет, правым — лева по форме, левым — права по содержанию. Да-же «Воля России» отказалась² — мягко, конечно, — не задевая, — скорее *отвела*, чем отказалась. Словом полгода работы даром, — не только не заплатят, но и не напеча-тают, т.е. *не прочтут*.

О поездке в Чехию — увы (и какое увы! целый вой!) — сейчас думать не прихо-дится. С<ергей> Я<ковлевич> должен уехать по крайней мере на три месяца. Отло-жим до весны, — м.б. и лучше, — поедим с Вами по окрестностям, вспомним те го-ды — для меня — несчастно-счастливые. М.б. к весне и Вам будет легче наладить мой приезд (выступления). Сейчас Вы молчите — значит не выяснено или не вышло. От Праги не откажусь ни за что, не отказывайтесь от меня и Вы!

Все последние недели ушли на болезнь С<ергея> Я<ковлевича>. Кроме того, Аля поступила в «École du Louvre»³ — на ряд лекций, через 3 года будет диплом. Значит, у меня *еще* меньше времени на себя: стихи.

Откликнитесь скорее: надеюсь(!) что с вечером еще ничего не наладилось.

Видаюсь с М<арком> Л<ьвовичем>, он стал лучше: менее самонадеян, более отзывчив. Дай ему Бог, я когда-то — ничего не могла дать (не сумел взять).

Тороплюсь, хочу дать Але время порисовать, т.е. забираю к себе Мура.

Целую Вас и обнимаю

МЦ

Прилагаю анкету для Бёма, — потеряла открытку с его адр<есом>. Перешлите, пожалуйста, городской почтой.

Итак, жду весточки.

Сердечный привет Вашим.

¹ См. примеч. 11 к письму 57.

² Об этом «мягком» отказе позже вспоминал М.Л. Слоним: «...в начале 1929 года М<арина> И<вановна> заканчивала свой “Перекоп” и дала мне прочесть эту “Белогвардейскую поэму”, как она называла ее с усмешкой. При ближайшей встрече она спросила, стоит ли предложить ее “Воле России”. Я сказал, что если “Перекоп” нельзя устроить в другом журнале, мы можем его напечатать,

ведь мы ни одной ее вещи не отвергли — но, честно говоря, сделаем это без особого энтузиазма, она сама должна решить. “Это значит по дружбе и снисхождению, а не по убеждению” [...] Затем, подумав, прибавила: “Ну, ничего, пускай полегит”. Сергей Яковлевич, как я узнал впоследствии, посоветовал ей не торопиться с “Перекопом”, и — редкий случай — она его послушалась» (МЦВС II, 126).

³ Училище при Лувре (*фр.*).

Medon (S. et O.)
2, Av. Jeanne d'Arc
25-20 декабря 1929 г.

Дорогая Анна Антоновна!

Сердечно поздравляю Вас с праздником Рождества Христова и с наступающим Новым годом! Мне жалко этой цифры — 29, рука свыклась, глаз свыкся. У меня в детстве была странная игра: писать наперед годы. Помню, восьми лет, в 1902 г<оду> длинный столбец — 1928 г<од>, 1929 г<од> и т.д. (начиная от 1902 г<ода>). Писала в полном сознании предвосхищения и неизбежности.

Третьего дня уехал С<ергей> Я<ковлевич>. — В Савойю. Друзья помогли, у нас не было ничего. Перед отъездом проболел целую неделю, — 39, безумные боли в желудке. Пять дней ничего не ел, — только чай. Уехал во всяком случае на два месяца. Воздух там дивный, горный, — 600 метров высоты. Уединенный замок, — ныне пансион¹ для выздоравливающих. Все очень хвалят. Я за него счастлива, — первый отдых за 15 лет.

Полтора месяца ничего не писала, извелась, жизнь трудная. Весь день раздроблен на частности, подробности, а вечером, когда тихо — устала, уж не могу писать, голова не та. Теперь, с отъездом С<ергея> Я<ковлевича>, опять примусь. Я всегда взваливаю на себя гору. Очередную. «Федра». — «Гончарова». — «Перекоп». — Ныне — но не называю², чтобы не сглазить. Что́ бы мне писать восьмистишия! Беспоследственные и безответственные. А то — источники, проверка материалов, исписанные тетради, вся громадная работа до. «Как птицы небесные»... Нет.

Про Мура. Громадный. Ростом с 8-летнего, а вещи на 10-летнего. Всё еще в тех дивных Ваших башмаках, — жаль расставаться, до того крепки. И в фуфачку голубую (от медвежьего костюма) еще влезает. Надставили штанами. Любит ее больше всех «такая лохматая, привычная, уютная, — как собака голубая». Говорит чудесным русским языком, немножко начинает по-французски. Произношение отличное. На присланные Вами 100 фр<анков> купила ему две пары теплых штанов (10–12 ans³!!!), Але три пары шерстяных чулок и себе пару. Вот мы все Вами и одарены!

— С кем и как встречаете Новый Год? Пишите о себе. Как Ваше здоровье? Вашей матушки? Сестры? Всё следующее письмо о себе, непременно. Жду его.

...А по-моему, г<оспо>жа Ю<рчинова>⁴ ищет не героя для своего романа, а — героя своего романа, т.е. будущего г<осподи>на Ю<рчинова>. — Найдет. —

Целую Вас нежно, благодарю и мысленно чокнусь с Вами под Новый Год, — дай Бог — год нашей встречи.

МЦ

¹ Русская семья Штранге сдавала комнаты с пансионом в принадлежавшем ей здании д'Арсин (около городка Сен-Пьер-дё-Рюмийи в Верхней Савойе). *Штранге Михаил Михайлович* (1907–1968) — писатель, историк, исследователь русского общественного движения в XVIII в. С. Эфрон был с ним близок. Ходили слухи, что пансион является одним из очагов советской разведки. После возвращения в СССР М. Штранге работал в Институте всемирной (ныне всеобщей) истории РАН

(см.: *Кривошеина Н.А.* Четыре трети нашей жизни. М., 1999).

² Летом 1929 Цветаева начинала работать над «Поэмой о Царской семье». Она тщательно собирала материалы о Государе, Государыне, их детях и окружении (см.: *Коркина Е.* Поэма о Царской семье // Коркина Е. Архивный монастырь. М., 2007. С. 119–151).

³ 10–12 лет (*фр.*).

⁴ См. примеч. 1 к письму 11.

[Поздравление Ариадны Эфрон на обратной стороне ее рисунка]

С Новым Годом, дорогая тетя Аня!
Желаю Вам и нам встретиться в этом году!

Мёдон, 21-го апреля 1930 г.
второй день Пасхи.

Христос Воскресе, моя дорогая Анна Антоновна!

Сначала были заботы — болезнь С<ергея> Я<ковлевича>, хлопоты, Алино учение, т.е. моя связанность домом, подготовка к вечеру (в субботу, 26-го — Вечер романтики¹) — а теперь стряслось горе², — какое, пока не спрашивайте — слишком свежб, и называть его — еще и страшно, и рано.

Мое единственное утешение, что я его *терплю* (subis³), а не доставляю, что оно — чистое.

Но нужно жить, — каждый день и каждую минуту. У Али скоро экзамены — нужно, чтобы выдержала. После вечера нужно решить с отъездом: решиться на отъезд, говорят об Эльзасе — будто дешево и хорошая природа, — вроде Шварцвальда. Я трагически-неумела в этих делах и пока никого не вижу кто бы мне в этом помог — поездка в оба конца 150 фр<анков>, — ехать вслепую невозможно, особенно с Муром, нужно снять заранее. М.б. попытаюсь устроиться с кем-нибудь из знакомых, но увы — одни совсем не могут ехать (служат), другие едут в пансионы, т.е. нам не по дороге, п.ч. самый дешевый — даже 25 фр<анков> в день — нам (два с половиной человека) слишком дорог. Нужно искать комнату с кухней, а где их найдешь? Вместе с тем Мура и Алю увезти нужно, Мёдон (мы прошлым летом никуда не уезжали) летом грязен, пылен, весь город приезжает в лес бить бутылки и бросать сальные бумажки. Какая-то помойка.

На горе у меня сейчас нет времени, — оказывается — *тоже роскошь*.

— Даст Бог — как-нибудь. —

А в Чехию — кто знает? — м.б. всё-таки попаду, был здесь эсер Махин⁴, очень милый, сердечный и дельный человек, сам предложил мне будущей зимой поездку в Сербию (вечер), м.б. на обратном пути заеду в Прагу, — думаю, что пражский вечер всё-таки *что-нибудь* даст. Проведем с Вами недельку. — Счастлива была бы.

Не сердитесь, дорогая Анна Антоновна, за такое эгоцентрическое письмо, Вам пишет человек — *под ударом*.

Не знаю, знаете ли, т.е. писала ли — мой «Мблodeц» сейчас переводится на английский язык⁵, уже кончен — Гончаровские иллюстрации тоже — всё дело за издате-

лем, к <отор>ый по всей вероятности найдется. Тогда всё-таки получу авторские, хоть что-нибудь.

Сама перевожу его на франц<узский>⁶ — стихами — сделана половина, авось летом кончу, нужно кончить.

Простите за долгое молчание, люблю и помню Вас всегда.

МЦ

— Бедный Маяковский!⁷ (Ваш «сфинкс»). Чистая смерть.

Всё, всё, всё дело — в чистоте.

Аля и Мур Вас целуют.

¹ Вечер Романтики состоялся 26 апреля 1930 в большом зале Географического общества (бульвар Сен-Жермен, 184). Устроители хотели отдать дань отмечаемому в Париже столетнему юбилею французского романтизма. Выступали С.М. Волконский (читал «Воспоминания юности»), Г.В. Адамович, Г.В. Иванов, Н.А. Оцуп, В.Л. Андреев, Б.Ю. Поплавский (все читали свои последние стихи), Тэффи (читала рассказы). Вечер был закончен выступлением Цветаевой.

² По сообщению И.Д. Шевеленко, из письма Д.П. Святополка-Мирского к В.А. Сувчинской (Русский архив в Лидсе, Великобритания) известно, что в то время С. Эфрон был увлечен швейцаркой Лери Рабен.

³ Терпимо, переносу (фр.).

⁴ *Махин Федор Евдокимович* (1882–1945) — полковник, общественный деятель, председатель Земгора в Белграде. Издавал журн. «Ру-

ски архив» (1928–1937). Генерал югославской Народной армии.

⁵ Перевод поэмы «Молодец» на английский язык осуществил Алек Браун (1900–1962), поэт, романист, переводчик, друг Д.П. Святополка-Мирского. Перевод издан не был.

⁶ Французская версия поэмы *Молодец* — *Le Gars* не увидела света при жизни Цветаевой и впервые полностью была издана во Франции по авторизованной машинописи, сохранившейся в ее архиве (РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 2. Д. 49): *Tsvetaeva M. Le Gars*. Paris, 1991. «Молодец» с иллюстрациями Н. Гончаровой по-русски и по-французски был издан в России дважды — в 2003 (СПб.: Дорн) и в 2005 (М.: Эллис Лак).

⁷ В.В. Маяковский покончил жизнь самоубийством 14 апреля 1930. На его смерть Цветаева отозвалась циклом из семи стихотворений (Воля России. 1930. № 11/12; II, 273–280).

St. Pierre-de Rumilly
(Haute Savoie)
Château d'Arcine¹

— мне —

Это Серезин адр<ес>, но у нас своего нету.
[20 сентября 1930]²

Дорогая Анна Антоновна!

Наконец Вам пишу. Лето прошло как сон, — в работе всегда так, а работы — впрочем Вы сами знаете — сколько. Живем даже не в деревне, а над деревней, под самой горой, без хозяев, в маленьком chalet³ с огромным двором — сараи, сеновалы, мельница, всё старое, наполовину отслужившее. Нашему домику сто лет ровно.

С<ергей> Я<ковлевич> за три километра, в настоящем замке XV века, в котором ныне русский пансион. Он там уже 8 месяцев, — платит Кр<асный> Крест. Видимся почти ежедневно, то мы к нему, то он к нам. Раз в неделю ходим — Аля, Мур и я — в соседний городок La Roche на рынок, покупаем на целую неделю. В деревне ни овощей, ни мяса нет.

Природа здесь очень живописная, но Чехию люблю несравненно больше. Леса сырые, не тропинки, а ручьи, не дороги — потоки. Слишком много воды, и не только из-за дождливого лета: близость снеговых гор. Лес неприветливый, мрачный, вроде тайги, — весь в плюще и в ежевике, не продерешься. А под ногами — вода. Прогулки только дальние, на целый день, ближних, как в Чехии, нет, т.е. одна: в тот же La Roche, шоссе — слава Богу — почти без автомобилей.

Но народ чудный: вежливый, радушный, честный, добрый — как во времена Руссо⁴. Он в этих местах провел всю молодость.

Аля много ездила: в Chamoni, в Аннесу, теперь ее собираются контрабандой, т.е. без визы, провезти в Женеву, к<отор>ая всего в 50-ти километрах от С. Пьера. Я за всё лето ни одной горной прогулки не сделала, всё оставалась с Муром и горы видела только снизу.

Мур отличный ходок, делает сразу по 12 километров, не устает никогда. Теперь ему 5½ лет. А Але третьего дня исполнилось 17 л<ет>. Бежит — время? Вы Алю помните девяти- и даже восьми-летней.

За лето кончила перевод на франц<узский> (стихами) своего «Молодца», к к<оторо>му Гончарова давно уже закончила иллюстрации, и написала ряд стихов к Маяковскому⁵ — думаю отдать в «Волю России».

Простите за этот отчет вместо письма, но совсем нет времени, видите по почерку. Сейчас напр<имер> нужно бежать в местную Fromagerie⁶ (2 кил<ометра>) за молоком, а обратно идти в полной темноте, спотыкаясь о щепень.

Но всё-таки Савойей я довольна: тишина.

Целую Вас нежно, если скоро отзоветесь — застанете нас еще здесь, а недели через три пишите уже на Мёдон — обычное 2, Avenue Jeanne d'Arc Meudon (S. et O.)

Пишите про *свое* лето, общее здоровье, планы, работу. И — что меня еще любите.

МЦ

¹ Сен-Пьер-де-Румийи (Верхняя Савойя), замок д'Арсин. Цветаева поселилась в деревушке вблизи замка. Второй раз она отдыхала здесь в 1936 уже в самом замке, «приспособленном к человеческому образу жизни... но я забралась на чердак, в никем не оцененную комнату — вроде пещеры, с крохотным окномцем пробитым во всей толще стенки — с каменным полом... и здесь блаженствую, т.е. пи-

шу все утра» (М. Цветаева — А. Берг; VII, 506).

² Письмо без даты, датируется по открытке Ариадны Эфрон: 20 сентября 1930.

³ Шале, небольшой сельский домик (фр.).

⁴ Руссо Жан Жак (Rousseau; 1712–1778) — французский философ и писатель.

⁵ См. примеч. 7 к письму 61.

⁶ Бува.: сыроварня, продажа сыров; здесь: лавка молочных продуктов (фр.).

[Открытка Ариадны Эфрон, посланная вместе с письмом М. Цветаевой. На ее лицевой стороне изображение: La Roche-sur-Foron (Haute-Savoie). — Une ancienne Porte; Ла Рош-сюр-Форон (Верхняя Савойя). — Старинные ворота (фр.)]

St. Pierre de Rumilly.

20 сент<ября> 1930

Дорогая тетя Аня,

Как провели Вы это лето? У нас оно было дождливое и холодное — но всё-таки хорошее — горы уютны во всякую погоду, не то что море.

Мур вырос, он очень умный мальчик и уже знает почти все буквы (научился сам). Скоро будет уметь читать, и видно, научится легко. Давно я от Вас не получала известий — да и Вы от меня тоже. Но я часто, часто с нежностью и любовью вспоминаю Вас и Прагу и, надеюсь, что мы скоро увидимся.

Целую Вас, маму и сестру.

Ваша Аля

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
17-20 Окт <ября> 1930 г.

Дорогая Анна Антоновна! Булгакова¹ ни при чем, ее в Савоие не было, и я с ней не переписывалась. Просто — урвала у жизни какой-то час и написала Вам. Я Вас *всегда* помню, т.е. Вы *всегда* во мне присутствуете. Свидание с Вами было бы одной из огромных радостей моей жизни. Жаль, что меня *никак* не пристегнешь к Достоевскому², а то бы — чудный повод к встрече. Если бы *Лескова*³ чествовали — встретились бы. Из русских писателей это мой самый любимый, родная сила, родные истоки. Мне, чтобы о человеке сказать, нужно его любить пуще всего. И о Лагерлёф⁴ сказала бы. И о Сигрид Унстед⁵ — читали ли Вы ее? Замечательная книга. Норвежский эпос. Трилогия: «Der Kranz» — «Die Frau» — «Das Kreuz». Лучшее что написано о женской доле. Перед ней — Анна Каренина — эпизод. Вся вещь называется: «*Kristin Laurins tochter*». Когда-нибудь да эту книгу приобрету. После нее долго ничего не хотелось читать.

9-го мы вернулись из Савоии. Жизнь трудная: С <ергей> Я <ковлевич> без работы — «Евразия» кончилась, а ни на какой завод его не примут, — да и речи быть не может о заводе, когда за 8 мес <яцев> прибавил всего 5 кило, из к <отор>ых уже сбавил два. Это больной человек. — Сейчас поступил на курсы кинематографической техники, по окончании которых сможет быть оператором. — Кончила «Молодца»⁶, это моя единственная надежда на заработок, но нужно ждать, зря отдавать нельзя, — 6 месяцев работы. Живем в долг в лавочке, и часто нет 1 фр <анка> 15 с <антимов>, чтобы ехать в Париж.

Иногда я думаю, что такая жизнь, при моей непрестанной работе, всё-таки — незаслужена. Погубило меня — терпение, моя семижильная гордость, якобы — всё могущая: и поднять, и сбросить, и нести, и — *снести*. Если бы я была как все женщины моего круга (NB! А есть ли у меня круг?!) — или как все писатели (моего круга, которого уже заведомо нет!) за меня бы всё делали, а я бы глядела. Женщина бы глядела, а писатель бы писал. Если буду жить в другой раз — буду знать.

Очень огорчена, дорогая Анна Антоновна, Вашим неудачным летом, погода и у нас была ужасная, но была — тишина. Удивляюсь, что богатые так дорого оплачивают шум, которого так много на улице.

Оставили в Савоие — в квартире запрещено — безумно-любимую собаку, которую в память Чехии, я окрестила: ПОДСЭМ⁷ (поди сюда?). Это был chien-berger —

quatre-yeux⁸, черная, с вторыми желтыми глазами над глазами. Бровями. Никого за последние годы так не любила.

«Мóлодца» кончила совсем (рифма: Подсэм!), на днях повидею Гончарову, будем думать — что дальше? Сейчас продолжаю большую вещь о Царской Семье⁹, начатую еще прошлой зимой. Писать некогда, но всё-таки пишу. Жизнь, из-за безденежья, еще не налажена. Никого, кроме Гончаровой, из парижских, не хочется видеть: у всех настолько другая жизнь — и внешняя и внутренняя. — Распродаю вещи, прекрасные шелковые платья, которые когда-то подарили — за грош.

Да! Совсем о другом: подружилась — издалека — со старой (годами, а не сердцем) приятельницей Рильке¹⁰, живет в Швейцарии, на чудном Bodensee¹¹, там у нее старый дом в старом саду. Шлет мне все его книги, вчера получила второй том его писем, чудное издание Insel-Verlag'a¹². Большая радость.

Помните ли Вы, дорогая Анна Антоновна, некоего Владика Иванова¹³, племянника Завадского. Он сейчас служит в какой-то американской компании транспорта, и за полгода уже два раза был в Чехии — на сутки. Много и с любовью рассказывал о Праге.

Был и во Вшенорах, где всё изменилось — застроилось. Разыскивал там свою собаку, которую кому-то передал, уезжая — ни человека, ни пса!

Спасибо, что переводите, или думаете переводить, Гончарову. Можно было бы предложить журналу поместить с иллюстрациями — снимками ее картин — как сделали сербы (в «Русском Архиве» — видали?). Вещь бы оживилась, — и чехи ведь очень любят графику?

Как мне бы хотелось сходить с Вами в ее мастерскую. Сделаемте так, чтобы увидеться! На чествование Достоевского у меня мало надежды. Кстати — прекрасную тему Вы выбрали! Мало живой природы, но когда есть — незабвенная. Я бы сказала о Д<остоевском>, что у него всё как во сне — без цвета, неокрашенное, в ровном условном свете ф<отографи>ческой пленки, только очертания. Помню Ипполита¹⁴ где-то на даче, «клеящие листочки» Ивана¹⁵, — а еще?

Кончаю. Сейчас Аля с Муром приходят с прогулки, надо всех кормить завтраком. — Когда же я Вас угошу? Аля в шато, где С<ережа> лечился, научилась чудным блюдам. Сделали бы парижский обед.

Аля чудно вяжет, связала куртку Муру, две куртки на заказ (50 фр<анков> за минимум 2 недели работы!), сейчас вяжет себе. Мечтает связать Вам. Скоро опять будет ездить на лекции Луврской школы. 5/18-го сент<ября> ей исполнилось 17 лет.

Все наши Вас приветствуют. Обнимаю Вас.

МЦ

¹ Вероятно, Тескова упрекнула Цветаеву за то, что она написала ей благодаря напоминанию жены В.Ф. Булгакова.

² *Достоевский Федор Михайлович* (1821–1881) — писатель, публицист и литературный критик. В феврале 1931 в Праге планировалось широко отметить 50-летие со дня смерти Достоевского, где предполагалось присутствие многих писателей и общественных деятелей русского зарубежья.

³ *Лесков Николай Семенович* (1831–1895) — писатель. По свидетельству Слонима, «Соборьян» Лескова Цветаева хотела бы взять на необитаемый остров (*Слоним М.* О Марине Цветаевой — МЦВС II, 163). Цветаева писала дочери в 1941, что перечитывает Лескова. «Приобретение в дом: я обменяла своего Брейгеля — огромную книгу репродукций его рисунков — на всего Лескова» (VII, 753).

⁴ *Лагерлёф Сельма* (Lagerlöf; 1858–1940) — шведская писательница, лауреат Нобелевской премии (1909). Ее роман «Сага о Йесте Берлинге» (1891) был одним из любимых произведений Цветаевой. Она читала этот роман в немецком переводе.

⁵ *Унсет (Унстед, Ундсет) Сигрид* (Undset; 1882–1949) — норвежская писательница, лауреат Нобелевской премии (1928). Исторический роман-трилогия «Кристин, дочь Лавранса» (1920–1922) — любимый роман Цветаевой. «Венец» — «Хозяйка» — «Крест» — названия трех частей романа С. Унсет. Цветаева приводит названия частей по-немецки, так как она читала роман в немецком переводе.

⁶ Имеется в виду перевод поэмы «Молодец» на французский.

⁷ *Pojd' sem* — иди сюда (*чеш.*).

⁸ Овчарка — четырехглазая (*фр.*). Позже в письме Штейгеру: «А сейчас — волей судьбы — иду на свидание с собакой, которая меня любила больше, чем все люди вместе, и которую я не видела *шесть* лет. (Собаки помнят два года, гениальные — четыре. Любящие — X лет.) Его зовут Подсэм (*чешское*: Поди сюда). Я Вам о нем напишу отдельное письмо, из которого Вы меня больше узнаете, чем из всего доселе Вами читанного» (VII, 578).

⁹ М.Л. Слоним писал, что мысль о *Поэме о Царской семье* возникла у Цветаевой «как ответ на стихотворение Маяковского “Император”». Ей в нем послышалось оправдание страшной расправы как некоего приговора истории». Перед отъездом в СССР некоторые произведения, в том числе *Поэму о Царской семье*, из соображений безопасности Цветаева оставила во Франции. Все это было отослано в Амстердам, в Международный социалистический архив и погибло в огне Второй мировой войны (см.: *Слоним М.* О Марине Цветаевой — МЦВС II, 138–139).

¹⁰ *Вундерли-Фолькарт Нанни* (1876–1962) — приятельница Рильке. Сохранилось более десяти писем Цветаевой к ней (VII, 354–371).

¹¹ *Боденское озеро* расположено на границе Германии, Швейцарии и Австрии в предгорьях Альп.

¹² Издательство «Инзель» (*нем.*).

¹³ См. примеч. 10 к письму 40.

¹⁴ *Ипполит* — персонаж романа Ф.М. Достоевского «Идиот».

¹⁵ *Иван* — герой романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».

[Письмо Ариадны Эфрон]

Meudon, 2 av. Jeanne d'Arc
18 октября 1930.

Дорогая Тетя Аня,

Мы были очень рады получить от Вас весточку, но были удивлены и обижены Вашим предположением, что нам нужны напоминания, чтобы писать Вам. Вы очень несправедливы, милая тетя Аня!

Я очень довольна своим летом, несмотря на довольно тяжелую жизнь, которую приходилось вести. Я сделала несколько прекрасных далеких прогулок, лазила с папой на горы, любовалась на стада коров и слушала звон их колокольчиков. Какие замечательные пастбища и луга на высоких горах! И какие невиданные, огромные и пахучие цветы растут там! И делается очень жутко, когда увидишь, в цветущей поляне, по самой ее середине, какое-нибудь огромное, мощное дерево, наполовину обугленное молнией. Горные грозы страшны — никогда я не слышала таких ударов грома, как в Савоие.

Я очень рада, что карточка Мура Вам понравилась — пошлю еще. Теперь Мур совсем большой мальчик, умный и понятливый — играя выучился читать, и теперь читает почти свободно, и пишет нетрудные слова печатными буквами.

1-го февраля ему будет 6 лет, — я все не могу поверить, что вот уже прошло столько времени с его рождения. На вопрос о своей национальности он отвечает: «Я русский чехинец» (Чехинец изобрел вместо Чех!).

Конечно, о Чехии ничего не помнит, но стремится туда попасть. Да и мы все стремимся.

Я бы так, так хотела Вас повидать, и Вашу маму, и сестру, и моего большого друга — кота Муцика. Мне все рассказывают, что Прага застраивается новыми домами, роскошными отелями и т.д. Как жаль! Но я надеюсь, что самые волшебные и старые улицы Праги остались нетронутыми.

До свиданья, дорогая тетя Аня, целую крепко Вас, Вашу маму и сестру.

Ваша Аля

Meudon (S. et O.)
2, Av. Jeanne d'Arc
17-го ноября 1930 г.

Дорогая Анна Антоновна!

Сердечное спасибо за помощь. Простите, что не отозвалась раньше, хотелось написать Вам большое письмо, но жизнь всё не давала — и сейчас не дает. Проводы Мура в детский сад туда и обратно — 4 конца — 12 километр<ов> (детский сад в соседнем городке, сообщения нет) — устройство Али в школу Arts et Publicité¹ (для заработка) — начавшиеся холода и вызванное ими усиленное шитье: все из всего выросли, и даже я — из-за новой длинной моды — всего не перечтешь: все две страницы уйдут! — вот и опять отчет вместо письма.

Вчера видалась с г<оспо>жой Лебедевой², очень расспрашивала меня: какой именно съезд русских писателей³, специально ли ПРАВЫЙ, кто — председатель, имеют ли эсеры *вес*, ибо — если да — мое дело устроено. Сейчас в Праге М<арк> Л<ьвович>, г<оспо>жа Лебедева уверена, что он *всё* сделает для моего приезда, зная как я люблю Вас и Прагу.

Милая Анна Антоновна, повидайтесь, посоветуйтесь с ним! Кроме того: проездом из Сербии в Праге на днях будет Лебедев. Если бы Вы сразу мне ответили (что за съезд и от кого зависит) г<оспо>жа Лебедева отсюда бы написала ему, чтобы *всё* сделал, чтобы утвердить мой приезд. И — сделает.

Верю в свое любимое число 32 (ведь съезд в феврале 1932 г<ода>?) — которого нет в месяце, но который есть в жизни (миновал) и в столетии — наступает.

Итак: что за съезд и от кого зависит? (Мне же важна не честь приглашения, а оплаченный проезд!)

М.б. к тому времени уже выйдет мой франц<узский> «Мóлодец» с иллюстр<ациями> Гончаровой — чехи ведь любят Францию? — можно будет устроить вечер с отрывками из него. М.б. и заработаю немножко.

Я вдруг поверила, что в этом году мы свидимся. Погощу у Вас, если разрешите, вместе посетим мою любимую Прагу — и Вшеноры — бывшие места.

Итак: очень, очень прошу Вас 1) повидаться с М<арком> Л<ьвовичем>, 2) поскорей и поподробней оповестить меня про съезд, чтобы г<оспо>жа Л<ебеде>ва успела попросить мужа еще в его бытность в Праге. Он ко мне чудно относится и *все*

сделает. И, в конце концов, я ведь всё-таки русский писатель! Всё дело в проездных деньгах. Славы мне не нужно. Мне нужны Вы и Прага: Вы, т.е. Прага, Прага, т.е. Вы. Обнимаю Вас от всей души.

МЦ

¹ *Букв.*: искусство и реклама; здесь: Училище прикладного искусства (*фр.*).

² *Лебедева Маргарита Николаевна* (урожд. баронесса Спенглер; 1880–1958) — врач, жена видного деятеля партии эсеров, одного из редакторов «Воли России» В.И. Лебедева (см. о нем примеч. 6 к письму 24). Участница восстаний в Свеаборге, Кронштадте и Севастополе в 1905-1907. После их подавления в 1908 эмигрировала. Окончила в Женеве медицинский факультет. В своих дорожных записках, возвращаясь на родину, Цветаева писала: «Все

время думаю о М<аргарите> Н<иколаевне>, только о ней, как хотелось бы ее — сюда, ее покой и доброжелательство и всепонимание» (НЗК II, 447). Перед отъездом в СССР в доме Лебедевых в Париже Цветаева оставила на хранение значительную часть своего архива, погибшую во время войны.

³ Съезд русских писателей в Праге (после съезда русских эмигрантских писателей в Белграде в апреле 1928) планировался, но не состоялся.

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
[23 декабря 1930 г.]¹

Дорогая Анна Антоновна!

Только два слова приветствия к наступающим праздникам — таким чудесным и таким вечным.

В Париже Рождество — витрины. Нынче видела вывеску игрушечного магазина: «A Jésus adolescent»².

Если бы не *наивность* — было бы кощунство.

К Новому Году напишу еще.

А пока — нежно целую.

МЦ

¹ Число проставлено по дате поздравления
А. Эфрон.

² У юного Иисуса (*фр.*).

[Поздравление Ариадны Эфрон, написанное на оборотной стороне ее рисунка]

Медон 23 декабря 1930.

Дорогая тетя Аня,

Поздравляю Вас и Вашу семью (включая кота Музика) с праздниками. Как у вас в Праге верно хорошо! А в Париже и снегу ни разу не было, так Рождество не очень чувствуется. Эту картинку я нарисовала для Вас, нравится ли Вам она?

Спасибо вам большое, большое за письмо — это не ответ на него, ответ будет потом.

Целую нежно всех.

Аля

[Видовая открытка:

Versailles. — Galerie des Glaces. Salle de la Signature de la Paix en 1919¹]

Медон, 31-го дек<абря> 1930 г.

С Новым Годом, дорогая Анна Антоновна! От души желаю Вам в нем: здоровья, силы на жизнь, здоровья Ваших, а главное — хотя бы скромных двух часов тишины в день.

И нам обеим — встречи.

Есть у меня для Вас маленький новогодний подарок, который получите несколько позже, когда разгрузится почта.

Обнимаю Вас и буду думать о Вас нынче под Новый Год.

МЦ

¹ Версаль — Зеркальная галерея. Зал, в котором был подписан Версальский мирный договор 1919 (*фр.*).

[Открытка с репродукцией портрета мадам де Помпадур кисти Мориса де Латура — новогодний привет Ариадны Эфрон и С.Я. Эфрона]

Дорогая тетя Аня, поздравляю с Новым годом Вас, Вашу маму и сестру, и также кота Муцика.

У меня к Вам большая просьба: не могли бы Вы мне прислать несколько открыток с чешскими и словацкими костюмами? Наша рисовальная школа собирает коллекцию фотографий костюмов, и я была бы так рада принести им несколько карточек!

Очень, очень прошу Вас, если Вас это не затруднит!

Целую Вас и Ваших крепко, от всего сердца!

Ваша Аля

С Новым Годом, милая Анна Антоновна.

Прошу передать мои поздравления Вашей матушке и сестре.

С.Э.

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
22-20 января 1931 г.

Дорогая Анна Антоновна, сердечно рада, что дошло. Да, лилия бурбонская и вешичка старая, купила я ее на самой длинной улице Парижа — Vaugirard¹ — у старого учтивого антиквара, который всё никак не мог утешиться, что Avant-Guerre² ушло безвозвратно. А Avant-Guerre — для него — *des ballots de turquoises, d'ambre, de lapis-lazur*³, — словом, «жёмчуга — куры не клюют!» — как в сказке. Я, собственно, хотела Вам колечко — подходящего не оказалось — взяла медальон. Но в колечке не отчаиваюсь, только — нóсите ли Вы?

Живу средне. Единственное утешение — тетрадь и Мур. Аля совсем от рук отбилась, жду ее целыми днями из школы, возвращается когда хочет, несмотря на все мои просьбы и угрозы (NB! ЧЕМ — грозить??), всё свободное время (NB! МОЕ свободное время, т.е. когда бы она занималась хозяйством или гуляла бы с Муром, а я — писала) проводит у Лебедевых (помните, воле-российские, пражские?) с девочкой, с которой дружит. Дома — скучно, там — весело, дома — обязанности, там — веселье, дома — посуда, — там «чай пить». Дома — дома, там — «гости». Добиться *ничего* не могу. Магнит чужого уюта и собственного выбора. Так и сижу целые дни и вечера. Является: «мама, простите, но...» (и т.д.). Слова не держит никогда. Ей 17 лет, это и много и мало. Для наказаний — много, для примирения (моего) — мало. Люди живущие вместе должны считаться друг с другом, каких бы лет они ни были. «Приду в 2 ч<аса>». А приходит — в 6 ч<асов>. *Каждый* день. Богатые своих 17-летних дочерей отдают в швейцарские и немецкие пансионы, бедные — служить. И то, и другое — ПОРЯДОК. А что я могу? — Терпеть? — Но КАК Я ЭТОГО НЕ [подчеркнуто трижды] УМЕЮ! (Всю жизнь терплю, но — со сжрежом).

С<ергей> Я<ковлевич> рассеян, озабочен не тем — и еще меньше педагог чем я. В этом он мне не помощь, а — наоборот — пассивность своей — помеха. Кроме того, тут же при детях постоянно обрушивается на меня. — «Это (т.е. какое-нибудь распоряжение или требование мое) — идиотизм». С какой стати той же Але с этим требованием — считаться? Словом, так или иначе, виновата всегда — я.

Мур пока меня только радует: еще мне верит и со мной считается. Но — Соломонов перстень⁴ — И ЭТО ПРОЙДЕТ.

Стало быть остается — тетрадь.

С французским «Молодцем» пока ничего не вышло. Издательский кризис. Поэтов не издают совсем. 8 месяцев работы. — И иллюстрации Гончаровой (очень здесь известной) не помогли.

«Перекоп» (6 месяцев работы) — лежит. «В<оля> Р<оссии>» взять не может (Добровольчество!⁵), а «Современные Записки» даже не ответили. Такова же судьба вещи, которую сейчас (уже около года) пишу — поэма о Царской Семье. Всё это — на потом, когда меня не будет, когда меня «откроют» (не отроют!).

Друзей у меня, кроме Е.А. Извольской⁶, нет. С Гончаровой что-то остыло. М.Б. в обиде, что Аля поступила в школу? Держалось — моей работой о ней и ее с Алей, обе кончились. Приду — рада. Не зовет — никогда.

А Е.А. Извольская выше головы занята переводами и статьями, физически нет времени встречаться, видимся налету, на людях. Я бы хотела друга на всю жизнь и на каждый час (возможность каждого часа). — Вас. — Кто бы мне всегда — даже на смертном одре — радовался. Такого нет. Есть знакомые, которым со мной «интересно» — и домашние, которым со всеми интересно, кроме меня, ибо я дома: — посуда — метла — котлеты — сама понимаю.

Простите за: я, мне, меня, но правда — некому и не к кому!

Обнимаю Вас

МЦ

¹ Вожирар (фр.).

² Довоенное время (фр.).

³ Кучи бирюзы, янтаря, ляпис-лазури (фр.).

⁴ Соломон — царь Израильско-Иудейского царства в 965–928 до н. э. Согласно Библии, славился необычайной мудростью. Автор некоторых книг Библии, в том числе «Песни Песней». На его перстне были выгравированы слова: «Все проходит».

⁵ Добровольчество — от Добровольческой армии — котрреволюционная армия на Юге России во время Гражданской войны. Первоначально создавалась из добровольцев — офицеров, юнкеров, верхушки казачества, позже — путем мобилизации. Возглавлялась ген. М.В. Алексеевым, Л.Г. Корниловым, А.И. Деникиным. В октябре 1919 — марте 1920 была разбита Красной Армией, остатки деникинской армии вошли в состав армии ген. П.Н. Врангеля. «Добровольчество — это добрая воля к смерти... (Попытка толкования)» — такой эпитафия поставила М. Цветае-

ва к стихотворению «Посмертный марш» (1922; II, 92).

⁶ Извольская Елена Александровна (1897–1975) — переводчица, писательница; дочь государственного деятеля А.П. Извольского, посла России во Франции (1910–1917). Была близким другом Цветаевой, одна из инициаторов материальной помощи ей. Несколько раз обращалась к воспоминаниям (МЦВС II, 219–241). В «Поэте обреченности» она утверждает, что поэзия Цветаевой — отражение ее человеческой сути: «То Марина сравнивает себя с арабийским конем, то с юным офицером. Некая суровость сочетается с удалством, женская ласковость с мужественной, мужской твердостью. Она изображает себя то как неземное, эфирное существо, то как патетическую, необыкновенно возвышенную героиню, почти пророчицу. “Неужели Цветаева действительно была такой?” — спрашивает недоуменный читатель. На это я могу ответить: “Да, именно такой я ее знала.”» (МЦВС II, 234–235).

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
25-20 февраля 1931 г.

Дорогая Анна Антоновна!

Еще раз повторю Вам: живи я с Вами (хотя бы в одном городе, хотя бы в одной стране), у меня была бы другая жизнь, вся другая. Мое горе с окружающими в том, что я *не дохожу*. Судьба моих книг. Всякий хочет 1) попроще 2) повеселей 3) понарядней. Так одинока как это пятилетие я никогда не была. Дома я вроде «стража беспечности»¹ (как мне нравилось это чешское название!) — роль самая невыгодная. Весь день дозировать, направлять, и всё по мелочам. Иногда с горечью думаю: все у меня в доме и все вокруг более «поэты», чем я. У меня от «поэзии» — только моя несчастная тетрадь.

У меня нет человека, к которому бы я могла придти вечером, сбыв с плеч день, который, раскрыв дверь, мне непременно обрадовался бы, ни одного человека, которого не надо бы предварительно спрашивать: можно ли? Я ЗДЕСЬ НИКОМУ НЕ НУЖНА.

Есть — знакомые. Но какой это холод, какая условность, какое висение на ниточке и цепляние за соломинку. Какая нечеловечность.

— Помните, я Вам писала о начинающейся дружбе с переводчицей Извольской — вместе жили в Савойе, соседи по Мёдону. И вот, 2-го янв<аря> узнаю от нее, что выходит замуж — в Японию! Сорок суток езды морем, не говоря уже о моем паническом страхе перед ним, — никогда не забуду часового-с четвертью переезда в Англию. Не говоря уже о визах, о 5 тыс<ячной> цене билета, о семье, которая мне — даже не боясь я моря и получи я деньги и визы с неба — никогда не даст.

Просто — человек уезжает безвозвратно.

— Гончарова. С Гончаровой дружили, пока я о ней писала. Кончила — ни одного письма от нее за два года, ни одного оклика, точно меня и на свете нет. Если выдалась — по *моей* воле. Своя жизнь, свои навыки, я недостаточно-глубоко врезалась, *нужной* не стала. Сразу заросло.

Про мужчин и не говорю. *Плохие* друзья! Тот же М<арк> Л<ьвович>. Виделись раз — час. Разговоры о литературе, равнодушные. Даже не «что пишете?», а «что из того, что пишете, подойдет для “Воли России”?» Что я для него? Сотрудник.

Когда С<ергей> Я<ковлевич> в прошлом году уезжал в санаторию, у нас *месяца*ми никого не было. Дверь молчала, а если стучала, то — либо газ, либо электричество.

Будь я в Праге или Вы в Париже, я бы вечерком забежала к Вам, просто — забежала: почитать написанное, послушать Вас — о Вашем детстве, о прежней Праге, о *Ваших* бедах с новой жизнью. Если бы Вы знали как я люблю *слушать* и как редко — стóбит, т.е. как редко люди хотят и умеют пользоваться этим моим даром.

Я всю жизнь, с детства тянулась к людям старшим и лучшим меня. Скучала: сначала с детьми, потом с подростками, потом с молодежью, ныне — с людьми нынешнего моего возраста, завтра — с завтрашнего.

Как бы мне хотелось кого-нибудь доброго, мудрого, отрешенного, никуда не спешащего: человека-*не* автомобиля, -*не* газеты («Quotidien»²).

С писательскими делами мои <ми> — не лучше. 1928 г. — 1931 г. Из всего написанного напечатана только моя Гончарова, которую Вы знаете. «Перекоп» (6 мес<яцев> работы) и французский «Молодец» (8 мес<яцев>) — лежат. Первого не взяли ни «В<оля> Р<оссии>», ни «Совр<еменные> Записки», ни «Числа»³. Второго («Le Gars»⁴) слушало несколько поэтов, хвалили все, никто пальцем не двинул. «Отнесите туда-то, но будьте готовы к отказу» (на-днях, один из редакторов⁵ «Nouvelle Revue Française»⁶). Спрашивается — зачем тогда нести?

Не зарабатываю *ничего*.

«Перекоп» мне один знакомый⁷ перепечатывает на машинке, как кончит пришлю Вам оттиск, в печатном виде Вы его никогда не увидите⁸.

Очередное, даже сегодняшнее. М<арк> Л<ьвович> настойчиво просил меня статьи для 1-го № «Новой Литературной Газеты»⁹. Написала о новой детской книге¹⁰ — там, в России, о ее богатстве, сказочном реализме (если хотите — почвенной фантастике), о ее несравненных преимуществах над до-школьной литературой моего детства и — эмиграции. (Всё на цитатах). Но тут-то и был «Hund begraben»¹¹. Нынче — письмо: статьи взять не могут, п.ч. де и в России есть плохие детские книжки.

Писала — даром.

(NB! В статье, кстати, ни разу «советская», — всё время: русская, ни тени политики, которая в мою тему (до-школьный ребенок) и не входила).

Деньги, на к<отор>ые издается газета, явно — эмигрантские. Напиши мне Слоним так, я бы смирилась (NB! не стóю же я — эмигрантских тысяч!), так я — высокомерно и безмолвно *отстраняюсь*.

Всё меня выталкивает в Россию, в которую я *ехать не могу*. Здесь я *не нужна*. Там я *невозможна*.

Таковы мои дела. Мура отказались принять в детскую (дошкольную) школку из-за РОСТА. (Принимают до 7-ми лет, ему тогда не было 6-ти). Аля на целые дни уезжает. Работает вяло. Дома ей скучно, я страшно измучена их вечными ссорами и, вообще, жизнью, — громкий смех (ха-ха-ха!) страшно раздражает, м.б. потому что никогда сама так не смеялась. — «Вы хотите, чтобы мне было 30 лет». В ответ — молчу.

К довершению всего, у меня на почве общего истощения (ходила в клинику, смотрел при 20-ти студентах профессор) вылезла половина брови, — прописал массаж и мышьяк: ничего не растет, так и хожу с полтора бровями. Но к этому отношусь созерцательно, ничего, кроме иронии, не чувствую. Точно *не моя*.

Одна радость: скоро весна. Зима была бесконечная, грязная, без снега, с вечным дождем, пресловутый «*climat doux*»¹² Парижа.

Чувство, что замерзла до дна души.

— Пишите о себе, дорогая Анна Антоновна, о здоровье, работе, самочувствии, семье, душе.

Когда-то увидимся?

Целую Вас нежно.

Читали ли Вы замечательного ПЕТРА I — Толстого?¹³ («отор>ый в России).

МЦ

¹ Страж безопасности (*stráž bezpečnosti* — чеш.); *бука.*: охрана безопасности; *здесь*: полицейский, страж порядка.

² *Ле Котидьен* — ежедневная французская газета правой ориентации.

³ *Числа* — литературно-художественные сборники, выходившие в Париже в 1930–1934 под ред. И.В. де Манциарли (первые 4 выпуска) и Н.А. Оцуа (всего вышло 10 номеров).

⁴ См. примеч. 6 к письму 61.

⁵ *Парен Брис* (*Parain*; 1897–1971) — писатель и философ, член редколлегии «*Nouvelle Revue Française*», крупнейшего литературного еженедельника Франции, выходившего в Париже в 1909–1986.

⁷ *Н.П. Гронский* — см. примеч. 3 к письму 42.

⁸ См. примеч. 2 к письму 46.

⁹ *Новая литературная газета* (правильно: *Новая газета*) — двухнедельник литературы и

искусства. Ред. М.Л. Слоним. Выходила в Париже, было выпущено пять номеров (1931). Цветаева дважды отвечала на вопросы анкет, предложенных писателям этой газетой (Новая газета. 1931. № 1, 2; IV, 625).

¹⁰ *О новой детской книге — О новой русской детской книге*. Цветаева высоко оценила издаваемые в СССР книги для детей, ей импонировало отсутствие «лжефантастики» и «удушливо-слащавого быта детской». Опубл.: *Воля России*. 1931. № 5/6 — в дискуссионном порядке (V, 324–328).

¹¹ Собака зарыта (*нем.*).

¹² Мягкий климат (*фр.*).

¹³ *Толстой Алексей Николаевич* (1882/1883–1945) — русский советский писатель. Речь идет о первой книге романа «Петр I».

Мёдон, 27-го февраля 1931 г.

Дорогая Анна Антоновна!

Вот уже поистине — пришла беда раскрывай воротá!

Я попала в самую настоящую беду.

На следующий же день после моего письма к Вам — неужели только вчера? — получаю банковский конверт. Вскрываю: дирекция просит зайти для ликвидации какого-то дела. — ? — Вчера же еду, и —

24-го декабря я получала по чеку деньги, и они *ошибкой* вместо 6 фунт<ов> выдали мне 10 ф<унтов>, т.е. вместо 750 фр<анков> — 1250, т.е. я *им должна 500 фр<анков>*. Расписка этой операции у них на-лицо.

Дело в том, что я, когда получала, не посмотрела на чек, просто — дала, и когда получила больше, просто обрадовалась: д<олжно> б<ыть> на этот раз прислали не 6 фунт<ов>, а 10.

А теперь — надо отдавать. Срок по 1-ое апреля, листок мне пришлось подписать, единственное, чего я добилась — платежа частями.

С<ергею> Я<ковлевичу> я, конечно, ничего не сказала: извелся бы, тем более что достать ему не у кого, и так еле наскреб на учение (курсы кинематографической техники). Если бы он знал, что я подписала такую бумагу, он бы с ума сошел от ужаса, а что мне было делать? Они могли бы меня еще обвинить в злостном воспользовании их ошибкой, — ведь нужно быть *мною*, чтобы не посмотреть на чек!

Главное горе в том, что этот чек был *последний*, что помогавший нам Св<ятополк> Мирский («Вёрсты» — критик) больше помогать не может. (Потому-то я и подумала, что в последний раз прислал больше!)

Что у него-то просить, ему рассказывать всю эту историю — совершенно невымыслимо. Он, кажется, то немногое, что имел — потерял на каких-то бумагах.

Словом, умоляю Вас, дорогая Анна Антоновна, каким-нибудь чудом достать мне половину этой суммы — т.е. 250 фр<анков>. *После вечера (будет весной) отдам.* Вечер, какой ни на есть, всегда дает 1½ тыс<ячи> франков.

Боюсь, что если долго не буду платить, они мне опять напишут, и С<ергей> Я<ковлевич> всё узнает, — конверт с печатью банка.

Из чешск<ого> иждив<ения> я пока получила только за январь, и когда следующее — неизвестно. Мы кругом должны, и в лавке и знакомым. Взять негде, а в тече-

ние месяца должно быть уплочено всё, т.е. все 500. Если бы Вы мне достали половину, я бы как-нибудь («Воля России», займы) достала бы вторую. Одна — я утону.
Хорош чиновник! Хороша я!

И ответное письмо и, если достанете, деньги — по адресу:

Madame Nina Svistounoff¹

1, Avenue de la Gare

Meudon — Val-Fleury

(S. et O.)

На письме можно пометку: для МЦ, на переводе — два слова там, где пишут: для М.И.

Об этом дома не должен знать никто.

Обнимаю Вас. Простите.

МЦ

¹ *Свистунова Нина Александровна* — дочь члена Государственной думы А.М. Масленникова, соседка Цветаевой в Мёдоне, жена *Свистунова Бориса Владимировича* (1884–1933),

бывшего полковника Генерального штаба. Происходил из дворян Тверской губернии. Монархист.

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
12-20 марта 1931 г.

Дорогая Анна Антоновна!

Открытку и коробку получили — сердечное спасибо. Точно гора (содержание открытки) с плеч свалилась! Мне помогают только женщины, — так, впрочем, было всю жизнь.

Пытаюсь устроить свой «Перекоп» в «Россию и Славянство»¹, — боюсь только платить не будут: очень бедны. И дайте мне добрый совет: как по-Вашему, не прекратят ли Чехи иждивение из-за моего сотрудничества — т.е. напечатания вещи — в *правом* органе? Но что же мне делать, когда ни «Совр<еменные> Записки», ни «Числа», ни «Воля России» не берут? В «России и Славянстве» сотрудничает Бём.

Об иждивении: другие писатели получили извещение, что иждивение кончилось, я получила анкету, которую, заполнив, отослала. Прошло два месяца — ничего. Тогда я обратилась к Марку Львовичу, он очевидно напомнил обо мне, и я получила деньги с пометкой: *пока что за январь*. С тех пор — ничего, т.е. за февраль и март — ничего.

К М<арку> Л<ьвовичу> обращаться не хочется из-за истории со статьей² (казал и не принял), обращаюсь, дорогая Анна Антоновна, к Вам. Другие писатели уверяют, что иждивение мне осталось, ибо я не отказ получила, а анкету. М<арк> Л<ьвович> достоверно говорил мне, что оставлено мне и, кажется, еще Ремизову. В чем дело? Почему не шлют? Расскажите о моем положении: больной муж, двое детей, издательский кризис, — жить не на что. Без этих денег мы пропадем.

Сначала ждали каждый день, должны в счет, теперь и ждать перестали.

НЕ ПОЛУЧЕНО ЗА ФЕВРАЛЬ И МАРТ. (Всегда присылали 3-го-4-го).

Не считите это за письмо: очередной бытовой вопль!

Конфеты чудные, угощали ими вчера писательницу Извольскую — ту, что выходит замуж в Японию. Вспоминали с Алей давнишние времена: рождение Мура — нашу хижину во Вшенорах — Вас в нашей хижине. Помните?

Тому уже — шесть лет. Мур читает и пишет. Скоро напишет Вам письмо. Пока же:

[Рукой Мура — между двумя наливованными линиями — написано]
КОНФЕТЫ ЧУДНЫЕ МУР.

С<ергей> Я<ковлевич> выдержал письменный экз<амен> по кинематографии, в понедельник — устный, занятия серьезные.

Обнимаю Вас и благодарю, на днях напишу еще. Нужда ужасная.

МЦ

¹ *Россия и Славянство* — еженедельная газета. Орган национально-освободительной борьбы и славянской взаимности. Ред. К.И. Зайцев и др. Париж, 1928–1934.

² Слоним заказал Цветаевой для «Новой газеты» (см. примеч. 9 к письму 68) статью

любого содержания. Статья «О новой русской детской книге» не была принята: с точки зрения Слонима, автор перехваливал советские книги. Цветаева видела истинную причину отказа в том, что в статье она не хвалила эмигрантскую детскую литературу.

[Письмо Ариадны Эфрон]

Meudon 12 Mars¹ 1931

Дорогая тетя Аня,

Сегодня получили Вашу чудную коробку конфет — спасибо Вам огромное. Конфеты пришли в трудную минуту жизни, и поэтому они прекрасны вдвойне.

Мур вытащил самую большую, и в красной бумажке, а я — следующую по величине, оставивши папе с мамой размеры более скромные.

Сейчас у нас здесь, к удивлению французов, все время идет снег, и старые кварталы Парижа принимают вид моего любимого Рождественского города. Сэна², тоже не привыкшая к снегу, выступает из берегов и насквозь замерзшие, но не унывающие рыболовы стадами стоят на набережных.

Дорогая тетя Аня, простите, что пишу так мало, но надо воспользоваться на минутку проглянувшим солнышком, чтобы вывести Мура погулять.

Целую крепко и нежно Вашу маму, и сестру, и Вас самое, еще раз спасибо за такие дивные конфеты.

Привет Коту-Муцику

Ваша Аля

¹ Мёдон 12 марта (*фр.*).

² Сена (La Seine) — река во Франции. Течет по территории 14 департаментов, впадает в

пролив Ла-Манш. На Сене — города Париж, Руан, в ее устье — порт Гавр.

Meudon (S. et O.)
2, Av. Jeanne d'Arc
20-20 марта 1931 г.

От всей души спасибо, дорогая Анна Антоновна! *Уже внесено*. Если бы Вы знали какая гора с плеч! *Всё* сделаю, чтобы вернуть Вам, ибо именно у Вас не хочется взять, именно Вам хочется дать. Потому что я Вас люблю.

Весна моя начинается грустно: неожиданно в гостях узнала от приезжего из Москвы, что Борис Пастернак разошелся с женой — потому что любит другую¹. А другая замужем, и т.д. Боюсь за Бориса. В России мор на поэтов, — за десять лет целый список! Катастрофа неизбежна: во-первых муж, во-вторых у Б<ориса> жена и сын, в-третьих — красива (Б<орис> будет ревновать), в-четвертых и в главных — Б<орис> на счастливую любовь неспособен. Для него любить — значит мучиться.

Летом 26-го года, прочтя где-то мою «Поэму Конца», Б<орис> безумно рванулся ко мне², хотел приехать — я отвела: не хотела *всеобщей* катастрофы. (Годы жила мечтой, что увижусь). Теперь — пусто. Мне не к кому в Россию. Жена, сын — чту. Но *новая* любовь — отстраняюсь. Поймите меня правильно, дорогая Анна Антоновна: не ревность. Но — раз без меня обошлись! У меня к Б<орису> было такое чувство, что: буду умирать — его позову. Потому что чувствовала его, несмотря на семью, совершенно одиноким: моим. Теперь мое место замешено: только женщина ведь может предпочесть брата — любви! Для мужчины — в те часы, когда любит — любовь — всё. Б<орис> любит ту совершенно так же, как в 1926 г<оду> — заочно — меня. Я Б<орису> написала: «Если бы это случилось пять лет назад... — но у меня своя пятилетка!»

Острой боли не чувствую. Пустота.

Обрываю. Надо в город. Горячо и верно люблю Вас, упорно надеюсь на встречу, с Вами я была бы счастлива. Может быть — всё-таки увидимся?

Спасибо за всё. Пишите опять домой.

М.

С чешским иждивением пока — ничего. Получила только за январь. Нынче 20-е марта.

¹ Брак Пастернака с Евгенией Лурье был зарегистрирован 24 января 1922. 23 сентября

1923 родился их сын Евгений. К 1930 относится начало романа Б. Пастернака с женой его

друга Генриха Нейгауза — Зинаидой. В январе 1931 Пастернак ушел из семьи. Информация о Пастернаке исходила от писателя Бориса Пильняка (1894–1938), который по дороге в Америку гостил в Париже у французского писателя Шарля Вильдрака (1882–1971).

² Б. Пастернак — о «Поэме Конца» (см. примеч. 3 к письму 34). «Ехать ли мне к тебе

сейчас или через год?» — спрашивал Б. Пастернак в письме от 20 апреля 1926. *Цветаева М., Пастернак Б.* Души начинают видеть: Письма 1922–1936 годов. М., 2004. С. 188. М. Цветаева его остановила — «отвела» (ок. 28 апреля 1926; Там же. С. 189).

Meudon (S. et O.)
2, Av. Jeanne d'Arc
3-го июня 1931 г.

Дорогая Анна Антоновна! Наконец мой вечер¹ позади и я могу Вам написать.

Но до рассказа о всех событиях — вечере, отъезде Е.А. Извольской, новой дружбы с другой Еленой² — хочу сказать Вам, что Вы в моей жизни присутствуете непрерывно, что — а этого кажется не могу сказать никому, кроме Вас, — хотела бы не встречи с Вами, а жизни с Вами.

Нынче на Колониальной выставке³ (весь Париж перебивал, я — кажется — последняя) меня взяла острая тоска по Вас, под пальмами, в синем тумане *настоящих* тропик. Сколько тут дам и господ ходит, сколько аппаратов щелкают, запечатлевая всё тех же дам и господ — таких случайных! — а Вас, которой все это: Индо-Китай, Судан, Конго и т.д. — так много бы дало и которая, этим, всему (и мне!) так много бы дали — нету. И, проще: всегда, когда вижу что-нибудь красивое, редкое, настоящее — думаю о Вас и хочу видеть это с Вами. (Боже, до чего слабое, должно быть, мое хочу во всем, кроме работы! До чего я для себя не умею хотеть!)

Дома у меня жизнь тяжелая⁴ — как у всех нас — мы все слишком особые и слишком разные: коллекция, а не семья! каждому нужно — физически — место, к <отор>го нет: все друг у друга под локтем и под боком: трения, раздражение. С работой у меня весь этот «школьный год» (конечно — школа!) тоже не блестяще: Аля много в Париже из-за — *своей* школы, я с Муром, который *труден*, — кроме того, пишу вещь, которая при невероятной трудности осуществления (сколько раз — бросала!) никому не нужна — поэму о Царской Семье. Не только не нужна, но вот нынче письмо из Лондона от незнакомой мне знакомой моей московской сестры: умоляет — во имя сестры — ничего «такого» не печатать, иначе той грозит высылка на Соловки⁵.

Это отнимает у меня последний кураж. Слишком много у меня и так уж «по-смертным сочинений».

И вот, возвращаясь к Вам — к нам — ЕСЛИ БЫ ВЫ ЖИЛИ В МЁДОНЕ!..

Всё окружение считает меня сухой и холодной, — м.б. и так — жизнь, оттачивая ум, — душу сушит. И потом, знаете в медицине: подавленный аффект, напр <имер> горе или радость, сильная вещь, которой не даешь ходу, в конце концов, человек остро-заболевает: либо сильнейшая сыпь, либо еще какой-нибудь внешний знак *потрясения*.

Так вся моя взрослая жизнь: *force refoulée, désir créateur — refoulé*⁶, что я иного в жизни делаю как *не-пищу* — когда мне хочется, а именно: все утра моей жизни?! 14 лет подряд.

Это *тоже* холодит и сушит.

Сердечно рада, что мои скромные подарки понравились, как охотно послала бы их Вам *через себя*, т.е. чтобы — из рук в руки!

У нас не лето и не весна, не знаю что, нынче 3-ье июня, и с весны пятый хороший день. Нет куражу и на летние мечты: денег вечер принес мало, п.ч. полный зал был полон 5-франковыми, а не 25-ти франковыми слушателями (т.е. любящими, а не нелюбящими!). На лучший конец — тысяча фр<анков>, из к<отор>ых немедленно нужно изъять квартирный налог (575 фр<анков>!) и газ (около ста). Немного останется. И — не умею я устраиваться!

Пишите о себе: сняли ли дачу, где, когда едете? Вам-то необходимо после такой трудовой зимы!

— М.б. в будущем году свидимся? М.б. не я в Чехию, а Вы в Париж? Обнадёжьте!

Вот ничего и не написала Вам о событиях, очевидно дело не в них. Очень тороплюсь, пользуюсь сном Мура, а то — опять гулять по тем же — сначала камням, потом тропинкам. Насколько я больше любила вшенорский лес! Всю ту жизнь, по которой никогда не перестану тосковать.

Обнимаю

МЦ

Аля напишет отдельно, а пока нежно целует.

Сердечный привет и память Вашим.

[К письму приложен пригласительный билет на литературный вечер в Париже]

Invitation

Soirée Littéraire

Marina Zvétaïéva

Samedi 30 Mai à 21 heures

6 bis, Rue Campagne Première⁷

¹ 30 мая 1931 Цветаева выступила с чтением стихов и очерка «История одного посвящения» (зал «Эвритмия», 6-бис, ул. Кампань Премьер, Париж XIV), обращенного к О.Э. Мандельштаму (см. примеч. 3 к письму 21). Очерк написан как полемика с поэтом Георгием Ивановым, опубликовавшим воспоминания о Мандельштаме (Последние ново-

сти. 1930. 22 февр.). При жизни Цветаевой напечатан не был. Оpubл. с комментарием М. Слонима (см.: Slavonic Papers. Oxford, 1964. № 11; IV, 130–158).

² *Другая Елена* — предположительно Елена Константиновна Цветковская или Елена Николаевна Арнольд.

³ Международная колониальная выставка проходила в Париже в мае—октябре 1931.

⁴ Отношения в семье были напряженными в связи с тем, что Сергей Эфрон собирался подать в Советское консульство прошение о гражданстве, чтобы вернуться на родину. Дочь одобрила выбор отца, Цветаева была против возвращения. Ее отъезд в СССР летом 1939 был продиктован особыми обстоятельствами (см. примеч. 2 к письму 122).

⁵ Соловки — Соловецкие острова в Белом море. Основанный в 30-х годах XV в. Соловецкий монастырь издавна был местом ссыл-

ки. В 1923—1939 на территории упраздненного монастыря располагались тюрьма и лагерь особого назначения, в основном для политзаключенных.

⁶ Подавленная сила, творческое желание — подавлено (*фр.*).

⁷ Пригласительный билет:

Приглашение
Литературный вечер
МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ
Суббота 30 мая в 21 час
6-бис, ул. Кампань Премьер

Meudon (S. et O.)
2, Av. Jeanne d'Arc
31 августа 1931 г.

Дорогая Анна Антоновна, спасибо за письмо и открытку с лесом, за любовь и память.

Живу из последних (душевных) жил, без всяких внешних и внутренних впечатлений, без хотя бы малейшего повода к последним. Короче: живу как плохо-действующий автомат, плохо — из-за еще-остатков души, *мешающей* машине. Как несчастный, неудачный автомат, как насмешка над автоматом.

Всё поэту во благо, даже однообразие (монастырь), всё кроме перегруженности бытом, забивающим голову и душу. Быт мне мозги отшиб! Живу жизнью любой мёдонской или вшенорской хозяйки, никакого различия, *должна* всё, что должна одна, и ничего не смею, чего не смеет она, — и многого не имею, что имеет она — и многого не умею. В тех же обстоятельствах (а есть ли вообще *те же* обстоятельства??) другая (т.е. не я, — и уже всё другое) была бы счастлива, т.е. — и обстоятельства были бы другие. Если утром ничего не надо (и главное, не хочется) делать, кроме как убирать и готовить, — можно быть, убирая и готовя, счастливой — как за всяким делом. Но несделанное свое (брошенные стихи, неотвеченное письмо) меня грызут и отравляют всё. — Иногда не пишу неделями (NB! хочется — *всегда*), просто не сажусь.

Реально: месяц этого лета налаживала поездку С<ергея> Я<ковлевича> в горы, две недели шила Муру 2 пары штанов, другие две налаживала Алин отъезд в Бретань (к Лебедевым, помните?) — потом ремонт квартиры: переделка кухни в ванную и ванной в кухню, — фантазия хозяйки, за которую нам надбавила по 100 фр<анков> в месяц — ремонт, т.е. чужие люди в квартире и по окончании работ груды известки, которую потом неделю выгребала. Наконец, возвращение С<ергея> Я<ковлевича>¹ и мысли (не только мысли, а письма, хождения: ВРЕМЯ!) — о его устройстве, попытки пока беспоследственные, ибо КРИЗИС и большинство кинематографических <афических> предприятий стоит.

Через месяц, т.е. 1-го Октября, очередной терм²: 1300 фр<анков> и неуплоченных налогов на 600 фр<анков>. Французский мой «Молодец» («Gars»³, работа 8-ми мес<яцев>) не понадобился никому. Проза в три листа «История одного посвящения»⁴ тоже лежит, ибо очередной № «Воли России» *пока не выходит*. (Очевидно, и у них «кризис».) И «Gars», и «История одного посвящения» должны были мне дать вме-

сте 2750 фр<анков>, — т.е. и терм, и налоги, и еще бы осталось на жизнь. Д.П. С<вятополк>-Мирский, все эти годы помогавший на квартиру, платежи прекратил. Другая знакомая⁵, собиравшая в Лондоне 500 фр<анков> ежемесячно, известила, что помогавшие больше не могут, но что она, пока, будет давать 300 фр<анков>.

Словом, если надеяться на чехов, в месяц у нас $300 + 375 = 675$ фр<анков> на четверых, когда одна квартира стóит 500 фр<анков>, не считая отопления (100 фр<анков>). Сейчас жили на остатки с вечера. И С<ережа>, и Аля были приглашены, т.е. стóила только дорога.

Вот мои внешние дела, ибо — клянусь Богом — моей души они не касаются. А о внутренних — в начале письма: нет времени на свою душу, где-то есть и просыпается при малейшей перемене — хотя бы погоды! — но лучше бы уж совсем не просыпалась: одна растрáva.

Стихи всё-таки писала: ряд стихов к Пушкину⁶, теперь — «Оду пешему ходу»⁷. Но — такая редкая роскошь (в России, даже Советской, я из стихов не выходила) — тропинка зарастает от раза к разу.

Не смогла дописать, спешно кончаю, обнимаю.

МЦ

Р. С. Если получите печатный (на машинке) листок⁸ — не удивляйтесь: Вам такие вещи не нужны, но другим они импонируют.

¹ В августе 1931 С. Эфрон провел две недели в Шато д'Арсин.

² Плата за квартиру (*терм* от *фр.* *тегте* — срок, плата по окончании определенного срока) взималась раз в три месяца.

³ *Мóлодец* (*фр.*).

⁴ См. примеч. 1 к письму 72.

⁵ *Андроникова-Гальперн Саломея Николаевна* (1888–1982). Покинула Россию в 1920. Жизнь ее в эмиграции проходила между Лондоном и Парижем. Была другом князя Д. Святополка-Мирского, с Цветаевой познакомилась в 1926. Организовала группу соотечественников, которые оказывали Цветаевой финансовую помощь.

⁶ *Стихи к Пушкину*: «Бич жандармов, бог студентов...», «Петр и Пушкин», «Станок», «Преодоление / Косности русской...», «Поэт и царь», «Нет, бил барабан...» (II, 281–290).

⁷ *Ода пешему ходу* («В век сплошных скоропадских...», «Вот он, грузов насипинных...», «Дармоедством пресытаться...») — Мёдон, 26 августа 1931 — Кламар, 30 марта 1933 (II, 291–294). По свидетельству Юрия Иваска, «Оду пешему ходу» планировалось напечатать в 1933 в «Последних новостях», она была уже набрана, но затем исключена из набора с обоснованием, что рядовой читатель ее не поймет (Письмо Иваска от 12 мая 1934 // Русский литературный архив. Нью-Йорк, 1956).

⁸ Листок не найден.

Мёдон, 14-20 сентября 1931 г.

Дорогая Анна Антоновна!

Наше положение прямо-отчаянное: 14-ое число, а чешского иждивения нет. Без него мы погибли. Меня не печатают *нигде* (очередной № «В<оли> Р<оссии>», где должна была пойти моя проза «История одного посвящения» — не вышел), С<ергей> Я<ковлевич> без места, Аля должна кончать школу. Нам не помогает *никто*.

Лавка, где мы брали в кредит (и всегда платили до копейки!) четыре года, точно что-то почуяв, внезапно и резко потребовала весь долг целиком — 230 фр<анков>. Это были мои последние деньги с вечера, — уплатила и раз навсегда покончила с кредитом. 1-го платеж квартиры — 1200 фр<анков>. У нас ничего: никаких надежд. Если бы чехи знали до чего я нуждаюсь, они бы у меня иждивения не отнимали.

По нашим средствам мы все должны были бы жить под мостом.

Пишу стихи — лирические (так я определяю отдельные, короткие, но в общем всё — лирика! что *не* лирика?!) — был ряд стихов к Пушкину (весь цикл называется «Памятник Пушкину»¹) — «Ода пешему ходу»² — «Дом»³ (автопортрет) — сейчас: «Бузина»⁴ (знаете такое дерево всё в мелких-мелких ядовитых красных ягодах, — растет возле заборов).

В общем, если бы печатали, если не выработывала бы — то: приработывала. А так — ничего: всё остается в тетради.

Будет время — перепишу и пришлю (даже если *не* будет времени!)

Умоляю, дорогая Анна Антоновна, попытайтесь отстоять меня у чехов. — Советно всегда просить, но виновата не я, а *век*, который десять Пушкиных бы отдал за еще-одну машину.

Обнимаю Вас и прошу прощения за несмолкаемые просьбы.

МЦ

¹ Окончательное название цикла — *Стихи к Пушкину*, были опубликованы в 1937, к столетию смерти поэта (II, 281–290).

² См. предыдущее письмо.

³ *Дом*. 6 сентября 1931 (II, 295–296).

⁴ *Бузина*. 11 сентября 1931, Мёдон — 21 мая 1935, Ванв (II, 296–297).

Meudon (S. et O.)
2, Av. Jeanne d'Arc
8-го Окт <ября> 1931 г.,

Сергиев день¹

Дорогая и Милая Анна Антоновна,

(Милая — нечаянно, а м.б. не-нечаянно написала с большой буквы: *нечаянно-го* — нет, кто-то или что-то за нас — *в нас* — чаёт)

И письмо и деньги и подписки — всё получили, подписки и деньги переданы кому следует, бесконечное спасибо, Вы мой самый верный друг.

Катастрофа нашего термина (трехмесячной квартирной платы) разрешилась благополучно, — и люди помогли, и как раз чешское иждивение пришло (сокращенное, но слава Богу, что вообще дают!) словом, сбыви эту гору с плеч и на три месяца спокойны. Я, вообще, за «grands efforts»² в жизни, — лучше сразу непомерное, чем понемножку — всё равно непосильное, ибо нам по нашему имущественному положению нужно было бы жить под мостом. Пишу Вам так подробно, п.ч. знаю, что Вы и *черновики* (любимых вещей!) любите.

Вся жизнь — черновик, даже самая гладкая.

Вернулась из Бретани Аля, привезла всем подарки: ей на ее именины мать ее подруги³ подарила 50 фр <анков>, — купила на все деньги шерсти и связала Муру и мне две чудные фуфайки, с вязанным рисунком, как сейчас носят — (и хорошо делают, что носят). Мне зеленую с белым ожерельем из листьев, Муру сине-серо-голубую, северную, в его цветах. На днях начнутся ее занятия в школе, берет три курса: иллюстрацию, гравюру по линолеуму (по дереву — не по средствам, обзаведение не меньше, чем 300 фр <анков>) и натуру. Очень старается по дому и вообще бесконечно-мила. *Очень* красива, выравнялась, не толстая, но крупная — вроде античных женщин. *Моей* ни одной черты, кроме общей светлоты. Мур растет, — 6 л <ет> 8 мес <яцев>, переменял четыре зуба, если не похудел так постройнел, мне почти по плечо. Нрав скорее трудный, — от избытка сил всё время в движении, громкий голос, страсть к простору — которого нет. Дети, а особенно такие дети, должны расти на воле. Французские дети ученьем замучены: от 8½ ч <асов> до 12 ч <асов>, перерыв на один ч <ас> и опять до 4 ч <асов> — когда же жить, играть, гулять? Дома уроки и сон, ни

на что не остается. Ребенок до 10 л<ет> должен был бы учиться три часа в день, а остальное время — расти. Согласны? Потому д<о> с<их> п<ор> не могу решиться отдать его в школу, ибо все школы таковы, утренних нет. Это моя большая забота, ибо растет без товарищей, которых страстно любит. Пишет и читает по-русски и читает (самоучкой) по-франц<узски>, начинает бойко (хоть неправильно) говорить. Как мне бы хотелось Вам, дорогая Анна Антоновна, их обоих показать! Когда [подчеркнуто дважды] увидимся??

С<ергей> Я<ковлевич> пока без работы — обещают — но при самой доброй воле трудно, — и французы без мест.

Обнимаю Вас нежно, скоро еще напишу — о той другой жизни, где мы с Вами никогда не расставались.

МЦ

Обо всем забыла спросить: как здоровье Ваше и Ваших? Планы на зиму? Есть ли интересные люди? Пишите *о себе*. Будет ли кто-нибудь помогать по хозяйству?

¹ *Сергиев день* — день памяти святого преподобного Сергия Радонежского.

² Непомерные усилия (*фр.*).

³ М.Н. Лебедева и ее дочь Ирина.

Медон, 18-го ноября 1931 г.

Дорогая Анна Антоновна!

Пишу Вам на сей раз *в паре с Муром*, письмо его совершенно самостоятельное и писал он его два дня, ибо особым прилежанием не блещет (думаю — естественное от-вращение от ремесла родителей).

Спасибо нежное за письмо, 1-го ноября особенно вспоминали Вас с Алей: *шести-летняя* годовщина нашего отъезда из Чехии.

Бежит — время??

О первоначальной школе и согласна и нет, — согласна бы ежели бы: не 40 человек в классе, а 10 (*группы*), не шесть часов сидения, а три — и *любящие люди*, а не чиновники. С Муром особенно сложно: ему и так проходу на улице не дают из-за роста, толщины, всей его *несхожести* с франц<узскими> детьми. В Чехии, где дети — дети, а не *красивые старички и старушки*, он был бы незаметен. Кроме того он мало знает французский и даже ответить не сумеет. Прибавьте к этому *мое* [подчеркнуто дважды] эмигрантское бесправие и мой *вовсе-не эмигрантский нрав*. —

Очень большая просьба, дорогая Анна Антоновна: уже 18-ое, а иждивения до сих пор нет, мы в ужасном положении. Нельзя ли справиться? Ведь навряд ли прекратят без предупреждения? Обыкновенно присылают 2-го, 3-го.

Переписываю сейчас свою большую статью «Искусство при свете совести»¹ — есть надежда, что возьмет «Воля России». Потому сегодня пишу так коротко.

Аля начала учиться гравюре по дереву — в Чехии этому делу, наверное, лучше учат.

Обнимаю Вас сердечно.

МЦ

Скоро напишу еще.

Заяц, про к<оторо>го Вам пишет Мур, — шоколадный, живет уже четвертый год, весь *поседел*.

¹ Впервые (с редакционными купюрами) опубл.: Современные записки. 1932. № 50; 1933. № 51; в пер. на сербохорватский (фраг-

мент статьи, но с включением глав, отсутствующих в русском тексте): Руски архив. 1932. № 18/19; V, 346–374.

[Письмо Георгия Эфрона]

милая тётя Аня ваш заяц жив патаму что я яво не сел. уменя уже миняются зубы 4 но-вах. Я помню Чехию наш дом лес с двух старон жолтый песок и реку.

Я нашол себе жену англичанку Я пазнакомелся ?? очинь просто bonjour Madame.

Она больше папы очень белакуаре у ниё есть bebe.

У нас есть кошка трёхцветная очень добрая и совсем не воруют Я много рас бывал на Колониальной выставке. ведал там скалу с обезьянами и семью львов. Ещё алжирцав и негров и ещё индо-китайцов. Там замечательные духи и бусы. Можот-быть мы к Вам приедим в гости на какое-нибудь Рождество. Я очень (любитил люблю технику и катаца на поезде. Я очень люблю книги. Привет Вам Мур.

милая тетя Аня вам за
мн, жив потому что я яво
не есл. У меня уже минуются
зубы 4 новах. Я помню те

* хито нам дом лес с двух
сторон желтый песок и реку.

Я нашел себе жену англи-
чанку я ~~уже~~ познакомился ? ! ?
очень просто вонюим Мавдаме.

а Она больше папы очень
Белая у нее есть вебе.

У нас есть кошка трех =

аля-миг
цветная очендо добрая и совсем не ворует.
ет. Я много рас бывал на Коло-
ниальной выставке. Везде там =
скалу с обезьянами и семью львов.
Еще алжирцев и негров и еще
индо-китайцев. Там замечатель-
ные духи и бусы. Можот - быть мы
к Вам приедим в гости на какое-
нибудь Рождество. Я очень люблю
любыю технику и катаю
на поезде. Я очень люблю кни-
ги. Привет Вам Мур.

Мёдон, 1-го января 1932 г.

С Новым Годом, дорогая Анна Антоновна! Пишу Вам на странице своей рукописи¹, которой и кончила старый, которой и начала новый год.

Весной будет ровно десять лет как я уехала из России, летом — ровно десять лет как приехала в Чехию, осенью (1-го ноября) — ровно семь лет как уехала из Чехии, т.е. приехала во Францию. А — странно: Чехия — как период времени в моей памяти гораздо больше, чем Франция, я бы сказала: в Чехии пробыла семь, в Париже — три. Франции, несмотря на всё (этому всему — знаю цену!) я всё-таки как-то *не* полюбила, может быть потому что мне ее — душевно — нечем помянуть. Настоящих друзей здесь у меня не было, были кратковременные дружбы, не выжившие. Единственный человек, которого я здесь по-настоящему полюбила, который меня во Франции по-настоящему полюбил, была Елена Александровна Извольская, которая уехала — замуж в Японию, я Вам об этом расставании писала. Во Франции — за семь лет моей Франции — выросла и от меня отошла — Аля. За семь лет Франции я бесконечно-остыла сердцем, иногда мне хочется — как той французской принцессе перед смертью — сказать: *Rien ne m'est plus. Plus ne m'est rien*².

Кроме Мура: очень сложного и трудного, но пока (тоже на какие-нибудь семь лет) во мне нуждающегося. После этих семи — или десяти лет — я уже на земле никому не нужна, м.б. тогда и начнется моя настоящая: одинокая и уединенная жизнь, которая у меня кончилась *с семнадцати лет*. Может быть, я тогда напишу еще несколько хороших вещей, может быть одну вещь: *мою*. Я пока еще живу на старый — отчасти российский, отчасти чешский — капитал (смешно звучит — от меня — да еще в эту зиму!), Париж мне душевно ничего не дал. Знаете, как здесь общаются? Гостиная, много народу, частные разговоры с соседом — всегда случайным, иногда увлекательная беседа и — прощай навсегда. Так у меня было много раз, потом перестала ходить (пишу о французах). Чувство, что всякий всё знает и понимает, но занят целиком собой, в литературном кругу (о котором пишу) — своей очередной книгой. Чувство, что для тебя места нет. Так я недавно целый вечер побеседовала с Alain Gerbault³, знаменитым одиноким путешественником (*A la poursuite du soleil*⁴). И — что же? Да то что самая увлекательная, самая как будто — душевная беседа француза ни к чему не обязывает. Безответственно и беспоследственно. Так, как говорит со

* Это письмо было отослано вместе с письмом от 27 января (№ 78).

мной, говорит с любим, я только подставное лицо, до к<оторо>го ему никакого дела нет. Французу дело до себя. Это у них называется искусством общения.

Эх дружба, любовь двухдневная —
И забвеньё на тысячу дней!
Короткая память душевная
У здешних людей...

Так писала в 1912 году одна молодая поэтесса⁵ о Петербурге, точь-в-точь это же говорю в 1932 г. о Париже — я. Может быть это, по существу, сказано о всей стране здесь (das Hier-Land⁶).

А может быть всё это оттого, что я никому не хочу *нравиться* и (именно потому —) не нравлюсь, может быть *дело во мне*. Не сомневаюсь, что те же французы с другими русскими... Но я бы не хотела быть — теми другими русскими...

А от русских я отделена — своими стихами, которые никто не понимает, своим своемыслием, которое одними принимается за большевизм, другими — за монархизм или анархизм, своими особыми взглядами на воспитание (все меня тайно осуждают за Мура), опять-таки — всей собой.

Ехать в Россию? Там этого же Мура у меня окончательно отобьют, а во благо ли ему — не знаю. И там мне не только заткнут рот непечатаньем моих вещей — там мне их и писать не дадут.

Словом, *точное* чувство: мне в современности *места нет*. Дали бы на выбор — взяла бы самый маленький забытый старый городок, где угодно, лучше всего — нигде, с хорошей школой для Мура и близкой окраиной — для себя. Так я могла бы прожить до смерти. Но этого у меня не будет.

И всё-таки, дорогая Анна Антоновна, с Новым Годом! Простите за эгоцентризм письма, но мне всё это *некому* сказать. Простите — если омрачила.

1-го (Господи, забыла, что это 1-ое нынче!) 1-го — терм, надо заплатить 1300 фр<анков>, у нас — 300 фр<анков>. Что будет — не знаю. 17-го читаю доклад⁷ (свой первый в жизни!) «Поэт и Время», — главу своей статьи «Искусство при свете совести» — м.б. заработаю франков 300 — дай Бог. С<ергей> Я<ковлевич> опять без работы и положение отчаянное. Из Праги, пока, об окончании иждивения не предупредили. Что-то будет?

Обнимаю Вас от души, желаю в Новом Году здоровья и душевного покоя, удачи в работе, — всего, чего себе! И — больше чем себе!

Пишите, не забывайте, сопутствуйте душевно. Я еще более одинокий путешественник, чем Alain.

Марина

¹ *Искусство при свете совести.*

² Больше мне ничего не остается. Больше для меня ничего нет (*фр.*) — так ответила французская королева Мария Антуанетта перед казнью на предложение съесть приготовленный для нее суп.

³ *Жербо Ален* (Gerbault; 1893–1941) — французский писатель, совершил одиночное плавание вокруг света на парусной лодке, отправившись 6 июня 1923 из Гибралтара и вернувшись 21 июля 1929 в Шербур. Свое путешествие описал в пяти книгах.

⁴ В погоне за солнцем (*фр.*).

⁵ См. примеч. 5 к письму 53.

⁶ Здесь—страна (*нем.*).

⁷ Доклад состоялся 21 января 1932 в Театре Мютюалитэ (ул. Сен-Виктор, 24). Эссе опубл.: Воля России. 1932. № 1/3 и в переводе на сербохорватский: Руски архив. 1932. № 16/17 (V, 329–345). На доклад в качестве

собеседников были приглашены В. Андреев, Н. Бердяев, И. Бунаков, В. Вейдле, Е. Зноско-Боровский, Л. Карсавин, Н. Оцуп, Б. Поплавский, М. Слоним, В. Сосинский, Г. Федотов, А. Эйснер (Последние новости. 1932. 14 янв.). Большинство из них не пришли (см. письмо М. Цветаевой от 27 января 1932). 17 января «Последние новости» сообщили о содержании доклада: «Большой поэт неизбежно современен. Что такое современность? В какую минуту и почему поэт перестает быть современным? Поэт в эмиграции и поэт в советской России. Всякий поэт по существу эмигрант. Обыватель и новое искусство. Причина гибели Есенина. Быть современным — творить свое время. Что такое время и почему я должна ему служить?» Тот же доклад Цветаева прочла в Брюсселе в марте 1932 в Клубе русских евреев, куда была приглашена его членами.

Мёдон, 27-20 января 1932 г., среда

— Есть, кроме обычного малодушия неписания еще особое малодушие: неотсылки. У меня так: если не отошлю тотчас же — не отошлю никогда. Нынче, разбирая бумаги и обнаружив целых четыре страницы мелкописи уж хотела было — разом в печь, со всем и ко всем остальным — и — одумка: письмо-то, по-существу, не мое, а Ваше. Да еще (хотя и мрачное) поздравление с Новым Годом, с которым — выходит — не поздравила, — а может быть он-то и есть счастливый?! — к которому — выходит — не пожелала, а может быть он-то и есть — тяжелый, в пожеланиях нуждающийся??

Словом, люблю и помню, поздравляю и желаю, и в Чехию — рано или поздно — но *вернусь* непременно, и непременно — к Вам. Вы знаете, дорогая Анна Антоновна, я, обратно всей нашей семье, гостить *не* умею: дико томлюсь! Необходимостью собственной любезности и внешней благодарности, мыслями, а часто и вымыслами — что я — в тягость, чужим распределением дня, всей чужой (хотя и доброй!) надо мной волей. А у Вас бы я гостить сумела, у Вас бы я даже не заметила, что гощу! К Вам бы я приехала *домой*, в мир Зигрид Унсед и ее героев, не только в их мир и в их *век*, но в их особую душевную страну такую же достоверную как Норвегия на карте.

Я знаю что я оттуда. Я там всё *знаю*. Я знаю что и Вы оттуда, я и Вас там узнаю, я и это *там* в Вас узнаю. *Мы с вами люди одной породы*, без всякого иносказания: *горной*. Люди гор. Суровые. Как было в России суровое полотно, суровый холст — из которого *кому-то* (не нам!) паруса. Которые *не* рвутся. (И вот — мысль: на парусах моих стихов все выплывут в открытое море, кроме меня. Ибо я только ткач, ткач который *сидит*).

Зигрид Унсед. Sigríd Unsed: Der Kranz — Die Frau — das Kreuz¹. И вот — внезапное озарение: кто же мне подарит эти книги как не Вы, которая их — почти-что писали и *совсем* жили?! Не все. *Вторую часть: die Frau*. Первую мне, я почти уверена, подарит один здешний молодой поэт², к<отор>ый был в VII кл<ассе> Тшебовской гимн<азии>, когда Аля поступила в I кл<асс>. Еще совсем не поэт: только начинает учиться рифмовать, но — благородное сердце, без чего *поэта* — *нет*. У нас с ним общая любовь — Рильке, с той разницей, что *его* любимая вещь — Cornet³, т.е. его собственный юношеский возраст. До всего Р<ильке> ему остается расти всю жизнь, а м.б. и несколько. — Вот на этого рильковского читателя (горячо любит мои стихи) у меня и надежда, что подарит I ч<асть> «Der Kranz». Хочу непременно по-немецки,

на франц<узском> эта вещь просто не мыслится. Читала я трилогию два года с лишним назад, *жила* ее. А просила подарить уже два раза — и оба раза безнадежно: первый человек просто не отозвался, второй пообещал — и всё. Знаю, что все три тома продаются отдельно, глазами видела здесь, в немецком магаз<ине> и естественно не могла купить. Мы в *полной* нищете, за кв<артиру> не плачено (послали из 1300 фр<анков> — 700 фр<анков>, пока, хозяйка вернула обратно, желая сразу всё, естественно, начали тратить, ибо жить нé на что, чехи не едят и не шлют, литер<атурный> отдел «В<оли> России» кончился, печататься негде, С<ергей> Я<ковлевич> без работы, ищет, обещают — ах!). Но вот потому-то, из-за того-то и хочу трилогию, чтобы рядом с *этой* жизнью шла *другая* жизнь: моя! О Kristin Laurinstochter мечтаю третий год, сейчас эта мечта дошла до *тоски*. Половину бы своих книг (у меня есть очень хорошие!) за нее отдала.

21-го был мой доклад «Поэт и Время». В зале ни одного свободного места, слушали *очень* расположенные, хотя говорила я резкие правды. Характерно, что из всех приглашенных для обмена мнений людей старшего поколения, всех представителей времени (философов или *возле*) пришел только шахматист и литер<атурный> критик Зноско-Боровский⁴. Ни одного философа, ни одного критика. *Только* поэты. Трогательно выступил (из публики) старичок Сергей Яблоновский⁵ (лет за семьдесят), увидевший во мне (и моем докладе) — свет — правдивость — бесстрашие (*его* слова). Очень горяч был молодой поэт А. Эйсер. В четверг иду на его доклад в «Кочевье» «Генеральная линия современной литературы». Он молод и trägt seine Jugend hoch⁶.

— Заработок 450 фр<анков>, за зал — 100 фр<анков>, итого 350 фр<анков> — 100 фр<анков> налог, 100 фр<анков> газ, остальное по лавкам. А я-то мечтала о хотя бы одном томе Sigrid!

Муру 1-го — 7 лет. Разговор. С<ережа> — мне: «Странные это стихи “Трусоват был Ваня бедный”⁷, совсем не в пушкинском»... Мур: — «Стиле». Я: — Что такое стиль? — Мур: — Качество. — Я: — А что такое качество? — Мур: — «Крепкий — слабый, твердый — мягкий. Такое». Наряду с этим *воплне* ребенок, обожает книжки с картинками, игрушки и т.д. Аля продолжает идти первой в школе.

Сейчас пойдем с Муром опускать это письмо.

Обнимаю от всей души и любви.

МЦ

¹ См. примеч. 5 к письму 63.

² А.С. Штейгер. См. о нем примеч. 1 к письму 112.

³ *Корнет* — ритмизированная новелла Райнера Мария Рильке *Песня о любви и смерти корнета Кристофа Рильке*.

⁴ *Зноско-Боровский Евгений Александрович* (1884—1954) — драматург, литературный и театральный критик; шахматист. До революции (1909—1917) был секретарем петербургского журн. «Аполлон». В эмиграции с 1920. Сотрудничал в журн. «Воля России», «Театр и

искусство», «Новая русская книга», газ. «Дни» и «Сегодня». Автор рец. на сб. М. Цветаевой «Ремесло» (МЦКС I, 167–170).

⁵ *Яблоновский Сергей* (наст. фам. Потресов Сергей Викторович; 1870–1953) — поэт, журналист, театральный критик. С 1901 по 1917 — сотрудник редакции газ. «Русское слово» (Москва). Руководитель литературных «вторников» Московского художественного театра. В эмиграции с 1920. Преподавал русский язык и был председателем педагогиче-

ского совета русской гимназии в Тель-Эль-Кебуре (Египет). Позже преподавал русский язык и литературу в русских и французских школах Парижа. Сотрудник журн. «Иллюстрированная Россия», «На чужой стороне», газ. «Руль», «Наша речь», «Общее дело».

⁶ *Высоко несет свою молодость (нем).*

⁷ *Трусоват был Ваня бедный...* — начало стихотворения А.С. Пушкина *Вурдалак (Песни западных славян, 1834).*

Clamart (Seine)
101, Rue Condorcet¹
8-го апреля 1932 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Как видите — новый адрес, то есть конец одной жизни и начало другой. Выехали и въехали 31-го марта, переезжали, вернее — перетаскивались по вчерашний день. Причина переезда — невозможность платить прежнюю цену, наша новая квартира на 1200 фр<анков> в год дешевле, самая дешевая из всех виденных в Мёдоне и в Кламаре — на комнату (мою) меньше, и без ванной, словом, 2½ комнаты и кухня. Половина — то место где мой стол и книги, но постель не вмещается, сплю в кухне, большой и светлой. Помогли (выехать и въехать) люди. Один Сережин приятель (ныне шофер)² без усталости возил по вечерам наши ящики с книгами и всякий бытовой хлам. Половину квартирной платы (платеж по триместрам вперед) внесла Е.А. Извольская, которая вернулась. Муж (помните фантастическое сватовство через 18 лет знакомства — из Японии в Мёдон?), муж оказался маниаком и эгоистом, она не выдержала и уехала обратно (из Нагасаки — в Мёдон!) со старушкой-матерью 76 лет. Вернулась разбитая но не убитая. С места в карьер — за рабочий стол, ибо на обратный путь (Канада — Нью-Йорк) ушло всё что было и не было. Теперь нужно отрабатывать — свободу.

Но, увы, только она — в Мёдон, как мы — из Мёдона. Недалеко: 20 мин<ут> ходьбы, но одна вечером не пойдешь, п.ч. места пустынноватые и очень пристают. В Кламаре у нас ни души, но пока столько работы по дому, что и не жалею.

В Мёдоне мы прожили пять лет. В Мёдоне вырос Мур. В Мёдоне в трех минутах был лес и в трех — вокзал. В Мёдоне на десять домов девять старых. В Мёдоне когда-то охотились короли.

Кламар новый, плоский и скучный. С трамваем. С важными лавками. Может быть — придется полюбить, но —

Пишите о себе, дорогая Анна Антоновна. Что пишете, что читаете, на чем отводите душу? Как здоровье Вашей матушки? Как Ваше? (Знаю, что *ее* для Вас важнее, потому пишу первым).

Каковы летние планы? (Или — рано?) У нас — никаких, вся надежда на лес. Пока что он мрачен, сер и особенно, по-зимнему, пуст. Но всё-таки ходим.

Очередное радостное событие — русская Пасха. В этом году Мур впервые будет говеть³, ибо ему 1-го февраля исполнилось 7 лет. Он за эту зиму сильно похудел, ели плохо. Ходит раз в неделю в русскую четверговую школу — Закон Божий и русский. Остальное время — дома, читает, пишет и рисует. И — гуляет.

Кончаю свою бесконечную статью «Искусство при свете совести», прерванную месячным (разборка, укладка, раскладка, чистка двух домов) переездом. *Может быть* пойдет в «Современных Записках», об этом старается А. Эйнер, с которым я только недавно познакомилась и который мне решительно нравится⁴. Смесь ребячества и настоящего самобытного ума. Лично — скромн, что дороже дорогого. Ко мне, неизвестно за что и почему, добр, всё пытается устроить мою рукопись.

С <ергей> Я <ковлевич> без работы, томится, Аля учится. Вот и все наши новости. Да! той книги (Вы заказали «Die Frau»?⁵) до сих пор не получила, о чем сильно горю. На мёдонской почте застрять не могла, ибо оставили адрес и всё пересылается. Но, может быть, — к Пасхе?

Обнимаю Вас и *очень* жду весточки, хотя бы самой короткой, а то так давно молчите.

МЦ

Простите за бытовое письмо: что у кого болит —

¹ Кларм (Сена). Улица Кондорсе, дом № 101 (фр.).

² Вероятно, *Богенгардт Всеволод Александрович* (1892–1961) — однополчанин С. Эфрона в годы Гражданской войны, близкий друг семьи. Он и его жена *Ольга Николаевна* (урожд. графиня Стенбок-Фермор; 1893–1967) работали раньше воспитателями в Тршебовской гимназии, позже Богенгардт был шофером в Париже.

³ Говеть — готовиться к исповеди и причастию, постясь и посещая церковь.

⁴ По свидетельству Эйнера, Цветаева позже изменила к нему отношение: «... с 32-го года я бросил писать стихи. Тут Цветаева стала очень плохо ко мне относиться, потому что... я ее обманул. Поэт не может бросить писать стихи» (*Эйнер А.* Она многое понимала лучше нас — МЦВС II, 209).

⁵ Тескова подарила Цветаевой второй том романа С. Унсет «Кристин, дочь Лавранса», переведенного на немецкий язык (Frankfurt am Main, 1930), с дарственной надписью: «Дорогой Марине Ивановне Цветаевой на радость... с любовью. А.А. Tesková 24. III. 32. Прага».

Clamart (Seine)
101, Rue Condorcet
17-20 апреля 1932 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Пишу Вам наспех, по горячему следу радости и благодарности: *только-что* получила книгу¹ и чудную коробку Муру. Всё это больше двух недель пролежало у людей, которых за это нельзя судить, п.ч. у них тяжело болел (и еще болен) ребенок. Я же ничего не знала, а то бы давно съездила и достала.

«Die Frau» для меня — огромное счастье, сбывшаяся мечта двух, если не трех лет. Смотрю — и не верю (что — *моя*, что не нужно отдавать). Главная же радость — Вы будете, а может быть *не* будете — смеяться: что почти 600 страниц, что на так долго-радости. Так книгам я радовалась только в детстве.

Еще раз бесконечное спасибо и за книгу и за надпись.

Мур пока съел *одного* золотого петуха, решил беречь до русской Пасхи², вернее, мы решили, а он охотно покорился.

Я еще по сей день люблю шоколадное золото, только его и люблю.

Обнимаю Вас от всей души, на-днях напишу еще.

МЦ

¹ См. предыдущее письмо.

² Пасха в 1932 была 1 мая.

Clamart (Seine)
101, Rue Condorcet
16-20 окт <ября> 1932 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Писали Вам — Мур и я — *последние*, и долго и тщетно ждали ответа. Адр <ес> был 17, Grégoir^á, а теперь Катерина Николаевна¹ говорит, что 1080? Ради Бога, *сразу* пришлите мне открытку с точным адресом. Нет бóльшей обиды, чем недошедшее письмо.

Пишу вам в первый же свободный день — за плечами месяц усиленной, пожалуй даже — сверх сил — работы, а именно: галопом, спины не разгибая, писала воспоминания о поэте М. Волошине², моем и всех нас большим и давнем друге, умершем в России 11-го августа. Писала, как всегда, одна против всех, к счастью, на этот раз, только против всей эмигрантской *прессы*, не могшей простить М. Волошину его *отсутствия ненависти* к Сов<етской> России, от которой (России) он же первый жестоко страдал, ибо *НЕ* уехал.

К<атерина> Н<иколаевна> Вам расскажет о чтении³. Так как надежды на печатание — ни здесь ни в Сов<етской> России — нет, а писала я о М. В<олошине> для того чтобы *знали*, мне пришлось читать почти целиком всю рукопись, т.е. 2 ч<аса> > 45 м<инут> подряд, с перерывом на 10 мин<ут>. Читала до самого закрытия зала. Зал (слушатели) был *чудный*, (большинство — женщины) слушали, несмотря на усталость — свою и мою — лучше нельзя.

М. Волошину я обязана первым самосознанием себя как поэта и целым рядом блаженных лет (от лето) в его прекрасном суровом Коктебеле (близ Феодосии). — И стóльким еще! —

О своей жизни. Тяжело. Семейные *глубокие* нелады. Аля и Мур, живущие в одной комнате, друг друга *не* выносят. Вечные ссоры и даже скандалы, где как всегда оба виноваты и правы. С<ергей> Я<ковлевич> совсем ушел в Сов<етскую> Россию, ничего другого не видит, а в ней видит только тó, что хочет.

Аля больна: *нарывы* от малокровия, совсем худая и сквозная. У меня нервы в *отчаянном* состоянии: чуть чтó — слезы градом и комок в горле. Всё это от нужды, т.е. тесноты, в к<отор>ой приходится жить. Вечно на глазах, никогда — одна. Утешаюсь

только, когда пишу — или, случайно, чудом, оказываюсь одна на улице — хотя бы на пять минут. Тогда — всё проходит. Если я больна — то только от совместности.

Но — мерещащееся улучшение. Помните, я писала Вам о Е.А. Извольской, к<отор>ая уехала в Японию замуж? Не проживя года с мужем, разошлась и вернулась. Но — пустое место тоски, жить дома, со старой матерью и еще старшим дядей (вместе 160 лет!) — как прежде — не может, они всё еще ее (40 лет) считают за девочку. Мечтает хотя бы отчасти жить с нами, т.е. снять у нас комнату, где бы она проводила 2 дня в неделю. Для этого нам нужно переехать в большую квартиру, с отдельной комнатой для нее. Но ни в Кламаре ни в Мёдоне нельзя — родные обидятся, нужно хотя бы другое имя, чтобы выглядело, что она едет куда-то в деревню, а не сбегает от своих. (В таких вещах — всё психология!)

Завтра едем с ней в один городочек неподалеку — смотреть. Мечтаю об отдельном домике с садом, устала от улиц и от людских глаз. Не знаю, удастся ли. Всё хорошее — дорого. От квартиры мы уже отказались и 15-го января должны переехать. Пожелайте удачи! Сад важен и для лета, мы очень страдали от городской квартиры, и с лесом в полчаса ходьбы. А выехать куда-нибудь в зелень навряд ли удастся.

Лето было ужасное. Но об этом лучше не писать. М.б. лучше, что то письмо пропало.

Когда увидимся? Почему люди, которым нужно быть вместе, должны быть врозь? Я бы все свои свободные вечера (не так много!) проводила бы с Вами. Мне общество не нужно, мне нужен человек, и из всех людей — больше всего Вы. Я глубоко завидую Катерине Николаевне. Мне с Вами тихо, Вы понимаете, что это значит? Как в большом поле — какие есть только в России. Так тихо, что не было бы шумно (с Вами) даже на парижских «Grands boulevard»-ах⁴, к<отор>ые все, неизвестно почему — так любят. Нет, известно почему: за шум. За то, что — «себя не слышать».

Иногда вижу М<арка> Л<ьвовича>. Недавно с ним спорила. Он танец ставит на одну высоту со словом. «Бог — или истина — или красота — или добро» — когда человек так говорит, я знаю одно: что ему — глубоко всё равно. Что он, даже, по существу ни одного называемого не ощущает. Так этот «Бог или красота или добро», по его мнению, равно проявляется в балерине и в пророке. На это я ему ответила, что можно любить балет больше священного писания, но что оправдать этого (уравнять их) — нельзя. Либо признать равенство души и тела, чего не признаю никогда. Еще пример: 82 л<етний> Гёте — Второй Фауст⁵, а 80-летний танцор?? Не о бестелесных же танцах он говорит, не о хороводах же душ, а о — живом танце, т.е. тел. Всякий поэт хочет (удачно или неудачно) сказать свою душу, а из танцоров — один на миллион. Танцор хочет сказать свое тело: силу, легкость, грацию. Это через него хочет ска-

заться. Апогей тела, и в *лучшем случае* переборотый закон земного тяготения: но — *силой ног* (таких-то мускулов) лечу, не силой духа.

Согласны? Ответьте непременно.

Утверждение М<арка> Л<ьвовича> — конечно, общее место, каждый эстет и ПОД-эстет так говорит. Просто: ему одинаково (а м.б., и больше!) приятно смотреть на балерину, как читать стихи. Приятнее *смотреть*, чем думать. Как большинству. (Хлеба и зрелищ). Смотреть есть НЕ-думать. — Пусть! Но зачем же пытаться оправдать это *разумом*? Слово — разум, танец — инстинкт. Ели жертвенное мясо, а потом танцевали, не знали *что* сказать — и потому танцевали*. Козлы тоже танцуют. И журавли, кажется. (И очень хорошо делают!) И ребенок скачет раньше, чем говорит. Танец — потребность тела. Слово — души.

Из всего этого М<арк> Л<ьвович> вывел, что я «просто ничего не понимаю в танце», который, кстати, сравнивает с архитектурой (NB! реймский собор⁶). Такие вещи меня больше задевают, чем мои личные (бытовые и людские) неудачи и беды. Здесь *мое* задето. И только из-за таких вещей могу не-спать.

(Страшно хотелось бы устроить об этом диспут, но всем *всё* — *тáк всё-равно!*)

Очень хочется Вам что-нибудь послать, дорогая и навсегда любимая Анна Антоновна. Нынче буду перерывать свои «сокровища», не взыщите, если подарок и на сотую долю не отразит моей Вам преданности и, даже, приверженности. Просто хочется — что-нибудь живое, хоть когда-нибудь — *не конверт!*

Мур пишет сам. Он очень большой, похудел, но сильный. Уже читает — сам — «Тараса Бульбу»⁷, по собственному желанию и выбору. Пишет на двух языках, для семилетнего прилично и грамотно. Читает по-франц<узски> свободно, сам научился. *Со мной* — чудесен. Но ум опережает сердце, я бы предпочла либо равномерность, либо обратное. Добр как все дети, т.е. в свой час, совсем не всегда. А умен — непрерывно. Мой доклад прослушал весь целиком, хотя я дала ему франц<узскую> детскую книгу с картинками, чтобы он развлекался. — И не заглянул.

Теперь, дорогая Анна Антоновна, жду Вашего большого письма. Спросите на всякий случай на почте: 17, *Gregrova*⁸, отослано с месяц назад, м.б. полтора. Писал и Мур. Обнимаю Вас от всей души.

МЦ

Р. С. Только что узнаю, что Извольская после месячных совместных планов — раздумала жить вместе.

Есть такая басня Крылова⁹:

Нам страшно вместе быть с тобой.
И вот — скажу тебе не для досады:
Твоих мы песен слушать рады, —
Да только ты от нас подальше пой!

Колечко — с кусочком крыла тропической бабочки.

Милая А<нна> А<нтоновна>, если не трудно — присылайте нам те 20 фр<анков> прямо, а то Карсавины собираются уезжать¹⁰, — и всё равно: Вы одна присылаете. Сердечное спасибо!

МЦ

* не знают что сказать и потому танцуют! А постарше — играют в бридж.

¹ См. примеч. 5 к письму 56.

² *Волошин Максимилиан Александрович* (наст. фам. Кириенко-Волошин; 1877–1932) — поэт, историк искусства, художник, критик. Много раз посещал Францию, за культурной жизнью которой следил все время. Большую часть жизни прожил в Крыму, в Коктебеле, где он с матерью, Еленой Оттобальдовной Кириенко-Волошиной (1850–1923), принимал в своем доме многочисленных друзей — литераторов, художников и артистов. Он один из первых распознал талант Цветаевой по ее гимназическим стихам. Цветаева посвятила Волошину цикл стихотворений «Ici-Naut» (1932–1935; II, 303–308). Очерк «Живое о живом» — воспоминания, которые Цветаева начала писать, узнав о кончине Волошина, — она закончила в октябре 1932 (Современные записки. 1933. № 52, 53). Очерк редакторы журнала значительно сократили (IV, 159–220). См. также: *Волошин М.* Женская поэзия (МЦКС I, 23–27).

³ 13 октября М. Цветаева читала воспоминания о Волошине на литературном вечере

в Театре Мютюалите. К.Н. Рейтлингер присутствовала на этом вечере.

⁴ Большие бульвары (фр.).

⁵ *Фауст* — герой одноименного произведения Гёте, олицетворяющий непреодолимое желание познания.

⁶ *Реймский собор* — памятник французской готики в г. Реймсе, славящийся гармоничностью композиции, богатейшим скульптурным убранством. Место коронации французских королей.

⁷ *Тарас Бульба* — повесть Николая Васильевича Гоголя (1809–1852).

⁸ Правильно: Grégoire.

⁹ *Крылов Иван Андреевич* (1768–1844) — баснописец, драматург, автор памфлетов и эпиграмм, переводчик; мастер переложений басен Эзопа. М. Цветаева по памяти цитировала басню И. Крылова «Змея».

¹⁰ Речь идет об окончательном переезде семьи Карсавина в Литву (см. о нем примеч. 4 к письму 30).

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot¹
7-20 марта 1933 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Вчера у А.И. Андреевой² — помните, черноглазая и даже *огнеокая* дама, у которой мы с Вами вместе были в гостях во Вшенорах? мы и здесь соседи — итак, у А.И. Андреевой я встретила с г<оспо>жей Даманской³, которая мне много и с большой симпатией говорила и рассказывала о Вас. Так я и увидела Вас — на фоне той Праги, даже не той, моего пребывания, а раньше, — м.б. просто Праги сна. (Прага и Брюгге — два самых сновиденных города, к<отор>ые я знаю, но Прага еще больше — сон, п.ч. мёньшие об этом знают). И я вспомнила тот сияющий день во Вшенорах, станцию, качающиеся корзины с цветами, рельсы, нашу беседу — без рельс, а м.б. прямой дорогой в бессмертие. (Мы говорили о некончании — нескончании — всего.)

Расскажу немножко о нас. Мы переехали — с огромными трудами — на новую квартиру — (простите, если Вам уже об этом писала, — не помню) тут же в Кламаре, очень спокойную и просторную, в довоенном доме, на 4 этаже. У меня своя комната, где даже можно ходить.

Зима прошла в большой нужде и холоде, топили редко — отопление свое, т.е. имеешь право мерзнуть — недавно приходили описывать (saisie⁴), — трое господ, вроде гробовщиков, но увидев «обстановку» — ящики, табуреты и столы, — написали нам бумажку о немедленной высылке из Франции в случае неуплаты налогов — очень старых — из к<отор>ых мы уже выплатили 500 фр<анков>, оставалось еще 217 фр<анков>. И в тот же день — увы! — долгожданный гонорар из Совр<еменных> Зап<исок> — 250 фр<анков>, к<отор>ые почти целиком тут же пришлось отдать. Что будет с будущим термом — не знаю, все писатели сейчас устраивают вечера, а к моим парижане уже привыкли: не новость.

Стихов за зиму писала мало: большая работа о М. Волошине и перевод своей собств<енной> вещи на французский: 9 (своих собственных настоящих) писем и единственное, в ответ, мужское — и послесловие: Postface ou Face Posthume des choses⁵ — и последняя встреча⁶ с моим адресатом, пять лет спустя, в Новогоднюю ночь. Получилась *цельная* вещь, написанная жизнью. Но с моим обычным везением — похвалы (французов) со всех сторон, а рукопись лежит. И очевидно будет

лежать, — как и мой французский «Молодец» («Le Gars») иллюстрированный Гончаровой.

Сейчас мне заказали книжку для детей о церкви, и, сужая: *литургии*, — тема для меня трудная, п.ч. службу знаю *плохо* — каждый знает лучше меня! И вообще я человек вне-церковный, даже физически: если стою — всегда у *входа*, т.е. у *выхода*, чтобы идти дальше. Кроме того, без уверенности, что получу гонорар, — заказ *на авось*. Да, Вы даже знаете заказчика: сестра Кати Кист — художница Юлия Рейтлингер⁷, сделавшая ряд церковных картинок и жаждущая текста к иллюстрациям. — Не знаю, что выйдет. И не знаю, получу ли что-нибудь.

О своих. Аля всю зиму хворает, сильное малокровие, проявляющееся нарывами и нескончаемыми лишаями, от к<отор>ых одно лечение: «хорошая жизнь», которой я ей никак не могу дать. Очень худая, начала горбиться, очень вялая, — несколько месяцев *на море* или просто в деревне бы всё исправили — но их не может быть, — летом, конечно, никуда не уедем. Главное — питание, его нет. Ездит в Париж в школу, очень устает, заработка никакого, кроме, иногда, вязанием — *вяжет в совершенстве*, самые сложные узоры, замечательно-ровно и изящно. Но всё за гроши.

Мур всё растет, — это его последняя зима на воле, в будущем году необходимо в школу. Здесь в Кламаре есть очень хорошая — École Nouvelle⁸, но как всё хорошее стоит дорого, т.е. только для богатых. Придется переезжать в город (я в ужасе!) чтобы он учился в русской гимназии, дающей одинаковые права с франц<узским> лицом. Пока что (ему 1-го февраля исполнилось 8 лет, бежит — время?) он пишет и читает по-русски и по-франц<узски> и немножко считает — *очень* неспособен к арифметике: в меня.

Очень *своеобразен*, мне с ним — легко, ибо опять-таки узнаю себя, хотя устремленность у него другая, чем у меня в детстве. Похож на меня темпом и температурой. Но — другой век и другой пол. И другой рост. Боюсь, что будет ценить внешние блага жизни, ибо отродясь был их лишен. Но — думаю — ум поможет и здесь. *Очень* умен.

Письмо вышло отчетное, но после долгого перерыва нужно было перекинуть внешний мост (наш внутренний — непрерывен).

Следующее письмо будет о другом, — об очередном людском недоразумении и разминовении. И о многом еще, от жизни не зависящем, ибо во мне — сидящем.

Пишите о себе. Как работа? Жизнь дней? Людские встречи? Летние планы? И, главное, как самочувствие, внутри тела и внутри души? Как чувствует себя Ваша матушка? Как Прага? Началась ли уже весна? Помню одну изумительную прогулку на еврейское кладбище, в полный цвет сирени.

Обнимаю Вас от души и очень жду весточки.

МЦ

— Вот стихи для Бэма⁹ с сердечным приветом. Простите, что так запоздала с исполнением Вашего желания!

¹ Кламар. Улица Лазара Карно, дом № 10.

² См. примеч. 3 к письму 9.

³ *Даманская Августа Филипповна* (1875–1959) — писательница, переводчица. В эмиграции с 1920. Сотрудничала в «Последних новостях» и других изданиях. Ее впечатления о выступлении М. Цветаевой на парижском вечере памяти А.С. Пушкина в 1937 были опубликованы в Риге (Сегодня. 1937. 6 марта).

⁴ Конфискация (*фр.*).

⁵ Послесловие, или Посмертное словошей (*фр.*). Позднее А.С. Эфрон назвала это произведение рассказом в эпистолярной форме и озаглавила «Флорентийские ночи» (Новый мир. 1985. № 8; V, 463–483).

⁶ *Вишняк Абрам Григорьевич* (1895–1943), прозванный Геликоном по названию издательства, которым он руководил. М. Цветаева познакомилась с ним в мае 1922 в Берлине, затем они случайно встретились в Париже в новогоднюю ночь 1926. Письма *Флорентийских ночей* адресованы А.Г. Вишняку.

⁷ *Рейтлингер Юлия Николаевна* (1898–1988) — внучка генералов А. Рейтлингера и Н. Гонецкого. Художник-иконописец. В 1917

встретилась в Крыму с философом С.Н. Булгаковым (с 1918 — отец Сергей), под чьим влиянием оставалась до конца жизни. В 1919 с сестрой Катериной перешла польскую границу. После Варшавы жила в Праге, где снова встретилась с о. Сергием, стала членом Религиозно-философского общества. Расписала русскую церковь в Мёдоне. С 30-х годов сестра Иоанна поселилась в Сергиевом подворье в Париже. В те же годы Религиозно-педагогический кабинет при Православном богословском институте в Париже начал издавать серию «Листки для детского чтения». Попросив Цветаеву написать тексты к церковным иллюстрациям, Юлия Николаевна сразу же оговорила их возможное содержание. Позже рассказывала о живом отклике М. Цветаевой (МЦВС II, 71). В 1946 переехала к сестре в Прагу, а в 1956 они вместе вернулись на родину, умерла в Ташкенте. См.: *Художественное наследие сестры Иоанны (Ю.Н. Рейтлингер)*. М.; Париж, 2006.

⁸ Новая школа (*фр.*).

⁹ Цветаева послала А. Бему стихотворение «Роландов рог» (1921; II, 10).

[Почтовая открытка с обозначением места для обратного адреса:
Nom et adresse de l'expéditeur¹, где рукой Цветаевой внесено:
M-me Zvétaïeff-Efron]

Clamart (Seine), 10, Rue Lazare Carnot.

5-20 июля 1933 г.

Дорогая Анна Антоновна! Начнем с открытки, — это только оклик. Да, всё на месте, я Вас не забыла, ибо *мне* забыть Вас — впасть вообще в беспамятство. А не писала так долго по малодушию: невозможности вместить *всё* в одно письмо. М.б. через несколько дней на него отважусь, тогда сразу получите и карточки детей, самые недавние, и м.б. мою (я очень плохо выхожу!). Мы никуда не уехали (уже третье лето). Нищета, но другим еще хуже. Пишу прозу, п.ч. стихи никому не нужны, т.е. никто не берет. Но проза тоже неплохая. (В «Посл<едних> Нов<остях>» от 16-20 июля, воскресенье, мой большой фельетон — «Башня в плюще»² (о детстве в Германии). М.б. видели?

Муру 8½ л<ет>, осенью поступает в русско-франц<узскую> гимназию и нам придется переехать в город. Аля кончила школу. Нужно зарабатывать. С<ергей> Я<ковлевич> весь в своей мечте³. — И всё пока. — Отзовитесь хотя бы тоже открыткой!

Обнимаю Вас и всегда, всегда помню. Как здоровье — Ваше и Ваших? Пишите вкратце обо всем.

МЦ

¹ Фамилия и адрес отправителя (фр.).

² *Башня в плюще* (Последние новости. 1933, 16 июля; V, 141–148). Фельетон от фр. feuille-

ton — листок; *здесь*: рассказ (помещается в подвале газетной полосы).

³ С. Эфрон мечтал о возвращении на родину — в СССР.

France
Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
24-20 ноября 1933 г.

Дорогая Анна Антоновна,
Наконец — письмо!

Пишу Вам в передышку между двумя рукописями: «Дом у Старого Пимена»¹ — семейная хроника дома Иловайских (историк Иловайский² — Вы наверное знаете? Мой отец был первым браком женат на его дочери, я не ее дочь) очень мрачная и правдивая история: дом, где все умирали, кроме старика, — вещь может быть пойдет в «Совр<еменных> Записках», пишу стало быть в перерыв между «Старым Пименом» и «Лесным Царем»³ (попытка разгадки Гёте⁴). На помещение последней вещи мало надежды: кто сейчас, в эмиграции, интересуется Лесным Царем (Erlkönig) и даже Гёте! Я, которую так долго травили за «современность» стихов, — теперь вечно слышу упреки в несовременности *тем* моей прозы. (А Вы не думаете, что *та* «современность» и эта «несовременность» — одно, т.е. я [подчеркнуто дважды]?!)

Стихов я почти не пишу, и вот почему: я не могу ограничиться одним стихом, — они у меня семьями, циклами, вроде воронки и даже водоворота, в который *попадаю*, следовательно — и вопрос *времени*. Я не могу одновременно писать очередную прозу и стихи и не могла бы даже если была бы свободным человеком. Я — *концэнтрик*. А стихов моих, забывая, что я — поэт, нигде не берут, никто не берет — ни строчки. «Нигде» и «никто» называются «Посл<едние> Новости» и «Совр<еменные> Записки», — больше мест нет. Предлог — непонимане меня, поэта, — читателем, на самом же деле: редактором, а именно: в «Посл<едних> Нов<остях>» — Милюковым, в «Совр<еменных> Зап<исках>» — Рудневым, по профессии — врачом, по призванию политиком, по недоразумению — редактором (NB! литературного отдела). «Всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно»...⁵

Эмиграция делает меня прозаиком. Конечно — и проза *моя*, и лучшее в мире после стихов, это — лирическая проза, но всё-таки — *после* стихов!

Конечно, пишу иногда, вернее — записываю подходящие строки, но чаще не записываю, — отпускаю их назад — *ins Blaue*⁶ (никогда *Graue*⁷, даже в ноябрьском Париже!).

Вот мои «литературные» дела. Когда получу премию Нобеля⁸ (НИКОГДА) — буду писать стихи. Так же как другие едут в кругосветное плавание.

Премия Нобеля. 26-го буду сидеть на эстраде⁹ и чествовать Бунина. Уклониться — изъяснить протест. Я не протестую, я только несогласна, ибо несравненно больше Бунина: и больше, и человечнее, и своеобразнее, и нужнее — Горький¹⁰. Горький — эпоха, а Бунин — конец эпохи. Но — так как это политика, так как король Швеции не может нацепить ордена коммунисту Горькому... Впрочем, третий кандидат был Мережковский¹¹, и он также несомненно больше заслуживает Нобеля, чем Бунин, ибо, если Горький — эпоха, а Бунин — конец эпохи, то Мережковский ЭПОХА КОНЦА ЭПОХИ, и влияние его и в России и за границей несоизмеримо с Буниным, у которого *никакого*, вчистую, влияния ни там, ни здесь не было. А «Посл<едние> Новости» сравнивавшие его стиль с толстовским (точно дело в «стиле», т.е. *пере*¹², которым пишешь!) и сравнивая *в ущерб* Толстому — просто позорны. Обо всем этом, конечно, приходится молчать.

Мережковский и Гиппиус¹³ — в ярости. М.б. единственное, за жизнь, простое чувство у этой сложной пары.

Оба очень стары: ему около 75, ей 68 л<ет>. Оба — СТРАШНЫ. Он весь пере-квивлён, как старый древесный корень (Wurzelmannchen¹⁴, только — без уюта и леса!), она — раскрашенная *кость*, нет, даже страшнее кости: смесь остова и восковой куклы.

Их сейчас *все* боятся, ибо оба, особенно *она*, злы. Злы — как дүхи.

Бунина еще не видела. Я его *не* люблю: холодный, жестокий, самонадеянный *барин*. Его *не* люблю, но жену его¹⁵ — очень. Она мне очень помогла в моей рукописи, ибо — подруга моей старшей сестры¹⁶ (внучки Иловайского) и хорошо помнит тот мир. Мы с ней около полугода переписывались. Живут они в Grass'e (Côte d'Azur)¹⁷, цветочном центре (фабрикация духов), в вилле «Belvédère», на высочайшей скале. Теперь наверное взберутся на еще высочайшую.

Дома — неважно. Во-первых, если никто не *болен* (остро), то никто и не здоров. У Мура раздражение печени, диета, очень похудел — и от печени, и от идиотской франц<узской> школы: *системы*: сплошного сидения и зубрения. «Il ne faut pas comprendre, il faut apprendre»¹⁸ — вот лейтмотив и припев. Учат *наизусть* даже Свящ<енную> историю. А уроки задают и на большую перемену. Учитя отлично, ибо отличная память, но грамматики и арифметики *не* понимает — п.ч. *не* объясняют. Всё сведено к механическому затвержению. А когда я пытаюсь объяснить, он просто пугается: — «Мама, у нас *не* так! У нас — *наизусть!*»

Аля всё худеет, сквозная, вялая, видно сильнейшее малокровие. Шесть лет школы, пока что, зря, ибо зарабатывает не рисованием, а случайностями, вроде набивки игрушечных зверей, или теперь, м.б. поступит помощницей помощника зубного врача — ибо жить *нечем*. Очень изменилась и внутренне, если это можно назвать «внутренне», — но это уже Париж и недостаток противодействия. Вечное желание «компа-

нии» — какой бы ни было, т.е. просто *хохотать вместе*. Вечное и бессмысленное чтение газет — каких бы ни было — лишь бы «новости». Мне с ней *скучно*. И ей — со мной. На меня она *совершенно непохожа*, не только — на меня *сейчас* (я очень измучена и хочу только здоровья для всех и покоя для себя: работы: покоя *от всех*), но и на меня — ту. Я *никогда* не была ни бессмысленной, ни безмысленной, всегда страдала от «компаний», вообще всегда была — собой. Но эта *не моя*, обратная мне, *исключающая меня* тяга к себе-подобным есть и у Мура. Очевидно, не бывает дважды сряду.

Теперь о Вас, дорогая Анна Антоновна, стало быть ряд вопросов: как здоровье Ваше и Ваших? С кем встречаетесь (дружите)? Есть ли *радость* и от чего? (Кроме книг и погоды!) Что работаете сейчас? Есть ли время? Как с хозяйством — сим бичем Божиим? Есть ли — силы?

Есть ли — планы? (Как всегда — бегства!)

Жажду большого подробного письма. И знать, что Вы меня еще любите.

Горячо обнимаю Вас, *никогда* не думайте, что я Вас забыла — или остыла. Всё по-прежнему: по-вечному.

Сердечный привет Вашим

МЦ

У нас грязь и холод (уголь и его отсутствие). Во Вшенорах тоже была грязь, но была большая уютная плита, за окнами был лес, был уют *нищеты* и душевный отвод *настоящей* природы. Все те места помню, все прогулки, все дорожки. Чехию — *добром* помню.

Огромное спасибо за ежемесячные присылки, *всегда* выручают в *последнюю* минуту!

Вы одна и уцелели.

¹ Дом у старого Пимена — опубл.: Современные записки. Париж, 1934. № 54 (V, 104—140). Дом в Пименовском (с 1922 Старопименовском) переулке (Москва) принадлежал семье Дмитрия Ивановича Иловайского.

² Иловайский Дмитрий Иванович (1832—1920) — историк монархического направления, публицист, издатель и основной автор газ. «Кремль» (1897—1916). На дочери Иловайского Варваре Дмитриевне (1858—1890) был женат первым браком Иван Владимирович Цветаев (см. о нем примеч. 3 к письму 87).

³ Лесной царь — эссе М. Цветаевой «Два «Лесных Царя»» — о проблеме художественного перевода в связи с переводом баллады Гёте В.А. Жуковским. Опубл.: Числа. 1934. № 4 (V, 429—434).

⁴ Гёте Иоганн Вольфганг (Goethe; 1749—1832) — поэт, прозаик, драматург, естествоиспытатель. «Лесной царь» (Erlkönig) был написан в 1782 в подражание датской народной балладе.

⁵ Цитата из стихотворения М.Ю. Лермонтова «А.О. Смирновой» (1840).

⁶ В синеву (нем.).

⁷ Серость (нем.).

⁸ Премия Нобеля — международная премия, названная в честь ее учредителя шведского инженера-химика А.Б. Нобеля. Присуждается ежегодно (с 1901) за выдающиеся открытия в области физики, химии, медицины, физиологии, за литературные произведения и деятельность по укреплению мира между народами.

⁹ Чествование И.А. Бунина русскими организациями в Париже после присуждения ему Нобелевской премии состоялось 26 ноября 1933 в Театре Елисейских полей. Цветаева присутствовала на чествовании и послала поздравительную телеграмму жене лауреата.

¹⁰ *Горький Максим* (наст. имя и фам. Алексей Максимович Пешков; 1868–1936) — прозаик, драматург, публицист, общественный деятель. Считается основателем литературного направления «социалистический реализм». Первый председатель Президиума правления Союза писателей СССР.

¹¹ *Мережковский Дмитрий Сергеевич* (1865–1941) — поэт, прозаик, историк литературы, публицист, литературный критик, переводчик. С 1919 в эмиграции. Член парижского Союза русских писателей и журналистов, соучредитель литературного и философского общества «Зеленая лампа», председатель Союза русских театральных деятелей и киноработников. В юности Цветаева увлекалась его историческими романами, ее любимый роман — «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)» — переведен на многие языки.

¹² Слово «стиль» возникло от лат. *stilus* — палочки для письма, т.е. предка современного пера.

¹³ *Гиппиус Зинаида Николаевна* (псевд. Антон Крайний; 1869–1945) — поэт, прозаик, литературный критик, публицист. Жена Д. Мережковского. Восторженно приняв Февральскую революцию, она едва ли не первой назвала Октябрьский переворот 1917 антидемократическим и антинациональным. В 1927 в Париже Гиппиус стала одним из организаторов собраний «Зеленой лампы». К М. Цветаевой относилась враждебно, не признавала исключительности ее таланта (см.: *Антон Крайний*. О «Вёрстах» и прочем — МЦКС I, 300–303).

¹⁴ Немецкое слово *Wurzelmännchen* состоит из двух слов: *die Wurzel* — корень и *das Männchen* — человек.

¹⁵ *Булнина Вера Николаевна* (урожд. Муромцева; 1881–1961) — жена И.А. Бунина. Окончила естественный факультет Высших женских курсов. Переводчица Мопассана, Флобера, автор книги «Жизнь Бунина. 1870–1906» (Париж, 1958). Друг М. Цветаевой и долгие годы ее корреспондентка.

¹⁶ *Цветаева Валерия Ивановна* (в замужестве Шевлягина; 1883–1966). Дочь И.В. Цветаева от первого брака. Преподавала в одной из московских гимназий, где основала музей Национального искусства и быта. Позже педагог пластики в Московской школе искусства движения, инициатор основания государственных хореографических курсов в студии «Искусство движения», последовательница американской танцовщицы Айседоры Дункан (1878–1927).

¹⁷ Город Грас (Лазурный берег) (фр.).

¹⁸ Не надо понимать, надо заучить (фр.).

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
11-20 декабря 1933 г.

Дорогая Анна Антоновна, только что Ваше письмо, откликаюсь сразу и сразу начинаю с просьбы: пришлите мне Вашу карточку! Какую хотите: либо последнюю, либо 1923 г. — 1925 г., когда мы с Вами встречались, и очень бы хотелось Вас — молодую (ТОГДА). Знаете ли Вы — Вы КОНЕЧНО знаете! — что Вы совсем, целиком, из чудесного женского мира Лагерлёф и Ундсет, что те — *Ваша* порода, а Вы — *их*. Страшно хотелось бы прочесть ту книгу «Дочь священника»¹, если Вы записаны в немецкой библиотеке и она там есть, *вышлите* мне почитать, не задержу. Купить — нет возможности, а в Париже только одна крохотная нем<ецкая> библиотека, и там переводов нет, вообще ничего нет, кроме сенсаций о развале немецкой Империи, а затем и демократии. Авторы этих книг сидят по парижским кафе. Всё это очень интересно, — и книги, и авторы, и Reich² — но всё это неминуемо *пройдет*. А Ундсет и «Erlkönig»³ и Ваша «Дочь священника» — останется. (Точно кто-то меня с детства заколдовал: не любить ничего преходящего, кроме вечно-возвращающегося преходящего природы). Итак, милая Анна Антоновна, если только имеется нем<ецкая> библиотека, и если только Вы в ней записаны, и если только в ней имеется «Дочь Священника», умоляю достать и выслать на короткий срок. Я такой книги — жажду. А Вам очень советую прочесть Olaf Dunn⁴ «Die Juwikinges», два тома: I. «Peter Anders und sein Geschlecht», II. — «Odin». По отзыву Ундсет — лучшая вещь о Норвегии и в Норвегии за последние годы. Совсем молодой.

Мне с моими вещами не везет: «Erlkönig'a» вернули, как «очень интересное филологическое исследование, но для среднего читателя не годящееся», а теперь «Совр<еменные> Записки» опять желают, чтобы я выкинула 8 стр<аниц> из своей рукописи «Дом у Старого Пимена». Собравшись с духом, наконец ответила, что *печатаюсь* я 1910 г. — 1933 г., т.е. 23 года, а пишу — еще дольше, что над «Старым Пименом» я работала всё лето, а над этими 8 страничками *не менее* двух недель, что я *не любитель, не дилетант, не гастролер*, что пора меня счесть серьезным писателем, либо вовсе оставить в покое. Что от гонорара за эти 8 страниц отказываюсь на покрытие типографских расходов, но что если и это не поможет — пусть мой «Старый Пимен» остается при мне, а я — при нем.

Не знаю. Думаю — не согласятся. Но знаю, что иначе — не могла. Они ведь хотели, чтобы я выкинула всю середину о детях Иловайского, т.е. как раз самое насыщенное и сказочное: две ранних смерти двух несказанно-трогательных существ. Им это «неинтересно», они ловят анекдот, сенсацию, юмор. Чуть всерьез — уже «растянуто» и «читатель не поймет». Я — лучшего мнения о читателе. Меня читатель (*der Lesende und Liebende*⁵) понимал *всегда*.

Конечно, с деньгами дело печально: выйдет, что я всё лето даром работала. Через 2 недели Рождество — не будет подарков детям. Вообще, это была долгая и последняя надежда, но не могу, *чтобы вещь уродовали*, как изуродовали моего Макса⁶, выбросив всё его детство и юность его матери — всего только 10 страниц! Им 10 страниц, а мне (и Макс, и его матери, и читателю) целый живой *ущерб*.

(Сейчас перерыв: бегу за Муром в школу.)

Школой я очень недовольна: уже внушили ему отвращение к географии, которую учат наизусть и без карты: одни определения меридианов, широты, долготы и т.д. Он *ничего* не понимает, а по географии первый, потому что чудная память. Ни разу не показать глобуса! Ни одной картинки! А дома объяснять нет времени: столько уроков, что еле справляется. В общем — та же система, что 50 л<ет>, а то и целых сто — назад. Зачем все их революции?! (Люди устраивают революции, чтобы дешевым, хотя и кровавым, способом внешнего переустройства избавиться от необходимости внутреннего перерождения. Легче, конечно, бить полицейских и взрывать министров, чем переделать себя или хотя бы — быть. Но Бог с ними!)

Во Франции мне плохо: одиноко, чуждо, *настоящих* друзей — нет. Во Франции мне не повезло. Дома тоже сиротливо. И очень неровно. Лучший час — самый поздний: перед сном, с книгой — хотя бы со старым словарем. Впрочем, это был мой лучший час и в шестнадцать, и в четырнадцать лет...

Ваше письмо, дорогая Анна Антоновна, меня и огорчило, и обрадовало: с такой возможностью радости — столько внешней (да и внутренней!) тяжести, тяжести извне во-внутрь наваленной! Я всегда говорила, что самая тяжелая ноша в мире — родство.

Посылаю, пока, эту маленькую случайную карточку Мура, скоро пришлю хорошую, а эту, тогда, попрошу вернуть: она у меня — одна (электр<ическая> фотография, 4 разных позы, повторить нельзя). 1-го февраля ему будет девять лет. А Вы в последний раз видали его 9-ти месяцев (вокзал). Обнимаю Вас от всей души, спасибо за присланное. Сердечный привет Вашим. **ПИШИТЕ!** Жду Вашу карточку!

МЦ

¹ *Дочь священника* — книга шведской писательницы Хильдур Дикселиус (*Dixelius*; 1879–1969).

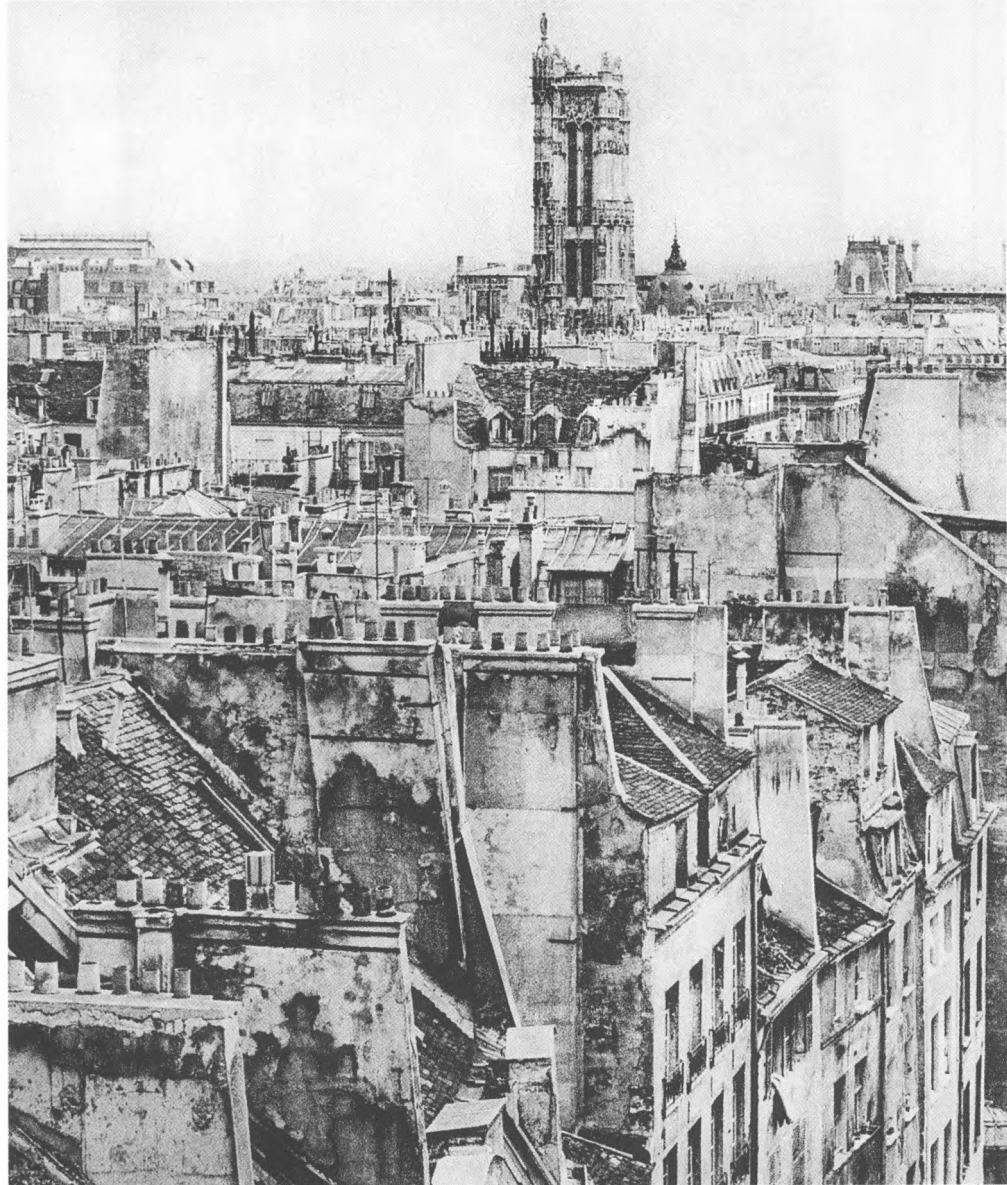
² Империя (*нем.*).

³ См. примеч. 4 к письму 84.

⁴ *Дуун Улаф* (*Duun*; 1876–1939) — норвежский писатель, автор романа «Жители Ювика» в шести томах. Цветаева пишет о двух: «Петер Андерс и его род» и «Один».

⁵ Читающий и любящий (*нем.*).

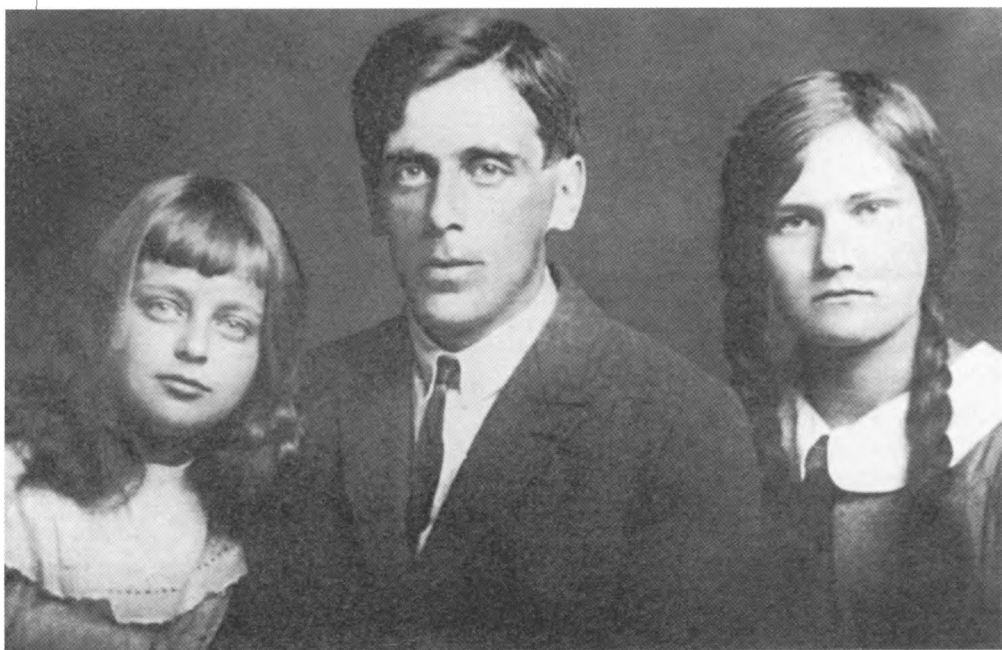
⁶ См. примеч. 2 к письму 81.

Вид старого Парижа

Ольга Елисеевна
Колбасина-Чернова.
После приезда во Францию
Цветаева с детьми поселилась
в квартире, где жила
Ольга Елисеевна с дочерьми

С.Я. Эфрон с дочерью Ариадной и Ариадной Черновой

Видовая открытка Вандеи, посланная Ариадной Эфрон Анне Тесковой

St. Gilles-sur-Vie, 5 мая 1926 года

Христос Воскрес!

Дорогая Анна Антоновна, спасибо Вам за письмо и чудного Вояжера. Его передала маме, она ей очень понравилась. Мы живем в маленьком рыбацком городке - Saint-Gilles-sur-Vie. Океан еще мерзлый, суется ветры, и плесень негодная, еще нет праздников дальних и народных дней, и потому жить очень хорошо.

Вот наш адрес:

St. Gilles-sur-Vie (Vendée)
Avenue de la Plage
Ker-Edouard.

Найти хозяйку, - Волшебные старухи со старушкой - она ходит в старинных платьях. У них в комнатах все стены завешаны календарями от 1884 года, и вырезками из старинных журналов от 1842 года. Все это городок живет старинной жизнью. Ищите Ваял и ф.о. Анна Ане.

Ариадна Эфрон поздравляет Анну Тескову, описывает условия их жизни в Сен-Жиль-сюр-Ви

Мурр ^{вспомогательный}
2 л. 9 мес.
Полковник, полков. Овощев. ВРЗ.

Мурр, дядя и я в море.
Полковник, 2 л. 9 мес. ВРЗ.

Все подписи сделаны
рукой М. Цветаевой

Мурр сиротский
(3 л. 7 мес. 3 нед.)
Полковник, 2 л. 9 мес. ВРЗ.

Мурр балуете с водой
(3 л. 7 мес. 3 нед.)
Полковник, 2 л. 9 мес. ВРЗ.

«Мурр... живой – ловкий,
бесстрашный, лезет в море, как в ведро, и в ведро, как в море». М. Цветаева

Мур - 4½ г.
Мёдонский лес
1го авг. 1929 г.

Мур с дровосёком
в Мёдонском лесу
Август 1929 г.

Претилия Эдисона
1го сент. 1929 г.
Мёдон

Мёдонский лес в 1929 был местом каждодневных прогулок М. Цветаевой с сыном.
«С <ергей> Я <ковлевич> ... живёт... любовью к России. А Мур, как я, – любовью к жизни.
Только он веселее меня... действеннее. Но нрав и темп – мои». М. Цветаева

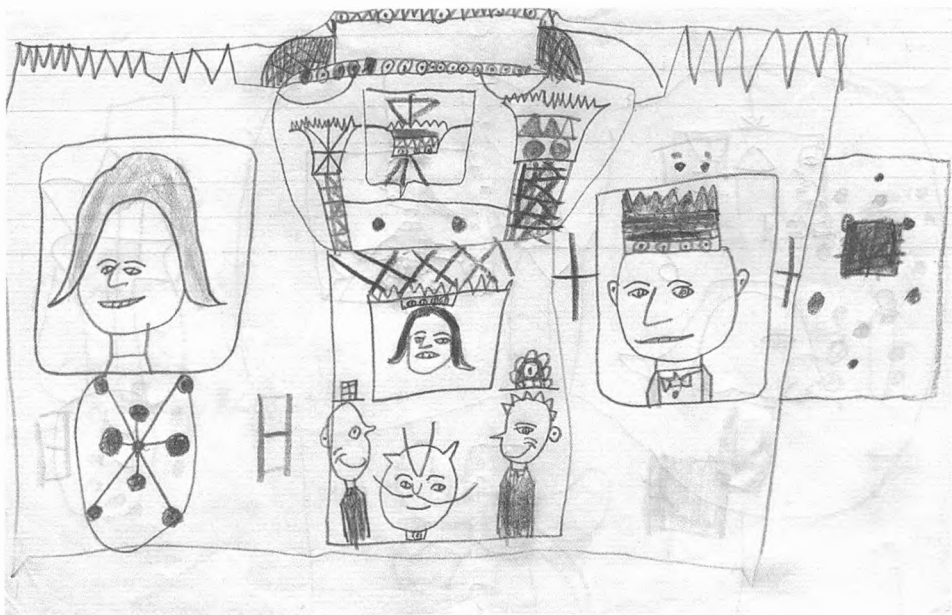

Съ Нобелисъ Богамъ, говорю
меня Ана!

Иванъ Баевъ и нана
всѣмъ въ станахъ рогу!

Бама Ана

31-XII 1929 — 1-I 1930

Рисунки детей М. Цветаевой. Аля и Мур посылали их Анне Тесковой в качестве поздравлений с праздниками

Ариадна Эфрон.
«Аля большая, красивая,
добрая, умная,
спокойная». *М. Цветаева*

Георгий Эфрон.
«Мур растёт молодцом: добрым и умным,
и серьёзным – и всё-таки весёлым.
Помните, что Вы – его настоящая
крёстная». *М. Цветаева*

М.Н. Лебедева, М.И. Цветаева, Ирина Лебедева, Ариадна Эфрон, Мур.
Лебедевы – близкие друзья Цветаевой.
Вскоре они все разъедутся: Лебедевы в Америку, Ариадна – в Москву

[Рукой А.А. Тесковой]

Dopis z Clamart-u (2. ledna 1934) k žádosti M<ariny> I<vanovny>
C<větajevove> — spálila.

A. Tesková

[Письмо из Кламара (2 января 1934) по просьбе М<арины> И<вановны> Ц<ветаевой> — сожгла.

A. Teskova]

[Дата «26. I. 1934» проставлена рукой А.А. Тесковой.

Вероятно, эта дата взята ею с почтового штемпеля на конверте]

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot

Дорогая Анна Антоновна,

Ваши открываю свой новый блок-нот для писем. Приятно *та́к* обновить вещь, — такую вещь.

Спасибо, спасибо, спасибо за чудесное, доброе, мудрое, убедительное, непроверяемое письмо. Гений рода? (У греков демон и гений — одно). Гений нашего рода — женского: моей матери рода — был гений ранней смерти и несчастной любви (разве такая есть?) — нет, не то: брака с не-тем. Моя мать¹ с 13 л<ет> любит одного — верховые поездки аллеями ночного парка, дедово имение «Ясенки», где я никогда не была и мимо которого проезжала, уезжая из России — совместная музыка, страсть к стихам. Мой дед², узнав, что он разведенный, запрещает ей выходить за него замуж, а по ее совершеннолетию разрешает с предупреждением, что она и дети, если будут, — да, ее же муж — никогда не будет для него существовать. Моя мать *не* выходит, выходит год спустя за моего отца³: вдовца, только что потерявшего обожаемую жену⁴, с двумя детьми, 8-летней девочкой и годовалым мальчиком (в апреле 1933 г<ода>, т.е. 10 мес<яцев> тому назад в Москве умершим моим единственным братом (полубратом) Андреем. Выходит, любя *того*, выходит, чтобы *помочь*. Мой отец (44 года — 22 года) женится, чтобы дать детям мать. Любит — ту. Моя мать умирает 35-ти л<ет> от туберкулеза.

Ее мать, Мария Лукинична Бернацкая⁵, моя бабушка, выходит замуж за ее отца (моего деда, того, кто *не* разрешил) любя другого и умирает 24 лет, оставляя полугодичную дочь — мою мать. (Фамилия моего деда — *Меуп*, Александр *Данилович*, — была и сербская кровь. Из остзейских обрусевших немцев).

Мать моей польской бабушки — Графиня Мария Ледоховская⁶ умирает 24 л<ет>, оставив семь детей (вышла замуж 16-ти). Не сомневаюсь, что любила — другого.

Я — четвертая в роду и в ряду, и несмотря на то, что вышла замуж по любви и уже пережила их всех — *тот* гений рода — на мне.

Я в этом женском роду — последняя. Аля — *целиком* в женскую линию эфроновской семьи, вышла родной сестрой Сережиным сестрам. *Моего* в ней, значит — *того* в ней — ни капли. А словесная одаренность при отсутствии *сущности поэта* — разве что украшение. Как в старину играли на арфе или⁷ писали акварелью.

Женская линия может возобновиться на дочери Мура, я еще раз могу воскреснуть, еще раз — вынырнуть. Я, значит — те. Все те Мариц, из которых я единственная — Марина. Но корень тот же.

С Алей всё по-прежнему. Ходит на какие-то митинги (никакого глубокого интереса к политике, — просто на-люди), когда только может — убегает, службой своей (с 8½ ч <асов> утра до 8 ч <асов> веч<ера>) очень довольна, и довольна потому-что не дома. Как можно, будучи *моей* дочерью, любить ходить в банк⁷, записывать телефоны, болтать с сослуживцами? Ее не только никто не неволил, я *всячески* отговаривала, говоря, что *втянется* и совершенно незаметно (жалование будут повышать!) окажется, вместо художника, помощницей зубного врача. Деньгам ее не только не радуюсь, — они меня удушают.

Со мной груба, дерзка, насмешлива, либо совсем не отвечает, либо нагло. На мое малейшее замечание открыто смеется мне в лицо: издевается. Я недавно *запретила* ей ходить на мои доклады и вечера стихов. — «Твое присутствие меня будет душишь». Вот до чего дошло.

Люди? Конечно. О как я знаю этот змеиный шип за спиной — никогда — в лицо. И как — презираю.

Она молода, миловидна, услужлива, мягка, смешлива — как же не стать на ее сторону? Кроме того, — никто ведь не знает, *какая* она со мной. На-людях она мне, инстинктивно, никогда, ни слова, — сама кротость. И это глубже чем расчет — инстинкт. Она целиком женственна, где надо — гнется, не думая.

На службе от нее в восторге (евреям льстит, что у них служит моя дочь!), знакомые от нее в восторге, а я от нее — в отчаянии.

Отец же целиком, всегда, *заведомо* — на ее стороне. (Для него я «Домострой»⁸, феодальная психология, и т.д.). *Ни разу* он ей не сказал: — Аля, так с матерью не говорят.

Для него я — ее ровня, забывая, что я ее на 18 л <ет> — и КАКИХ лет! — старше. Когда я *весь* день не могу подойти к столу — ничего, когда же я посылаю ее вынести пепел — он сразу берет ведро.

— Письмо было прервано следующим разговором. 11 ч <асов> веч<ера>. Вхожу в кухню: на газе огромный 3-литровый бидон. — Что это? — Буду мыть голову. — Почему не на печке греешь? — Я *зарабатываю* и имею право жечь газ. — Аля, я тоже зарабатываю и кормила вас всех все эти годы, но я целый день ставлю на печку воду, чтобы не жечь газ. — Ваше дело, а я буду жечь. И еще, я буду брать 100 фр <анков> из своего жалованья *себе на лето*. (Жалованье — 300 фр <анков> минус 60 фр <анков> дорога и всякие расходы).

Если бы Вы слышали этот тон!

— И предупреждаю Вас, что я недолго буду жить дома. Тогда у Вас еще меньше останется*.

Это — ее точные, еще звучащие в комнате слова.

— Когда ты уйдешь из дома, *тáк* уйдешь из дома — ты для меня вообще перестанешь существовать.

Идет к себе в комнату и закрывает дверь мне прямо на лицо. Стою на пороге, хочу сказать, ничего не нахожу, иду обратно.

Вот — живая сцена, как была.

Да, еще: — «А все эти годы я мало на Вас работала? Без всякого жалования!»

Нет, это уж не *чужие* слова, это — природа, поздно (20 л<ет>!), но всё же себя сказавшая.

Той маленькой девочки, которую я любила, — больше нет. Эту я — не могу любить. Могу только о ней заботиться. По привычке.

А завтра утром, как ни в чем не бывало, пустые разговоры, сплетни, анекдоты из «Последних Новостей», смех. У нее — *пустая* душа. Этим она — *не* в отца. Я никогда не знала, что делать с душевной пустотой.

А подумать, что есть гонимые, нелюбимые, притесняемые дети, которые мать — всё-таки любят. А знаете, в чем состояла вся ее мне «служба»? По утрам от 10 ч<асов> до 12 ч<асов> гуляла в чудном парке с Муром и *раз в день* мыла посуду. А с некоторого времени (еще до его поступления в школу) уже и *не* гуляла. Ей принадлежал *весь* день. И *месяцами* не притрагивалась к краскам. Редко какая девушка была так свободна (в семье), как она. А что я ее в 11 ч<асов> отправляла спать — да все взрослые французы ложатся спать в 10 ч<асов>! Все окна темные, п.ч. встают в 7 ч<асов>. В гости она ходила к кому хотела, — *всегда* отпускала. И в кинематограф. Платьев и обуви у нее больше, чем у меня. Дарила ей и книги, и старинные вещи. 6 лет учила ее в школе живописи. (4 в школе, 2 — у Гончаровой и у Шухаева). *Дважды* отпускала ее на лето к Лебедевым, в Бретань, и сама целый день гуляла — с тогда маленьким — Муром. *Я для Али сделала всё, что могла.* До 9-ти лет она делала в штаны (*целый день!*) и я эти штаны стирала. До этого года (теперь — кончено) шила ей на руках всё белье, и два больших красивых халата, в к<отор>ых она до сих пор спит. Всё мое зло было — что я отправляла ее во-время спать. Но у нее *плохая* легочная наследственность и сильное малокровие.

Кончится тем, что она раздружит меня со всеми друзьями, — это уже началось. Она всё время грозит мне, что ей «есть куда уйти». Своих друзей у нее нет, — и вот потихоньку берет у меня последних моих. Все ей, конечно, сочувствуют: я — тиран, она — жертва...

Уже больше никуда не хожу, от чувства, что она только-что вчера здесь была или завтра придет. Эти вещи неуловимы. Со мной уже никто о ней не говорит. Иные (иные [подчеркнуто трижды]!) же усиленно хвалят, искоса на меня поглядывая. — «*Какое* в ней очарование! Какая мягкость! Какая женственность! И какая она умная! Сколько она читала! Как она прекрасно рассказывает... И я, не выдерживая (а на это-то и рассчитывают!) — «Немудрено быть *умным*, выросши со мной, начитанным, выросши со мной. А вот мягкость — ее собственная».

И уже идет легенда о моей жестокости, жёсткости, бесчеловечности... Увидите: когда она хлопнет дверь, унося свои 300 фр<анков> жалованья, окажется, что я ее выгнала. А она ведь только ждет, чтобы ей дали 600 фр<анков> — и тогда прощайте.

«культура»? Нынче Мур меня *в ужасе* за руку: — Мама, смотрите!

На кровати, на его книге — ее башмаки. Подметала и поставила *башмаки* на книгу. *Нет* случайных жестов.

Конечно, нужно быть выше. Вырвать из сердца. Вспомнить, что семья — *не всё*. Но зачем мне тогда надо было отдавать на нее 20 лет жизни, *всю* молодость. 18-ти лет я, с друзьями (ТОГДА — БЫЛИ!) должна была ехать из Феодосии (Восточный Крым, порт) в кругосветное плавание — и осталась из-за нее, хотя была чудная надежная дама, с радостью соглашавшаяся взять ее с няней, сама предложившая. Я никогда не увижу ни Египта, ни Цейлона, ничего.

Я не жалею, я только глубоко — задумываюсь.

Зачем всё это было? Ведь нынешней горечью отравлено *ВСЁ ТО*.

5-летний ребенок приносивший мне в советский голод из детского сада *пшено* в ладони, и 20-тилетняя заявляющая мне, что 100 фр<анков> из 300-т оставляет *себе* на лето. (Я, было, думала, *все* деньги ей оставлять, но теперь — нет. А м.б. и да, не знаю: как лучше, как хуже. У меня просто — дрожь отворачивания).

Простите, дорогая Анна Антоновна, за *такое* письмо, сама не думала, что будет таким.

В следующий раз напишу Вам про две смерти: Андрея Белого и одного друга⁹, покончившего с собой в новогоднюю ночь в Брюсселе.

Остался чемодан рукописей, которые никому кроме меня не нужны. Он был — *настоящий* писатель. *Теперь*, может быть, напечатают.

Доброй ночи! Добрее, чем моя!

— Горько. —

Утешаюсь книгами. С жадностью жду Вашей. Книги и природа — это лучшее, что было у меня в жизни. Т.е. *души* и природа. И — работа.

Обнимаю Вас с любовью и благодарностью.

МЦ

Карточки *чудные*. Особенно хороша та, уходящая, — живая. Вы и лес.

Пороюсь и пришлю свои. А Мур у меня для Вас уже есть. В рамке. Найду подходящую коробочку и пришлю. Постараюсь уложить так, чтобы не сломалось стекло.

P. S. Скажите, по-Вашему всё Алино поведение — ЕСТЕСТВЕННО? М.б. мне одной кажется, что это — чудовищно. Ответьте, не называя имен: ПОЙМУ.

Сейчас иду ей варить на утро овсянку: уходит рано и ест в городе плохо, т.е. мало дают.

* ее денег, к<отор>ые будет брать себе целиком.

¹ Мать Цветаевой *Мария Александровна* (урожд. Мейн; 1868—1906) была одаренным человеком. Талантливая пианистка, она владела четырьмя иностранными языками, много переводила, прекрасно рисовала. Детей воспитывала строго. В создании Музея изящных искусств была главной помощницей мужу.

² *Мейн Александр Данилович* (1836—1899) — лед М. Цветаевой по линии матери. Окончил кадетский корпус, с 1882 стал управляющим канцелярией московского генерал-губернатора, был членом правления Московского земельного банка, членом совета Международного банка. В качестве журналиста сотрудничал в газ. «Голос», «Московские губернские ведомости», «Русские ведомости». Перед смертью оставил часть своего состояния на поддержание строительства Музея изящных искусств им. императора Александра III (в настоящее время — Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина в Москве).

³ *Цветаев Иван Владимирович* (1847—1913) — сын приходского священника Владимира Васильевича Цветаева (ок. 1818—1884), отец Марины Цветаевой. Начал службу в Румянцевском музее хранителем Отдела изящных искусств и классических древностей, стал его директором. Ученый, профессор Московского университета, филолог-классик, специалист в области античной истории, эпиграфики и искусства. Член-корреспондент Академии наук. Создатель и первый директор (1911—1913) Музея изящных искусств (см.: *Каган Ю.М.* И.В. Цветаев: Жизнь. Деятельность. Личность. М., 1987). О дочери Марине он писал: «Экие дарования Господь ей дал!

И на что они ей! После они могут принести ей больше вреда, чем пользы» (*Жуникова Е.Ф.* Таруса в переписке Цветаевых с Иловайским // Цветаевские научные чтения в Тарусе: Сб. докладов. Калуга, 2003. С. 28).

⁴ *Иловайская Варвара Дмитриевна* (см. примеч. 2 к письму 84) — первая жена И.В. Цветаева, мать единокровных сестры и брата Цветаевой — Валерии (см. примеч. 16 к письму 84) и Андрея (1890—1933).

⁵ *Бернацкая Мария Лукинична* (1842—1868) — бабушка Цветаевой по материнской линии; происходила из польского дворянского рода.

⁶ *Ледоховская Мария* — мать М.Л. Бернацкой, польской бабушки Цветаевой.

⁷ В банке работал муж подруги Ариадны Наташи Зайцевой — Андрей Владимирович Соллогуб (1906—1996). Вероятно, подруги встречались в банке.

⁸ *Домострой* — свод житейских правил и наставлений XVI в., возникший в среде новгородского боярства и купечества, защищал принципы патриархального быта и власть главы семьи.

⁹ *Степанов Иван Владимирович* (1890—1933) — друг семьи Эфрон, покончивший с собой. Воспитанник училища правоведения, капитан лейб-гвардии Семеновского полка. В конце 20-х возглавлял брюссельскую группу евразийцев. Публицист, один из основателей эмигрантского журн. «Утверждения», симпатизировал большевикам (см.: *Руднев В.* «Утверждения» // Современные записки. 1931. № 47. С. 520—524).

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
2-20 февраля 1934 г.

Дорогая и милая Анна Антоновна,

Не знаю, чудо, или случай, или Ваша любящая мысль — но Ваша чудная книга¹ пришла как раз вчера: в день Муриноного рождения: девятилетия (1-го февраля), в такую же снежную бурю, как девять лет назад, когда тоже чуть ли не сносило крыши — в Париже вчера *сносило*, и С<ергей> Я<ковлевич> чуть не был убит огромной железной трубой с крыши семиэтажного дома, упавшей меньше чем на сантиметр от него: пролетевшей *по пальто* и замазавшей его ржавчиной. Прохожие кинулись к нему, думая, что убит.

Такая же история была с моим отцом, давно, в Москве, в оттепель: на *неучтмом* расстоянии от него, прямо за ним свалилась и разбилась огромная ледяная глыба. И встречный татарин — философ и князь, как все восточные:

— Счастлив твой Бог, барин!

Книга лежит рядом с моим изголовьем, смотрю на нее с вожделием, но не читаю, потому что сначала должна кончить «Квентина Дюрварда» Вальтер Скотта², которого купила для Мура и читаю с восхищением сама. Помните ли Вы его? Людовик XI³ (франц<узский> Иоанн Грозный), такой же притягательный и отталкивающий, страшный и несчастный, человечески-безумный и государственно-мудрый, как наш царь — и молодой боевой горячий великодушный и великолепный шотландец, сам Квентин.

Такая книга не «литература», а — деяние.

Будет случай — перечтите!

А вот Вам мой чудный Мур — хорош? Во всяком случае — похож. И более похож на Наполеоновского сына⁴, чем сам Наполеоновский сын. Я это знала с его трех месяцев: нужно уметь читать черты. А в ответ на его 6-месячную карточку — Борис Пастернак — мне: «Всё гляжу и гляжу на твоего НАПОЛЕОНИДА». С 11 лет я люблю Наполеона, в нем (и его сыне) всё мое детство и отрочество и юность — и так шло и жилó во мне не ослабевая, и с этим — умру. Не могу равнодушно видеть его имени. И вот — его лицо в Мурином. Странно? Или не странно, как всякое органическое чу-

до. Знаете ли Вы *гениальную* книгу о нем Эмиля Людвига?⁵ *Единственную* его гениальную, даже не понимаю, как он ее написал — принимая во внимание все блистательные, но не гениальные — *лучшую* книгу о Наполеоне, а я читала — *всё*.

Почему мы с Вами не вместе?? Мы бы с вами ввек всего не переговорили, а с остальными, почти со всеми — мне *так скучно*, и им со мной!

Всё время ловлю себя на мысли: что у меня есть такого приятного? Какая-то радость... И, вдруг: А-а! Dixelius!⁶

У меня даже чувство, что Вы — ее написали, так и буду читать.

Очень прошу Вас, милая Анна Антоновна, достаньте «Современные Записки», только что вышедшие, и прочтите мой «Дом у Старого Пимена», — мне *очень* хочется знать Ваше подробное и непосредственное впечатление. Я совсем не знаю, что это за вещь: я слишком много *вписала* в строки.

(Пишу торопясь, потому так отрывисто, сейчас нужно идти за Муром).

Сколько нужно еще сказать, а уже конец!

Обнимаю Вас *на́спех*, но от всей души, спасибо еще отдельно за чудную, глубокую, глубочайшую надпись.

Скоро напишу еще. Это — только привет с Муринога девятилетия и спешная первая благодарность за *благой дар*.

Марина.

¹ См. примеч. 1 к письму 85.

² *Скотт Вальтер* (Scott; 1771–1832) — английский писатель, создатель жанра исторического романа, сочетающего романтические и реалистические начала. «Квентин Дорвард» (1823) — роман из времен французского короля Людовика XI.

³ *Людовик XI* (1423–1483) — французский король с 1461. Боролся за трон с собственным отцом и против крупнейших феодалов, реформировал управление государством и армией. Присоединил к Франции ряд областей,

в частности герцогство Бургундское, Пикардию, Анжу и Прованс.

⁴ *Наполеон II — Жозеф Франсуа Шарль Бонапарт* (прозванный Орлёнком; 1811–1832) — сын Наполеона I и Марии-Луизы. Никогда не правил, жил при дворе своего деда — австрийского императора Франца Иосифа I, с 1818 титуловался герцогом Рейхштадтским.

⁵ *Людвиг Эмиль* (Ludwig; 1881–1948) — немецкий писатель, автор многих беллетризованных биографий великих людей, в том числе книги «Наполеон» (1906).

⁶ См. примеч. 1 к письму 85.

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
9-20 апреля 1934 г.
второй день Пасхи.

Христос Воскресе, дорогая Анна Антоновна!

Сегодня — Ваш голос на маленькой узенькой бумажной полосочке, которую всегда с такой любовью и внимательностью читаю. Слава Богу, что «муха» расправляет крылья, молодец — «муха»! Я ее больше вижу большой птицей.

Писала ли я Вам, что у обоих детей была корь? У Мура 1-го марта, у Али — 21-го, а всё вместе длилось больше месяца. Теперь оба, слава Богу, здоровы. Завтра Мур опять в школу, Аля — на службу.

На Пасху были в нашей маленькой кламарской русской церковочке и, как всегда, стояли снаружи, под разноцветными фонариками. Думала о Вас — и о Рильке, как он, двадцатилетним, стоял на соборной кремлевской площади¹:

...als der grosse Iwan mich ans Herz schlug...²

И вчера вспоминала Вас с Катей Альтшуллер³ (бывшей Еленевой, — они уже давно разошлись), приехавшей устраиваться в Париж. Вспоминали Вшеноры, нашу станцию с воздушной корзиночкой⁴, — все то́.

Праздники всегда меня расстраивают — выбивают из рабочей колеи. Писала ли Вам, что мой вечер Белого⁵ (просто чтение о нем) прошел при переполненном зале с единым, переполненным сердцем. Возможно, что вещь пойдет в «Современных» Записках», уже сдана на просмотр.

Читаю сейчас замечательного вересаевского⁶ Гоголя⁷ — «Гоголь в жизни», — только документы современников, живые голоса. Огромный исчерпывающий трагический том. Если бы я выиграла в Нац<иональной> Лотерее хотя бы 200 фр<анков> (билета у меня нет!) то мгновенно подарила бы Вам эту книгу. Есть ли она в Праге? Такую бы хорошо увезти на лето, на все три летних месяца, прожить их с Гоголем.

— Завалена домашней работой: скоро весна, а Мур из всего вырос. Теряю огорчки, катушки, отдельные чулки, ищу, огорчаюсь, отчаиваюсь. Впрочем, Вы всё это знаете.

Обнимаю Вас и жду весточки.

МЦ

¹ Рильке был в России дважды — в 1899 и 1900.

² ...когда мне великий Иван бил на сердце (нем). Имеется в виду колокольня Ивана Великого в Кремле.

³ *Альтшуллер-Еленева Екатерина Исааковна* (1897–1982) — дочь известного врача И.Н. Альтшуллера, сестра Г.И. Альтшуллера (см. примеч. 3 к письму 33), первая жена Н.А. Еленева (см. примеч. 4 к письму 33). Собрала большой архив прижизненных публикаций Цветаевой (*Альтшуллер М.* Материалы о Марине Цветаевой в архиве Е.И. Альтшуллер-Еленевой // *Новый журнал*. 1999. Кн. 215. С. 253–282).

⁴ Горшочки с цветами, поставленные в корзиночки и подвешенные между столбами, подпирающими крышу станции Вшеноры.

⁵ Чтение М. Цветаевой прозы *Моя встреча с Андреем Белым* состоялось 15 марта 1934 в за-

ле Географического общества (бульвар Сен-Жермен, № 184). Воспоминания о Белом под названием «Пленный дух» опубл.: *Современные записки*. 1934. № 55 (IV, 221–270).

⁶ *Вересаев Викентий Викентьевич* (наст. фам. Смидович; 1867–1945) — писатель, переводчик Гомера и древнегреческих поэтов, автор известного художественно-публицистического произведения «Записки врача» (1901), повестей об исканиях интеллигенции на рубеже XIX–XX вв., критико-философских произведений, документальных работ о русских писателях. Его книгу «Пушкин в жизни» (1926–1927) Цветаева использовала в своем очерке «Наталья Гончарова».

⁷ *Гоголь Николай Васильевич* (1809–1852) — прозаик и драматург. М. Цветаева писала: «Гоголевский Днепр... это волшебство поэзии в чистом виде» (V, 413).

Clamart (Seine)
10, Rue Lazare Carnot
26-20 мая 1934 г.

Дорогая Анна Антоновна,

День начался так. У меня с вечера всегда всё готово, но вышло так, что не оказалось ни масла, ни молока, и я с вечера Але: — Аля, ложись пораньше, п.ч. завтра придется сходить за маслом и молоком. (Молочная в пяти минутах.) Утром, в 7½ ч <асов> спрашиваю: — Аля, ты скоро идешь? — Ответ: — Я уже ушла. (М.б. это — остроумие, по мне не острó и не умно́). *Наконец* — уходит, приходит, начинает мыть посуду, потом вытирать, и когда я хочу ей налить кофе: — Вы бы мне раньше налили, теперь я уже не успею — и уходит к себе в комнату. Я — ей: — Аля, но зачем же ты тогда мыла посуду? — Когда я не мóю, Вы тоже недовольны. — Но я еще менее довольна, когда ты уходишь без еды. Кроме того сейчас только 8 ч <асов> 10 мин <ут>, ты же всегда уходишь в 8 ч <асов> 30 мин <ут>. — А сегодня *суббота*. — При чем тут суббота? — (Захлопывает дверь. Я посылаю Мура открыть.) Она: — А, Вы еще не кончили? А я думала — давно». После чего, минут через десять, уходит, вместо прощания хлопнув дверью.

Вот мой ответ на голубоглазую девочку и «богиню». Да, в молочную не пошла я, п.ч. у меня с вечера был компресс, с ватой, с клеенкой (два месяца — нарывы. А сейчас два сразу — не подмышка, а сплошная болячка, а прививки делать нельзя из-за сердца, ненадежного) — так вóт, из-за компресса пойти не могла, попросила ее. И всё это — со зла, ибо знает как я забочусь о ее здоровье и что мне этот ее уход натошак — нож в сердце. Эта сценка — весь тон наших с ней отношений, возникает по всякому поводу. С ней *жить* я уже больше не могу. И не буду. Если уйдет с этого места, на к<отор>о е я ее не посылала, от к<оторо>го *всячески* отговаривала, ибо 6 мес<яцев> уже карандаша в руки не берет, а училась 6 лет, — не говоря уже о том, что это было — убить в корне мою работу, обрека меня делать по дому — всё, целый день — всё, без смены и замены: и Мур, и рынок, и варка, и стирка, и посуда, и штопка, — *всё, всё* — итак, если уйдет с этого места — пусть ищет другое, я ее больше не выношу. Пусть хлопает дверью — другим, дерзит — другим, остроумничает — с другими. Но *конечно*, всё это только дома, с другими она мила, предупредительна, скромна, все очарованы, и только один голос: — «Какой у нее *шарм!*». Т.е. именно то, чего у меня *никогда* не было: у меня было одно: да-да, нет-нет, остальное есть от лукавого¹. Но

людям нужна — видимость, а видимость, во всех смыслах, у нее очень приятная. Внутренности же я ее не знаю. Думаю, что в глубине она добра, а на самой глубине — равнодушна. Когда-то она любила меня, теперь она никого и ничего не любит, отношение — вкусовое: «нравится», «не нравится», «интересно» — «скучно», «приятно» — «не приятно», потому она и ладит со всеми (кроме меня!), п.ч. людям тоже — «нравится» — «не нравится», т.е. в конце концов всё равно. Этим она совершенно не в С<ергея> Я<ковлевича>, который, при всей своей обходительности, очень страстный человек, *идейно*-страстный, что доказывает вся его жизнь. Моего в ней ничего, кроме словесной одаренности, но что вся одаренность — без *страсти* и *воли*. «Talents de bonne compagnie»...² Может быть, если встретит сильного и во всем себе обратного человека и сделается человеком, но — между нами — такая человечность, через брак или любовь, — через *другого* — и непременно — *его* — для меня не в цене. Согласны ли Вы со мной? Ведь иначе выходит, что так, какая-то половинка, летейская тень, жаждущая воплощения... А Сельма Лагерлёф никогда не вышедшая замуж? А — Вы? А я, пяти, пятнадцати лет? Брак и любовь личность скорее разрушают, это — испытание. Так думали и Гёте, и Толстой. А ранний брак (как у меня) вообще — катастрофа, удар на всю жизнь. Я в такое лечение не верю. Не человеком станет — через любовь, а *растворится* в любви, в человеке, т.е. личность окончательно исчезнет *в роде и в поле*. Это — обычный путь, и м.б. ей он и сужден. Тогда еще лишний раз — не моя дочь.

— О другом. Также ищем квартиру, и *тоже* понравился дом с садом, и *тоже* не достался (перебили другие, с деньгами), и уже мысленно взгромоздились на 6-ой этаж, но зато с двумя балконами и центр<альным> отоплением, значит — чистый воздух и тепло. Переезжаем к 15-му июля, уже заплатили часть терма. Цена в год (три комнаты, коридор, кухня, ванна, отопление) — 4.500 фр<анков>, это самое дешевое, что мы здесь нашли, но подъемника нет, с подъемником бы — на тысячу больше. Мне — ничего, но жалею С<ергея> Я<ковлевича> (к<отор>ый, как из этого видите, еще здесь, и, надеюсь — надолго. Я с ужасом думаю о его отъезде: 5/18-го мая было двадцати-трех-летие нашей первой встречи — в Коктебеле, у Макса³, а это уже — расставание на всю жизнь!)

Мурино учение идет отлично. Он не только изумительно-одарен, но так же трудолюбив и даже *трудо-страстен*, сам, с утра, чуть-свет, повторяет свои уроки, его никогда не надо заставлять, скорее — отрывать. Кстати, уроки иногда готовит в лесу, забираем с собой все и сидим на полянке. Лес от нас — 20 мин<ут>, но стóит проделывать скучную дорогу, чтобы побыть в тишине и зелени. Это у всех моих знакомых зовется моим «безумием», а — по мне — чего естественней? Чем сидеть в комнате и слушать автомобильные гудки. Меня *все* судят (большинство — за спиной, *шипят*), а что я такого «безумного» делаю? Разве не безумие до 15-го июля Мура держать в комнате — то школьной, то квартирной? Разве не безумие (бы) отпускать его одного на улицу, под автомобили, в драку с мальчишками, и т.д. — как делают *все* со своими «Мурами»? Я, честное слово, *других* считаю безумными, а вернее — бессовестными.

Пока я жива — ему должно быть хорошо, а хорошо — прежде всего — жив и здоров. Вот мое, по мне, самое разумное решение, и даже не решение — мой простой инстинкт: его—сохранения. Ответьте мне на это, дорогая Анна Антоновна, п.ч. все мои проходы в школу и прогулки с ним (час утром, два — после обеда) считают сумасшествием, С<ергей> Я<ковлевич> — первый. Дайте мне сад — или хорошую, мне, замену — либо оставьте меня в покое. Никто ведь не судит богатых, у которых няньки и бонны, или счастливых, у кого — бабушки, почему же меня судят? А судят все — кроме А.И. Андреевой⁴ (помните ее? как она танцевала на вшенорском вокзале, от радости, что — хорошая погода??), которая меня по-настоящему любит и понимает и которую судят — все. У нее четверо детей, и вот их судьбы: старшая⁵ (не-андреевская) еще в Праге вышла замуж за студента-инженера и музыканта. И вот А. А<ндреева> уже больше года содержит всю их семью (трое), ибо он работы найти не может, а дочь ничего не умеет. Второй — Савва⁶ танцует в балете Иды Рубинштейн⁷ и весь заработок отдает матери. Третья — Вера⁸ (красотка!) служит прислугой и кормит самое себя, — А. А<ндреева> дала ей все возможности учиться, выйти в люди, — не захотела, а сейчас ей уже 25 лет. Четвертый — Валентин⁹, тоже не захотевший и тоже по своей собственной воле служит швейцаром в каком-то клубе — и в отчаянии. Сама А. А<ндреева> держит чайную при балете Иды Рубинштейн и невероятным трудом зарабатывает 20-25 фр<анков> в день, на которые и содержит своих — себя и ту безработную семью. Живут они в Кламаре, с вечера она печет пирожки, жарит до 1 ч<аса> ночи котлеты, утром везет всё это в Париж и весь день торгует по дешевке в крохотном загоне при студии Рубинштейн, кипятит несчетное число чайников на примусе, непрерывно моет посуду, в 11 ч<асов> — пол, и домой — жарить и печь на завтра. А Аля могла жить дома, работать в своей области, гулять, немножко помогать мне, — нет, не захотела, дома «скучно», интереснее весь день видеть испорченные зубы и дышать парижским (этим всё сказано!) воздухом.

Сдала в журнал «Встречи»¹⁰ маленькую вещь, 5 печатных стр<аниц> — «Хлыстовки»¹¹. (Кусочек моего раннего детства в гор<оде> Тарусе, хлыстовском гнезде.) Большого ничего не пишу, Белого написала только потому, что у Мура и Али была корь, и у меня было время. Стихов моих нигде не берут, пишу мало — и без всякой надежды, что когда-нибудь увидят свет. Живу, как в монастыре или крепости — только без величия того и другого. Так одиноко и подневольно никогда не жила.

В ужасе от будущей войны (говорят — неминуемой: Россия — Япония), лучше умереть.

А теперь бегу за Муром и обнимаю Вас нежно и прошу прощения, что так мало «порадовала», но у меня никого нет (кроме Андреевой), ни одного человеческого сочувствия, все заняты своим, да и я, выходит, ни на кого не похожа...

Непременно пишите. Скоро получите маленькую, но верную — радость. Желаю здоровья всей семье и чудного дома. А жаль того — двадцатилетнего!

МЦ

¹ Евангельское «Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого» (Мф 5: 37).

² Одаренность воспитанного человека (*фр.*).

³ М.А. Волошин, которого многие друзья звали Максом.

⁴ См. примеч. 3 к письму 9.

⁵ *Карницкая Нина Константиновна* (в первом браке Копёнкина; 1906–1987) — дочь А.И. Андреевой от первого брака. Карницкий Константин — первый муж А.И. Андреевой.

⁶ *Андреев Савва Леонидович* (1909–1970) — сын А.И. и Л.Н. Андреевых. После смерти отца вместе с матерью жил в Праге, позже в Париже. Учился в художественной школе В. Шухаева вместе с А.С. Эфрон. В 1941 уехал в США, затем в Аргентину, где танцевал в балетной труппе театра «Колон» в Буэнос-Айресе. Создал там труппу русского балета.

⁷ *Рубинштейн Ида Львовна* (1885–1960) — балерина, ученица балетмейстера М.М. Фокина (1880–1942). В 1928–1935 руководила в Париже собственной труппой.

⁸ *Андреева Вера Леонидовна* (в замужестве Рыжкова; 1910–1986). Эмигрировала в Чехословакию. В 1960 она с мужем вернулась в СССР. После его трагической гибели жила с дочерью в Орле. Автор основанных на автобиографическом материале повести «Дом на Черной речке» (1974) и романа «Эхо прошедшего» (1986). В роман также вошли воспоминания о М. Цветаевой (см.: *Андреева В.* Из книги «Эхо прошедшего» — МЦВС II, 163–170). По свидетельству В. Морковина, писала статьи, «полные национализма и несправедливости к европейской культуре»

(*Морковин В.* Воспоминания // Русская литература. 1993. № 1. С. 218).

⁹ *Андреев Валентин Леонидович* (1912–1988) — художник, позже сотрудник одной из технических фирм в Лондоне. Хранитель вывезенного за рубеж литературного архива отца и более тысячи цветных слайдов на стекле, выполненных Л. Андреевым (*Andreyev L.* Photographs by a russian writer / Richard Davies, Olga Andreyev. L., 1989).

¹⁰ *Встречи* — ежемесячный журн. русской эмиграции, издававшийся под ред. Г.В. Адамовича и М.Л. Кантора в Париже в первой половине 1934. Вышли в свет шесть номеров, в пяти были опубликованы стихи и проза Цветаевой.

¹¹ *Хлыстовки*. Опубл.: Встречи. 1934. № 6. (V, 92–97). В последующих изданиях — под редакционным названием *Кирилловны* (см.: Тарусские страницы. Калуга, 1961. С. 252–254). Хлысты — христововеры — секта духовных христиан. Возникла в России в XVII в. Считали возможным прямое общение со святым духом, воплощение Бога в праведных сектантах — «христах», «богородицах». Немногочисленные общины были разбросаны по разным районам России. Цветаева писала в этом очерке: «Я бы хотела лежать на тарусском хлыстовском кладбище, под кустом бузины [...] Но если это несбыточно, если не только мне там не лежать, но и кладбища того уж нет, я бы хотела, чтобы на одном из тех холмов, которыми Кирилловны шли к нам в Песочное, а мы к ним в Тарусу, поставили, с тарусской каменоломни, камень: *Здесь хотела бы лежать Марина Цветаева*».

Elancourt, par Trappes (S. et O.)
chez M-me Breton¹
24-20 августа 1934 г.

Дорогая Анна Антоновна! Не удивляйтесь карандашу, я не больна, но я в деревне, где нельзя купить пера, а мое так дерет бумагу, что вся энергия уходит на выведение букв — начинаю понимать скучные и короткие письма детей, начинающих писать чернилами.

В деревне мы с Муром уже с 31-го июля, недалеко от Парижа (вторая станция за Версалем), но настоящая деревня, — редкому дому меньше 200 лет и возле каждого — прудок с утками.

Жизнь не легкая, почти все продукты таскаем на себе из соседнего городка — Trappes (8 кил<ометров> туда и обратно), воду надо качать, стирать очень неудобно, пропустишь булочника — купить негде и т.д. — но настоящий простор и покой, как только выйдешь. Нужно только — чаще выходить (реже входить!).

Это наше с Муром первое лето на воле за 5 лет. Цена (чтобы Вы немножко представили себе французские цены на жилье) — 2 больших, совершенно пустых комнаты (в одной — готовим) 120 фр<анков> в месяц. Часть мебели привезли, часть дружки дали местные русские — муж и жена — цветоводы. Местность вроде чешских Иловиц² — только Иловицы — лучше — должно быть оттого, что — выше. Но мы, по старой памяти, все-таки ухитрились поселиться на холму. С собой взяла «Kristin Lauranstochter», к<отор>ую перечитываю каждое лето, — вот уже пятый раз. Т.е. пятый раз живу ее жизнь. Второй том — с Вашей надписью, — помните? Значит и Вас взяла с собой в Elancourt (в русск<ом> переводе олень (старинное ЕЛЕНЬ) бежит).

Была у меня здесь в гостях мой — уже старый: 10 лет! — и верный друг, А.И. Андреева, наслаждалась простором и покоем. Ее сын Савва, к<оторо>му уже 25 лет, а Але осенью будет 21 год! — принят в Casino de Paris³ — послужила ему его обезьянья лазьба по вшенорским деревьям! — танцор, и танцор замечательный. А весь облик — облик Парсифаля⁴: невинность, доверчивость, высокий лад, соединенный с полным дикарством (не знает, что такое социализм, и — знать не хочет) — полная мера своеобразия. Да и она очень своеобразна, — только жёстче сына, — м. б. потому что — старше.

Аля на́ море, учит по франц<узски> целое семейство (бабушку включая) нем<ецко>-еврейских эмигрантов. 150 фр<анков> в месяц, но — море! И хороший корм (семья ест *весь день*), и добродушное отношение.

Между нами идет дружеская переписка, не слишком частая. Я, наконец, поняла (*всегда* знала, но теперь узнала на *опыте*), что кровное родство — не *Wahlverwandschaft*⁵, и что требовать (*ждать*) близости можно только от второго. Ибо первое (кровное) — случайное: от случайности брака: нашего или наших родителей минутного выбора и решения. Чудо — когда *совпадает*.

О Муре могу сказать, что он растет большой и своеобразный, но, по мне, слишком мужественный: слишком *мальчик*. Но надо быть умнее и не ждать второй раз — себя, второй себя.

— Читали ли новую вещь Ундсет: «Anna-Elisabeth»?⁶ И, если да, — что это? Какое время?(С огорчением:) — неужели наше? Где происходит вещь? В какой стране?(С огорчением:) — Неужели не в Норвегии? Непременно напишите: той же ли *силы* вещь, или слабее, или, вообще, иное? Жажду знать.

Моего Белого («С<овременные> Зап<иски>») не ищите — пришлю как только вернусь. Обещаю. У меня есть отдельные оттиски. Напишите мне разок сюда: я здесь до 25 сент<ября>. Так приятно будет получить Ваше письмо от *деревенского* почтальона!

Боюсь, что у Вас уже в глазах рябит от моего карандаша!

Обнимаю Вас и жду отклика.

МЦ

С<ергей> Я<ковлевич> живет наполовину в Клараме, наполовину здесь, езды из Кларамы 40 мин<ут>, а полная глушь: поля, старые фермы, коровы...

¹ Эланкур-пар-Трапп (Сена и Уаза), дом мадам Бретон.

² Правильно: *деревня Йиловиште*.

³ Казино де Пари — парижский мюзик-холл.

⁴ *Парсифаль* — герой средневековой немецкой легенды, чистый сердцем юноша, по-

бедивший злого волшебника Клингзора. Этот сюжет использовал композитор Рихард Вагнер (1813–1883) в опере «Парсифаль».

⁵ Избирательное сродство (*нем.*). Аллюзия на роман И.В. Гёте «Избирательное сродство» (1809).

⁶ Правильно: *Ida-Elisabeth* (1932).

Vanves (Seine)
33, Rue Jean-Baptiste Potin¹
24-20 Октября 1934 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Знаете, что с нашего расставания 1-го ноября будет уже — 9 лет? А тогда Муру было — день в день — 9 месяцев. Правда, жуть? И эта жуть — жизнь.

Wenn die Not am höchsten ist, so ist Gott am nächsten²: вчера мы совершенно по-гибали от безденежья: в доме ничего не было (как мыши — всё приели), а денег — никаких, ибо только что (15-го) выплатили терм. И вдруг — Ваша присылка! Я почувствовала себя — Ротшильдом или гамбургским банкиром *Bleichröder'ом*, в семье которого Аля, этим летом, за 150 фр<анков> в месяц, обучала французскому — и всему, мытье ушей включая — троих детей и их 80-летнюю бабушку, главную банкиршу (ее — только французскому).

Как видите, с фермы вернулись. Мур ходит в школу, Аля пока дома, и нужно сказать, пока, ведет себя хорошо.

Мы живем в чудном 200-летнем каменном доме, почти-развалине, но надеюсь, что на *наш* век хватит! — в чудном месте, на чудной каштановой улице, у меня чу-удная большая комната с двумя окнами и, в одном из них, огромным каштаном, сейчас желтым, как вечное солнце. Это — моя главная радость.

Пишу очередную главу своего детства «Чорт»³. Думаю, что после нее эмиграция от меня совсем *открестится*, хотя бы из-за своего глубокого *лицемерия* и самого по-верхностного *ханжества*.

Здесь все стали «святые», а как мало настоящей человечности!

Очень хочу, чтобы Вы прочли моего «Китайца»⁴ — 24-го Октября, среда, «Последние Новости». Достаньте, пожалуйста! А м.б. я сама пришлю Вам, если достану в пятницу в редакции.

Очень спешу. Это — только короткая благодарность и привет.

МЦ

¹ Ванв (Сена). Улица Жана-Батиста Потена, дом № 33 (фр.).

² Чем беда больше, тем Бог ближе (нем.).

³ *Чорт*. Опубл.: Современные записки. 1935. № 59 (V, 32–56).

⁴ *Китаец*. Опубл.: Последние новости. 1934. 24 окт. (V, 206–212).

Vanves (Seine)
33, Rue Jean-Baptiste Potin
21-20 Ноября 1934 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Видали ли Вы немецкий фильм «Leise fliehen meine Lieder»¹ (по-французски «Symphonie inachevée»²) — из жизни Шуберта?³ Вот — прекрасная трагедия поэта, а моя — уродливая, и, может быть, отчасти из-за ее уродства и плачу. Там — его «не любит», верней — его любя от него уходит прелестная девушка, и он остается один — с песнями. А от меня уходит, не любя, моя дочь, которой я отдала двадцать один год жизни, т.е. всю свою молодость. И я остаюсь — не с песнями, а с <ережей>, к <отор>ый рвется в Россию и скоро возненавидит меня (а подсознательно уже, временами, ненавидит) за то, что я не еду, и с Муром, который проделает то же, что Аля, только раньше. С двумя — уйдут или не уйдут — которые от меня рвутся в жизнь и для которых я препятствие и помеха, которые без меня были бы счастливее. (О, не возражайте: ЗНАЮ.) Знаю и то, что *может быть* МУР, через тридцать лет (о, раньше — нет!), когда меня давно не будет, — поймет и меня и мою любовь⁴, — но меня-то — не будет! А там где я тогда буду — всё — всё равно.

С Алей было так. Вернувшись после лета, она дней десять, по инерции (была в немецкой семье) мыла посуду и держала дом в чистоте. И была *вежлива*. Потом на одиннадцатый (шучу: м.б. на девятый, м.б. на двенадцатый) стала собой, впала в себя: в лень, в дерзость, в равнодушие ко всему, что не развлечение, в непрерывное бегание по знакомым: утром, днем, вечером (до 1 ч <асу> ночи), *все* вечера стала уходить, совершенно не считаясь, что и мне иногда хочется уйти (Мура я одного вечером не оставляю никогда, а особенно в таком доме, как наш «новый» (200 лет!) с постоянной возможностью угара и жуткими соседями) — не считаясь и с тем, что мне, иногда, приятно было бы с ней вечером (всё лето не виделись!) посидеть, почитать, пошить, а главное, не считаясь — с моей вечной о ней заботой: она *очень* малокровна и истощена, и у нее *отцовская* физика (наследственность), а *каждый* вечер, без исключения, ложиться в 1 ч <ас> и вставать в 7 ч <асов> — кого угодно с ног собьет. Я не могла спокойно смотреть на такое *глупое* саморазрушение, ибо: один вечер — гадать, другой — к какой-то подруге за тридевять земель, третий — к другой «подруге», просто для хохота и сплетен, иногда и на лекцию, но опять-таки как развлечение: чтобы не сидеть дома.

Когда она вернулась с моря, я предложила ей кончить в этом году свою живописную школу и получить аттестат — *нужный* в жизни. И она *семь* недель не удосужилась пойти в эту школу и сговориться. Наконец, в один прекрасный день, является после делового (с какой-то редакторшей) свидания домой и — как ни в чем не бывало — в свою комнату, писать письма (всё тем же «подругам», которых у нее — сколько угодно). Я: — «Ну, как, Аля, свидание? Есть надежда на заработок?» (— Она, из комнаты) — «Да. 500 фр<анков> в месяц — переводить статейки, иногда писать на машинке, рисовать картинки. Но для этого мне придется *снять комнату в городе*».

— И всё. Всё, что она нашла мне сказать, *меняя жизнь*.

Ибо это, прежде всего, уход из дома. Для того и делается. Не переезд в комнату, а в другую жизнь: отдельную, свободную, *парижскую*, с кафе и кинематографами, без контроля, без заботы, без ответственности, ибо все эти статейки и картинки для нее — забава, ибо: в редакции, т.е. опять в компании: шутки, хохот, новые знакомства. Она *очень* даровита и конечно ей через 2 месяца дадут не 500 фр<анков>, а тысячу, кроме того она всем нравится, без исключения, и не сомневаюсь, что ее жизнь будет очень веселая. (Забыла Вам сказать, но очень прошу, *МЕЖДУ НАМИ!* — что журнал этот — детский коммунистический французский, по ее словам «очень грубый и пошлый». И — *идет сотрудничать!*) *Моя* ли это дочь?! На торжествах Октября (я не была! не мои это торжества!) перешла на *ты*⁵ с людьми, о существовании которых час назад и не подозревала, т.е. сразу — в товарищи. (Совершенно ко всем октяблям равнодушна, а так — из-за компании.)

Да, возвращаясь к тому разговору. Я — ёй: — «Но 500 фр<анков> на жизнь — мало. Комната не меньше 200 фр<анков>, а еда? Езда? Стирка? Обувь? Живи здесь, т.е. приезжай ночевать, как половина всех живущих за-городом, тогда и комнаты не нужно». — «Нет, ибо живя дома, мне иногда придется убирать, а мне нужно *всё время* на работу». (Причем, это не служба, а именно домашняя работа, ибо никто не пишет и не рисует в редакции!)

Ей не на работу нужен весь день, а на свободную жизнь — без меня. Вот и всё.

Всё это конечно было за моей спиной подстроено С<ережей> и его новыми друзьями: — бедная девушка погибает в буржуазной (это я-то!) обстановке, мать — тиран, она задыхается, и т.д.

И — ни оборота на меня, ни мысли.

Анна Антоновна, я ее *вырвала* из сердца и болит только рана. И трудны только эти дни, пока она еще здесь. Со мной что-то вроде столбняка: во мне *всё* сжалось. Ни в поисках комнаты, ни в устройстве я участвовать не буду: *не могу*: это было бы духовное самоубийство, *соучастие в собственном убийстве*.

Пусть живет как хочет и как может. Я для нее больше ничего не могу. Но и в «комнату» ее войти не смогу, ноги откажутся. Дело не в том, чтобы «простить», я просто ничего *не понимаю*: меня продали за развлечения и удобства. Меня — за кафе и хохотанье.

М.б. всё это — вполне нормально: выросла, — надоело дома — хочется собственной жизни — ей 20 лет: веселья! Но я-то воображала, что это связь — *нерушимая*, что и речи быть не может..., что никакие силы... и т.д. А — какие-там — силы! Просто — надоело мыть посуду, а там — ресторан. Надоели укоры в 1 ч<ас> ночи — а там — свобода! Эта простота-то меня и сражает. Я для нее: мытье посуды + уборка ее собственной комнаты. Она всё забыла.

Предстоит тяжелая процедура разбора и увоза вещей, это уж — почти вынос *те-ла*. «Это я беру, а это я оставляю. Мольер⁶ мне не нужен — оставляю Муру» — и т.д. И на Мура не оглянулась. И самое удивительное, что это не роман, не любовь, а бес-предметная «свободная жизнь».

А <нна> А <нтоновна>, жёсткой всю жизнь слыла и слыву — я. А помните мою «Поэму конца»? (Прага, 1924 г<од>). Ведь как меня человек⁸ любил, как звал! Но я *не могла*, помню свое ему последнее слово: — «Я не могу жить с язвой. Вы для меня — чистая рана, а разбей я семью — будет язва, и она меня *загрызет*».

Это была самая сильная любовь моей жизни.

И — ни оглядки на меня, поэта! Ведь она *знает*, что, уходя из дому, обрывает меня на почти-неписанье. Ведь я 4 раза (дурацкая система) хожу в школу за Муром, т.е. 8 концов, т.е. 2 часа — и все по ¼ часа. — Пусть ходит сам. — Но автомобили тоже *сами* ходят. А топка печей, а принос угля, а стирка, а готовка, а уборка, а рынок, — *всё на мне*. Ведь у нас — *квартира*. Когда же писать? И по сколько минут? (<Сережа> — не в счет, его почти никогда нет, и, когда возвращается — *без ног*. Иногда с 9 ч<а-сов> до 1 ч<асу> ночи в городе. (NB! белое место слева — от огромной слезы, кото-рая никак не могла просохнуть, а я не хотела, чтобы чернило расплылось.)

Мне все эти дни хочется написать свое завещание. Мне вообще хотелось бы не-быть. Иду с Муром или без Мура, — в школу или за молоком — и изнутри, сами собой — слова завещания. Не вещественного — у меня ничего нет — а что-то, что мне нужно чтобы люди обо мне знали: *разъяснение*. Свести *счета*, хотя Маяковский и сказал:

Кончена жизнь — и не к чему перечень
Взаимных болёй, и ран, и обид...⁹

Я дожила до сорока лет и у меня не было человека, который бы меня любил больше всего на свете. *Это* я бы хотела выяснить. У меня не было *верного* человека. Почему? У *всех* есть. И еще — благодарность тем, кто мне помогали жить: Вам, А.И. Андреевой и Борису Пастернаку. Больше у меня не было никого.

Подымаю глаза, совершенно горящие от слез (целые дни!), и сквозь слезную за-весу вижу лицо Зигрид Ундсет из серебряной рамки: недоумевающее, укоризненное, не узнающее (меня). А рядом — Рильке, под веткой боярышника, а м.б. терновника (острые листья с шипами и красные ягоды), которую я подобрала на улице. Но Р<иль-

ке> отвернулся, смотрит вдаль, слушает — даль (это его последняя карточка, маленькая, любительская — снимала его русская секретарша и сиделка¹⁰. Он на балконе: весна¹¹: еще черные — ветки. Он с наставленным, как у собаки, ухом стоит и слушает).

Внизу, как раз под моей комнатой, русская семья: старушка 81 года, помнящая Аделину Патти¹². Красивая, серебряно-седая, изящная. И вот нынче слышу: *навзрыд* плачет. У нее две внучки, двадцати лет, когда бабушка роняет вещь — ни одна не двигается, а говорит — прерывают или смеются. Старушка весь день бегаёт вверх и вниз по лестнице, п.ч. кухня внизу, а едят наверху. Готовит на семь человек, одна моет посуду. А внучки лежат на кроватях, и — мечтают. Или негодуют на нищенскую жизнь. Бабушка тихо угасает, скромно. Понесла кому-то пирог — нечем дышать. «А воздух — свежий. Значит — сердце». Я *вдвое* моложе ее (как вдвое старше Али и вчетверо — Мура). Вчера я принесла ей свой граммофон с лучшими пластинками, — как она блаженствовала! Но внук у нее — чудный! Красавец, как она, — двадцать пять лет. Между нами — 15 лет — и начало дружбы, из которой конечно ничего не выйдет, — он боится моей «славы», а я его молодости. Так и пройдем мимо. Но приятно — когда в глазах — восторг. Бываю я у них, именно потому что — соседи — редко, раз в две недели, но всегда отдыхаю душевно — от бабушки и от внука. Почему людям нельзя сказать, что их любишь?

Была ссора с С<ережей>. Он говорит, что это я Алю выжила из дома. (Я хотела для нее *школы* или места в *семье*.) Мур меня ревностно защищал. А я просто — как собака — *выла*, затопя весь стол слезами. Боюсь — глаза пропадут. А сердце — уже пропадает: я, рожденный *ходок*, стала задыхаться на ровном месте, и с каждым днем хуже. Жаль сердца — хорошо служило.

Сейчас лягу, и слезы потекут за уши.

Und schlafen möcht ich, schlafen

Bis meine Zeit herum!¹³

Обнимаю Вас.

МЦ

Я отчасти и из-за бабушки плачу: из-за её слез, — от всех вместе.

У меня еще одно горе, — не горе: *обида*, *дико-незаслуженная*!¹⁴ Но о ней в другой раз.

¹ *Песнь моя лети с мольбой...* (1933) — фильм австрийского режиссера Вилли Форста (Forst; 1903–1980).

² *Неоконченная симфония* (фр.).

³ *Шуберт Франц* (Schubert, 1797–1828) — австрийский композитор, создатель романти-

ческих песен-романсов, лирико-романтических симфоний и фортепианных миниатюр. Шуберт был безответно влюблен в графиню Каролину Эстергази (1805–1851).

⁴ Спустя девять лет, уже потеряв родителей, Георгий писал сестре, находившейся

в ссылке: «Во всех твоих письмах сквозит неподдельная горечь по поводу утраты семьи, дома, чего-то солидного, настоящего. У меня в этом отношении совершенно такое же чувство, что и у тебя. Но лишь теперь я понял, какое колоссальное положительное значение имела в моей жизни семья. Вплоть до самой смерти мамы я враждебно относился к семье, к понятию семьи. Не имея опыта жизни бес-семейной, я видел лишь отрицательные стороны семейной жизни, по ним судил — и осуждал. Мне казалось, что семья тормозила мое развитие и восхождение, а на деле она была не тормозом, а двигателем. И теперь я тщето жалею, скорблю о доме, уюте, близких и вижу, как тяжело я ошибался. Но уж поздно» (Эфрон Г. Письма. М., 2002. С. 101).

⁵ Среди членов прокоммунистических организаций русской эмиграции было принято обращаться друг к другу на «ты».

⁶ *Мольер* (Molière наст. имя и фам. Жан Батист Поклен; 1622–1673) — французский драматург и актер. В России его произведения начали переводить и ставить в начале XVIII в.

⁷ См. примеч. 3 к письму 34.

⁸ К.Б. Родзевич в 80-х годах рассказывал мне во время нашей встречи в Париже, что это была любовь с первого взгляда, но они не могли быть вместе: «ведь Сергей был другом (другом и остался), была Аля...».

⁹ *Кончена жизнь...* — неточная цитата из предсмертной записки В. Маяковского: «Я с жизнью в расчете и не к чему перечень / Взаимных болей, бед и обид...»

¹⁰ Евгения Черносвитова — см. примеч. 13 к письму 32.

¹¹ На самом деле фотография была сделана осенью 1926.

¹² *Патти Аделина* (Patti; 1843–1919) — знаменитая итальянская певица. В 1869–1904 неоднократно гастролировала в России.

¹³ И спать я хотела бы, спать / Все отпущенное мне время! (нем.). Цитата из стихотворения-поэмы *Die Taxiswand* (Стена тисов) немецкой поэтессы XIX в. Аннет фон Дросте-Хюльсхофф (1797–1848). М. Цветаева цитирует по памяти.

¹⁴ К этой теме Цветаева больше не возвращалась.

Vanves (Seine)
33, Rue J. B. Potin
27-го декабря 1934 г.,
3-ий день Рождества

С праздниками и наступающим Новым Годом, дорогая Анна Антоновна!

Это уже второе мое письмо Вам к праздникам, ибо перечтя первое, устрасилась его безрадостью и решила не отправлять, верней — не решилась отправить. Письмо, как Вы уже догадываетесь, было о делах семейных: дочерне-материнских, — а Бог с ними! — на этот раз, еще другое в жизни есть. Бывает горе на нас похожее, *наше*, а бывает и чужое, несвойственное, в котором ничего не узнаешь, вроде бытовых бедствий или уж слишком *обще-человеческих*, почти прописных: неблагодарность детей, и т.д. Мне вдруг стало стыдно идти к *Вам*, человеку с исключительной душой и судьбой, с такими обычными и *не-моими* катастрофами, — ведь случай потрясающе-банален, и изумителен он только приуроченностью ко мне. Чтó страдать от поговорки?

А вот другое горе: мое. Чистое и острое как алмаз.

21-го ноября погиб под метро юноша — Николай Гронский¹. Он любил меня первую, а я его — последним. Это длилось год. Потом началось — неизбежное при моей несвободе — расхождение *жизней*, а весной 1931 г. и совсем разошлись: *наглухо*. За все три года я его видела только раз, в поезде, — позвала — не пришел. (Позвала «заходить», и он, не поняв словесного прикрытия, оскорбился). И вдруг, 21-го ноября утром в газете...

— Но это не всё. Юноша оказался *большим* поэтом. Вот его вещь, — мой грустный подарок Вам на Новый Год. Он и при мне (18, 19 лет!) писал стихи и были *прекрасные* строки, и я всё спрашивала его, верней — себя: — Будешь ли ты — или нет — поэтом? И вот, расставшись, — *стал*. Сохранилась вся наша переписка (лето 1928 г.) — целое *Briefbuch*². Он писал мне из Bellevue (под Парижем, где и мы жили первый год) в Pontailac на океан. Он должен был ко мне приехать, но, придя перед поездом проститься с родителями, застал *разъяснение*: мать³ уходила от отца⁴. Поставив чемодан у двери, вступил в «беседу» — третьим, — и сразу скажу, что чемодан этот 6 ч<асов> спустя унес обратно на свой чердак, где жил, т.е. остался — чтобы мать осталась — и никогда ко мне не приехал — и *никогда* уже не увидел Океана.

А мать, 6 мес<яцев> спустя (он заработал по месяцу на час!) всё равно ушла, и жертва была — зря. Всё это сохранилось в его и моих письмах. Он подарил мне свой детский крестильный крестик, на котором «Спаси и сохрани». — «Я всё думал, что Вам подарить. И вдруг — понял: ведь больше этого — нет. А пока Вы со мной — я уже спасен и сохранен». Я надела ему — свой, в нем он и похоронен, — на новом мёдонском кладбище, совсем в лесу: был лес, огородили — и всё. Там он и лежит с 26-го ноября (вчера как раз был месяц!) под стражей деревьев, входящих в кладбище, как домой. Сколько раз мы мимо него ходили!

9-го дек<абря> появилась его поэма «Белла Донна»⁵ (савойская горная цепь), я написала о ней «статью»⁶, и вот, просьба: не могли бы Вы, дорогая Анна Антоновна, ее перевести и поместить в Чехии? Статья небольшая: на полтора газетных фельетона. Если бы была надежда, я ее бы Вам переписала и послала, но это всё-таки полных два дня работы, так что — без надежды — трудно приняться. *Может быть* пойдет в «Посл<едних> Нов<остях>».

Статья интересная, ибо касается *всей* поэзии и, главным образом, отвечает на вопрос о языке, среде, почве, *корнях* поэта. Это — первый поэт, возникший в эмиграции. Первый *настоящий* поэт. Вы это сами увидите.

После него осталось 500 рукописных страниц стихов: много больших поэм (знаю, пока, только одну) и драматическая вещь «Спиноза»⁷. Через несколько месяцев выйдет первая книга, стран<иц> на 130. Издает — отец. Отец его один из редакторов «Посл<едних> Новостей».

Да, он был *необычайно*—красив: как цветок.

У меня осталось к нему несколько стихотворений. Вот одно (1928 г<од>, весна).

Лес! Сплошная маслобойня
Света: быстрое, рябое,
Бьющееся без забрал...
Погляди, как в час прибора
Лес играет сам с собою!

— Так и ты со мной играл⁸.

— Не показывайте *никому*.

Жду отзыва на поэму. Обнимаю и люблю.

МЦ

А поэму *непреренно* покажите Бёму⁹. Я бы хотела, чтобы он о ней сказал в печати — это всё, что осталось у родителей: посмертная слава сына. Объясните ему, ибо если *не* понравится, пусть лучше не пишет. Это мой *настоящий* духовный выкормыш, которым я — горжусь.

Правда, какое *бездарное* предисловие Адамовича?

А мне написать — не дали.

¹ См. примеч. 3 к письму 42.

² Книга писем (нем.).

³ *Гронская Нина Николаевна* (урожд. Слободзинская, во втором браке Лепёхина; 1884—1958) — скульптор. Родилась в Пскове в семье инженера-путейца. Детство и юность прошли в Петербурге. В 1903 вышла замуж за П.П. Гронского. Начав заниматься скульптурой у Л.В. Шервуда, совершенствовалась у знаменитого Швегерле (Мюнхен). Создала ряд скульптурных портретов современников: А.И. Деникина, П.Н. Милюкова, В.А. Оболенского, Б.К. Зайцева.

⁴ *Гронский Павел Павлович* (1883—1937) — по образованию юрист. Член центрального комитета кадетской партии, депутат IV Государственной думы. В 1920 эмигрировал во Францию, где примкнул к демократической группе П.Н. Милюкова. Читал лекции на Русском юридическом факультете во Франко-русском институте в Париже и одно время — в университете в Ковно. Член редколлегии «Последних новостей».

⁵ Поэма Гронского опубл.: Последние новости. 1934. 9 дек. (с предисловием Г.В. Адамовича).

⁶ Статья *Посмертный подарок* была написана для «Последних новостей», но не принята редакцией. Полностью вошла в эссе «Поэт-альпинист» (опубл. на сербохорватском: Руски Архив. 1935. № 32/33; V, 435—459). М. Цветаева прочла его на вечере, посвященном памяти поэта, 11 апреля 1935 в зале Географического общества (ст. опубл.: Воздушные пути. 1967. Вып. 5).

⁷ *Гронский Н.* Спиноза: сцены из жизни Спинозы (1933—1934) // Гронский Н. Стихи и поэмы. Париж [1936]. С. 143—179. *Спиноза Бенедикт (Барух)* (Spinoza; 1632—1677) — нидерландский философ-материалист.

⁸ *Лес! Сплошная маслобойня...* (II, 270).

⁹ См. примеч. 2 к письму 57. Бем выполнил просьбу Цветаевой и написал отзыв на поэму Н. Гронского «Белла Донна» (см. примеч. 1 к письму 96).

Vanves (Seine)
33, Rue J.B. Poten
24-го января 1935 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Ваше письмо я прочла матери Гронского, в ее огромной и бедной студии (она — скульптор), где из стеклянного шкафчика глядит ее сын — то десятилетним фавнёнком (острые ушки!), то 16-летним почти-собой, и последняя скульптура — статуэтка во весь рост: сидит с чуть-наклоненной головой, руки в карманах, нога-на ногу, — вот-вот встанет: сидение, как бы сказать, на отлете, дано ровно то мгновение до-приподымания. Вещь меньше, чем в ½ метра: как в обратную сторону бинокля.

А Аля только-что дала пощечину — рукой в грязной угольной перчатке — Муру за то, что вез по комнате стул и «обещала» изрисовать все его школьные книги (21 год, а по чести — 22, п.ч. ей случайно когда-то год убавили) за то, что он к какой-то ее картинке пририсовал усы. Я на удар ответила ударом, ибо не могу, чтобы Муру давали по лицу. *Я ее ненавижу.*

Сегодня утром молча отказалась идти за молоком и пошел отец, к <отор>ый еле ноги таскает.

Но — довольно об этой язве.

Счастлива, что так отозвались на поэму Н<иколая> П<авловича>. 21-го с его смерти было 2 месяца, я случайно оказалась в этот вечер у его матери (мать и отец живут врозь) и слезла на том самом метро Pasteur, где он погиб. Долго смотрела — спрашивала.

Совсем не знаю, возьмут ли «Посл<едние> Нов<ости>» мой «Посмертный подарок». Вещь, разрубленная пополам и подписанная мною под ровно 300-ой строкой, чуть ли не посреди фразы, *валяется*. За 4 месяца не напечатали *ни одной* моей строки.

Нынче сговорюсь с А.И. Андреевой о печатании на машинке, она это охотно делает, тогда — пришло. Она живет очень далёко и вижу ее редко, это для меня большое лишение. И для нее.

Огромное спасибо за подарок. Были с Муром 2 раза в кинематографе и 1-го (десятилетие!) подарю ему от Вас какую-нибудь хорошую книгу.

Хочу отправить сейчас — это не письмо — привет и отклик. Будет минута — пришлю стихи. Я их почти никогда больше не пишу: *нет времени*: хотят прозы и *всё* (!!!) время уходит на нее: а потом — не берут.

Обнимаю Вас и люблю. Спасибо за всё.

МЦ

Мать Н<иколая> П<авловича> — тех юношей, везших мать в храм, — знала¹. Она, как и он, чудно знает античный и мифический мир.

¹ Речь идет о статуе братьев-юношей (I в. до н.э.) из музея в Дельфах. Согласно легенде, сыновья жрицы богини Геры Кидиппы — Клеобис и Битон, не обнаружив на месте волов, сами впряглись в жреческую колесницу и

привезли мать в храм к началу праздника. Тронутая их любовью, мать просила богов наградить ее сыновей самой прекрасной участью. После ее молитвы братья уснули в храме и больше никогда не проснулись.

33, Rue J.B. Potin
Vanves (Seine)
18-го февраля 1935 г.,
понедельник.

Дорогая Анна Антоновна,

В этом письме всё — во-первых.

Во-первых, ушла — Аля.

Во-первых — у Мура и С<ергея> Я<ковлевича> грипп, у Мура — с воспалением среднего уха в обоих ушах, у С<ергея> Я<ковлевича> с ужасающим кашлем и сильным жаром. Оба лежат уже шестой день.

Во-первых — читала статью Бэма в «Мече»¹. Хорошо. Всерьез — не только к автору и к поэме, но и к *стиху*.

Во-первых — огромное спасибо за освобождающее, окрыляющее письмо.

Во-первых — около двух недель не держала пера в руках: убирала и «умывала» — верней — отмывала квартиру после Али. Но еще одно во-первых: то, с чего началось:

2-го числа было мое чтение о Блоке², совместное с Ходасевичем³. Я — «Моя встреча с Блоком», он — «Блок и мать». (Пишу себя первой — п.ч. читала первой.) Да. До самого утра 2-го февраля не успела ни разу прочесть рукописи. И вот, утром — заболевает Мур. (Первая болезнь). Посылаю Алю за лекарством в аптеку. — «Да, да» — «Иди скорей, а то надо принять натошак» — «Да, да». — Полчаса проходит. Захожу: сидит, штопает чулки. — «Аля, ведь надо в аптеку». — «Да, да». — «И еще вытрясти печку. (NB! их с Муром). Я — не успею, п.ч. последний срок для рукописи». — «Да, да».

Словом, с 7½ ч<асов> до 10 ч<асов> не пошла. Штопала чулки, примеряла вязаные береты, причисывалась, — все это 2½ ч<аса>. Мур не ел, — ждал.

Наконец, я — после 10-го или 20-го напоминания: — «Ты — издеваешься. Сегодня мое чтение, ты не даешь мне работать. Мур — болен, ты не идешь в аптеку. Печка не прочищена. Это — позор!»

— «По-моему, позор — с Вашей стороны, — *тáк* говорить с взрослой дочерью. Впрочем, Вас уже все знают!» Я: — «Все или не все, — иди тотчас же в аптеку». — «А если Вы будете со мной говорить таким тоном — я вообще не пойду». — «Пойдешь». — «Нет». — «Берегись». — «Очень я Вас боюсь! Эти времена прошли. Вы — берегитесь!» (и т.д. [подчеркнуто дважды]). Я несколько раз остерегала ее, что дам по-

щечину. Она *не* унималась, и после слов: — «Это *Вы* — лживая, Вашу лживость *все* знают!» — ее *получила*. Тут С<ергей> Я<ковлевич> ударил меня, я бросила в него чашкой (попала в стену), Мур (больной!), побелев, кинулся на отца — .

Вот уже 2 недели живет у знакомых, в Мёдоне, очевидно всех «очаровывает». За болезнь была два раза — и оба раза за вещами (*не* книгами: — тряпками). Зная, что я одна, *видя* мою работу, — не предложила помочь. Заходит «на минутку». Нынче *впервые* пришла *намазанная*: щеки, губы, брови, все. С огромными поддельно-бирюзовыми серьгами в ушах. Я попросила ее разобрать со мной ее вещи — их груды, и они всюду, и особенно у Мура: узлы тряпья, стопы кинематографических журналов, куски вязанья и т.д. — всё замшенное многомесячной пылью. — «Приду в четверг». — «Аля, больше двух недель прошло, Мур болен и не может лежать в такой пыли, а я за тебя не могу разобрать. Приходи завтра». — «Завтра я целый день рисую». — «А в среду?» — «В среду у меня школа». — «Не целый же день». — «Мне до четверга неудобно». — «А Муру — удобно дышать грязью?» — «А Вы, пожалуйста, не кричите!»

Кончилось полным одобрением Али — С<ергеем> Я<ковлевичем> и его руганью — меня:

— «Вы выжили дочь из-дому! Вы — мачеха! Вы — мопассановский тип! Вы — мешанка!»

— ОБЫЧНОЕ. —

Я *не узнаю* ни его, ни ее. Оба меня *когда-то* любили — больше жизни. С<ергей> Я<ковлевич> меня давно уже не любит (*иногда*, всё реже и реже — жалеет, а бессознательно — ненавидит, как помеху его отъезду в Россию. Я для него — препятствие, колодка на ноге. И «мешанка»). А эта накрашенная, самоуверенная, беспощадная (не поухаживать за отцом, который ее любит до слепости!) современная барышня с поддельной *огромной* бирюзой в ушах (есть — настоящая, ее бросила дома) — явно не моя дочь: я с ней просто — незнакома.

— Бог с ней! —

Постепенно перестирываю все залежи простынь, — снимала и прятала по углам и углам, чтобы не стирать. Не стирала — месяцы. То же — наволоки и полотенца. Стирала только нарядное и показное. (Вижу, что я опять о ней, — но я *полна* негодования!) Если бы Вы знали, что это были за *пуды* грязи, которые я вынесла! *Комки* чулок, носовых платков, которыми мыла кастрюли и, потом, прятала под шкафы и матрас. *Unpennbar!*⁴

После ее ухода я просто надела очки — и прозрела. Это было самое циническое издевательство над домом — *годами*. Так, я в прошлом году обнаружила за шкафом в десяти сальных бумажных мешках — бутерброды за *месяц*, которые я ей давала на службу: масло, мясо, сыр, котлеты, — что было. Все *выкинула* и *сгношла*. В 21 год. Это

уже не «детское». О, нет. А хлеб — годы бросала в уборную, от чего та затыкалась. После голодной Москвы и голодного приюта, где ее сестра 3-ех лет умерла — с голоду.

По-моему — это ПОРОЧНОСТЬ.

Начала-было — точно уже в ответ на Ваше письмо — приводить в порядок все свои стихи после «После-России», — их много, но почти нет дописанных: не успевала. Но вот — уход Али (ЧИСТКА) и болезнь Мура и С<ергея> Я<ковлевича>.

Но — ничего: постараюсь. Это — нужно сделать, чтобы хоть что-нибудь — от этих лет осталось, кроме Алиного померанцевого румянца и бирюзовых пуговиц в ушах.

Сделаю.

Ибо — никто из нас не знает — *когда*⁵.

П.П. Гронский в *восторге* от статьи А<льфреда> Л<юдвиговича> о «Белла-Донне». Передайте, пожалуйста. Он, прямо, — сиял. Матери, после чтения, еще не видела. Она всё хворает.

...Мне очень нравится — о сложности, которая НЕ-СЛОЖНОСТЬ. *Тонко и точно*. Я, в конце концов, человек элементарный, люблю самые простые вещи. Сложна я была только в *любвонной* любви, да и то — если ГОРДОСТЬ — сложность. (По мне — сама простота. Но дает — *сложные* результаты).

Да и Пруст⁶ — *прост*. И Рильке. — Утверждаю.

А.И. Андреева переписала мне мое о Гронском на машинке, — только нужно вставить К (эта буква — выпала). Засяду, сделаю, пришлю.

«Посл<едние> Нов<ости>» вчера, 17-го, воскр<есенье>, наконец напечатали мою «Сказку матери»⁷, сократив и исказив *до неузнаваемости*. (Сокращено в сорока местах, из к<отор>ых — в 25-ти — *среди фразы*. Просто — изъяты эпитеты, прилагательные предложения, и т.д. *Без спросу*. Даже — с запретом, ибо я сократить рукопись — отказалась. Потому и лежала 3 месяца. И вдруг — *без меня* [подчеркнуто дважды]. Я, читая, — *плакала*. Пришлю Вам и «П<оследние> Нов<ости>» — и *свое* [подчеркнуто дважды].

Расскажите Бэму. Сделал это негласный редактор «П<оследних> Нов<остей>» — Демидов⁸. М.б. Бэм его знает.

Книжку «Белла-Донна»? Было бы — чудно. Но надо запросить отца — он собирается издавать книгу стихов, но, кажется, одних стихов — без поэм. Запрошу его — *в виде отдаленного плана* — при встрече.

Кончаю и отсылаю, не успев перечесть.

Благодарю. Обнимаю.

МЦ

[К письму прикреплена фотография части комнаты Н.П. Гронского. На обратной стороне — надпись рукой М. Цветаевой]

Кусок комнаты Н. Гронского.

Книжный шкафчик, — тут и мои книги стоят. Наверху — горная фляжка. Над шкафом — альпийский топорик. Справа, внизу — горные башмаки.

Так мы сняли, по частям, всю комнату.

Покажите Бэму и в каком-нибудь письме — верните.

МЦ

Февраль 1935 г.

(Снято в первых числах декабря 1934 г.)

¹ Статья А. Бема о поэме Н. Гронского была напечатана в февралье 1935 в еженедельной газ. «Меч», которая издавалась в Варшаве под ред. Д.В. Философова и Д.С. Мережковского (1934–1939). А. Бем регулярно публиковал здесь свои «Письма о литературе».

² Чтение о А.А. Блоке организовало литературное объединение «Перекресток». Вечер состоялся 2 февраля 1935 в зале Общества ученых (ул. Дантона, № 5, Париж VI). Текст доклада М. Цветаевой не сохранился. Доклад В. Ходасевича назывался «Блок и его мать».

³ В. Ходасевич — см. примеч. 17 к письму 31.

⁴ Невыразимый, несказанный (*нем.*); *здесь*: слов нет!

⁵ Ср.: «О дне же том и часе никто не знает...» (Мф 24: 36).

⁶ *Пруст Марсель* (Proust; 1871–1922) — французский писатель. Основное произведение — цикл из семи романов «В поисках утраченного времени». Известно выступление Цветаевой на франко-русской встрече 25 февраля 1930, где она говорила о достоинствах прустовской прозы.

⁷ *Сказка матери*. Опул.: Последние новости. 1935. 17 февр. (V, 149–154).

⁸ *Демидов Игорь Платонович* (1873–1946) — журналист. В эмиграции с 1919. В 20–30-е годы заместитель ред. газ. «Последние новости». Цветаева считала Демидова своим основным недоброжелателем по части печатания ее произведений.

Анна Антоновна Тескова.

М. Цветаева: «Пришлите мне Вашу карточку! ...Очень бы хотелось Вас – молодую (тогда).
Знаете ли Вы... что Вы, совсем целиком, из чудесного женского мира Лагерлёф и Ундсет,
что те Ваша порода, а Вы их».

Фотография обнаружена А. Главачеком

Александра Захаровна Туржанская –
верный друг семьи.

Цветаева называла её
«мокропсинским ангелом».
Они снимали комнаты по соседству
и в Чехословакии, и во Франции

Анна Ильинична Андреева,
друг М. Цветаевой
всё время эмиграции
Фотография Л. Андреева

Вера Николаевна Бунина.
«Я – годы дружу с Верой Буниной...
Она мне написала, я отозвалась –
и пошло, и продолжается, и никогда
не кончится – ибо тут нечему кончаться:
всё – вечное». *М. Цветаева*

Ариадна Эмильевна Берг.
Знакомство М. Цветаевой с ней
в 1934 переросло в настоящую
дружбу, памятником которой стала
их обширная переписка, длившаяся
вплоть до отъезда Цветаевой в СССР

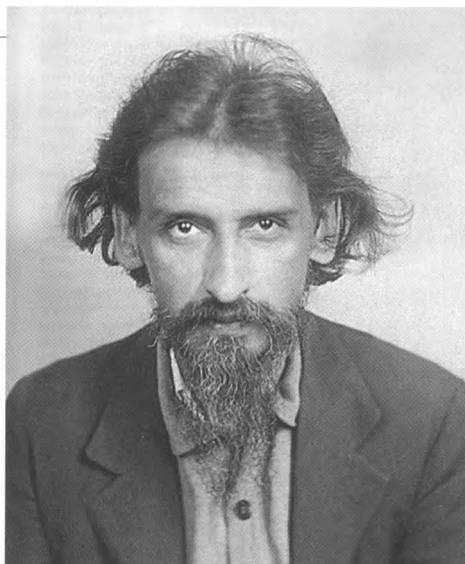

Семья Родзевич во Франции.

«Герой моей "Поэмы Конца" – с женой, наши соседи, постоянно видимся,
дружественное благодушие и равнодушие...
Ключ к этому сердцу я сбросила с одного из пражских мостов...» *М. Цветаева*

Петр Бернгардович Струве – экономист, публицист, редактор эмигрантских периодических изданий

Лев Платонович Карсавин – философ, теоретик евразийства

Георгий Викторович Адамович.
Один из самых влиятельных литературных критиков первой эмиграции. Поэт

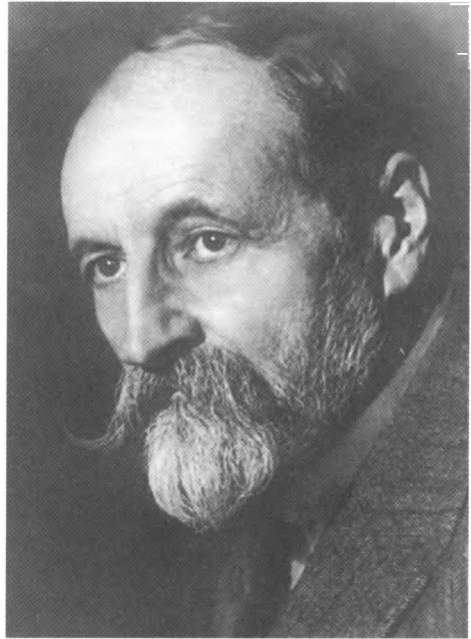
Дмитрий Алексеевич Шаховской
(впоследствии архиепископ Иоанн Сан-Францисский).
До принятия сана – поэт, издатель журнала «Благонамеренный»

Владимир Брониславович Сосинский – поэт, беллетрист. Один из самых верных друзей М. Цветаевой и С. Эфрона

Алексей Владимирович Эйсер.
М. Цветаева ценила его поэзию и не могла простить того, что он перестал писать стихи. Воспоминаниям о М. Цветаевой Эйсер дал название «Она многое понимала лучше нас»

Князь Сергей Михайлович Волконский – художественный критик, прозаик, мемуарист.

«Ничто не уцелевает.

Или век – не тот: не дружб.

Из долгих дружб – только с Вами
и кн. Волконским».

Марина Цветаева – Анне Тесковой

Стихи к Чехии

1.

Полом и простором
Край. Одно лишь горе:
НБт у чехов — море.
Стало чехам — море —
Слез: не кадо соли!
Запислись на годы!
Триста лбт неволи:
Двадцать лбт свободы.

Не безвлькой, пичвей —
Божвей, челоувей.
Двадцать лбт величья,
Двадцать лбт нальи —

Всех — на миком полб
Одного народа.
Триста лбт неволи:
Двадцать лбт свободы!

— Вбт. Огня и дома —
Вбт. Цгря и кучки —
Вбт. Грда — Любовь —
Лишь бы были руки.

На полб и в школы
Глинь — какие пеходы.
Триста лбт неволи:
Двадцать лбт свободы!

Подперати мн, гости
Чешке. **Вс амбт!**
Сблясь — всей горьсти!
Строилось — всей чесьби!

Два десятильтя
(Да и то не цблх)
Качи мигдт на свбт
Думалось и пблось.

Пострбв от боли
Стокут Влгавы воды:
— Триста лбт неволи:
Двадцать лбт свободы.

На оракилх сдблах
Качи оревл разбвнись —
Тб с тобою едлось.
Край мой, рай мой чешский?
Горы — ойкюлы,
Оттянзлы — воды...
Триста
Двадц

Вз есл
Краси
Тб ел
Чешех

Лишь
Лбса
Триста
Двадц

Сачф
Лбс,
Лбс,
Ну, а

Лишь
Вся т
Терез
Бвми

Паричт

Горы — тзтамъ поприще!
Темне лбса,
Долм въ воды емотрает,
Горы — въ небеса
Край — всего свободите
И цедбт всего
Эти горы — родина
Сына моего.

Долм — ладямъ пастбище:
Не смуть збвбв —
Хаты кемши застает,
А въ лбс оубря

— Сколько бы ни побороно
Врст — ни одного
Эти доли — родина
Сына моего.

Гамъ раетим сына я,
И тельо — вода?
Дни? или педки?
Бвлия елада?

Праздникъ смородина
Лбт рождество...
Эти хаты — родина
Сына моего.

Было то рождение
Вз мир — рождествомъ въ рай
Богъ, создав Богемю
Молвил: — Славимъ край!

Всб даки приводине —
Всб — до одного!
Поощебте ровним
Сына Моего!

Чешские подземие:
Бракъ рзвель и руды!
Богъ, создав Богемю
Молвил: — Добрымъ труд!

Всб было — безродного
Лишь — ни одного
Не было — ил родитъ
Сына моего.

Провляти — кто здидил
Тотъ смиренный рай,
Съ збвдати в ел ланями,
Съ первями фазакими...

Провляти — кто продал
— Вбт не прощек! —
Внкою родину
Всбт кто ббт страки!

Край мой, край мой, продачки,
Всб, живемъ, съ збвбемъ,
Съ тудо огородами,
Съ горними породами,
Съ цблными каролами
Вз полб, ббл яшьб,
Стоичили — Родина!
Родина моя!

Чехия! Богемия!
Но лемъ явл плези!
Богъ давал обвми —
И оубт подает.

Вз збвбт ечу поричил
Всб тпои еми —
Умелъ за родину
Всбт — кто ббт страки!

17 ноября 1938 г.

3.

Есть на карб — мбсо.
Взглянись — кто вът лицо!
Бвтся въ лице крестной
Каждое сельцо.

Подбавл — ствирой
Пореличный шель.
Есть на тельб — мбс
Языкъ тбс пробел!

Отъ кыльб — до елтиким
Горы — до ольмъ гмбвд —
Въ тибрхъ квалитимъ
Неповблкимъ пбсв —

Языл. Лель на оурих —
Чех: живимъ зорит.
Есть въ груди каролов
Языл: кашъ убит!

Только край тит ильвм
Чешский — рондъ изъ глаз!
Жилъ, афезъ праздиу!
Словно удаласъ.

Жилъ, тудъ чесьвй!
Ртмъ, въ котъ сиде — есь:
Есть на карб — мбсо
Пчесо: каша чесьб.

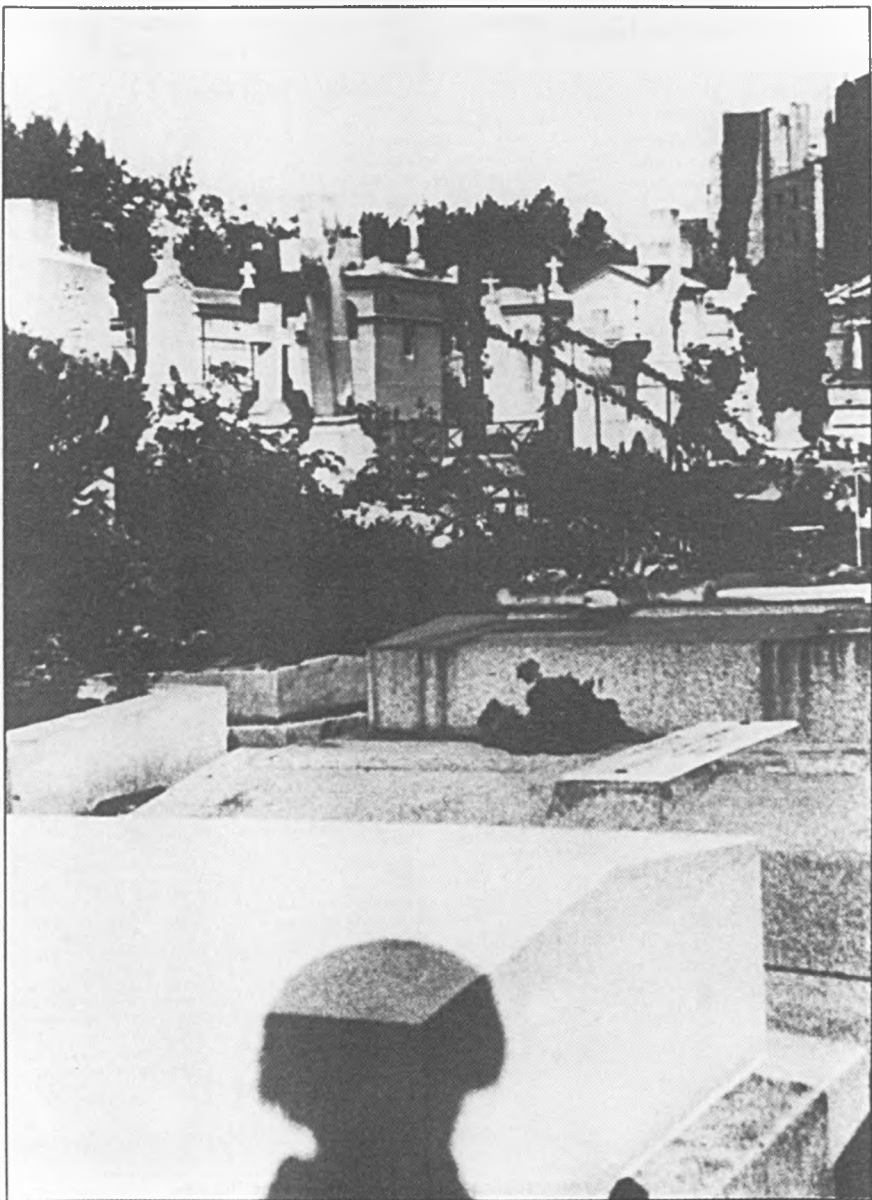
Паричт, 22 ноября 1938 г.

Факсимиле трех стихотворений цикла «Стихи к Чехии».

«...Не стихи, а голос сердца, горячего и благородного, и еще — родного...»

Ваше сочувствие... даёт возможность дышать, не задыхаясь в атмосфере подлости и лжи».

Анна Тескова — Марине Цветаевой

Перед отъездом в СССР Марина Цветаева привела в порядок могилу родителей и брата С. Эфрона на кладбище Монпарнас. Фотография М. Цветаевой

Vanves (Seine)
33, Rue J.B. Potin
23-го февраля 1935 г.

Дорогая Анна Антоновна! Вчера тщетно прождала весь вечер А. Головину¹, к<отор>ая сама попросила прийти ко мне вторично, чтобы почитать свои стихи.

Мое впечатление? *Совсем* не очарована. Ни малейшего своеобразия, — чистейший литературный тип. И интересы только литературные. За весь вечер — ни одного *своего* слова, — чужие умные. Скучно! — Кроме того, каждые пять — для честности: *десять* минут — вынимала зеркало и пудрила нос, с напряженным вниманием вглядываясь, — точно не ее (нос). Так же часто и *reinlich*² расчесывалась, прижимая волосы к ушам. Ничего личного — от нее ко мне, ни от меня к ней — я не почувствовала. Передо мной сидела литературная барышня (хотя она и «дама»), перед нею — усталая, загнанная, заработавшаяся, совсем не литературная — я. Я перед ней себя чувствовала *начинающей*, — нет, никогда и не начавшей! (Поймите — *о чем* я говорю: о причастности к литературной *среде*). Она очень бойкая — всё находит, всюду проникает, никого и ничего не смущается. Ни слова (*мне — всё равно*, но характерно — для нее) не спросила о *моем* писании, — всё время о себе: напр<имер>, стоит ли ей писать прозу. (Откуда я знаю?? Я — никого не спрашивала — и 6-ти лет). Полная литературная поглощенность собой. — Что мне с этим делать? — Намеревалась идти к Ходасевичу советоваться с ним о своих писаниях. Ну, он пожётсче, помётристее (*maître*) — меня, я — что могу только сказать — как я пишу, и совсем не возвожу этого в закон. Я — литературно — бесконечно, бездонно-невинна, — точно никогда и не писала.

Воспитана — неважно. Я, в ответ на ее запрос, просила ее прийти в четверг, чтобы познакомиться ее с отцом Н. Гронского (думала — о Вас), к<отор>ый должен был принести фотографии сына. Хотела, чтобы она рассказала, как понравилась поэма в Праге — он этим живет. Кое-что из этого упомянула в письме. Пришла *в среду*, — «насчет четверга я не была уверена». (В чем??). Значит — мало-человечна. (Отец).

Дальше: сама попросила прийти еще в пятницу — почитать, вчера весь вечер жду, — нет. (В Париже есть молнееносная почта *pneumatique*³, всегда можно предупредить.)

Бэму обо всем этом — ни слова: НЕ НАДО — ОГОРЧАТЬ. Это я — только Вам.

Мой вывод: до чужой души мне всегда есть дело, а до чужой литературы — никогда. Ко мне надо — с душой и за душой, всё остальное — тщетно.

Приготовила ей для передачи Вам: на машинке мое — о Гронском («Посмертный подарок»⁴) и подарочек — Вам: Думаю — уже не придет. Тогда — почтой.

А вот стихи Н.П. Гронского — мне — тогда — (1928 г.) — которых он мне никогда не показал:

Из глубины морей поднявшееся имя⁵,
Возлюбленное мной — как церковь на дне моря,
С Тобою быть хочу во сне — на дне хранимым
В глубинных недрах Твоего простора.

Так, веки затворив, века́ на дне песчаном,
Ушел в просторный сон с собором черным,
Я буду повторять во сне «осанна»,
И ангелы морей мне будут вторить хором.

Когда же в день Суда, по слову Иоанна,
Совьется небо, обратившись в свиток,
И встанут мертвые, я буду говорить «осанна»
Оставленный на дне — и в день Суда — забытый.

Bellevue 1928 г.

Осанна — спасение
(Его пометка).

Отец сидел и читал письма (его — ко мне), я сидела и читала его скромную черную клеенчатую книжку со стихами. Отец часто смеялся — когда читал про кошку — нашу, оставленную ему, когда уезжали на море и которую он от блох вымыл бензином — и что́ потом было — и еще разное, бытовое. Отец его очень простой и веселый и широкий — *насквозь* жизнерадостный — (он перед смертью стал в тупик —) и веселье (жизнь!), когда может — прорывается. Но всё-таки он что-то в этих письмах — понял. — «Тут очень *глубокое* чувство, всё это ведь писано *так*... на поверхности — а под этим...»

Хочу (как в воду прыгают!) дать ему и свои письма — к нему. Пусть знает ту, которую любил его сын — и то, как эта *та* его любила. Матери бы я не дала. (Ревность).

Говорили об издании стихов. Всего будет 3 тома. I — поэмы, «Спиноза» (драматическое) и немного стихов. II т<ом> — то, что он называет Лирика. III т<ом> —

проза (к<отор>ую я совсем не знаю, только письма). А лучший том — когда-нибудь — будет наша переписка, — «ПИСЬМА ТОГО ЛЕТА»⁶. *Этим летом непременно* (огромная работа!) перепишу их в отдельную тетрадь, его и мои, подряд, как писались и получались. Потом умолю Андрееву переписать на машинке и — один экз<емпляр> отцу, один экз<емпляр> — Вам. Самые невинные и, м.б., самые огненные из всех *Lettres d'amour*⁷. Говорю об этом спокойно, ибо — уже *та́к давно*, и один из писавших — в земле...

Самое *странное*, что тетрадь *полна* посвящений В.Д.⁸ (его невесте, к<отор>ая вышла замуж за другого) — посвящений 1928 г., когда он любил — только меня. Но так как буквы — другим чернилом, он очевидно посвятил ей — ряд написанных *мне*, а мне оставил только это — неперепосвятимое — из-за имени. (Марина: море).

Напр<имер> — рядом с этим, т.е. *в те же дни* — посвященные В.Д. стихи о *крылатой* и *безрукой* женщине. Прочтя сразу поняла, что *мне*, ибо всю нашу дружбу ходила в темно-синем *плаще*: крылатом и безруком. А тогда — никакой моды не было, и никто не ходил, я одна ходила — и меня на рынке еще принимали за сестру милосердия. И он постоянно снимал меня в нем. И страшно его любил. А его невеста — видала карточку — модная: очень нарядная и эффектная барышня. И никакого бы плаща не надела — раз не носят. Когда прочтете переписку, поймете почему двоелюбие в нем — немыслимо. Очевидно — с досады, разошедшись со мной. Или ей — как подарок.

С<ергей> Я<ковлевич> всё болеет, — грипп не кончается. Мур нынче в первый раз вышел. Аля «заходит». Нынче стирала и даже не выжала своего белья: ушла, бросив на умывальнике. Увидев у меня на голове красный платок (от пыли), — «Это — *мой*». Ведет себя МЕЛКО: от еды неизменно отказывается: — Мне — некогда. Меня — ждут.

Дом немножко налажен. Выношу *тазами* Алино наследство: чем разбирать — выбрасывает *всё*. А м.б. отвратительно всё домашнее. Бог — с ней!

Почти не пишу. Работа, работа, работа. Дом был невероятно запущен. (Кв<артира> темная, с большим коридором и полками, туда-то всё и пихала, зная, что я не вижу).

Выкрала у меня детский Мурин альбом и выдрала лист. Другие фотографии (оттуда же) нашла в ящике с грязным бельем. По-моему, это — *порочность*. Я ее — *боюсь*.

Кончаю, надо готовить ужин. Пишу *ужасным* почерком, — знаю. Подожду еще дня два (Головину) и вышлю рукопись. Бэму — о ней — ни слова. Пусть — любитесь! И верит...

Обнимаю Вас и жду письма.

МЦ

Головина целиком занята собой: литературой и носом. А я ни тем, ни другим никогда не была занята. Отсюда — разминование.

¹ Головина Алла Сергеевна (урожд. баронесса фон Штейгер, во втором браке Жиль де Пелиши; 1909–1987) — поэтесса, прозаик. Училась вместе с Ариадной Эфрон в Моравской Тршебове. В 1928–1935 жила в Праге, была членом «Скита поэтов» и выпустила сборник стихов «Лебединая карусель» (Берлин, 1935). В 1935 переехала в Париж, вошла в литературное объединение «Перекресток». Посвятила Цветаевой несколько стихотворений. С 1955 жила в Бельгии.

² Педантично, тщательно (*нем.*).

³ Пневматическая почта (*фр.*).

⁴ *Посмертный подарок* — см. примеч. 6 к письму 94.

⁵ *Из глубины морей...* — стихотворение вошло в сборник: Гронский Н. Стихи и поэмы. Париж [1936].

⁶ Из этой переписки сохранилось 99 писем и записок Цветаевой Гронскому и 46 писем Гронского ей (см.: Цветаева М., Гронский Н. Несколько ударов сердца: Письма 1928–1933 годов. М., 2003.)

⁷ Любовные письма (*фр.*).

⁸ Кому принадлежат инициалы В.Д., установить не удалось.

Vanves (Seine)
33, Rue J.B. Potin
12-20 марта 1935 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Головина мне, с того письма, еще *два раза* назначала, второй — сегодня. Ждала ее с рукописью и подарочком для Вас, — конечно *не* явилась. Мур уж мне с утра говорил: — «Какая Вы доверчивая! Разве Вы не видите, что она нарочно назначает, чтобы *не* придти. Устроила себе такую глупую игру».

От себя добавлю, что даже если она больна — так *не* делают, ибо нужно знать — либо свою болезнь, либо свою любовь (ибо она меня, ведь, «любит!». «Мы все в Праге Вас так любим!» Если *та́к* — слабо!) Я бы, назначь мне Анна Ахматова свидание в 2 ч<аса> ночи, пешком бы пошла в Париж с *t°* — 40 (поднялась бы дорогой от волнения свидания). Я *всю жизнь* — *та́к* — любила. А *это* — вздор. Какой же ее минимум, если ее максимум — таков? Только время с ней потеряла на переписку. Характерно, что она не вызвала *из* (говорят *у, во, а по мне — из*) меня ни одного живого слова. Это — литературная барышня, стихописица. Я предпочитаю поживее — и *без стихов!*

Не везет моему Гронскому. Вот мое письмо к литературному хозяину «Посл<едних> Нов<остей>», некоему Игорю Платоновичу Демидову, ничем не соответствующему благородному звучанию своего имени (NB! вдобавок — *потомок Петра*, по боковой линии, — из себя — огромный скелет с губами упыря).

— Многоуважаемый И<горь> П<латонович>,

Прошу считать мою рукопись о поэме Н. Гронского «Белла-Донна» — «ПОСМЕРТНЫЙ ПОДАРОК», пролежавшую в редакции «Посл<едних> Новостей» больше трех месяцев в ожидании «очереды», — АННУЛИРОВАННОЙ.

Подпись.

Вслушайтесь и вдумайтесь

- 1) Н.П. Гронский — единственный сын их соредатора — П.П. Гронского.
- 2) Демидов Гронского вел за гробом.
- 3) П.П. Гронский каждые 5 дней в течение 3-х месяцев запрашивал Демидова о судьбе рукописи — «Пойдет, пойдет». (Вариант: — Когда-нибудь пустим).
- 4) Они *сами* напечатали «Белла-Донну», и их прямая выгода — дать мой отзыв о вещи, у *них* появившейся.

5) И, что́ громче всего — отец потерял единственного сына, та́к потерял — та-кого сына, и каждой строкой о нем — живет.

Письмо залежалось. Нынче уже 22-ое. Вчера как раз был день его смерти — 4 месяца. И — одна из сопутствующих странностей. Единственный человек, которого я люблю и с которым я вижу, — А.И. Андреева. Она живет в Boulogn'e¹, другом загороде, очень далёко и вижу редко. Наконец — собралась. Мы должны были вместе идти на фильм «La bataille»². Прихожу — она больна, никак не может. Сижу до 9 ч <асов> 40 мин <ут>, решаю пораньше вернуться домой, сажусь в метро, читаю Андерсена: «Nur ein Spielmann»³ (чу-удная книга!) и впервые подымаю глаза от книги на надпись: PASTEUR⁴. Выхожу как по команде (метро стоит три-четыре секунды) и иду к его матери, Вы уже поняли — матери Н<иколая> П<авловича>, Pasteur — станция его гибели, а она рядом живет, — ее метро!

Уже 10 ч <асов> 30 мин <ут>, вижу — ее окно освещено (она живет в общежитии бедных художников, с другим мужем — к<оторо>го никогда нет), вхожу. Она — и барышня. Ее ученица, евреечка из богатой семьи, к<отор>ая себя считала невестой Н<иколая> П<авловича>. (Он — нет, и родители — нет).

Первое слово Нины Николаевны — о сыне. — «Вот Николай всегда говорил»... и т.д. Говорим — она и я: обо всем (о нем, конечно) — о его будущей книге, о моей злосчастной рукописи, она показывает его фотографии, — детские и последние, говорим полтора часа, и полтора часа девушка молчит — ни звука. (Она у Н<ины> Н<иколаевны> учится скульптуре — из любви к нему.) Потом — вместе выходим. Она предлагает проводить меня на вокзал. Идем. И вдруг она: — «Николай мне как раз в понедельник говорил о Вас». (Погиб — в среду, 21-го ноября). Я: — «Да? Мы с ним ведь так давно не виделись, — так давно разошлись».

Вдруг голос: — Марина Ивановна!

Оказывается — второй муж Н<ины> Н<иколаевны> — шофер⁵ — едет домой с работы.

— Давайте, подвезу!

Садимся. Я — ей: — А что́ Н<иколай> П<авлович> говорил обо мне?

Она, нервно: — Я сейчас не помню. (Молчу.)... — Он тогда много говорил о Вас. Когда-нибудь расскажу.

Четыре месяца молчала. Видела меня на похоронах, слышала мое слово над могилой, нет — еще ямой! знала как я о нем горюю и — ни слова. И сейчас не сказала. И — скажет ли когда-нибудь? И — то ли скажет??

Я — больше не спрощу.

Как беззащитны умершие! Как рукопись. Каждый может сжечь.

А Головина — уехала, даже не отозвавшись на мое последнее приглашение, — днем, когда ей удобно. И — ни слова приветя. Какая она — невоспитанная!

У меня для Вас: 1) «Посмертный подарок» (о Н<иколае> П<авловиче>, для перевода — если не раздумали), 2) оттиск «Мать и Музыка»⁶ — Вам в собственность. Был еще прелестный платок, который собиралась послать с Головиной, но теперь даже рада: если бы не забыла в метро, завалила бы у себя дома. Она — всяческая *неряха*, а стихи ее, по мне, — *мозговые*, *homunculus'ные*, — мертворожденные. (Не пере-
давайте Бёму: НЕ НАДО — ОГОРЧАТЬ!)

Але С<ергей> Я<ковлевич> снял комнату в городе, но живет она в Мёдоне, у знакомых, п.ч. «приятнее, веселее, много народу».

Сколько я бы отдала за такую комнату — на 7-ом эт<аже>, почти пустую, — стол, локти, я.

Иногда заходит, — нарядная, веселая, в новом голубом платье, — щебечет... Уверяю Вас, что — ни малёйшей трагедии. Я из ее жизни — давно ушла. Была всем — стала ничем.

Бывает редко, сидит недолго, даже не сидит, — перебирает вещи, бродит.
— Вот и всё. —

Решила свою рукопись о Гронском — расширенную и углубленную — читать на отдельном вечере его памяти. М.б. (сомневаюсь) возьмут «Совр<еменные> Записки» — для черзеследующей книги. Либо — в сербский «Русский Архив». Жаль, что не пойдет по-русски.

Жду обещанного на красном листочке письма. М.б. — завтра?
Обнимаю.

МЦ

«Посм<ертный> подарок» и оттиск «Мать и Музыка» постараюсь выслать завтра. В крайнем случае — в понедельник, ибо надо еще проверить опечатки.

[На полях приписано]

— Самое главное: *оказалось*, что я к ней пришла 21-го — в четырехмесячие его гибели. Ноги привели!

¹ Булонь.

² Фильм *Битва* (по роману К. Фаррера; 1933), режиссеры Н. Фаркас и В. Туржанский.

³ *Только скрипач* (1837) — роман Ханса Христиана Андерсена.

⁴ Пастер — станция метро на бульваре Пастер.

⁵ Н. Лепёхин — второй муж Н.Н. Гронской, водитель такси.

⁶ *Мать и музыка* (Современные записки. 1935. № 57; V, 10–31).

Vanves (Seine)
33, Rue J.V. Potin
23–го апреля 1935 г.,
третий день католической Пасхи
и русский Страстной вторник.

Христос Воскресе, дорогая Анна Антоновна!

Ничего о Вас не знаю, кроме записочки о переезде — туда же. (Так оставаться — значит переезжать). Так, старое всё же оказалось лучшим¹. Вам (нам!) не новая квартира нужна, а старая жизнь: террасы, деревья, тишина, — просто парк Кинского². Видели ли Вы, кстати, изумительный фильм, один из лучших за мою жизнь — *Symphonie inachevée* («Leise Fliehen meine Lieder») — с *живым* Шубертом?³ Не забудьте ответить. Начинается со старой Вены и гитары.

... Должно быть Вы, как я, любите только свое детство: то, что было тогда. Ничего, пришедшего после, я не полюбила. Так, моя «техника» кончается часами и поездом. (NB! Со светящимся циферблатом, очень удобных, но еще более — страшных, — не выношу. На автомобили, самые «аэродинамичные», смотрю с отвращением, и т.д.). Даже — такая деталь: почему-то у меня *никогда*, ни на одной квартире, в коридоре нет света. И вдруг, недавно, поняла: — Господи, да у нас в Трехпрудном⁴ был темный коридор, а я еще всегда глаза зажимала, чтобы еще темней... Ведь это я — *восстанавливаю*.

И жажда деревьев в окне — оттуда, где в каждое окно входил весь зеленый двор, — огромный, как луг, настоящий *Нofs*⁵ — феодальный: с сараями, флигелями, голубятней и, еще, постепенностью каких-то деревьев сзади, не наших, чьих-то, ничьих, кончавшихся зеленоватым рассветным небом, и о которых я *никогда* не узнала — *где*.

Как я бы написала свое детство (до-семилетие), если бы мне — *дали*.

Был мой вечер Гронского⁶. Я за два дня лишилась голоса (глубокая горловая простуда), но отменить уже нельзя было — зал был снят за 2 недели, даны объявления, и т.д. И вот, *прошептав* два дня, в вечер третьего — прочла, громко. Сама удивилась, но *чему-то* в себе верила: не подведет. Зал был небольшой, но полный. Было много стариков и старушек. Был Деникин⁷, с к<отор>ым Н<иколай> П<авлович> дружил — сначала в Савойе, потом в жизни⁸. Слушали внимательно, но вещь места-

ми не доходила. Аудитория была проста, я же говорила изнутри поэмы и стихотворчества⁹. А им хотелось больше о нем, а может быть — о себе. Родители отнеслись сдержанно. И С<ергей> Я<ковлевич>, и Мур (ПОРОЗНЬ!), оба сказали: — ревность. (К такой близости). Не знаю. Я сделала всё, что могла. Во всяком случае, отец не подошел ни на перерыве, ни после, и не написал ни строки. Мать, к<отор>ую я много раз видела, отзывалась сдержанно. М.б. им совсем другого было нужно, даже наверное. Я рассматривала Гронского как готового поэта и смело называла его имя с Багрицким¹⁰ и другими... Им это м.б. было чуждо, они сына — не узнали. Кончилось тем, что сюрпризом отдала две его карточки — впервые отпечатать и увеличить, — подарок на Пасху. Величиной с этот лист. Одну из них, самую удачную, посылаю. Я знала его — моложе, мягче, с более льющимся лицом, менее твердым. Я знала его — между Jüngling и Mädchen¹¹, еще — душою. Мой он — другой. Это — их — всёх.

Но знаете, жуткая вещь: все его последующие вещи — несравненно-слабее, есть даже совсем подражательные. Чем дальше (по времени от меня) — тем хуже. И этого родители не понимают. (Они, вообще, не понимают стихов.) Приносят мне какие-то ложно-«поэтические» вещи и восхищаются. И я тоже — поскольку мне удается ложь. Какие-то поющие Музы, слащавые «угодники», подблоковские татары. — Жаль. — О его книге навряд ли смогу написать. Боюсь — это был поэт — одной вещи. (Может быть, — одной любви. А может быть — просто — медиум). Я не всё читала — отец не выпускает тетради из рук — но то, что читала, — не нравится. Нет силы. Убедена, что «Белла-Донна» лучшая вещь. Бему об этом ни слова: 1) не хочу, волей-неволей, влясть на его оценку 2) боюсь испортить его отзыв о будущей книге (появится в июне) и этим огорчить родителей 3) любопытно — проверить.

— Теперь Вы знаете героя «Белла-Донны» — спасшегося, чтобы затем погибнуть. Напишите — таким ли Вы его видели по стихам. Эту же карточку родители получают в величину с этот лист, и еще другую, где он у одного из трех озер Белла-Донны. Пасхальный подарок.

Мать сейчас лепит его большое лицо, а маску не сняла из-за того, что на лице были легкие ссадины. Я бы — сняла. Теперь она жалеет.

— Жду большого письма обо всем.

Всё никак не соберусь выслать «Посмертный подарок», — столько мелких дел! Но это Вы знаете...

Обнимаю.

МЦ

Покажите карточку Бёму.

[К письму приложен лист бумаги с оторванным верхом, осталась часть фразы]
— Вы: душа. У Вас и для Вас.

¹ А. Тескова осталась жить в той же квартире, отдав половину другим жильцам.

² Парк Кинского — правильно: сады Кинских, примыкающие со стороны Смихова к садам Петржина.

³ См. примеч. 1–3 к письму 93.

⁴ В Трёхпрудном пер., в доме № 8 прошли детство, отрочество и юность Цветаевой, она покинула этот дом в 1911. Во время революции дом был разобран на дрова.

⁵ Двор, усадьба (*нем.*).

⁶ См. примеч. 6 к письму 94.

⁷ Деникин Антон Иванович (1872–1947) — один из руководителей Белого движения,

с апреля 1918 командующий, с октября главнокомандующий Добровольческой армией, военный писатель. С 1920 в эмиграции.

⁸ Н. Гронский лично познакомился с А.И. Деникиным в 1933 в Брюсселе, где какое-то время учился в университете.

⁹ Позже появилась рецензия Цветаевой на книгу Н. Гронского «Стихи и поэмы» (см.: Современные записки. 1936. № 61; V, 460–462).

¹⁰ Багрицкий Эдуард Георгиевич (наст. фам. Дзюбин; 1895–1934) — советский поэт.

¹¹ Юноша и девушка (*нем.*).

2-20 июля 1935 г., вторник
La Favière par Bormes (Var)
Villa Wrangel¹
(Не забудьте: France!)

Дорогая А<нна> А<нтоновна>! Вкратце: перед самым концом блистательного учебного года и за две недели до нашего train de vacances² — на Юг (вместо 400 фр<анков> — 215 фр<анков> в оба конца) — у Мура стал побаливать живот: — аппендицит — немедленная операция. 14-го его оперировали: — Алексинский³, еще российское светило. Пролежал 10 дней в Ville-Juif⁴ском⁴ госпитале (евреи — не при чем: старинное название пригорода) и на 14-ый день, с Божьей и дружеской помощью, выехали с ним — тем самым поездом — на Юг.

Нынче морю и Югу — четвертый день. Сняли мансарду — просторное, но пёкло, пёкло — но просторное — и дешевое: чердак Баронессы Врангель⁵, к<отор>ая оказалась моей троюродной сестрой: ее отец, писатель-народник (и врач) — поколения Чирикова — С.Я. Елпатьевский⁶ — был двоюродный брат моего отца. Но я — больше взволновалась этим открытием, чем она. (Баронесса — она по мужу: не Главнокомандующему, а земскому деятелю, но — очевидно — одна семья). Хозяева еще в Париже, мы с Муром на чердаке — одни царствуем. Жизнь — тяжелая: продуктов нет (Favière — несколько русских вилл, между прочим — две милковские, обе заколоченные), за всем нужно в соседний курорт, а мне из-за Мура — невозможно: 6 верст в два конца, а ему вообще, пока, ходить — опасно (17-ый день), а одного оставить — страшно: очень крутая внешняя лестница, — вдруг свалится и разойдется шов? Или на солнце снимет шляпу (неминуемый солнечный удар). Но завтра всё-таки пойду, п.ч. ни хлеба, ни марок. (Есть единственная — русская — и даже княжеская лавочка, но, естественно, на всем переплачиваешь, а денег — меньше, чем в обрез).

Вся русская колония знает, что у Мура была операция, здесь все бездельничают — и никто не предложит за ним присмотреть — всего 2 часа, у себя же в саду.

За 1½ километра с ближайшего ж<елезно>д<орожного> пункта до Фавьер^а с нас взяли 15 фр<анков> — на русском автомобиле. Имущие русские — беспощадны.

Единственный человек, пока, — старушка-докторша, 70-ти лет, сама подошедшая на пляже и предложившая снять Муру пластырь. Она же свела меня с овощником и она же, завтра, ведет меня в Lavandoux⁷ — тот ближайший курорт. (Нужно знать тропинку, — дороги — нет.)

Море — блаженное, но после Океана — по чести сказать — скучное: чуть плещется, — никакого морского зрелища. Голубая неподвижность — без событий. Пляж — чудесный: песчаный и дно очень долго — мелкое. Вода — изумительного цвета. Но (Вám — скажу) — скучно. Я плохой пловец, — не моя стихия, а лежать для меня — самый тяжелый труд. С Муром же ходить — нельзя, и долго нельзя будет. А какие вокруг горы! Сосна, лаванда, мирт, белый мрамор. И какие — доступные. Я нынче писала С<ергею> Я<ковлевичу>: здешние горы — Чехия, выигравшая 5 милл<ионов> в Нац<иональной> Лотер<ее>, но — Чехия: то же обожаемое мною соединение сосны, камня и суши. (Чехия осталась у меня в памяти как один синий день. И одна — туманная ночь.)

Наш сад переходит в горку, немножко нынче с Муром побродили, я сразу влюбилась в какой-то куст, оказался — мирт, — посылаю веточку.

О встрече с Пастернаком⁸ (— была — и какая невестреча!) напишу, когда отзоветесь. Сейчас тяжело — и неуверенно, м.б. Вы уже переехали на дачу и письмо не дойдет? Но всё же — надеюсь.

— О многом напишу, о чем не могу писать никому. О том, что я — *aus dem Spiel*⁹, совсем, *aus jedem*. Смотрю на нынешних двадцатилетних: себя (и всё же — не себя!) 20 лет назад, а они на меня — не смотрят, для них я скучная (а м.б., «странная»), еще молодая, но уже седая, — значит: немолодая — дама с мальчиком. А м.б. просто не видят — как предмет. Горько — вдруг сразу — выбыть из строя — живых.

Вечера — самое тяжелое. Мур в 9 ч<асов> спит, в мансарде — жарко и крохотная керосиновая лампа, на воле темно и писать нельзя. К морю — тоже нельзя. Никуда нельзя. И никого нет. Вокруг русские радостные голоса: — идем? идем! — не будьте кофточку: свежо! — палку взяли?

И — пошли.

А я хожу — быстрее их!

Мур на берегу — красивый: невероятной длины — ноги, что всегда придает — полет. Очень выровнялся. С увлечением играет в песок и успел уже потерять — *прозевать!* унесли из под носу — два ведра. Купаться нельзя — пощелется. Дай Бог ему здоровья!

Я давно уже выбита из колеи писанья. Главное — нет стола, а если бы и был — жара на чердаке тропическая. Но еще главней: *это* (вся я) *никому не нужно*. Это, в лучшем случае, зовется «неврастения». Век меня — миновал. Но об этом — в другой раз. Целую Вас, дорогая Анна Антоновна, и жду быстрой весточки, что — дошло.

МЦ

¹ Ла Фавьер-пар-Борм (Вар), вилла Врангель (*фр.*).

² Каникулярного поезда (*фр.*).

³ См. примеч. 8 к письму 41.

⁴ Вильжюиф — букв. еврейский город (*фр.*); правильно: *Villejuif*. Здесь, в предместье Парижа, находился русско-французский госпиталь.

⁵ *Врангель Людмила Сергеевна* (урожд. Елпатьевская, в первом браке Кулакова; 1877–1969) — писательница, автор книги «Воспоминания и стародавние времена» (Вашингтон, 1964), в ней есть описание Фавьера. *Врангель Николай Александрович* (1887–1961) — инженер, профессор Русского технического института в Париже.

⁶ *Елпатьевский Сергей Яковлевич* (1854–1933) — врач, писатель, участник движения народников, друг М. Горького.

⁷ Лаванду.

⁸ М. Цветаева и Борис Пастернак встретились в конце июня 1935 в Париже, куда Пастернак прибыл из СССР для участия в Международном антифашистском конгрессе деятелей культуры. Встреча была очень короткой, после нее Цветаева уехала с сыном в Прованс на Средиземное море.

⁹ Вне игры... вне всякой (*нем.*).

France
La Favière, par Bormes (Var)
Villa Wrangel
12 июля 1935 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Начну с большой просьбы: подарите мне сто фр<анков>. Я совсем не знаю, что делать: я заехала сюда, а жить не на что, т.е. кормить Мура — не на что. Как раз хватило на дорогу и на первую неделю. Здесь у меня никого нет: русские либо равнодушны, либо (тайно) враждебны. А у С<ергея> Я<ковлевича> просить невозможно: он себя ободрал, чтобы нас отправить. Страшно подкосила Мурина операция — такая неожиданная! — за которую мы внесли 450 фр<анков> (и еще должны 400 фр<анков>, хотя проф<ессор> Алексинский за *операцию* — ничего не взял. Это долг — лечебнице).

Я не говорю о мясе или о рыбе (здесь цены — *курортные*) — мы их здесь и не видели, но масло Муру необходимо, так же как и сахар. А едим одну картошку, и про света нет. Просила у «Совр<еменных> Зап<исок>» аванс — под любую прозу (у меня — три вещи на выбор) — не дали *ничего*. («Касса пуста», и прочие отговорки. Просто — я им не нужна).

Итак, если только можете, дорогая Анна Антоновна, выручите меня еще раз! Тяжело смотреть на разочарованную морду Мура (он после лежания в госпитале, а особенно сейчас, на море, всегда голоден): — Как, опять суп без ничего? А когда же мы будем есть — как в Ванве?

Беда в том, что ни в Фавьере, ни в ближайшем курорте Лаванду — нет рынка. Большинство здесь живущих — здесь на пансионе, значит — им дела нет до цен, а ни на какой пансион, хотя бы 20 фр<анков> в день (здесь есть такие, но — за одного, конечно) мы с Муром не способны, — мы и 10 фр<анков> в день на *двоих* — не тратим, и не можем тратить.

Живем вторую неделю. Я — томлюсь. Сейчас объясню, и надеюсь, Вы меня поймете. Мне вовсе не нужно *такой* красоты, *столькой* красоты: море, горы, мирт, цветущая мимоза и т.д. С меня достаточно — *одного* дерева в окне, или моего вшенорского верескового холма. Такая красота на меня накладывает ответственность — непрерывного восхищения. (Ведь сколько народу, на моем месте, было бы счастливо! *Все*.)

Меня эта непрерывность красоты — *угнетает*. Мне *ничем* отдарить. Я всегда любила скромные вещи: простые и пустые места, которые никому не нравятся, которые мне доверяют себя сказать — и меня — я это чувствую — *любят*. А любить — *Sôte d'Azur!* — то же самое, что двадцатилетнего наследника престола, — мне бы и в голову не пришло. (Пришло — Марии Вечере², но тому не было — двадцати лет, было за тридцать, а ей — семнадцать, и он не был красавцем — и это она его одаривала!)

...Так же как не могла бы любить премированную собаку, с паспортом высокородных дедов и бабок (то, из-за чего, обыкновенно, и любят!).

Второе: я, из-за Мура, целый день должна сидеть или лежать у моря: на него (море) глядеть: ничего не делать, ибо писать на воле никогда не могла, а читать — это в каком-то смысле — тоже ничего-не-делать.

Третье: у меня здесь никого нет, ни души — для беседы, как у Мура — никого — для игры. Нас русские, явно, бойкотируют. Никто (а много — знакомых, напр<имер>, вся семья Кн<язей> Оболенских³) за 2 недели нас ни разу не позвал к себе — хотя бы на террасу, не говоря о том, что — не зашел. М.б. наша явная бедность, — не знаю.

С 9 ч<асов> вечера, уложив Мура, томлюсь. Ведь *весь* день либо зажигала примус, либо бессмысленно переливала песок из ладони в ладонь. Сажу в кухне, открыв дверь на лестницу (окна нет), слушаю чужие голоса: кто-то идет на море, кто-то — в гости, — Бог с ними, конечно, — и не мое это «море», и не мои это «гости», и м.б. я бы первая от всего этого веселья отстранилась: слишком много уж женского визгу и мужского хохоту! — но всё-таки, каждый вечер сидеть на кухне, без ни-души...

Купаюсь, но мало: я мало люблю — воду: плохо плаваю и сразу замерзаю. Муру докторша разрешила, сняв бандаж, немножко полоскаться. Но и он скучает: играть не с кем, а он в школе привык к детскому обществу.

Наш день: с 7 ч<асов> до 9 ч<асов> — примус, потом я пишу — пока что — только письма: и С<ергею> Я<ковлевичу> — каждый день (он очень о нас беспокоится, и ему я всё — хвалю), и разные благодарственные, и просто-дружеские, к 11 ч<асам> — на море, к 1 ч<асу> домой — есть, от 2 ч<асов> до 4 ч<асов> Мур спит, я — томлюсь, ибо отойти от дому не решаюсь, да и ужасная жара! в этот час — все в домах, итак, томлюсь в той же кухне, к 4 ч<асам> опять на море — до 7 ч<асов>. Затем — есть, и к 9 ч<асам> Мур — спать. И так — каждый день, и не знаю, как я так буду жить до 1-го Октября.

Главная беда: у меня нет твердого места для писанья: в хорошей комнате, с окном и сосной в нем, спит Мур (днем и с 9 ч<асов> веч<ера>), а в кухне — нет окна, и вся еда, и мухи, и жара от примуса, и стол — непоправимо целиком расшатанный, на к<отор>ый гляжу с отвращением, всячески — взглядом — обхожу.

Еще беда, что здесь нет органического населения: что я, всегда, так люблю, — ни одного старого дома, ни одной старой стены: только дачи и дачники, не считая нескольких франц<узских> ферм, тоже — со вчерашнего дня. Это — эмигрантский поселок в сосновом лесу. Зажиточно-эмигрантский, т.е. *буржуазный*. (Рядом со мной

2 дачи Милюкова, где никто не живет — и не будет жить.) Мы в этот поселок не вошли: здесь все — либо хозяева пансионов, либо пансионеры. Мы — сбоку, на вышке чужого (пока — пустого) дома, — как на маяке.

Если не сразу ответите, на эту часть моего письма — не отвечайте вовсе, — может быть к нам недели через две придет С<ергей> Я<ковлевич>, он может спросить: — А что пишет А<нна> А<нтоновна>? — Мне придется прочесть, и он узнает, что мне здесь плохо, а я — не хочу: он так старался устроить нам этот отъезд!

Пишите о себе. Нашли ли дачу? На новом ли месте или на прежнем? Как здоровье Вашей матушки? Все ли вы вместе? — Пишите и о душевном: главном.

Обнимаю Вас и очень прошу простить за просьбу.

МЦ

[К письму приклеен сухой цветок с надписью]

Цветок олеандра.

¹ Лазурный берег.

² *Вечера Мария* (1871–1889) — дочь барона Альбина Вечеры и Елены, рожденной Балльгацци. Трагедия произошла в охотничьем замке Майерлинг близ Вены, где 30 января 1889 были обнаружены тела кронпринца Австро-Венгрии Рудольфа фон Габсбурга (1858–1889), сына императора Франца Иосифа I и императрицы Елизаветы (Сисси), и его молодой любовницы Марии Вечеры. Из-за невоз-

можности заключить брак они покончили жизнь самоубийством.

³ В Чехословакии М. Цветаева была дружна с князем *Андреем Владимировичем Оболенским* (1900–1975) — сыном политического деятеля В.А. Оболенского (1869–1950). В 1919–1920 Оболенский служил в Добровольческой армии, затем эмигрировал, жил и учился в Праге, в 1924 уехал во Францию.

Favière, par Bormes (Var)
Villa Wrangel
11-20 августа 1935 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Я недолго жила в Чехии и собственно жила не в Чехии, а на краю деревни, так что жила в чешской *природе*, за порогом культуры, т.е. природы + человека, природы + народ. И — руку на сердце положи — люблю. Люблю бескорыстно и безответно — как и полагается любить. И — может быть — даже безнадежно, ибо: увижу ли еще когда? (Люди, когда *безнадежно* — перестают любить). То малое, что я видала от Праги, — так далеко живя — навсегда для меня включилось в Märchen meines Lebens¹, как свою жизнь назвал Андерсен.

А Пражский Рыцарь — навеки *мой*.

Еще расскажу Вам: иногда в Т. S. F.² слышится музыка, от которой у меня сразу падает и взлетает сердце, какая-то повелительно-родная, в которой я *всё* узнаю, — хотя слышу в первый раз. И это всегда — Сметана³. Вообще — чешское. Так, я под прошлое Рождество прослушала целый концерт чешских народных песен — нечаянно попала — и была заворожена.

Ваша русская пианистка (простите!) — бревно, ей бы столбом рояля стоять, а не сидеть за клавиатурой. Народ — *весь* — в пеньи, а чешский народ *есть* пень, знак равенства.

Но — будьте уверены — Ваши соседи-патриоты и своей Patria⁴ не знают, разве что казачий хор по граммофону и несколько *мелких* рассказов Чехова. Ибо — знающий Россию, *сущий* — Россия, прежде всего и поверх всего — и самой России — любит *всё*, *ничего* не боится любить. Это-то и есть Россия: безмерность и бесстрашие любви. И если есть тоска по родине — то только по безмерности мест: отсутствию границ. Многими же эмигрантами это подменено ненавистью к *загранице*, тому, что я из России глядя, называю заморщиной: заморьем. Вспомните наши сказки, где *всегда* виноград, которого ни одна баба в глаза не видала. И *всегда* — орел. И *всегда* — в самых степных местах возникшие — *горы*, да еще свинцовые или железные. — *Мечта*. —

А вот эти ослы, попав в это заморье, *ничего* в нем не узнали — и не увидели — и живут, ненавидя Россию (в лучшем случае — *не видя*) и, одновременно, за границу, в тухлом и затхлом самоварном и блинном прошлом — не историческом, а их личном: чревном: вкусовом: имущественном, — обывательском, за которое — копейки не дам.

Презрение к Чехии есть *хамство*. И больше ничего. Жаль только, что чехам придется так долго таких гостей терпеть.

Недавно, на пляже — пристает лодка. Трое в купальных костюмах: отец, мать, дочь. (Все молодые.) Слышу — родное, но не русское. И вдруг, к своему удивлению, хотя не русское — всё понимаю. — Чехи! — (Удивилась, п.ч. не ждала, Фавьер — не курорт: глухой уголок.) Было приятно смотреть, как они радовались. Вот уж воспользовались «зámорьем»! Нырjali, валялись в песке (как дети, как собаки!) лазили на камни, скакали с них в воду, всё это громко крича и даже визжа и совершенно не думая о зрителях. Потом по команде отца вскочили в лодку и совершенно мокрые, пещочные и счастливые — отплыли — поплыли. Больше я их не видала. Очевидно на своей лодке объезжали всю Côte d'Azur. — Какой-нибудь чиновник, наверное долго мечтавший и копивший — и ждавший, чтобы дочь кончила школу.

Сейчас у нас С<ергей> Я<ковлевич> — на короткий срок. В первый же день, воровски уйдя на море (уже был с нами и купался), сразу заснул — и спал неизвестно сколько — и дико обжегся: ноги — колоды, жар, тошнота, — солнечный удар. Следующий день пролежал, а через-следующий провел в тени, на третий же обошелся, — но жаль: из 10-ти дней потерял два — и всё из-за непослушания, ибо от 2 ч<асов> до 4 ч<асов> на море — самое пёкло, и никто, даже собаки, не выходят из тени.

После С<ергея> Я<ковлевича> приезжает Аля, к<отор>ая сейчас гостит в Са-войе, в том замке-пансионе, где однажды долго лечился С<ергей> Я<ковлевич>.

В следующий раз напишу о короткой и прелестной встрече с русской швейцаркой, д<окто>ром Базельского Университета⁵, которая мне напомнила Вас.

Я здесь (тьфу, тьфу, не сглазить!) до конца сентября, так что еще долго можно писать сюда.

Спасибо за всё, обнимаю Вас, сердечный привет и пожеланье здоровья и хорошего конца лета всем вам. Есть ли у вас зверь? (собака, кошка, хотя бы чужая.)

Пишите.

МЦ

¹ *Сказка моей жизни* (1846) — название автобиографии Х.К. Андерсена.

² *Transmission Sans Fil* — букв.: беспроводная передача (фр.); здесь: радио, радиоприемник.

³ *Сметана Бедржих* (Smetana; 1824–1884) — чешский композитор, дирижер, пианист. Автор нескольких опер и цикла симфонических поэм «Моя родина».

⁴ Отечество (лат.).

⁵ *Малер Эльза, Елизавета Эдуардовна* (1882–1970) — профессор славянской филологии Базельского университета. С 1920 жила в Швейцарии. Уезжая в СССР, Цветаева, по совету Юрия Иваска, оставила у нее часть своего архива, в котором находились «Перекоп», «Повесть о Сонечке», «Лебединый стан». Последний был опублик. Г.П. Струве со вступительной статьей Ю.П. Иваска: *Цветаева М. Лебединый стан*. Мюнхен, 1957.

France
La Favière, par Bormes (Var)
31-го авг <уста> 1935 г., суббота.

Дорогая Анна Антоновна,

Началось с того, что разлила на хозяйскую клеенку чернила — и час замывала — я во всех таких работах неловка́ и тщательна: в шитье, в мытье... Неловкость — мужская, тщательность — немецкая. Подвела — чернильница: яблоко ванька-встанька, с очень небольшим вместилищем для чернил: я нечаянно налила с краем и желая перелить обратно в бутылку — что невозможно: лить из яблока! — залила́ — стол. — Ну вот. —

Сейчас — наконец!! — вечер, и если бы не качкий стол — всё было бы хорошо. Вторую неделю здесь живет Аля — даже не здесь, а через три дома — и всё же изводит меня до головной боли — пустой болтовней, хихиканьем, дразнением Мура, непрерывным напеванием (чего *не* выношу!), аккуратными запаздываньями к каждой еде, ленью, — напр<имер> упорным отказом участвовать в фильме с платой 25 фр<анков> в день и полным содержанием — участвует статистами вся местная молодежь и многие уже заработали по 300 фр<анков>. — «Не хочется». Зная, что отец — надрывается. Да и я. — Кроме быта, в котором *нестерпима* и возмутительна: вытирает посуду чуть ли не половой тряпкой, а выстирать — «как-нибудь»... т.е. за 10 дней не удосужилась: *еле* терплю! — кроме быта — есть еще внутреннее: неприемлемое. Уезжает один или *одна* — сразу «дружить», т.е. непрерывно проводить время — с другим, одна не остается ни часу, — всё равно с кем — лишь бы болтать и хотать. (Со мной почти не бывает, — только за едой и — изредка — на прогулках. Ей со мной — *неинтересно*.) Отцу, к<отор>ый с величайшим трудом устроил ей эту поездку, за 10 дней не написала ни разу, — всем кроме него. Она — *неверная*. Я ей ни в чем не верю, ни ей — ни в нее.

Жить зимой я с ней *не* буду: уйдут остатки сердца (физического). Мура непрерывно учит глупостям, и он при ней — просто *труден*. Напр<имер> каждый раз как спать — смешит, доводит до хохота, зная, что он нервен, а главное — видя, как я извожусь. Иногда — просто ее выгоняю.

Она *не* зла, но *недоразвита морально*: ни ответственности, ни обязанности, ни воли, ни верности.

Других — чарует. Заговорит — хоть кого.

Причем — *с виду*, с боку — виновата — я: я громко говорю, ее — не слышно. И — главное — она молода и привлекательна, я — ни то, ни другое — и у всех мужчин правá будет — она. (Я — тиран, тяжелый характер, нелюдим, — она полна радости и прелести — и т.д., не зная, что «тяжелым характером» меня в большой степени сделали последние годы — с ней.)

Нет, *жить* с ней я больше никогда не буду.

(Кроме всего, у нее еще смутное поползновение — думаю: *инстинкт* — отбивать всех моих друзей — как кошка. Там, где это *невозможно* — в силу настоящей ко мне привязанности — она просто не бывает. Но там где — начало дружбы — она сразу налицо, — а меня *легко* вытеснить: когда я вижу, что человек — мне: моим стихам, душе (больше у меня нет *ничего*) предпочел болтовню и молодость (ибо больше у нее нет — *ничего*, ибо остальное — *мое*, сильно ослабленное), часу со мной — час с ней — я не оглядываюсь: для меня человек — *осужден*. Вы скажете — гордыня. Да. Она. Но *она*, а не смирение, спасала, спасает и спасет меня *всегда* — от *всего*: не только низостей (не соблазнялась!) — но от малейшей *défaillance*¹.

— На пляже много молодых чудесных лиц — юношеских. А я всё-таки — поэт. И *еще* — женщина. И ни одного укола сожаления — что меня никто уже не будет любить — никогда, что я — не в счет: потому что у меня взрослая дочь и седые (незакрашенные!) волосы. Мне — смешно (иногда — с добротой). А сколько — голову бы себе разбили! И — разбивают! Гляжу на всё это — из такого далека. *Без сожаления. Без вождения.*

....Брала истлевшие листы
И странно так на них глядела,
Как души смотрят с высоты
На ими брошенное тело...²

Так ли будет смотреть Аля — через 20 лет?
Бог с ней.

Сейчас она «отбила» у меня одного моего молодого — моложе меня на 10 лет — собеседника, каждый вечер до ее приезда приходившего ко мне на лестницу — поглядеть на звезды. Теперь не приходит — никогда, ибо весь день с ней не растает: «проводит время». Мне *не жаль* (ибо это оказался — ХЛАМ), мне — презрительно. На нее и на него.

Ты — сей руки своей лишись:
Хоть двух — Губами подпишусь
На плахе. — Распрь моих земля:
— Гордыня! — Родина моя!³

Спасибо за всё.

Простите эгоцентризм письма: вопль души. Но этот вопль — к Вам. Здесь мы до 25-го сентября.

Карточки будут осенью: много снято, но проявляться будут в Париже, здесь всё втридорога. Пришлю непременно.

¹ Слабость, малодушие (*фр.*).

² См. примеч. 8 к письму 53.

³ Из стихотворения *Родина (О неподатливый язык!..)* (II, 302).

Vanves (Seine)
33, Rue J.B. Potin
30-20 сентября 1935 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Ваше письмо в Фавьер получила последним, — прямо в последнюю минуту, так что читала его уже в вагоне.

Переезд был трудный и сложный, — я с 18 лет путешествую с кастрюлями (дети!) — но море до последней минуты было блаженно-синим, и часть души моей — надолго там.

Итог лета: ряд приятных знакомств (приятельств) и одна дружба — с молодым русским немцем¹ — в типе Даля², большим и скромным филологом, — о нем был отзыв в последней книге «Совр<еменных> Записок»: специалист по русскому языку XVI в. с странной фамилией (Унгеб) — вот и ошиблась: Унбегаун. У него милая молодая шалая жена³ — такая же жгуче-черная, как он — белый, и так же страстно танцующая, как он — пишущий. Кончится плохо, ибо пишут наедине, а танцуют — с кем-нибудь. Он допишется до славы, а она дотанцуется — до *непишущего*.

Итог другого лета — не людского — три пробковых пояса из таких вот [нарисованы две концентрические окружности] круглых аккуратных пробочек от сетей, морем выброшенных и мною подобранных, и благодаря им — полная свобода в воде — как на земле, свобода в страшной для меня стихии воды. Могу сказать, что плавала даже не в море, а *над* морем (я очень мало вешу, так что пояса меня выносили) — вроде хождения по водам. И целые связки эвкалипта, мирта, лаванды. И еще итог — несколько стихов: немного, и половина поэмы (о *невице*: себе)⁴ — и чудный мулатский загар, вроде нашего крымского. Люди думают, что я «помолодела», — не помолодела, а просто — вымылась и, на 40-50-градусном солнце — высушилась. Много снимали, но проявлять будем здесь — там было втридорога. Непременно пришлю карточки, — и свою.

Дом в ужасном виде (без меня хозяйничали С<ергей> Я<ковлевич> и переехавшая из города Аля) — уборки на добрую неделю.

Аля прожила с нами месяц — в отдельной комнате, но обедала и т.д. с нами — и ни разу не пришла во-время, заставляя греть и ждать. Но в общем вела себя сносно. Сейчас, до 15-го, живет у нас, — потом переедет в город. У Мура завтра начинается школа. На Ваш подарок (огромное спасибо!) купила ему всё школьное: тетради, ка-

рандаши и т.д. Он страшно рвется в школу и совсем не оборачивается на Фавьер, — вот уж не в меня! Я в его возрасте, да и раньше, — с тех пор как себя помню — прощалась с каждым деревом, с каждой тропинкой, с каждым видом, — он всё последнее утро читал дрянной бездушный комический детский журнал. — Другая раса. —

Но — не надо об этом.

Получила от той, что Вас напоминает (Frau Dr. Elsa Mahler, Basel⁵, — в Праге ее знают филологи) — сказки Андерсена в изд<ании> Reclam, — я как-то при ней сказала (длилось это всего 3 дня), что скучаю без Андерсена — и вдруг — подарок! *Ваш жест.*

Кати Кист⁶ я не видала, ибо приехала только 29-го, а Юлия (сестра) совсем поселилась с о<тцом> Сергием (Булгаковым)⁷ в порядке духовной дочери, а жена⁸ — выехала, живет с сыном. Старая жена, преданная, и глубоко-обиженная. Юлия, конечно — умнее, но *добрее* — та. Она летом была в Фавьере, и часто — такие фразы: «Почему Юлия не увезла о<тца> Сергия в горы? Ему бы так полезно»... или: — «Не знаю, мне этот институт духовных дочерей — не по сердцу...» (Еще бы!)

Кончаю, даже обрываю, ибо хочу, чтобы письмо пошло нынче же: обрываю — и обнимаю.

МЦ

¹ *Унбегаун Борис Генрихович* (1898–1973) — ученый-лингвист. Окончил Константиновское артиллерийское училище. После участия в боях Белой армии эмигрировал в 1920. Жил в Париже, где окончил Сорбонну и курс Школы восточных языков, в Страсбурге и Клермон-Ферране. Во время гитлеровской оккупации был заключенным лагеря Бухенвальд. После войны — профессор Оксфордского и Нью-Йоркского университетов.

² *Даль Владимир Иванович* (1801–1872) — врач, писатель, этнограф, лексикограф, создатель «Толкового словаря живого великорусского языка».

³ *Унбегаун Елена Ивановна* (урожд. Мансурова) — супруга Б.Г. Унбегауна.

⁴ Речь идет о начатой в 1935 и незаконченной поэме *Левица* (III, 748–752).

⁵ Госпожа д-р Эльза Малер (Базель).

⁶ См. примеч. 5 к письму 56.

⁷ *Булгаков Сергей Николаевич*, протоиерей Сергей (1871–1944) — экономист, теолог, священник, профессор Московского и Симферопольского университетов. В 1925–1944 декан и профессор догматики Богословского института (Париж). Был выслан из России в 1923. Жил в Чехословакии с 1923 по 1925, потом во Франции.

⁸ *Булгакова Елена Ивановна* (урожд. Токмакова; 1873–1945) — жена С.Н. Булгакова. Автор исторического романа «Царевна София» (Париж, 1930).

Vanves (Seine)
65, Rue J.B. Potin¹
28-го декабря 1935 г., суббота

С наступающим Новым Годом, дорогая Анна Антоновна!

Встречу его, по-видимому, одна — с спящим или неспящим Муром и сторожащим мое окно каштаном — *скоро!* уже зеленым (для меня *сущее*, — сейчас зима, например, — уже всегда *прошло*: вплоть до жизни!)

Предлагают идти на вечер русск<ого> Красного Креста (помощь политическим, вся интеллигенция) — и на вечер Союза возвращения² (где я *никогда* не была!) — но для первого у меня нет денег (там нужно: *нравственно-нужно* — тратить, ибо весь сбор — тюрьмам), а для второго — охоты, да вообще нет охоты на люди, в залу. Год — вещь серьезная, нужно Ehrfurcht³.

Со всех сторон слышу вопрос: правда ли, что Ваша дочь едет в Россию? — И уже раскрыв рот для *правдивого* ответа, сразу его закрываю: конфликт между естественным, рожденным состоянием прямоты и правды — и страхом предать «своих». (*Физически*. Вернее, что касается Али: *фактически*-своего: в ней *ничего* моего: ни кровинки). Правда была бы: — «да, собирается»... Т.е. всё время проводит среди возвращенческой молодежи, где, ввиду культурного превосходства и приятной наружности, имеет *легкий* успех. Не верит — ни во что. Убеждений — никаких. *Стыда* — никакого. *Совести* — никакой. *Достоинства* — никакого. Поэтому-то и «собирается», а не — *едет*. Ибо — ехать: ехать на *работу*, а работать — не желает, кроме как языком болтать. Очень удивлена буду, когда и если действительно уедет. Впрочем, возможно, что как «парижанка» и дочь своих родителей (нас обоих в России, во всяком случае — в Москве — знают, и с *хорошей* стороны) — устроится и без работы, т.е. «удачно» выйдет замуж: с прицелом, — помяните мое слово: непременно за *имя*, а имя там — положение, и т.д.

Моей блаженной семнадцатилетней глупости — да и всей жизни — глупости! — она *не* повторит.

Продолжает жить дома — у отца нет денег — отдельно ее содержать, а работать — *не* хочет, итак, живет дома, верней, с утра до вечера «гуляет» (сюда включаю и всю союзную ее «деятельность»): доклады, по сов<етским> газетам, о советской ма-

тери и ребенке, лекции по Политграмоте — всё это на шаромыжку, пользуясь низким уровнем слушателей, — да и память у нее отличная) — ходит по гостям, домой возвращается в час, утром валяется, шляется от зеркала к зеркалу (кстати: 22 года! — красится: и губы, и щеки, — недавно случайно встретила ее в дешевом магазине — Uni-Prix⁴ — прямо пожар, а не лицо!). И всё это под аккомпанемент изречений из Бухарина или Сталина.

Я ни одного вечера не свободна, никуда и никогда не могу без Мура уйти, вообще живу в предельном унижении — если бы что-нибудь внешнее могло меня унижить.

Мур живет разорванным между моим гуманизмом и почти-что фанатизмом — отца. Уже судит того и другого, не в смысле: осудить, а рассудить («рассуди ты нас», как в сказках, т.е. — кто прав?)

Растет с *развращающим* примером Алиного безделья и бессовестности. Она для него — яд [подчеркнуто трижды].

Очень серьезен. Ум — острый, но трезвый: *римский*. Любит и волшебное, но — как гость.

По типу — деятель, а не созерцатель, хотя для деятеля — уже и сейчас *умен*. Читает и рисует — неподвижно — часами, с тем самым *умным* чешским лбом. На лоб — вся надежда.

Менее всего развит — *душевно*: не знает ТОСКИ, совсем не понимает.

Лоб — сердце — и потом уже — душа: «нормальная» душа десятилетнего ребенка, т.е. — зачаток. (К сердцу — отношу любовь к родителям, жалость к животным, всё элементарное. К душе — всё беспричинное болевое.)

Художественен. Отмечает красивое — в природе и везде. Но — не пронзён. (Пронзён = душа. Ибо душа = боль + всё другое.)

Меня любит как свою вещь. И уже — понемножку — начинает ценить. Часто и даже почти всегда — защищает. *Видит* мое унижение.

О себе: так как выгребая и топлю три печки, стираю на троих — всё, хожу на рынок, готовлю, мою посуду и т.д. — прислуга за всё и на всех — пишу мало, урывками, последнее время — стихи. Весной будет легче: отпадет весь уголь и вся зола. (Я бы и золу любила — и всё — да и любила: в Сов<етской> России — и в Чехии — и в сказках — если бы меня на нее не *обрекали*, если бы рядом со мной не зевала, не потягивалась, не хихикала и не красовалась — та́, старшая сестра из сказки, которая — на бал.) Я сейчас вспомнила расхождение Ж. Занд и Шопена — из-за дочери Ж. Занд, с нарядным именем — Solange⁵ — Шопен считал, что Ж. Занд *холодно* к ней относится (NB! девушка была — *как лед*.) Другие же биографы Ж. Занд предполагают, что она хотела Шопена у матери — отбить: не любя, конечно — из спорта: утвердить *власть*. Так или иначе Ж. Занд и Шопен, Ж. Занд и «Solange» — разошлись, и не сошлись уже — никогда. Если бы меня любил — скажем, по старой памяти — Борис

Пастернак — Аля *всегда* была бы у него права, а я — виновата: ибо ей 20 лет. И кончилось бы так же.

Вот Вам, дорогая Анна Антоновна — пример: *образец*.

Я — *годы* — дружу с Верой Буниной⁶, урожденной Муромцевой, бывшей подружки моей Halbschwester⁷ Валерии, ученицы, по истории искусств, моего отца, — счастливейшие дни своей жизни проведенной в НАШЕМ доме в Трехпрудном — Вы, наверное, о нем читали. Познакомилась и подружилась я с ней — здесь. Она мне написала, я отозвалась — и пошло, и продолжается, и никогда не кончится — ибо тут нечему кончатся: всё — вечное.

Вы, м.б., знаете, что у Бунина — лет 10 как молодая любовь (приемная дочь? роман? — *любовь*) — бывшая пражская студентка, Галина Кузнецова⁸. Живет с ними, ездила с ними в Швецию, *ихняя*. Вера стерпела — и приняла. Все ее судят, я — восхищаюсь: Бунин без нее, Веры, не может, значит — осталась: поступила, как *мать*.

С Галиной я — вежлива.

С Буниным у нас дружественные отношения, без близости: прихожу к *Вере*.

— Ну́, вот. —

Недавно, на моем вечере стихов⁹, Бунин у кассы познакомился с Алей, не зная, что моя дочь. — «Милая барышня» — и так побеседовал, прошутил с ней мин <ут> 10. В антракте — опять к ней. Тут — выяснилось. Всю вторую часть в залу не входил, сидел с ней у кассы. Тут же пригласил ее к себе — *на завтра* — обедать.

Весь обед (по ее отрывочным, торжествующим рассказам) был занят ею одной, провожал до лифта (этого с ним *не бывает*) и — как выяснилось только сегодня, (накануне) — пригласил ее на следующее воскресенье в кинематограф.

Ему — 67 лет, ей — 22, т.е. *втрое*.

Что? Душа́? («Милая барышня...») Ум? — Нет, *двадцать лет*.

И вот я *постепенно* начинаю понимать: прозревать. Я всю жизнь была — *душою*. И в 20 лет. И — в два. Я была *красивее* Али. Но если бы мне большой писатель сказал: — «Милая барышня...», я бы и в 15 лет ответила: отметила: — Меня зовут — *Марина* — (и, подумав:) — Ивановна. (Bin weder Fräulein, weder schön — kann ungeleitet nach Hause gehn!¹⁰) потому меня *не любили*. (Так — мало! так — вяло!) По-мужски — не любили. Даже — *тогда*. (Ду́хи любили, души — любили: поэты, одинокие старики, собаки, чудачки...)

Забыла прибавить, что сейчас Кузнецова в отъезде, кажется — где-то лечится... а м.б. — другое: устала. Словом, *ее* в доме давно нет. И Аля это знает.

Потому я и говорю: ни малейшего собственного достоинства. Ей — лестно. И — особенно-лестно: уязвить меня, которую Бунин *никогда* не приглашал.

Завтра (воскресенье, 29-го) у нас гости — фавьерские друзья Унбегауны и Заматины¹¹, он и она. И Аля, в *последнюю* минуту: — А я — у Буниных. Мы с ним сговорились в кинематограф. — «Почему раньше не сказала?» — «Говорила». — «В первый раз слышу, иначе бы не звала всех на 29-ое». — «Значит, Вы плохо слышите».

Это — русалка: и лед души, и лед глаз, и вечный хохот, и желание *заиграть*. Она никого не любит.

Кончаю. Стемнело. Бегу на почту опускать — хочу (хоть письмо и невеселое!), чтобы получили к Новому Году. (А м.б. лучше — еще в этом? ибо *нового* в письме — ничего. «Es ist eine alte Geschichte»...¹²)

Целую Вас, помню, *очень* жду весточки.

Дай Вам Бог в Новом Году — того же, что и мне: душевного покоя. Лучше — не знаю ничего.

МЦ

¹ Произошло изменение номера дома с 33 на 65.

² Союз возвращения на родину в Париже (ул. Бюси, № 12), был создан в 1924 (подобные организации возникли в США, Болгарии) на основе кружка левых евразийцев (после издания декретов ВЦИК об амнистии участникам Белого движения). В 30-е годы в Союз входили около 1000 человек, его печатным органом был журн. «Наш Союз». В рамках Союза действовала коммунистическая организация. Союз распространял информацию о Советской России, налаживал культурные контакты (см., например, сообщение С. Эфрона об организации выставки русских художников, в которой впервые участвовала и А. Эфрон, в письме сестре Лиле — НСИП, 365). В 1937 был преобразован в Союз друзей Советской родины, председателем которого был С. Эфрон.

³ Глубокое уважение, почтение, благоговение (*нем.*).

⁴ Букв.: по одной цене (*фр.*); *здесь*: название универсама.

⁵ Дюдеван Соланж (Dudevant; в замужестве Клезанжо; 1828–1899) — дочь Ж. Санд.

⁶ См. примеч. 15 к письму 84.

⁷ Единокровная сестра (*нем.*).

⁸ Кузнецова Галина Николаевна (1900–1976) — литератор, поэтесса. Эмигрировала с

мужем, белым офицером, в Чехословакию, в 1924 жила в Париже. В семье Буниных жила с перерывами с 1927 по 1942. В тетради М. Цветаевой сохранилась заметка: «Не понимаю, что мож<но> любить маленькое, когда есть большое (Вера [Булнина] — Галина К<узнецова>» — НЗК II, 422).

⁹ Вечер новых стихов М. Цветаевой состоялся 20 декабря 1935 в зале Общества ученых (ул. Дантона, № 8).

¹⁰ «Я и не барышня и не мила. Дойду без спутников домой, как шла» — цит. из *Фауста* Гёте (пер. Б. Пастернака; гл. Улица).

¹¹ *Замятин Евгений Иванович* (1884–1937) — прозаик, драматург, литературный критик. В эмиграции с 1931, но сохранил советское гражданство. М. Цветаева относилась к нему с большой симпатией (см.: *Осипов Сара*. Марина Цветаева и Евгений Замятин — два внутренних изгнанника // «Чужбина, родина моя!»: XI междунар. науч.-темат. конф. (9–11 окт. 2003). М., 2004).

Замятина Людмила Николаевна (1883–1965) — жена Е.И. Замятина, умерла в эмиграции.

¹² «Это старая история» — строка из стихотворения Г. Гейне, вошедшего в раздел «Лирическое интермеццо» его «Книги песен». В пер. Л. Гинзбурга «Юноша девушку любит...».

Vannes (Seine) 65, Rue J. B. Potin
20no - 24^{avril} 1936a.

Влюбленным людям, доброй Дездемоны!
Морда - с кавычками, кика - с уф и дураки.
Ваме большое спасибо посылка.

О шанах (руко-уменьшающих) объединении людей
уф давно, сави и в самое элементарное френк:
кво-кво лавиант, и - шви. Но деки кинто не шавас,
дуру - керода (шпале, урано), с.з. и диеи квои кави
дуру бергале и до дуруни бэфу - уф шви анселе -
дуру озоделе одросо уф дери семитови шреси (ду
раконе деко кажал ко-янар, шона шави еи ке уфа
ран и шаву - и во рури!)

Рури шрви сави - рури (шорри шави, дуру -
перосави, ко шифели шави, диеи у кави шави
и шрвишави, - шави: шави шави и шви).
Кавиш, "шрвишави" - и диеи кавиш - шрвишави
шрвишави, шви шави кави шави, ко шви шави шави
шви, шрви шави (шрви), и шави и шави шави
шви - не шави, а ш.б. и шави шави Дездемона,
кво шави шави + шви шави шави.

Шви и 1909 году - шави шави - и шави

Vanves (Seine)
65, Rue J.B. Potin
20-20 января 1936 г.

С Новым Годом, дорогая Анна Антоновна!

Тогда — с наступающим, ныне — с уже идущим.

Ваше большое письмо получила.

О таком (ручно-умственном) объединении мечтаю уже давно, хотя бы в самой элементарной форме: кто-то читает, я — шью. Но мне никто не читает, Муру — некогда (школа, уроки), С<ергея> Я<ковлевича> и Али нет никогда. Сижу вечерами и до одурения вяжу — уже три месяца — Муру огромное одеяло из всех остатков шерсти (Аля раньше много вязала на заказ, пока пол ей не ударил в голову — и в руки!)

Ручной труд есть — круг (вокруг лампы, лучше — керосиновой, на тяжелой лане, была у нас такая в Трехпрудном, — медная: медведь лезет в улей). Кстати, «Трехпрудный» — в моих вещах — Трехпрудный переулок, где стоял наш дом, но это был целый мир, вроде имения (Hof), и целый психический мир — не меньше, а м.б. и больше дома Ростовых¹, ибо дом Ростовых + еще сто лет. Еще в 1909 году — совсем девочкой — я писала:

Засыхали в небе изумрудном
Капли звезд — и пели петухи...
Это было в доме старом, в доме — чудном...
Чудный дом, наш дивный дом в Трехпрудном —
Превратившийся теперь в стихи!²

Это я писала, еще будучи в нем, но уже — зная, чуя...

А потом — 1919 г<од> — стоим с уже 6-летней Алей — перед ним: окнами залы, и видим, как на подоконниках, из глиняных мисок, чужие люди хлебают вареную оболу.

А потом — 1920 г<од> — стою перед ним — и нету. Закрываю глаза — есть, открываю — нет: одни развалины камина торчат. — Снесли на дрова, ибо был деревянный: из мачтовой строевой сосны. Было ему — около 100 лет. Его старик Иловайский (дед моих старших Halbbruder и Halbschwester³) дал в приданое своей дочери Варваре Дмитриевне, когда выходила замуж за моего отца.

Значит — *не мой* дом, и получил его после отца в наследство брат Андрей*⁴, но любила и воспела его — я.

Видите — как далеко заводят: ручной труд и ламповый круг!..

Мне хорошо только со старыми людьми — и вещами. Из молодости люблю только молодую листву и траву.

Сейчас — *культ* молодости. В мое время молодость себя стеснялась. Сейчас: «мне 20 лет — кланяйся в ноги!»

А я не кланяюсь — п.ч. это — кумир⁵. На глиняных ногах, п.ч. *завтра* 20-летнему будет сорок лет, как мне — *вчера* — было двадцать.

Хвастаться титулом — хвастаться состоянием — хвастаться молодостью. Но первое и второе хоть — если не твоя — то *чужая* заслуга! Хоть *чей-то* — труд. Там — кичиться чужим трудом, здесь — обыкновенным ходом вещей, вне человека лежащим, то же самое, что гордиться — солнечным днем.

Помимо всего — мне с молодыми скучно — п.ч. им *с собой* скучно: оттого непрерывно и развлекаются.

Аля *месяцами* ни вечера не проводит дома: «собрания», «лекции» (меньше всего — лекции, п.ч. там нужно — слушать), «репетиции» — больше всего репетиции, п.ч. повторение чужих слов — громких.

Презираю всякое любительство как содержание жизни. А здесь она жертвует *моей* свободой: я *никогда* не могу уйти вечером, ибо она — *всегда*. А «отпрашиваться» у нее — нет, я — *феодал*. Кроме того она всё равно сошлется на «репетицию» и уйдет, т.е. наплюет. (Вчера, кстати, был их спектакль, и С<ергей> Я<ковлевич> — бывший (я — не была) говорит, что она совсем не дала образа серьезной девушки-химички. (Ставили пьесу «Чудесный сплав»⁶ — м.б. Вы видели).

А теперь, дорогая Анна Антоновна, увидите нас с Муром — на лестнице нашего фавьерского скворешника — видите, какая крутая? С нее я ежедневно сносила стол (с чернильницей, книгами и тетрадами) — в сад, пока Мур, днем, спал. И вот однажды полетела и страшно ссадила себе руку — хорошо, что не голову! скоро пришло другую карточку, где я в повязке. Шрам д<о> с<их> п<ор> не прошел.

Карточек — много: выкупила их нынче на Вами присланное, и теперь в каждом письме будет по карточке.

Пока же — обнимаю Вас и спешу на нашу ванвскую почту, чтобы еще нынче ушло.

Пишите!

МЦ

* умер в 1932 в Москве, от туберкулеза

¹ См. примеч. 4 к письму 99. Дом Ростовых, описанный в романе Л.Н.Толстого «Война и мир», — дом № 52 на Поварской ул. В 1917–1919 — Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР, где служила М. Цветаева. В 1919–1921 — Дворец искусств.

² «Засыхали в небе изумрудном...» — несколько измененно цитируется в очерке «Наталья Гончарова» (IV, 72).

³ Единокровный брат, единокровная сестра (нем.).

⁴ *Цветаев Андрей Иванович* (1890–1933) — единокровный брат М. Цветаевой; искусствовед.

⁵ Ср. библейское: «Не делай себе кумира... Не поклоняйся им...» (Исх 20: 4,5).

⁵ *Чудесный сплав* (1934) — комедия в четырех действиях В.М. Киршона

Vanves (Seine)
65, Rue J.B. Potin
15-20 февраля 1936 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Когда я прочла *Furchtlosigkeit*¹ — у меня струя по хребту пробежала: БЕССТРАШИЕ: то слово, которое я всё последнее время внутри себя, а иногда и вслух — как последний оплот — произношу: первое и последнее слово моей сущности. Рóзнящее меня — почти со всеми людьми! (Борис Пастернак, на к<оторо>го я *годы* подряд — через сотни и сотни верст — оборачивалась, как на второго себя, мне на Пис<ательском> Съезде² шепотом сказал: — Я не посмел не поехать, ко мне приехал секретарь С<тали>на³, я — испугался. (Он страшно не хотел ехать без красавицы-жены, а его посадили в авион и повезли).

...Не знаете ли Вы, дорогая Анна Антоновна, хорошей гадалки в Праге? Ибо без гадалки мне, кажется, не обойтись. Всё свелось к одному: ехать или не ехать. (Если ехать — так *навсегда*.)

Вкратце: и С<ергей> Я<ковлевич> и Аля и Мур — рвутся. Вокруг — угроза войны и революции, вообще — катастрофических событий. Жить мне — одной — здесь не на что. Эмиграция меня *не* любит, «Посл<едние> Новости», (единственное *платное* место: шутя могла бы *одним* фельетоном в неделю зарабатывать 1800 фр<анков> в *месяц*) — П<оследние> Нов<ости> (Милюков) меня *выжили*: не печатаюсь больше *никогда*. Парижские дамы-патронессы меня терпеть не могут — за независимый нрав.

Наконец, — у Мура здесь никаких перспектив. Я же вижу этих двадцатилетних — они в *тупике*. В Москве у меня сестра Ася⁴, к<отор>ая меня любит — м.б. больше, чем своего единственного сына. В Москве у меня — всё-таки — круг настоящих писателей, *не* обломков. (Меня здешние писатели *не* любят, не считают своей.)

Наконец — природа: просторы.

Это — *за*.

Против: Москва превращенная в Нью-Йорк: в *идеологический* Нью-Йорк, — ни пугтейрей ни бугров — асфальтовые озера с рупорами громкоговорителей и колоссальными рекламами: нет, не с главного начала: Мур, к<оторо>го у меня эта Москва сразу, всего, с головой отберет. И, второе главное: я — с моей *Furchtlosigkeit*, я *не* умеющая не-ответить, я не могущая подписать приветственный адрес великому Сталину,

ибо не я его назвала великим и — если даже велик — это не мое величие и — м.б. важней всего — ненавижу каждую торжествующую, казенную церковь.

И — расстанусь с Вами: с *надеждой* на встречу! — с А.И. Андреевой, с семьей Лебедевых (больше у меня нет никого).

— Вот. —

Буду там одна, без Мура — мне от него *ничего* не оставят, во-первых п.ч. всё — во времени: здесь после школы он — мой, со мной, там он — их, всех: пионерство, бригадирство, детское судопроизводство, летом — лагеря, и всё — с соблазнами: ба-рабанным боем, физкультурой, клубами, знаменами и т.д. и т.д.

Алю я — *уже* потеряла. Она — *чужая*. Чужая — *всей природой*. После длительного самообмана родства — полная чуждость. (Помимо непереносности, нестерпимости совместной жизни — лень, мелкая ложь, издевательство в лицо — говорю о самой сущности, вне взаимоотношения.) А в Москве отпадет и Мур — по-другому, физически, фактически.

Может быть — так и надо. Может быть, — последняя (— ли?) Kraftspröbe?⁵ Но зачем я тогда — с 18 лет — растила детей?? Закон природы? — Неутешительно. —

— Сейчас, случайно подняв глаза, увидела на стене, в серебряной раме, лицо Зи-грид Ундсет: — un visage revenu de tout⁶ — никаких самообманов! И вспомнила — Kristin⁷, как от нее постепенно ушли все дети и как ее — помните, она шла на какое-то паломничество — изругали чужие дети — так похожие на *ее!*

Нү, вот. Как же без гадалки? Погадайте на меня, за меня! (Француженкам я не верю: *ясно видят* — только вещь в витринах!)

Положение двусмысленное. Нынче, напр<имер>, читаю на большом вечере⁸ эмигрантских поэтов (*все* парижские, вплоть до развалины — Мережковского, когда-то тоже писавшего стихи). А завтра (не знаю — когда) по просьбе своих — на какомто возвращенческом вечере⁹ (NB! те же стихи — и в обоих случаях — безвозмездно) — и может выглядеть некрасивым.

Это всё меня изводит и не дает серьезно заняться ничем.

Обрываю письмо, чтобы сразу отправить. Могла бы писать Вам не отрывая пера еще два часа, — но сделаю это в другой раз, сейчас это только отклик.

МЦ

Сердечно радуюсь (тьфу, тьфу не сглазить!) намечающейся удаче с обществом. Непременно закажу у вас словацкий ковер — надеюсь рисунки будут старые? Напишите подробнее.

Очень жду ответа и совета (знаю — как трудно!!). Простите за эгоизм письма, но мне *не с кем*, некому говорить. Обнимаю и благодарю за всё.

МЦ

Вот еще три карточки. И ещё будут.

¹ Бесстрашие (нем.).

² Международный антифашистский конгресс писателей в защиту культуры проходил 21–25 июня 1935 в Париже. Идея его проведения принадлежала И.Г. Эренбургу, который позже писал: «Конгресс продолжался пять дней, и неизменно огромный зал Мютюалитэ был переполнен; громкоговорители передавали речи в вестибюль; люди на улице стояли и слушали... В коридоре во время дебатов Марина Цветаева читала стихи Пастернаку...» (*Эренбург И.* Собр. соч. В 8 т. М., 2000. Т. 7. С. 445, 448).

³ *Поскребышев Александр Николаевич* (1891–1965) — заведующий особым сектором Секретариата ЦК ВКП(б) (1934–1952), фактический секретарь Сталина.

⁴ *Цветаева Анастасия Ивановна* (1894–1993) — сестра Марины Цветаевой, прозаик, мемуаристка, автор книг «Королевские размышления» (1914), «Дым, дым и дым» (1916), «Моя Сибирь» (1988), «Неисчерпаемое» (1992) и нескольких сказок. Свои воспоминания о семье Цветаевых она начала публиковать в 1966, и с тех пор они выдержали семь

изданий. Сестры были очень дружны, в молодости часто выступали с чтением стихов. Все время эмиграции старшей поддерживали письменную связь. Последняя их встреча состоялась в Мёдоне в сентябре 1927, куда Анастасия приезжала из Сорренто, где она гостила у Горького. Когда Цветаева вернулась в СССР, сестру в Москве она не застала: Анастасия была в лагере. Там она узнала о самоубийстве Марины (см.: *Марина Цветаева в письмах сестры и дочери*: I. Письма Анастасии Цветаевой (1943–1945) // Нева. 2003. № 3).

⁵ Проба, испытание силы (нем.).

⁶ Спокойное, бесстрастное, невозмутимое лицо (фр.).

⁷ См. примеч. 5 к письму 63.

⁸ Литературный вечер, на котором выступили 33 автора (среди них — Берберова, Бунин, Гиппиус, Ходасевич), состоялся 15 февраля 1936 в помещении Общества ученых по инициативе Парижского объединения писателей и поэтов.

⁹ Речь идет о мероприятии по линии Союза возвращения на родину, одним из организаторов которого был С. Эфрон.

Vanves (Seine)
65, Rue J.B. Potin
19-20 марта 1936 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Последние мои сильные впечатления — два доклада Керенского¹ о гибели Царской Семьи (всех было — три, на первый не попала). И вот, руку на сердце положá, скажу: *невинен. По существу — невинен.* Это не эгоист, а эгоцентрик, всегда живущий *своим данным.* Так, смешной случай. На перерыве первого доклада подхожу к нему (мы лет 7–8 назад часто встречались в «Днях», а иногда и в домах) с одним чисто-фактическим вопросом (я гибель Царской Семьи хорошо знаю, и К<еренск>ого на себе, себя — на нем (NB! наши знания) проверяла) — кто был при них комиссаром между Панкратовым² и Яковлевым³. — Никого. Был полковник Кобылинский⁴. — Но он же не был комиссаром. — Нет. Комиссара три месяца не было никакого. (И вдруг, от всей души): — Пишите, пишите нам!! (Изумленно гляжу. Он, не замечая изумления, категорически): — Только не стихи. И не прозу. Я: — Так — что́ же?? — Общественное. Я: — Тогда Вы пишите — поэмы!

Он — *слепой* (слепой и физически, читает на два вершка от книги, но очков носить *не* хочет). Увидел меня: ассоциация: — пишет, а *писать* — значит — *общественное* (...«нам» в его возгласе означало — в новый, его, журнал — не знаю, как называется...).

О докладе, в двух словах: хотел *спасти*, в Царском Селе было *опасно*, понадеялся на тишину Тобольска. О Царе — хорошо сказал: — «Он совсем не был... простым обыкновенным человеком, как это принято думать. Я бы сказал, что это был человек — либо *сверхъестественный*, либо *подъестественный*...» (Говорил это по поводу его *невозмутимости*.)

Открыла одну вещь: К<ерен>ский Царем был очарован — как все хоть раз с ним говорившие, и Царь был К<ерен>ским — очарован, ему — *поверил* — как вся Россия.

Царицы К<ерен>ский не *допóнял*: *тогда* — совсем не понял: сразу оттолкнулся (как почти все!), теперь — пытается, но д<о> с<их> п<ор> претывается о ее *гордость* — *чисто-династическую*, к<отор>ую, как либерал, понимает с трудом. Мой вывод: за 20 лет — вырос, помягчал, стал человеком. Доклад — хороший: сердце — *хорошее*.

Публика на втором (последнем) докладе ставила вопросы и возражала. Был вопрос: — Почему Вы из России бежали и правда ли что в женском платье? — но он на него (было за-полночь — и зал закрывали) не успел ответить. Отвечает — блистательно и с обезоруживающей правдивостью.

Этот человек — куда лучше всех «гениальных», «великих», «незабвенных» тамошних — вместе.

Это — человек. (Спаси нас Бог от правящих «гениев»! Последний — Наполеон).

Второе: смерть поэта Кузмина⁵, Михаила Кузмина — петербургского, царско-сельского, последнего близкого друга Ахматовой. Я его встретила раз — в первых числах, а м.б. и 1-го января 1916 г <ода> — последнего года старой России. В Петербурге. В полную вьюгу. В огромной (домашней) зале.

Сейчас — пишу: его — и себя тогда. Он был на 20 с чем-то лет меня старше: такой — тогда, как я — теперь. Доклад К<ерен>ского о Семье и моё о Кузмине — вот и тогдашняя Россия.

Руднев обещал взять в «Современные <Записки>».

Дома — всё то же. Открываю в углу темного коридора пять тазов с непрогоревшим углем вперемишку с бумагами и очистками. (NB! Купила отдельную протрясалку, механически протрясающую золу — остается уголь.) Говорю Але (NB! дело ее рук, т.е. недели две сваливала всё в кучу, давшую пять глубоких тазов). — Ответ: «Вытрясать не буду». (Отец слышит и молчит.) Стою у окна и час протрясаю, — мой утренний письменный час. Она — невидимым крючком поднимает петли на тончайших — тоже невидимых! — шелковых чулках, к <отор>ые упорно покупает, хотя прорываются в первый день.

Это называется — стахановка⁶.

Вообще — издевательство.

(А Мур всё свободное время читает газеты, к <оторы>ми наш дом наводнен. — Тоже мало радости.)

Спасаясь — в одиночество тетради.

Спешу отправить, целую, благодарю, помню всегда.

МЦ

Пишите.

Р. S. Конечно, ни на какое смирение (в России) не способна. Наоборот!!!
Есть — что — сказать!

¹ Керенский Александр Федорович (1881–1970) — государственный и политический деятель, с 8 июля 1917 министр-председатель, глава Временного правительства, с 30 августа — верховный главнокомандующий. С 1918 в эмиграции. Доклады Керенского «Трагедия царской семьи» были прочитаны им в Мюзее Сосиаль (ул. Лас-Каз, № 5) 26 февраля, 7 и 17 марта. К нему обращено стихотворение Цветаевой «И кто-то, упав на карту...» (1917; I, 350–351). Познакомились они в Праге в 1924 на лекции Керенского. Цветаева подарила ему сборник стихов «Психея» и книгу «Царь-Девница». Керенский был редактором газ. «Дни» и журн. «Новая Россия» (Париж, 1934–1940). В «Днях» публиковались стихи Цветаевой и ее дневниковая проза.

² Панкратов В.С. — комиссар Временного правительства; возглавлял отряд «особого назначения», перевозивший царскую семью из Царского Села в Тобольск (1917–1918).

³ Яковлев В.В. — особоуполномоченный ВЦИК, которому было поручено перевезти царскую семью из Тобольска в Екатеринбург.

⁴ Кобылинский Е.С. — полковник, командир отряда, сопровождавшего царскую семью во время переезда в Тобольск. Комендант Ипатьевского дома до 2 мая 1918. В конце 1918 ушел в Белую армию.

⁵ Кузмин Михаил Алексеевич (1872–1936) — поэт и прозаик. Цветаева встречалась с Кузминым в Петрограде в 1916. В 1921 посвятила ему стихотворение «Два зарева! — нет, зеркала...», вошедшее в сборник «Ремесло» (II, 33). Очерк «Нездешний вечер» опубл.: Современные записки. 1936. № 61 (IV, 281–292).

⁶ Стахановка — участница стахановского движения передовиков производства в СССР за повышение производительности труда (названо по имени его инициатора шахтера А.Г. Стаханова).

Vanves (Seine)
65, Rue J.B. Potin
29-го марта 1936 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Живу под тучей — отъезда. Еще ничего реального, но мне — для чувств — реального не надо.

Чувствую, что моя жизнь переламывается пополам и что это ее — последний конец.

Завтра или через год — я всё равно уже не здесь («на время не сто́ит труда...»¹) и всё равно уже не живу. Страх за рукописи — что́-то с ними будет? *половину* — нельзя везти! а какая работа (любовь) — безумная жалость к последним друзьям: книгам — тоже *половину* нельзя везти! — и какие оставить?? — и какие взять?? — уже сейчас тоска по здешней *воле*, призрачному состоянию чужестранца, которое я так любила (*stranger hear?*)... состоянию США [подчеркнуто дважды] или шапки-невидимки... Уже сейчас тоска по последним друзьям: Вам, Лебедевым, Андреевой (всё это мне дала Прага, Париж не дал никого: что́ дал (Гронского) — *взял*...

Уже сейчас ужас от веселого самодовольного советского *недетского* Мура — с полным ртом программных общих мест — уже и сейчас неладно из-за С<ергея> Я<ковлевича>, Али, *газет* [подчеркнуто дважды], но здесь за меня — всё-таки — школа, здесь — уважают мать...

Мне говорят: а здесь — что́? (далее).

— Ни-че-го. Особенно для такого страстного и своеобразного мальчика — *иностранца*. Знаю, что отчуждение всё равно — будет, и что *здешняя* юношеская пошлость отвратительнее тамошней базаровщины, — вопрос только во времени: там он уйдет *сразу*, здесь — *оттяжка*...

(Нé дал мне Бог дара слепости!)

Так, тяжело дыша, живу (не-живу).

То, встав утром, радостная: заспал! — сразу кидаюсь к рукописи Царской Семьи (поэма, дописанная до половины и брошенная 5 лет назад, ныне — возобновлённая), то — сразу вспомнив, — а *quoi bon?*²³ всё равно не допишу, а — допишу — всё равно брошу: в лучшем случае похороню *зáживо* в каком-нибудь архиве: *никогда не смогу перечесть!* (не то, что: *прочесть* или — напечатать)...

С<ергея> Я<ковлевича> держать здесь дольше не могу — да и не держу — без меня не едет, чего-то выжидает (моего «прозрения»), не понимаю, что я — *такой умру*.

Я бы на его месте: либо — либо. Летом — еду. Едете?

И я бы, конечно, сказала — да, ибо — не расставаться же. Кроме того, одна я здесь с Муром пропаду.

Но он этого на себя не берет, ждет, чтобы я *добровольно* — сожгла корабли (по нему: распустила все паруса).

Всё думаю, что сделала бы на моем месте Сельма Лагерлёф или Зигрид Ундсет, которая (которые) для меня — образец женского мужества. — Помните, в сказке, Иван-Царевич на раздорожье: влево поедешь — коня загубишь, вправо поедешь — сам пропадешь.

Мур там будет счастлив. Но [подчеркнуто трижды] — сохранит ли душу живу (всю!).

Вот франц<узский> писатель Мальро⁴ вернулся — в восторге. М<арк> Л<ьвович> ему: — А — свобода творчества? Тот: — О! Сейчас не время...

Сколько в мире несправедливостей и преступлений совершалось во имя этого *сейчас*: ЧАСА — СЕГО!

— Еще одно: в Москве жить я не могу: она — *американская*. (Точный отчет сестры.)

С<ергей> Я<ковлевич> предлагает — Тифлис. (Рай.) — А Вы? — А я — где скажут: я давно перед страной в долгу.

Значит — и жить не вместе, ибо я в Москву *не хочу: жуть!* (Детство — юность — Революция — три *разные* Москвы: точно живьем в сон, сны — и *ничто* не похоже! *всё* — неузнаваемо!)

Вот — моя личная погудка.

О лете — не знаю ничего. Туда, на Юг — *не хочется*: не было места, где работать (я там почти ничего не сделала) — очень трудные бытовые условия — и не будет моих друзей Унбегаунов: они, счастливцы, едут в Чехию в командировку (ждите подарков!)

Но С<ергей> Я<ковлевич> страстно хочет — именно на Юг. Всегда так.

Больше всего бы мне хотелось — к Вам: в Чехию — навсегда. Нашлись бы спутники, обошла бы пешком всю Чехию, увидела бы замки, старые городки... А — лес!!! А — Вы!!! Дружба — с Вами! (Меня ни один человек *по-настоящему* не любит.)

Мне бы хотелось берлогу — до конца дней.

В следующий раз опишу свой инцидент с Керенским. Пока же целую и тороплюсь опустить.

Пишите!

МЦ

¹ Цитата из стихотворения М.Ю. Лермонтова *И скучно, и грустно...* (1840).

² Неточное написание второго слова; должно быть либо «hege» — чужой здесь человек, либо «heart» — чужестранное сердце, чужестранец.

³ Для чего? (*фр.*).

⁴ *Мальро Андре* (Malraux; 1901–1976) — французский писатель, политический деятель, участник Гражданской войны в Испании, активный борец Сопротивления. В 1959–1969 — министр культуры Франции. Приезжал в СССР в 1934 и 1936.

Vanves (Seine)
65, Rue J.B. Potin

7-го июня 1936 г., воскресенье

Дорогая Анна Антоновна,

Из Бельгии¹ я Вам писала коротко, — там у меня не было письменного стола: только круглый, кáчкий, — о нелепость! соломенный — заранее обескураживающий, кроме того я всё время была нá-людях и в делах. И чужой дом — особенно такая крепость быта, как на той открытке, всегда для меня — труден.

Я Вам тогда писала до моих чтений, — они прошли очень хорошо — и французское, и русское. Читала для бельгийцев — «Mon Père et son Musée»²: как босоногий сын владимирского священника (не города Владимира, а деревни Тáлицы), голыми руками поставил посреди Москвы мраморный музей³ — стоять имеющий пока Москва стоит.

Для русских читала: «Слово о Бальмонте»⁴ и, второе, «Нездешний вечер»⁵ — памяти поэта М. Кузмина: свою единственную с ним встречу в январе 1916 г<ода>.

На заработок с обоих вечеров имела счастье одеть Мура, и еще немножко осталось на лето.

Вечера были в том самом доме, к<отор>ый Вы видели на открытке, — частные, организованные моей недавней бельгийской приятельницей (русской, вышедшей замуж в бельгийский дом, тот самый).

Но — я мечтала о дружбе с ней, за этим и с этим ехала — а дружбы не вышло: она поглощена домом и своей женской тоской по любви и от надвигающихся неженских лет (ей сейчас 32 года, но она живет вперед) — и для меня в ее душе не оказалось места. Поэтому, несмотря на всю успешность поездки, вернулась с чувством неудачи: с пустыми руками души. Мне всё еще нужно, чтобы меня любили: давали мне любить себя: во мне нуждались — как в хлебе. (И скромно — и безумно по требовательности.)

Ездил с Муром, и только там обнаружила, насколько он невоспитан (11 лет!). Встречает утром в коридоре старушку-бабушку — не здоровается, за обед благодарит — точно лает, стакан (бокал, каких у нас в доме нет) берет за голову, и т.д. Дикарь. Я к этому, внутри себя, отношусь с улыбкой: знаю, что всё придет (от ума!), другие же (молча) меня жалеют и ... удивляются: на фоне моей безукоризненной, непогрешимой воспитанности, вдруг — медведь и даже ведмедь!

Не понимая, что воспитанность во мне не от моего сословия, а — от поэта во мне: сердца во мне. Ибо я получила столько воспитаний, что должна была выйти... ну, просто — морским чудищем! А главное — росла без матери, т.е. расшибалась обо все углы. (*Угловатость* (всех росших без матери) во мне осталась. Но — скорей внутренняя. — *И сиротство.*)

К сожалению нигде кроме Брюсселя, не была: мои хозяйева и их дети всё время болели, да и времени было мало: на седьмой день выехала. Да я и не умею «бывать», я хочу жить и быть, *пробыть*. В Брюсселе я высмотрела себе окошко (в зарослях сирени и бузины, над оврагом, на старую церковь) — где была бы счастлива. Одна, без людей, без друзей, одна с *новой* бузиной. Стóило оно, т.е. полагающаяся к нему комната, 100 бельг<ийских> франков, т.е. 50 французских... с услугами и утренним завтраком. Таковы там цены.

Но не могу уехать от С<ергея> Я<ковлевича>, который связан с Парижем. В этом — всё. Нынче, 5/18 мая исполнилось 25 лет с нашей первой встречи — в Коктебеле, у Макса, я только-что приехала, он сидел на скамеечке перед морем: всем Черным морем! — и ему было 17 лет.

Оборот назад — вот закон моей жизни. Как я, при этом, могу быть коммунистом. И — достаточно их без меня. (Скоро весь мир будет! *Мы — последние могикане.*)

Жду весточки, дорогая Анна Антоновна. Как лето? Мое — неизвестно, из-за того же С<ергея> Я<ковлевича>. Хотелось бы, чтобы и ему перепало, а заедем далеко — он не выберется. Мечтаю об Эльзасе: говорят, что тот же Шварцвальд, на к<отор>ый всю жизнь оборачиваюсь, как на рай. — Может быть. —

А о чем — Вы? (мечтаете). Как — и это важнее всего — Ваши все здоровы?

С кем встречаетесь (для души)?

Обнимаю Вас и жажду видеть Вашу руку на конверте.

МЦ

¹ В Брюсселе Цветаева была с 20 по 27 мая 1936 и жила в семье брата Ариадны Берг (см. о ней примеч. 16 к письму 122) Бориса Эмильевича и Ольги Николаевны Вольтерс (урожд. Богдановой; 1904—1969).

² *Мой отец и его музей* (фр.) — цикл состоит из нескольких новелл, написанных на французском языке. Главы *Шарлоттенбург*, *Мундир*, *Лавровый венок* впервые опублик.: Звезда. 1970. № 10 (пер. А. Эфрон); *Машина для стрижки газона* и *Приют* (пер. Р. Родиной): *Цветаева М.* Соч.: В 2 т. М., 1984. Т. 2: Проза (V, 170—179).

³ Мраморный музей — ныне Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, созданный по инициативе И.В. Цветаева.

⁴ *Слово о Бальмонте* впервые прочитано в Париже 24 апреля 1936 в зале Мюзее Сосиаль на благотворительном вечере по случаю пятидесятилетия творчества поэта (декабрь 1935). Опубл.: Руски архив. 1936. № 39—40 (в пер. на сербохорватский); Новое литературное обозрение. 1992. № 1 (факсимильная публ. оригинального русского текста).

⁵ *Нездешний вечер*, см. примеч. 5 к письму 108.

[Письмо написано на трех открытках:

1. Moret — Porte de Bourgogne et le Pont¹
2. Moret, Maison Sauvé, la pont de Bourgogne et l'Eglise².
3. Moret, Vieilles maisons en bois du XV s. ou est vendu le sucre d'orge renommé des religieuses de Moret³]

Moret-sur Loing (S. et M.)
18, Rue de la Tannerie,
chez M-me V-ve Thierry⁴
10-20 июля 1936 г., пятница.

Дорогая Анна Антоновна, а это — ответ на замо́к. Этими воротами выходим на́-реку, собственно — речку, с чудным названием Loing (loin!)⁵. Речка — вроде той, где купалась в Тульской губ<ернии>, 15-ти лет, в бывшем имении Тургенева⁶, — там, где *Бежин луг*. Но — там не было ни души (только пёс сидел и стерег), а здесь — сплошь «души»: дачи, удильщики, барки — ни одного пустынного места.

Приехали — мы с Муром — 7-го, сразу устроились и разложились — и расходились: в первый же день — три длинных прогулки: и на́ реку, и на холм, и в лес. Мур — отличный ходок.

Moret — средневековый городок под Фонтенбло, улочки (кроме главной, торговой) точно вымерли, людей нет, зато множество кошек. И древнейших старух. Мы живем на 2-ом этаже, две отдельных комнаты (потом приедет С<ергей> Я<ковлевич>), выходящих прямо в церковную спину. Живем под химерами.

Наша церковь (*эта*) основана в 1166 г<оду>, т.е. ей 770 лет. (И сколько таких церквей во Франции! Лучшие — не в Париже.) Но внутри хуже, чем снаружи. Чудные колонны, переходящие в арки купола покрыты известкой, не давая дышать старому серому камню, вместо скромных и непреложных ска́мей — легкомысленные суетливые желтые стулья. Церковь люблю пустую — без никого и ничего. Хорошо бы пустую — с органом! Но этого не бывает.

Хозяйки тихие: старушка 75 лет — с *усами* — и дочь, сорока, сорока пяти — в *параллели*: 7 лет не выходила на улицу. Мы им всё покупаем, и они за это нам трогательно — благодарны. Дом — очень католический, и не без католической *лжи*: напр<имер>, два *достоверных портрета* Иисуса Христа и Богородицы: один — «tel qu'il fut envoyé au Sénat Romain par Publius Lentulus alors gouverneur de Judée»⁷, другой (Богородицын)

«peint d'après-nature par St. Luc, Evangéliste, lors de son séjour à Jérusalem»⁸ — и где Богоматери 20 [подчеркнуто дважды] лет!!! (а писал — уже *Евангелист*).

Оба — с злыми, надменными ледяными лицами и одеты в *роскошные* мантии.
— Чудовищно! — А невинные люди — верят. (Носы у них — орлиные.)

Перевожу Пушкина⁹ — к годовщине 1937 г <ода>. (На французский, стихами.) Перевела: Песню из «Пира во время Чумы» (Хвалу Чуме), «Пророка», «Для берегов отчизны дальней», «К няне» и — сейчас — «К морю» (мои любимые). Хочу за лето напечатать целый сборник — моих любимых. Часть (бесплатно) будет напечатана в бельгийском пушкинском сборнике. *Знаю, что так не переведет никто.* Когда отзоветесь, пришлю образцы.

У Али ряд приглашений на лето: и в Монте-Карло, и в Бретань, и на озеро, и в деревню. С грустью отмечаю, что меня за 11 лет Франции не пригласил *никто*. Спасибо за «Прокрасться»¹⁰. Размер — тот, но это всё, о чем я могу судить. Как я понимаю перевод — увидите из *моих*. (Пришлю непременно, только отзовитесь.) Целую Вас и жду точного адр <еса> и вообще — весточки. Сердечный привет Вашим.

МЦ

¹ Морэ — Бургундские ворота и мост (*фр.*).

² Морэ — дом Совэ, Бургундский мост и церковь (*фр.*).

³ Морэ — старые деревянные дома XV в., где продаются знаменитые петушки на палочках, изготавливаемые монахинями из Морэ (*фр.*).

⁴ Морэ-сюр-Луэн (Сена и Марна), улица де ла Таннери, 18, дом мадам вдовы Тьерри (*фр.*).

⁵ Омонимы: Луэн (название речки) и слово «далеко» (*фр.*).

⁶ Цветаева вспоминает о своем пребывании летом 1908 в имении семьи Юркевич Орловка (Тульская губерния, Чернский уезд, ст. Скуратово), которое находилось неподалеку от тургеневских мест. Бывшее имение Тургенева она могла посетить во время одной из верховых прогулок (сообщено Е. Лубяниковой). *Тургенев Иван Сергеевич* (1818–1883) — писатель, Цветаева упоминает известный его рассказ «Бежин луг» из цикла «Записки охотника» (1847–1851).

⁷ «Такой, каким его послал римскому сенату Публий Лентул, в то время правитель Иудеи» (*фр.*).

⁸ «Писанный с природы евангелистом св. Лукой, когда он был в Иерусалиме» (*фр.*).

⁹ М. Цветаева перевела 22 стихотворения Пушкина на французский. При жизни были опубликованы три: *Бесы* (в однодневной газ. «Пушкин. 1837–1937», выпущенной в 1937 Комитетом по устройству Дня русской культуры во Франции к столетней годовщине гибели поэта (VII, 627), *Няне* и *Песня председателя* (из «Пира во время чумы») — в журн. доминиканцев: *La vie intellectuelle. Paris, 1937. Vol. XLVIII. № 2.* В 1937 Цветаева передала свои переводы Андре Жиду, сопроводив их письмом, о котором сообщил Е.Г. Эткинд (см.: Письмо Андре Жиду / Публ. и коммент. Е. Эткинда // Марина Цветаева. Песнь жизни: Actes du Colloque international de l'Université Paris IV. 19–25 oct. 1992. Paris, 1996; *Иванов Вяч.* О цветаевских переводах песни из «Пира во время чумы» и «Бесов» Пушкина // *Мастерство перевода.* 1966. М., 1968).

¹⁰ Стихотворение *Прокрасться* (14 мая 1923) перевел на чешский Ян Ржига, опубл.: Národní listy. 1936. 28 červen № 177; см. также: Výbor z ruské lyriky. Hradec Králové, 1936. S. 192.

Vanves (Seine)

65, Rue J.V. Potin

— но пишу еще из Савойи:

последний день! —

16-20 сентября 1936 г., среда.

Дорогая Анна Антоновна — Вы меня сейчас поймете — и обиды *не* будет.

Месяца два назад, после моего письма к Вам еще из Ванва, получила — уже в деревне — письмо от брата Аллы Головиной — она урожденная Штейгер, воспитывалась в Моравской Тшебове — Анатолия Штейгера¹, тоже пишущего — и лучше пишущего: по Бёму — наверное — *хуже*, по мне — *лучше*.

Письмо было отчаянное: он мне когда-то обещал, вернее, я у него попросила — немецкую книгу — не смог — и вот, *годы спустя* — об этом письмо — и это письмо — вопль. Я сразу ответила — отозвалась *всей собой*. А тут его из санатории спешно перевезли в Берн — для операции. Он — туберкулёзный, давно и серьезно болен — ему 26 или 27 лет. *Уже привязавшись* к нему, — обещала писать ему каждый день — пока в госпитале, а госпиталь затянулся, да как следует и не кончился — госпиталь — санатория — невелика разница. А он уже — привык (получать) — и мне было жутко думать, что он будет — ждать. И так — каждый день, и не отписки — а большие письма, трудные, по существу: о болезни, о писании, о жизни — всё сызнова: для *данного* (трудного!) случая. Усугублялось всё тем, что он сейчас после полной личной катастрофы — кого-то *любил*, кто-то — *бросил* (больного!) — только об этом и думает и пишет (в стихах и в письмах). Мне показалось, что ему от моей устремленности — как будто — лучше, что — оживает, что — м.б. — выживет — и физически и нравственно — словом, первым моим ответом на его первое письмо было: — Хотите ко мне в сыновья? — И он, всем существом: — Да.

Началась и встреча. То он просил меня приехать к нему — невозможно, ибо даже если бы мне швейцарцы дали *визу*, у меня не было с собой заграничного паспорта — то я звала (мне обещали одолжить денег) — и он совсем-было приехал (он — швейцарец, и *эта* часть ему легка) — но вдруг, после операции, ухудшение легких — бессонница — кашель — уехал к себе *auf die Höhe*² (санатория в бернском Oberland'e). Дальше — письма, что, м.б. на зиму переедет в Leysin, и опять — зовы. Тогда я стала налаживать свою *швейцарскую* поездку этой осенью, уже из Парижа, —

множество времени потратила и людей вовлекла — осенью оказалось невозможно, но вполне-возможно — *в феврале* (пушкинские торжества, вернее — поминание, а у меня — *переводы*). Словом, радостно пишу ему, что *всё — сделано*, что в феврале — встретимся — и ответ: — Вы меня не так поняли — а впрочем, я и сам точно не знал — словом (сейчас уже я говорю) в ноябре выписывается *совсем*, ибо легкие — *что осталось* — залечены, и процесса — нет. Д<окто>р хочет, чтобы он жил зиму в Берне, с родителями, — и родители тоже, конечно, — он же сам решил — *в Париж* — п.ч. в Париже — Адамович — и литература — и Монпарнас — и сидения до 3 ч<асов> ночи за 10-ой чашкой черного кофе —
— п.ч. он всё равно (после той любви) — мертвый.

(Если не удастся — так в Ниццу, но от этого дело не меняется.)

Вот на что я истратила и даже растратила *le plus clair de mon été*³.

На это я ответила — правдой всего существа. Что нам *не* по дороге: что моя дорога — и ко мне дорога — уединенная. И всё о Монпарнасе. И всё о *душевной* немощи, с которой мне *нечего* делать. И благодарность за листочки с рильковской могилы. И благодарность за целое лето — заботы и мечты. И благодарность за *правду*.

Вы, в открытке, дорогая Анна Антоновна, спрашиваете: — М.б. большое счастье?

И, задумчиво отвечаю: — Да. Мне поверилось, что я кому-то — как хлеб — нужна. А оказалось — не хлеб нужен, а пепельница с окурками: не я — а Адамович и К°. — Горько. — Глупо. — Жалко.

Никому ни слова: ни о нашей дружбе, ни о его Париже — уезжает он, кажется, *обманом* — ибо навряд ли ему удастся убедить родителей и врачей, что единственное место, где он может дышать, — первое по туберкулезу место Европы.

Есть у меня к нему несколько стихов. Вот — первое:

Снеговая тиара гор —
Только бренному лику — рамка.
Я сегодня плющу — пробор
Провела на граните замка.

Я сегодня сосновый стан
Догоняла на всех дорогах.
Я сегодня взяла тюльпан —
Как ребенка за подбородок.

Лето прошло как сон.

Все утра уходили на: ежедневное письмо — ему, ежедневное письмо — домой. В перерывы переводила Пушкина. Много ходила. Мур был на полной воле и совер-

шенно одичал — но не *моей* дикостью: одинокой, а — дикостью постоянного и невозбранного общения — здесь были дети и подростки — совсем вышел из берегов. Поскольку он легок, послушен и даже покладист — наедине, постольку труден (для меня!) — на людях. Он глубоко-невоспитан, просто — диву даюсь — при моем постоянном нажиме — и примере. Об основах человеческого общежития не имеет *понятия*. Знает только свои страсти и желания.

Но — *правдив*, полная невозможность *позы*, умен, по-своему добр (особенно — к животным), вообще — внутренне — доброкачественен. Но *формы* — никакой.

Ростом почти с меня, это ему очень вредит, ибо обращаясь с ним и требую от него как с 15-летнего, забывая, что это просто — громадный ребенок.

Скоро — школа, и, авось, войдет в берега.

— Не сердитесь, дорогая Анна Антоновна? Просто — я *вся* была взята в оборот этой моей огромной (и м.б. — последней) мечты. Еще раз — поверила.

Но ни Вас, ни о Вас я не забываю — никогда.

Итак, буду ждать весточки в Ванв.

Ежедневные письма кончились — с летом, но не только из-за лета.

Теперь усиленно принимаюсь за Пушкина, — сделано уже порядочно, но моя мечта — перевести *все* мои любимые (отдельные) стихи.

Это вернее — спасения души, которая *не хочет* быть спасенной.

Обнимаю Вас, люблю и помню всегда.

МЦ

¹ Штейгер Анатолий Сергеевич, барон (1907–1944) — поэт, прозаик. Его предки когда-то переехали из Швейцарии в Россию. Эмигрировал с родителями в 1920. Окончил русскую гимназию в Чехословакии. Затем семья переехала в Париж, где вышли в свет три сборника его стихов: «Этот день» (1928); «Эта жизнь» (1931); «Неблагодарность» (1936). По-смертно был издан его сборник «2x2=4» (1950). Третий сборник с письмом послал Цветаевой, так началась их переписка. Сохранилось 30 писем М. Цветаевой А. Штейгеру (впервые полностью опубли.: *Цветаева М. Письма Анатолию Штейгеру*. Калининград М. о., 1994). «Окликнутая» Штейгером, она отозвалась со всей искренностью: «Когда я прочла: до гроба Ваш — я сказала: Я от него не уйду никогда [...] я от него в Советскую Россию не уеду. [...] Друг, я любила Вас как лирический поэт и как мать. И еще как я: объяс-

нить невозможно» (VII, 624). Стихи, обращенные к Штейгеру, образуют цикл *Стихи сироте*, впервые опубли.: *Современные записки*. 1938. № 66 (II, 337–341). Штейгер высоко ценил творчество М. Цветаевой. Он писал В. Морковину 5 июля 1935: «Нобелевскую премию надо было бы по справедливости присудить ей, а не Бунину. Оценили ли Вы ее стихи в последних “Современных записках” о Гронском? Они написаны вопреки всему — рассудку, приличию, музыке — очевидности (она сама говорит с благодарностью и бесстыдством, что только благодаря ее в сущности капризу он не умрет “совсем”). И соглашаешься с нею во всем, преодолевая недоумение. Какая неистовая одаренность и сила какая...» (LA PNP. Фонд В. Морковина. Rv 10–11).

² На высоту (нем.).

³ Большую часть моего лета (фр.).

Vanves (Seine) 65, Rue J.B. Potin
24-20 сентября 1936 г.¹

Дорогая Анна Антоновна,
С большой грустью получила Вашу скорбную весть², ибо знаю, что для Вас была мать. И никаких слов, конечно, — нет. Ибо ее стул — пуст.

Когда сможете, напишите мне — как пришла смерть: ушла — жизнь. ...Я как раз переводила в те дни «Брожу ли я вдоль улиц шумных», и кончается так:

Ou me prendra la Destinée?
En mer, en guerre, ou en chemin?
Ou bien les fleurs de ma vallée
Recouvriront mes restes vains?

Ou'importe pour un corps sans vie
Dans quel recoin s'anéantir!
Et cependant — en terre amie,
Chérie — je voudrais dormir.

Que sur ma dalle blanche ou noire
L'enfance joue tout l'été
Et que la Mère sans Mémoire
Y mire et mire sa beauté...³

Обнимаю Вас и, если разрешите — Августу Антоновну.
Nicht verschwunden, nicht verschollen, nur vorangegangen!⁴

МЦ

¹ Письмо не было опубликовано в издании В. Морковина и З. Матхаузера, так как находилось в личном архиве Анны Тесковой и было найдено мною позже.

² Мать А.А. Тесковой скончалась 20 сентября 1936.

³ Три последние строфы стихотворения
А.С. Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шум-
ных...»:

И где мне смерть пошлет судьбина?
В бою ли, в странствиях, в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладелый прах?

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлеть,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать.

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.
(1829)

⁴ Не исчезнувшим, не пропавшим без вес-
ти, только вперед ушедшим! (*нем.*).

Vanves (Seine)
65, Rue J.B. Potin
26-20 Октября 1936 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Всего несколько слов: что я в эти тяжелые Ваши дни, в этой наступившей *пустыне* Ваших дней — неизменно с Вами, что если не писала — то только из своего *прирожденного* и здесь *законного* страха быть лишней — да кто в такой час *не* лишний? все, кроме того, кого нет, — не писала, потому что *не* о чем писать, потому что здесь нужно не писать, а присутствовать — молча (вместе пойти на кладбище, как я ходила с матерью молодого Гронского, на чудное просторное лесное кладбище, мимо которого мы так часто с ним ходили — в *наши* дни...) — потому что здесь невозможно — о себе, а о другом — страшно.

Так что не сочтите это, дорогая Анна Антоновна, за письмо, и из всех этих строк услышите только два слова: *люблю и помню*.

МЦ

Vanves (Seine)
65, Rue J.B. Potin
14-го ноября 1936 г.

Дорогая Анна Антоновна,

Вот Вам — вместо письма — последняя элегия Рильке, которую, кроме Бориса Пастернака, никто не читал. (А Б<орис> П<астернак> — плохо читал: разве можно после такой элегии ставить свое имя под прошением о смертной казни (Процесс шестнадцати?!)).

Я ее называю — «Marina Elegie» — и она завершает круг «Duineser Elegien»², и когда-нибудь (после моей смерти) будет в них включена: их заключит.

Только — *просьба* [подчеркнуто дважды]: никому — кроме Вас и сестры: *никому*. Это — моя тайна с Р<ильке>, его — со мной.

И к *этой* тайне я всегда возвращаюсь, когда меня так *явно* оскорбляют — не достойные развязать ремня его подошвы.

Обнимаю Вас. Сердечное спасибо за присланное.

МЦ

Это *последнее*³, что написал Р<ильке>: умер 7 мес<яцев> спустя. И *никто* не знает.

В декабре 1936 г<ода> — через полтора месяца будет *10 лет* с его смерти. Я помню день: утром 31-го пришел Слоним — приглашать на встречу Нового Года в ресторан — и: — «А Вы знаете? Р<ильке> умер».

(Умер 30-го⁴). Впрочем, м.б. Вы читали мое «Новогоднее» в «Вёрстах» — там всё есть.

— Десять лет. Муру было десять месяцев. Теперь он почти с меня, *сороковой* № обуви. У меня седая голова (я была совсем молодая — помните?). Рильковской второй внучке — почти десять лет (родилась после его смерти). В России *одни съели других*...

Ну, читайте. Здесь ответ — на всё.

МЦ

...Ich schrieb Dir heut ein ganzen Gedicht
Zwischen den Weinhügeln, auf eines warmen
(leider noch nicht ständig durchwärmten)
Mauer sitzend und die Eidechsen festhaltend
mit seinem Aufklang.

Château de Muzot s/Sierre (Valais)
Suisse
am 8. Juni 1926 (abends)

ELEGIE
für Marina

O die Verluste ins All, Marina, die stürzenden Sterne!
Wir vermehren es nicht, wohin wir uns werfen, zu welchem
Sterne hinzu! Im Ganzen ist immer schon alles gezählt.
So auch, wer fällt, vermindert die heilige Zahl nicht.
Jeder verzichtende Sturz stürzt in den Ursprung und heilt.
Wäre denn alles ein Spiel, Wechsel des Gleichen, Verschiebung,
nirgends ein Name und kaum irgendwo heimisch Gewinn?
Wellen, Marina, wir Meer! Tiefen, Marina, wir Himmel!
Erde, Marina, wir Erde, wir tausendmal Frühling, wie Lerchen,
die ein ausbrechendes Lied in die Unsichtbarkeit wirft!
Wir beginnens als Jubel: schon übertrifft es uns völlig;
plötzlich, unser Gewicht dreht zur Klage abwärts den Sang.
Aber auch so: Klage? Wäre sie nicht jüngerer Jubel nach unten.
Auch die unteren Götter wollen gelobt sein, Marina.
So unschuldig sind Götter, sie warten auf Lob wie die Schüler.
Loben, du Liebe, lass uns verschwenden mit Lob.
Nichts gehört uns. Wir legen ein wenig die Hand um die Hälse
ungebrochener Blumen. Ich sah es am Nil, in Kôm-Ombo:
so, Marina, die Spende, selber verzichtend, opfern die Könige.
Wie die Engel gehen und die Thüren bezeichnen jener zu Rettenden,
also rühren wir dies und dies, scheinbar Zärtliche, an.
Ach wie weit schon Entrückte, ach, wie Zerstreute, Marina,
auch, noch beim innigsten Vorwand. Zeichengeber, sonst nichts.
Dieses leise Geschäft, wo es der Unsrigen einer
nicht mehr erträgt und sich zum Zugriff entschliesst,
rächt sich und tötet. Denn dass es tödliche Macht hat,
merkten wir alle an seiner Verhaltung und Zahrtheit
und an der seltsamen Kraft, die uns aus Lebenden zu

Überlebenden macht. Nicht-Sein. Weisst Du's, wie oft
 trug uns ein blinder Befehl durch den eisigen Vorraum
 neuer Geburt...Trug...: uns? — Einen Körper aus Augen,
 unter zahllosen Liedern sich weigernd. Trug das in uns
 niedergeworfene Herz eines ganzen Geschlechts. An ein Zugvogelziel
 trug er die Gruppe, das Bild unserer schwebenden Wandlung.
 Liebende dürften, Marina, dürfen so viel nicht
 von dem Untergang wissen. Müssen wie neu sein.
 Erst ihr Grab ist alt, erst ihr Grab besinnt sich, verdunkelt
 unter dem schluchzenden Baum. Besinnt sich auf Jeher.
 Erst ihr Grab bricht ein; sie selber sind biegsam wie Ruthen,
 was übermässig sie biegt, ründet sie reichlich zum Kranz.
 Wie sie verwehen im Maiwind! Von der Mitte des Immer,
 drin Du athmest und ahnst, schliesst sie der Augenblick aus.
 (O wie begreif ich Dich, weibliche Blüthe am gleichen
 unvergänglichen Strauch. Wie streu ich mich stark in die Nachtluft
 die dich nächstens bestreift). Frühe erlernten die Götter
 Hälften zu heucheln. Wir, in das Kreisen bezogen,
 füllten zum Ganzen uns an, wie die Scheibe des MONDS.
 Auch in abnehmender Frist, auch in den Wochen der Wendung
 niemand verhülfe uns je wieder zum Vollsein, als der
 einsame eigene Gang über der schlaflosen Landschaft.

R.

(Geschrieben am 8. Juni 1926)⁵

¹ «К августу 1936-го относится эпизод, которого Пастернак долго не мог себе простить. Шел процесс над “группой шестнадцати” — Каменевым, Зиновьевым и их окружением. 21 августа 1936 года в газетах появилось письмо “Стереть с лица земли!” — список “подписантов” был подготовлен писательским начальством заранее. [...] Узнав о письме, Пастернак потребовал, чтобы его фамилию сняли. Ставский сказал, что править текст поздно. Пастернак вынужденно смирился...» (Быков Д. Борис Пастернак. М., 2006. С. 566–567).

² *Дуинские элегии.*

³ Марина Цветаева ошибается. Запись последнего стихотворения Рильке *Ты — цель последняя моих признаний...* относится к середине декабря 1926, т.е. за две недели до смерти.

⁴ Рильке умер 29, а не 30 декабря 1926.

⁵ Текст элегии был впервые опублик.: *Rilke R.M. Duineser Elegien. Elegie für Marina // Rilke R.M. Gesamte Werke. Wiesbaden, 1956.*

После выхода в свет первого издания Писем Марины Цветаевой к Анне Тесковой В. Морковин получил из Лондона письмо от Виктора Семеновича Франка (1909–1972), который радовался изданию, исправил кое-какие ошибки и предложил свой перевод «Элегии для Марины» Р.М. Рильке. За счет утраты рифмы и ритма он попытался как можно ближе приблизиться к смыслу оригинала. Спустя сорок лет позволяем себе снова опубликовать этот перевод, впервые увидевший свет в Вестнике РСХД (1972. № 106). Оригинал перевода находится: LA PNP. Фонд В. Морковина. Рс. 6–7.

Я написал тебе сегодня целое стихотворение, сидя среди виноградников, на теплой (к сожалению, еще не совсем прогретой) стене и останавливая ящериц его звучанием.

Замок Мюзон на Сьерре (Валэ), Швейцария.
8-го июня 1926 г<ода>, вечером.

[ЭЛЕГИЯ для Марины]

О, эта гибель в мирах, Марина, эти падающие звезды!
Нам ее не умножить— куда б, к какой звезде мы ни рвались!
В мире давно все подсчитано.
Падающий не уменьшает святого числа.
Каждое жертвенное падение падает в первоисточник и целит.
Что ж, неужели все — только игра, перемещение равного, сдвиг?
Все безымянно? Не укоренено в чем-то родном?
Волны, Марина? Мы — волны! Глубь, Марина? Мы — небо!
Почва, Марина? Мы — почва, мы тысячекратно — весна, как жаворонки,
которых звенящая песнь бросает в незримую высь!
Начинается все с ликования: и вот оно нас захватило.
Но вдруг наша плоть обращает песнь долу стенаньем.
Стенанье? Но разве оно не новый восторг, долу идущий?
Ведь и подземные боги жаждут хвалы, Марина.
Боги невинны, как дети: они хотят быть хвалимы.
Так хвали ж, моя радость! Давай расточаться в хвале.
Мы ведь ничем не владеем. Еле-еле трогаем стебли
цветов ненадломленных. Я видел это на Ниле, в Ком-Омбо:
Так, Марина, от даров отрекаясь, жертву приносят цари.
Так же как ангелы ходят, отмечая двери спасенных,
так и мы трогаем то, что нам кажется хрупким.
Ах, мы уж так далеко, мы так затерялись, Марина,
даже в самом насущном мы — только знакоподатели.
Но это тихое дело — когда один из нас, дойдя до предела,
решает схватить — оно мстит нам и убивает.
Ибо мы замечали по его сдержанной неге,
по странной силе его, которая нас из живущих
делает выжившими, что у него смертоносная сила.
Не—бытие: ты ведь знаешь, как часто
нес нас слепой приказ к ледяному преддверью
второго рожденья... Нес? нас? Нет, тело с глазами,
не желавшими видеть, под бессчетными веками. Нес
ввергнутое в нас сердце всего рода людского.
К цели птиц перелетных нес он всю стаю —
образ реющих наших преображений.
Любящим, Марина, не надо знать столько о гибели.

Они должны оставаться молодыми. Лишь их могила стара,
лишь их могила все помнит в тени плакучего дерева.
Только могила их рушится; они же сами гибки, как прутья.
И когда их чрезмерно сгибает, их свивает в венок.
Как они осыпаются в майском ветру! От вечности,
в которой ты дышишь и чуешь, их отделяет мгновенье.
(О, как я чую тебя, женский цветок, на том же
непреходящем кусту. Как я отдаю себя ветру ночному,
который вскоре коснется тебя.) Рано учатся боги
притворяться неполными. Мы же, втянутые в водоворот,
ищем, как серп луны, полноты.
Даже при истекающих сроках, даже в дни перехода,
нам ничто не вернет полноты, кроме
нашего одинокого шествия над спящей страной.

Vanves (Seine)
65, Rue J.B. Potin
2-20 января 1937 г.

С Новым Годом, дорогая Анна Антоновна!

Вам эту дату пишу — первой.

Дай в нем Бог Вам и Августе Антоновне и всем кого Вы любите здоровья и успешной работы, и хороших бесед, и верных друзей.

Не поздравила Вас раньше, потому-что болела, обычный грипп, но при необычных обстоятельствах нашего дома — несколько затянувшийся. Но ёлка, всё-таки, была, и Мурины подарки (благодаря Вашему, за который Вас горячо благодарю) — были. Получил книжки: «Les Contes de ma Grand-Mère»¹ (Жорж Занд) — «L'histoire merveilleuse de Peter Schlehml²» (во французском переводе самого Chamisso³ — кстати, был француз (эмигрант) — и себя на французский — переводил!!) — и цветную лепку, из которой отлично лепит.

Я, как встала после гриппа, так сразу засела за переписку своей прозы — «Мой Пушкин»⁴. Мой Пушкин — это Пушкин моего детства: тайных чтений головой в шкафу, гимназической хрестоматии моего брата, к<отор>ой я сразу завладела, и т.д. Получается очень живая вещь.

Не знаю — возьмут ли «Современные» Записки», но во всяком случае буду эту вещь читать вслух на отдельном вечере⁵.

Да, та «Dichterin»⁶, о к<отор>ой Рильке пишет Пастернаку⁷, — я. Я последняя радость Рильке, и последняя его русская радость, — его последняя Россия и дружба.

Как мне бы хотелось с Вами встретиться! А вдруг — в этом году?? Давайте — подумаем. А м.б. — и решим??

Обнимаю Вас, сердечный привет сестре.

Всегда любящая и помнящая Вас

М.

От С<ергея> Я<ковлевича> и Мура сердечный привет и лучшие пожелания.

Аля — из моей жизни совсем отсутствует: у нее — своя, мне совсем чужая: всё, чего не только не любила, но никогда не переносила — я. Ей уже 23 года, и это человек сложившийся.

¹ *Сказки моей бабушки* (1873).

² *Необыкновенная история Петера Шлемиля* (фр.).

³ *Шамиссо Адальберт* (Chamisso; 1781–1838) — немецкий писатель, по происхождению француз. Автор повести «Необыкновенная история Петера Шлемиля» (1814). О своем двойственном положении писал: «Что мне делать? Среди немцев я — француз, среди французов — немец».

⁴ *Мой Пушкин* был впервые опублик.: *Современные записки*. 1937. № 64 (V, 57–91).

⁵ Вечер М. Цветаевой состоялся 2 марта 1937 в зале Мюзее Сосиаль. Цветаева прочла очерк *Мой Пушкин* и стихи к Пушкину.

⁶ «Поэтесса» (нем.).

⁷ Речь идет о письме Р.М. Рильке Б. Пастернаку в мае 1926, которое Пастернак получил через Цветаеву.

Vanves (Seine)
65, Rue J.B. Potin
26-20 января 1937 г., вторник.

Дорогая Анна Антоновна,

А меня Ваше письмо сердечно обрадовало: в нем всё-таки есть надежды... Дорога — великая вещь, и только наш страх заставляет нас так держаться за обжитое и уже непереносное. Перемена ли квартиры, страны ли — тот же страх: как бы не было хуже, а ведь бывает — и лучше.

К путешествию у меня отношение сложное и думаю, что я *пешеход*, а не путешественник. Я люблю ходьбу, дорогу под ногами — а не из окна того или иного движущегося. Еще люблю *жить*, а не посещать, — случайно увидеть, а не осматривать. Кроме того, я с самой ранней молодости ездила с детьми и с нянями: — какое уж путешествие! Для путешествия нужна духовная и физическая свобода *от*, тогда м.б. оно — наслаждение. А я столько лет — 20, кажется — вместо паровоза везла на себе все свои мешки и тюки — что первое чувство от путешествия у меня — беда. Теперь, подводя итоги, могу сказать: я всю жизнь прожила — в неволе. И, как ни странно — в *вольной* неволе, ибо никто меня, в конце концов, не заставлял так всё принимать всерьёз, — это было в моей крови, в немецкой ее части (отец моей матери — Александр Данилович Мейн (Meun) был русский остзейский немец, типа барона: светлый, голубоглазый, горбоносый, очень строгий... Меня, между прочим, сразу угадал — и любил.)

...Но вы едете — иначе. Ваше путешествие — *Pilgerschaft*¹, и в руках у Вас — *Wanderstab*², и окажетесь Вы еще в Иерусалиме (Небесном).

Паломник должен быть внутренне-одинок, только тогда он проникается всем. Мне в жизни не удалось — паломничества. (А помните *Kristin*³ — под старость лет — когда ее ругали мальчишки, а она, улыбаясь, вспоминала *своих* — когда были маленькими... Точно со мной было.)

У меня три Пушкина: «Стихи к Пушкину»⁴, которые совершенно не представляю себе чтобы кто-нибудь *осмелился* читать, кроме меня. Страшно-резкие, страшно-вольные, ничего общего с канонизированным Пушкиным не имеющие и всё имеющие — обратное канону. *Опасные* стихи. Отнесла их, для очистки совести, в редакцию «Совр<еменных> Записок», но не сомневаюсь, что не возьмут — *не могут* взять. Они

внутренно-революционны — так, как никогда не снилось тем, в России. Один пример:

Потусторонним
 Залом царей:
 — А непреклонный
 Мраморный сей,
 Столь величавый
 В золоте барм?
 — Пушкинской славы
 Жалкий жандарм.
 Автора — хаял,
 Рукопись — стриг.
 Польского края —
 Зверский мясник.
 Зорче взглядися,
 Не забывай:
 Певцоубийца
 Царь Николай
 Первый⁵.

Это месть поэта — за поэта. Ибо не держи Н<иколай> I Пушкина на привязи — возле себя поближе — выпусти он его за границу — отпусти на все четыре стороны — он бы не был убит Дантэсом⁶. Внутренний убийца — он.

Но не только *такие* стихи, а мятежные и помимо событий пушкинской жизни, внутренне-мятежные, с вызовом каждой строки. Они для чтения в Праге *не* подойдут, ибо они мой, поэта, единоличный вызов — лицемерам *тогда и теперь*. И ответственность за них должна быть — единоличная. (Меня после них могут просто выбросить из «Совр<еменных> Записок» и вообще — эмиграции.) Написаны они в Мёдоне, в 1931 г<оду> летом — я как раз тогда читала Щеголева: «Дуэль и Смерть Пушкина»⁷ и задышалась от негодования.

Есть у меня проза — «Мой Пушкин» — но это мое раннее детство: Пушкин в детской — с поправкой: *в моей*. — Ее я буду читать на отдельном вечере в конце февраля⁸. И есть, наконец, французские переводы вещей: Песня из «Пира во время Чумы», «Пророк», «К няне», «Для берегов отчизны дальней», «К морю», «Заклинание», «Приметы» — и еще целый ряд, которых никак и никуда не могу пристроить. Всюду — стена: «у нас уже есть переводы». (Прозой — и ужасные.) Вчера на французском чествовании в Сорбонне, по отзывам, читали *Бог знает что*. Переводили — «очень милая барышня» или «такой-то господин с женой» — частные лица никакого отношения к поэзии не имеющие. Слоним мои переводы предложил Проф. Мазону⁹ — Вы, наверное, знаете — бывает в Праге — так он:

— Mais nous avons déjà de très bonnes traductions des poèmes de Pouchkine, un de mes amis les a traduites avec sa femme...¹⁰

И это — профессор, и даже, кажется, — светило.

Кончаю. Очень надеюсь на встречу. Вместе поедем в Версаль — там лучшее — Petit Trianon¹¹, весь заросший, заглохший, хватающий за душу. И в Fontainebleau — где Cours des Adieux¹² (Наполеона с Францией). Хорошо бы — весной, и на подольше в Париж — устроиться можно дешево — даже в гостинице. Быт — легкий, есть всё на все цены. И весна в Париже — лучшее время. И — Бог знает — что со мной будет потом...

Если есть более или менее реальные планы — в смысле времени и мест — пишите сразу. Хорошо бы *начать* с Франции.

Обнимаю Вас и всячески приветствую Вашу мечту.

Любящая Вас

МЦ

Сердечный привет Августе Антоновне.

Сердечное спасибо за присланное.

¹ Паломничество (нем.).

² посох странника (нем.).

³ См. примеч. 5 к письму 63.

⁴ *Стихи к Пушкину* см.: Современные записки. 1937. № 63, 64 (стихов, приведенных в письме, среди них не было) (II, 281–290).

⁵ *Потусторонним...* — 1-е стихотворение из цикла «Поэт и царь». Опул.: День поэзии. М., 1956 (II, 289).

⁶ *Дантес-Геккерн Жорж Шарль* (1812–1895) — приемный сын посла Нидерландов при русском дворе Л. Геккерна. С февраля 1834 поручик Кавалергардского полка. После дуэли с Пушкиным был судим, разжалован и выслан из России. Во Франции получил известность как политический деятель. При Наполеоне III был сенатором, занимая крайние консервативные позиции.

⁷ *Шеголев Павел Елисеевич* (1877–1931) — историк литературы. Автор книги «Дуэль и смерть Пушкина» (1916).

⁸ См. примеч. 5 к письму 116.

⁹ *Мазон Андре* (Mazon; 1881–1967) — французский филолог-славист, историк русской литературы. Научно-педагогическую деятельность начал в Харьковском университете. В 1928 был избран иностранным членом-корреспондентом АН СССР, с 1935 — член Французской академии.

¹⁰ Но у нас уже есть очень хорошие переводы стихов Пушкина, один мой друг их перевел вместе со своей женой... (фр.).

¹¹ *Малый Трианон* — королевский павильон в Версальском парке, построенный при Людовике XV.

¹² Двор прощания (фр.). В Фонтенбло Наполеон в апреле 1814 подписал отречение от престола.

Vanves (Seine)
65, Rue J.B. Potin
2-го мая, первый день русской Пасхи.

Христос Воскресе, дорогая Анна Антоновна! (Убеждена, что и Вы русскую Пасху считаете немножко своей). Несколько дней тому назад с огорчением увидела из Вашей приписочки, что Вы моего большого письма вскоре после Алиного отъезда, с описанием его и предшествующих дней, не получили, — потому что Вы говорите о моем долгом молчании — а я как раз удивлялась, почему так долго молчите — Вы. Может быть дала кому-нибудь опустить в городе (от нас идет на́-день дольше) — и человек протаскал или забыл в снятом пиджаке, — сейчас невозможно ни установить ни восстановить, — с Алиного отъезда уже полтора месяца — уехала 15-го марта.

Повторю вкратце: получила паспорт, и даже — книжечкой (бывают и листки), и тут же принялась за обмундирование. Ей помогли — все: начиная от С<ергея> Я<ковлевича>, который на нее истратился до нитки, и кончая моими приятельницами, из которых одна ее никогда не видала (мы жили совершенно разными жизнями, и тех людей, с которыми она проводила всё время и даже — жизнь, я впервые увидела на вокзале) — не говоря уже о ее друзьях и подругах. У нее вдруг стало всё: и шуба, и белье, и постельное белье, и часы, и чемоданы, и зажигалки — и всё это лучшего качества, и некоторые вещи — в огромном количестве. Несли до последней минуты, Маргарита Николаевна Лебедева (Вы м.б. помните ее по Праге, «Воля России») с дочерью принесли ей на вокзал новый чемодан полный вязаного шелкового белья и т<ому> п<одобное>. Я в жизни не видала столько новых вещей сразу. Это было настоящее приданое. Видя, что мне не угнаться, я скромно подарила ей ее давнюю мечту — собственный граммофон, для чего накануне поехала за тридевять земель на Marché aux Ruses¹ (живописное название здешней Сухаревки²), где, весь рынок обходя и все граммофоны переиспытыв, наконец нашла — лучшей, англо-швейцарской марки, на манер чемодана, с чудесным звуком. В вагоне подарила ей последний подарок — серебряный браслет и брошку-камею и еще — крестик — на всякий случай. Отъезд был веселый — так только едут в свадебное путешествие, да и то не все. Она была вся в новом, очень элегантная (и чужая, но это уже — давно: годы...), перебежала от одного к другому, болтала, шутила. Когда тронулся поезд, я ждала, что хоть слово — отцу: — Папа, приезжайте скорей! или: — Папа, спасибо! (отец для нее сделал — всё, помимо внутреннего — безумно-занятый бегал для нее по магазинам, по-

кувая дорожные стаканы, ножи и вилки, думая о каждой мелочи...) — но — ничего: какие-то слова каким-то людям. Но — характерно — *никто* не плакал, ни одной слезы. А она — просто *веселилась*.

Потом *очень* долго не писала, хотя С<ергей> Я<ковлевич> умолял ее сразу дать телеграмму. Я — совершенно не беспокоилась, он — безумно. Потом начались и продолжались письма — *пустые*, и чем дальше — тем пустее, видно, что написаны в 10 мин<ут>, а то и в 5 минут — присела с блок-нотом на коленях — отписки. «Много интересных людей...» (ни кто, ни что)... переводы (неизвестно какие) ... немножко про погоду — вообще точно уехала из Ванва в Версаль, — да и то больше напишешь!

Живет она у сестры³ С<ергея> Я<ковлевича>, больной и лежачей, в крохотной, но отдельной, комнатке, у *моей* сестры (лучшего знатока английского на всю Москву) учится по-английски. С кем проводит время, как его проводит — неизвестно. Первый заработок, сразу как приехала — 300 рублей, и всяческие перспективы работы по иллюстрации. Ясно одно: *очень* довольна. Лебедевым — полтора месяца как уехала — не написала ни разу, даже открытки. А почти-что выросла в их доме, ездила с ними по летам в Бретань, в Париже *годы* бывала у них ежедневно, она там была — как дочь. Они, верней: оне (он сейчас в Америке) объясняют это, или пытаются объяснить — ее *страхом* (он — бывший морской министр), но 1) страх — вещь презренная, 2) могла бы написать *через меня*. Нет, просто — забыла: *себя, ту, то — всё*.

После ее отъезда (тогда как раз я Вам писала то большое письмо) я полных две недели убирала и выносила за ней грязь. Бросила *всё* внутреннее: *все* письма, *все* детские рисунки, почти все книги, что я ей подарила, даже свою первую французскую — Contes du Chanoine Schmidt⁴ 1840 г<ода>, с бесчисленными гравюрами — и всё это валялось чуть ли не под ногами, и *весь* дом был полон просто — хламом, полные полки картонок неизвестно с чем и по всем углам — узлы (с грязным рваным бельем), я две недели работала как негр — *вычищая*.

Полтора месяца прошло — я по ней не скучаю. Расставание произошло *намного* раньше — и раз навсегда. Жить я больше с ней *никогда* не буду. Мне чужда ее *природа*: поверхностная, применяющаяся, без сильных чувств, без единого угла. Это не *возраст*, это — суть, вскрывшаяся с той минуты, когда она вышла из под моего давления, стала — собой.

Вы спрашиваете о моей дружбе с Головиной. Она очень больна, месяцами не встает (я только раз видела ее на ногах), очень проста и человечна (брат ее оказался мелким подлецом, совершенно бездушным, но это не всё), очень ко мне привязана, неизменно мне радуется и ничего не требует. Она несравненно лучше своих стихов: ничего искусственного (простите за кляксу: пишу stylo⁵ старой системы: не доглядишь — прольется). Во многом — ребенок. Город ее *не* испортил, но здоровье ее — сгубил. Не рассказывайте моего отзыва Бёму, а то он напишет ей, и получится, что я ее только жалею, а это — не совсем так, п.ч. и уважаю — она совершенно лишена эгоизма, *никогда* не жалуется, во *всем* обратное своему брату (Штейгеру), который —

лжив, мелок, себялюбив, расчетлив, а по отношению к ней — подлец. (Я с ним, не зная его, няньчилась целое лето, м.б. я Вам писала?) Так что на ней я от него — отдохнула.

Кончаю, п.ч. нужно идти на рынок. Приедете ли, дорогая Анна Антоновна, на выставку?⁶ Сделайте — всё. Это — эпоха. (1900 г<од> — 1937 г<од>). Между этими датами — двух всемирных выставок — кончился один мир и начался новый. Я осталась в старом.

Обнимаю Вас и очень жду весточки.

МЦ

¹ Блошинный рынок (фр.).

² Толкучка в Москве.

³ Речь идет о *Эфрон Елизавете Яковлевне* (1885–1976) — режиссере, преподавателе художественного слова.

⁴ *Сказки каноника Шмидта. Шмид Христофор фон* (Schmid; 1768–1854) — немецкий священник и автор книг для детей и юношества. Ариадна Эфрон учила французский

язык по переводам его сказок с немецкого (ср. VII, 690).

⁵ Ручкой, пером (фр.).

⁶ Всемирная выставка в Париже, 1937. На приглашение приехать А. Тескова ответила: «Понимаю — выставка — эпоха, и еще Париж! и Бретань! и Марина! Но если нервы рухнули — лечись! а все остальное после» (цит. по: *Цветаева М.* Где мой дом? М., 2000. С. 35).

[Письмо написано на трех открытках:

1. Exposition Internationale, Paris 1937,
Monument du pavillon de L'U.R.S.S., Sculpteur: M-me Moukhina¹.
2. Exposition Internationale, Paris 1937, Pavillon de l'Allemagne, Architect:
M. Speer².
3. L'Ancêtre des Bouquinistes³]

Vanves (Seine)

65, Rue J.B. Potin

14–20 июня 1937 г., понедельник.

Дорогая Анна Антоновна! Смотрю на Ваш Мариенбад и вижу — гётевский. («Ваш» — в кавычках: гётевский и есть — *Ваш!*)

Ist denn die Welt nicht übrig? Felsenwände
Sind sie nicht mehr gekrönt von heigen Schatten?
Die Ernte, reift sie nicht? Ein grün Gelände
Zieht sich's nicht hin am Fluss durch Berg und Motten?
Und wölbt sich nicht das überweltlich Grosse,
Gestaltenreiche, bald Gestaltenlose?⁴

Этим он тогда утешал себя от нее, этим он сейчас утешает нас от них (всех: тайных советников, пролетариев, жирных тел, злобных толп, семиэтажных гостиниц... вместо тех домиков...)

— Ins Herz, zurück! dort wirst du's besser finden!⁵

Была на выставке. Эти фигуры — работа *женская*⁶. Сов<етский> павильон похож на эти фигуры: *есть* — эти фигуры. А немецкий павильон *есть* крематорий + Wertheim⁷. Первый *жизнь*, второй *смерть*, причем *не моя* жизнь и *не моя* смерть, но всё же — *жизнь* и *смерть*. И всякий *живой* — *так* скажет. Видела 5 павильонов — на это ушло 4 часа — причем на советский добрых два. Если интересно — *обещаю* написать подробно. (А, догадалась! Первый — *жизнь*, второй — *мертвечина*: мертвецкая.) Павильон не германский, а *прусский* и мог бы быть (кроме технических новоизобретений) в 1900 году. Не фигуры по стенам, а *идолы*. Кто строил — и устраивал???

Неужели Вы не приедете на выставку? И неужели приедете — когда меня не будет? (Если уеду — то в начале июля до конца сентября. Есть надежда на Океан, который для меня — Мурино младенчество — и встреча с Рильке...)

[Открытка с фотографией букиниста, продающего книги на берегу Сены]

А это — мой павильон. (И фон, и передний план. А сию — сама я: в другом об-разе...)

От Али частые письма. Пока — работа эпизодическая, часто анонимная, но хорошо оплаченная, сейчас едет с сестрой С<ергея> Я<ковлевича> (с которой живет) в деревню, а осенью надеется на штатное место в Revue de Moscou⁸. Очень довольна своей жизнью. Пишет, что скучает, но если бы была способна на настоящую «скуку» (любовь) — не уехала бы. Кроме того, *четыре* года ежедневно доказывала мне свое равнодушие — чтобы не сказать хуже... *Дай ей Бог.*

Очень много нужно Вам написать, дорогая Анна Антоновна, но у меня срочная переписка рукописи «ПУШКИН И ПУГАЧЕВ»⁹ для нового большого серьезного русск<ого> журнала «Русские Записки»¹⁰ имеющего выходить в Шанхае. Если есть вид мариенбадского дома где жил Гёте — пришлите! Хотелось бы также хороший его старый портрет. Пишите! Целую, всегда помню и всегда люблю.

М.

В Мариенбаде, увы, не была никогда. Дед и мать (девочкой) — постоянно.

¹ Международная выставка, Париж 1937. Монумент павильона СССР, скульптор: ма-дам Мухина.

² Международная выставка, Париж 1937. Немецкий павильон, архитектор: месье Шпеер.

³ Предок букинистов (*фр.*).

⁴ М. Цветаева вспоминает Гёте, который на склоне лет влюбился в юную Ульрику фон Левецов и под влиянием любовных переживаний написал «Элегию», которая получила название «Мариенбадской». В переводе В. Левика фрагмент, приведенный Цветаевой, звучит так:

Иль мир погас? Иль гордые утесы
В лучах зари не золотятся боле?
Не зреют нивы, не сверкают росы,
Не вьется речка через лес и поле?
Не блещет — то бесформенным эфиром,
То в сотнях форм — лазурный свод над
миром?

(Гёте И.В. Собр. соч.: В 10 т. М., 1975. Т. 1. С. 445).

⁵ Назад, в сердце! Там сумеешь скорее это найти (*нем.*).

⁶ Перед советским павильоном на Всемирной выставке в Париже была установлена скульптура В.А. Мухиной (1889—1953) «Рабочий и колхозница».

⁷ Сейф (*нем.*).

⁸ Ежемесячный журнал, выходивший в Москве на французском языке, для которого А.С. Эфрон выполняла переводы, позже была принята в штат и работала там до своего ареста. Редакция журнала располагалась на Страстном бульваре, 11.

⁹ Эссе *Пушкин и Пугачев*. Опубл.: Русские записки. 1937. № 2; V, 488—524.

¹⁰ *Русские записки* — ежемесячный общественно-политический и литературный журн. издавался при ближайшем участии Н.Д. Авксентьева, И.И. Бунакова, М.В. Вишняка и В.В. Руднева (позже — под ред. П.М. Милюкова) в Париже, Шанхае, затем снова в Париже (1937—1939).

Lacanau-Océan (Gironde)
Av. des Frères Estrade
Villa Coup de Roulis'
16-20 июля 1937 г.

Дорогая Анна Антоновна! Приветствую Вас с Океана. Мы здесь шестой день. (Мы: Мур и я, Сергей > Яковлевич > приедет в августе.) Это мое четвертое море во Франции — из к<оторы>х — третий океан, и вот скажу Вам, что каждый раз — разное. St. Gilles (Пастернак, Рильке, Мурины первые шаги) — рыбацкая деревня, Pontailac — курорт, La Favière — русский дачный морской поселок, и наконец, Lacanau-Océan — пустыня: пустыня берега, пустыня океана. Здесь сто лет назад не жил никто, место было совсем дикое, редкие жители — из-за болот — ходили на ходулях. И что-то от этого — не от ходуль, а от дикости — осталось. Здесь, напр<имер>, ни одного рыбака, ни одной лодки — и ни одной рыбы. Просто — нет. В Фавьере — ловили, но не продавали, здесь — просто не ловят. Странно? Но — так.

Поселок — новый, постоянных жителей — несколько семей, остальные — сдают и живут только летом. Огромный, безмерный пляж, с огромными, в отлив, отмелями. И огромный сосновый лес — *весь сажёный*: сосна привилась и высушила болота. (Но и болота-то — странные: на песчаных дюнах, даже трудно верится.) Во всем лесу (100 кил<ометров>) одна (цементированная) тропинка: песок, — дорог не держит, следов не держит. Неподалеку (уже ходили) пресное озеро — откуда?! Там старый, старый старик пас стадо черных коров с помощью одноглазой собаки. Там я впервые увидела траву и чуть-чуть земли. Здесь земли нет совсем.

Живем мы в маленьком (комната, кухня, терраска) отдельном домике, в маленьком песчаном садике, в 5 мин<утах> от моря. Домик чистый и уже немолодой, всё есть, мебель деревенская и староватая: всё то, что я люблю. Хозяев — они же владельцы единственного пляжного кафе — почти не видим: уходят утром, приходят ночью.

Еда — дороже чем в Ванве, мясо *недоступно*: не покупали ни разу, рыбы, как я уже сказала, нет совсем, морковки продаются поштучно (25 сант<имов> штука), к фруктам не подступишься — спасаемся кооперативом, к<отор>ый каждый день выставляет какую-нибудь дешевку. Ее и едим.

Дачников, пока, довольно мало — главный съезд в августе — общий тон *очень* скромный: семьи с детьми, — никаких потрясающих пижам, никакой пляжной пошлости. *Хорошее* место — только если бы рыба!

Купанье — волны. Плавать почти нельзя. Дно мелкое, постепенное. За два дня было целых три утопленника, к<отор>ых всех троих спас русский maître-pageur², юноша 21-го года, филолог: японоведа. В прошлом году он спас целых 22 человека. Люди не умеющие плавать заходят по горло в воду и при первой волне — тонут. А волны непрерывные и сильные: здесь не залив, а совершенно открытое море.

Прочла (здесь уже) Sigrid Undset — «*Ida Elisabeth*»³. Первое разочарование: *Ida*. Правда — пустое, дамское, лжепоэтическое и не старинное, а старомодное — имя? (Что бы: *Anna-Elisabeth*!) А дальше и разочарования не было, п.ч. я *знала*, что 1) второй *Kristin* ни ей, ни мне, никому не написать, 2) читала *Jenny*⁴ и не полюбила. *Ей* (Ундсет) дано *только* (!!!) прошлое, гений *только* на прошлое. Кто эта *Ida-Elisabeth*? Что в ней такого, чтобы *Undset* о ней писать, а нам читать — 500 стр<аниц>? Где-то она сама о себе говорит, что она *Durchschnittsmensch*⁵. *Durchschnittsmensch* — и есть. Никакой личности, никакого очарования, — *только* хорошее поведение. Этого — для героини — мало. И дети бесконечно лучше даны в *Kristin*, чем здесь. Хороша, конечно, природа, но мне — как в жизни — в ней мешают *Auto* и *Moto*: ее героиня пол-книги ездит на автомобиле.

С нетерпением жду *Вашей* оценки, дорогая Анна Антоновна: читаю, всё время о Вас думала: на Вас оглядывалась.

— Но я всё-таки никогда не думала, что *Undset* способна на *скудную* книгу!!!

А вот С. Лагерлёф — не способна. Какая улада — после *Ida-Elisabeth* — ее *Могбака*⁶: их трехсотлетняя родовая усадьба, где она родилась и выросла, к<отор>ую пришлось продать и к<отор>ую она потом, уже пожилая, выкупила: дом и сад. Если читали — напишите, если не читали — прочтите, тут же, летом. И подумайте, что ей *80* [подчеркнуто дважды]лет!

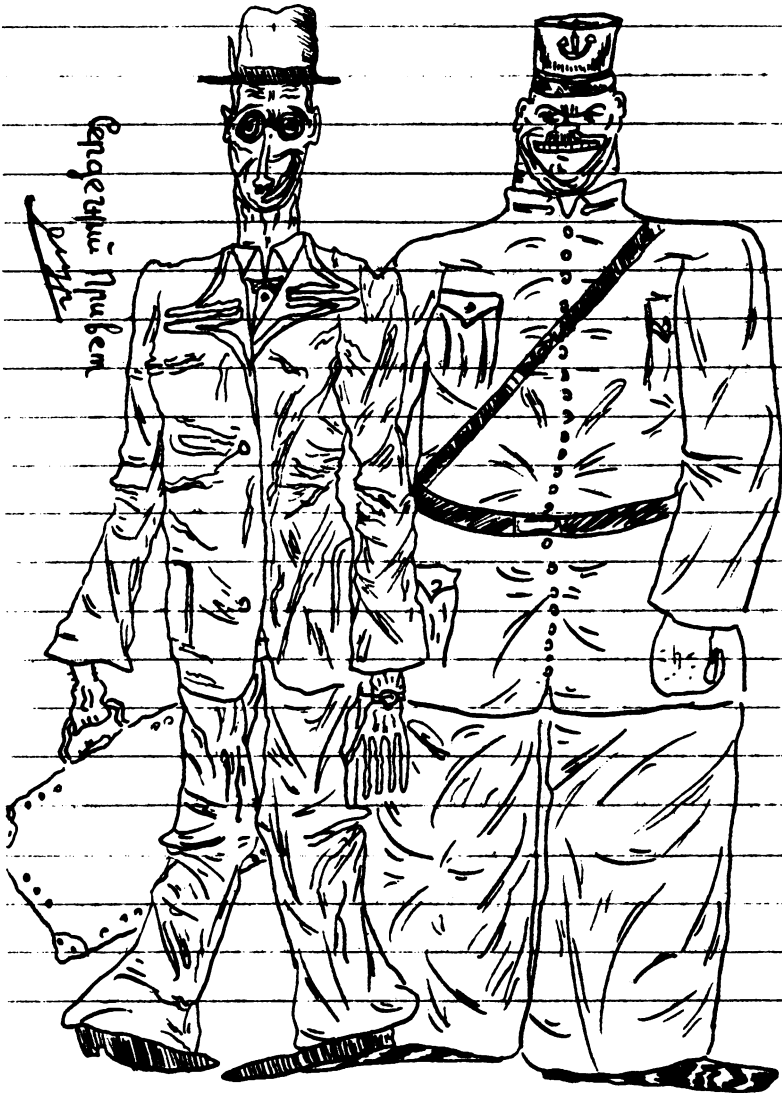
Пишу свою Сонечку⁷. Это было женское существо, которое я больше всего на свете любила. М.б. — больше *всех* существ (мужских и женских). Узнала от Али, что она умерла, — «когда прилетели *Челюскинцы*»⁸. И вот теперь — пишу. Моя Сонечка *должна* остаться. Было это весной-летом 1919 г<ода>. Без малого — 20 лет назад! (Уехала я в 1922 г<оду>. А из Чехии — в 1925 г<оду>. Боже! *Как годы летят!*)

Эпиграф к моей Сонечке, из *V. Hugo*:

Elle était pâle — et pourtant rose,
Petite — avec de grands cheveux...⁹

Откликнитесь поскорей, дорогая Анна Антоновна! Пишу по старому адр<есу>, п.ч. Вас, наверное, уже нет в Мариенбаде, а нового деревенского Вашего местонахождения — не знаю.

В! Жер ақто сөзіне Мақсұт сұрауы. За
жауапкерлік:

Мур отлично себя ведет: утром сам занимается, помогает мне по хозяйству, много читает — и немножко скучает: у него нет товарища, — здесь на пляже никто не знакомится. У меня тоже нет товарища — но я привыкла.

Целую Вас, дорогая Анна Антоновна, и очень жду весточки.

МЦ

Пишите *Lacanau-Océan*, п.ч. есть другое *Lacanau*, без *Océan*, в песках без моря. NB! Нечаянно оставила белую страницу. Ее заполнит Мур.

[Рисунок Георгия Эфрона и его подпись]
Сердечный Привет. Мур

¹ Лакано-Осеан (Жиронда), авеню де Фрер Эстрад, Вилла Ку де Рули (фр.).

² Учитель плавания (фр.).

³ Роман Сигрид Унсет *Ида-Элизабет* (1932).

⁴ *Йенни* (1911) — ранний роман С. Унсет (см. примеч. 5 к письму 63).

⁵ Средний, рядовой человек (нем.).

⁶ Морбакка — родовая усадьба Лагерлёф, которую она выкупила и перестроила в 1909. По имени этой усадьбы названа ее книга воспоминаний *Морбакка* (1922).

⁷ *Повесть о Сонечке* — последнее из прозаических произведений Цветаевой. Впервые опубли.: Русские записки. 1938. № 3 (первая часть) (IV, 293). Посвящена — *Голлидэй Софье Евгеньевне* (1896—1934) — актрисе Второй студии МХТ. Цветаева подружилась с ней в 1919, тогда же написала для нее роли в пьесах «Фортуна», «Приключение», «Каменный ангел», «Феникс» и посвятила ей цикл «Стихи к Сонечке» (I, 468—476).

⁸ *Челюскинцы* — участники арктической экспедиции на пароходе «Челюскин», в 1934 затертом льдами. Высадились на льдине и были спасены летчиками. 3 октября 1934 М. Цветаева посвятила им стихотворение *Челюскинцы* (II, 321—322).

⁹ *Гюго Виктор* (Victor Hugo; 1802—1885) — французский поэт, романист, драматург и эссеист. Автор таких известных произведений, как «Собор Парижской Богоматери», «Отверженные», «Труженики моря» и «Девяносто третий год». Эпиграф:

Она была бледна — и все же розовой,
Маленькая — с роскошными волосами...
(фр.).

Начало стихотворения В. Гюго без названия, датированного октябрём 1846, из сб. «Созерцания» (1856, в 2 кн.). «Вся гениальность Гюго в этом *grands* [роскошный], а не *longs* [длинный]...» (*Марина Цветаева — Арпадне Берг*; VII, 514).

Vanves (Seine)
65, Rue J.B. Potin
27-20 сентября 1937 г., понедельник

Нет, дорогая Анна Антоновна, я Вам писала последняя, и очевидно письмо пропало, странствуя вслед за Вами — в этом письме было прибытие к нам испанского республиканского¹ корабля — беженцев из Сантандера², и день проведенный с испанцем, ни слова не знавшим по-франц<узски>, как я — по-испански, — в оживленной беседе, в которую вошло решительно — всё. Теперь друг — на всю жизнь.

20-го мы вернулись, а следующий за нами поезд, которым мы чуть-чуть не поехали, потерпел крушение: были стерты в порошок два вагона — п.ч. — деревянные. А мы тоже ехали в деревянном, я раньше не разбирала.

Странно (верней — не странно), я как раз вчера вечером купила заграничную марку — писать Вам, а нынче утром — Ваше письмо. Я чувствовала, что Вы моего испанского не получили, — Вы никогда так долго не молчите.

Всё лето я писала свою Сонечку — повесть о подруге, недавно умершей в России. Даже трудно сказать «подруге», — это просто была любовь — в женском образе, я в жизни никого так не любила — как ее. Это было весной 1919 г<ода> — это была весна 1919 г<ода>. И с тех пор всё спало — жило внутри — и весть о смерти всколыхнула все глубины, а м.б. я спустилась в свой тот вечный колодец, где всё всегда — живо. Словом, это лето я прожила с ней и в ней, и нынче как раз поставила последнюю точку. Писала все утра, а слышала, слушала ее внутри себя — целый день.

Эпиграф к ней:

Elle était pâle — et pourtant rose,
Petite — avec de grands cheveux...³

Вышла большая повесть: 230 моих рукописных страниц. Пойдет (тьфу, тьфу, не сглазить!) в новом русском шанхайском журнале «Русские Записки», где мне, пока-что, дают полную волю.

Ничего другого не писала, только письма.

Очень боялась ехать сюда — и уже сбывается: столько черной работы, весь день до поздней ночи — мыть, стирать, сушить, разбирать, варить... Но я твердо решила —

два утренних часа отвоевывать, п.ч. всё равно — всего не переделаешь, а горечь написания — как отравы, просто — жжет.

Еще новая «беда», даже две: менять квартиру, п.ч. все утра прошлой зимы у меня уходило на топку трех не желающих гореть печей — и вообще — дом разваливается — безвозвратно. И — вторая: переводить Мура в новую школу, п.ч. директор запросил *вдвое* против прошлого года, т.е. 200 фр<анков> в месяц: 600 фр<анков> в триместр, чего мы платить *не* можем. — Et pas un sou de moins!⁴ — это об ученике, учившемся у него *четыре года*, из которых три — был первым, а один — вторым. И он *знает*, что я такого платить *не* могу. — Ну, Бог с ним!

Нет, дорогая Анна Антоновна, не хочу быть для Вас ни идеей, ни видением: если бы Вы знали, насколько я *жива*. Даже загнанная в невылазную щель *быта*.

...Сплошная обида: так часто люди ездят в Прагу — «съездил в Прагу», «неделя как вернулся из Праги», и — только я не могу, п.ч. у меня никогда не будет таких денег. (Откуда — у них? Должно-быть — какие-нибудь казенные, общественные, кому-то нужно, чтобы такой-то ехал в Прагу, — и никому, никому не нужно, чтобы ехала — я: только мне одной!) Видела в кинематографе похороны Масарика⁵: его строгий замок, его белую бедную комнату с железной кроватью, — сопровождающие факелы — стражу у гроба, с молодыми прекрасными лицами, — плачущий народ... И его — в гробу. *Орлиное* лицо.

Частые письма от Али, но... пустоватые. *Жизни* ее я из них не вижу — и не увижу. Она ведь вроде как приказала себе — переделаться, я этого *совсем* не понимаю и не вижу зачем ей это нужно было. Чтобы идти в шаг с веком?

Письма как будто очень сердечные, любящие, но — чему-то я в ней *не* верю. Пишу, отвечаю, оповещаю о всех наших событиях, но — всё только на известную глубину. О себе *по существу* я с ней говорить *не* могу, ибо вся она — отрицание меня и моего. *Не* сговоримся.

Внешне ей хорошо. Сотрудничает в хорошем литер<атурном> франц<узском> журнале⁶, оплата приличная, ходит в театр, ездит в дом отдыха, сейчас учится стрелять и проходит курс санитарной обороны. Дай ей Бог!

Обнимаю Вас, дорогая Анна Антоновна, и сбегáю с нашей горки — на почту.

МЦ

Читали ли Вы Pearl Buck⁷:

- 1) «La Terre chinoise»⁸
- 2) «Les Fils de Wan-Lung»⁹
- 3) «La Famille dispersée»¹⁰

Она дочь амер<иканского> миссионера, родившаяся в Китае.

Да, еще *замечательная* ее книга: «*Mère*»¹¹.

¹ Во время Гражданской войны в Испании (1936–1939) между защитниками Республики и сторонниками генерала Франко многие испанцы покидали страну, спасаясь от бомбежек.

² *Сантандер* — город-порт в Испании, расположенный на берегу Бискайского залива.

³ См. примеч. 7 и 9 к письму 120.

⁴ И не на один су меньше (*фр.*).

⁵ *Масарик Томаш Гаррик* (1850–1937) — первый президент Чехословацкой Республики (1918–1935).

⁶ *Revue de Moscou*. См. примеч. 8 к письму 119.

⁷ *Бак Перл* (Buck; урожд. Sydenstricker; 1892–1973) — американская писательница, публицистка, лауреат Нобелевской премии по литературе (1938). Автор романов о Китае: «Восточный ветер, западный ветер» (1929), «Земля» (1931) и др.

⁸ «Китайская земля».

⁹ «Сыновья Ван-Лунга».

¹⁰ «Семья в рассеянии».

¹¹ «Мать».

Vanves (Seine)
65, Rue J.B. Potin
17-20 ноября 1937 г., четверг¹

Дорогая Анна Антоновна,

Отвечаю сразу: *С.Я. не при чем*²: так, как он жил с нами этим летом на море, мог жить только человек с спокойной совестью, а он — *живая совесть*. Еще 1-го Октября мы с ним хотели отказаться от квартиры и строили всякие планы на эту зиму. Кроме того, я его знаю с 5-го мая 1911 г <ода>, то есть — 26 лет.

Полиция мне, в конце допроса³, длившегося с утра до позднего вечера, сказала: — Если бы он был здесь, он бы остался на свободе, — он нам необходим только как звено дознания.

Это у следователя, изведенного за долгий день не меньше меня, вместе с: *parole d'honneur*⁴ — вырвалось.

С их слов он по другим делам был связан с людьми, к <отор>ые «ont fait un mauvais coup»⁵. Вот всё, что я об этом знаю.

Скажу Вам то, что сказала в Sûreté⁶ — тем: — C'est le plus noble, le plus loyal et le plus humain des hommes⁷.

В *правых* кругах, среди его бывших (да и оставшихся: *пребывших!*) друзей, читателей «Возрождения», полное возмущение «Возрождением», особенно подлейшим интервью П.П. Сувчинского, где он его аттестует «неумным, неталантливым» с кличкой «верблюд» — за смесь *патетизма* и *глупости*⁸. Один такой читатель сказал, что при встрече с Сувчинским непременно набьет ему морду, а другой — что «войди сейчас С <ергей> Я <ковлевич> в мою квартиру, я не только бы не испугался, а обрадовался бы и сделал бы для него всё, что мог».

И это — *правые*: его идейные противники.

Ко мне — полное сочувствие, и вне всякой двусмысленности: ты, де, жертва... Нет, все любящие меня любят и уважают и его. Чудесно ведут себя *женщины*, не верящие. Мужчины же — *знают*, как и кем пишутся газеты.

Словом, дорогая Анна Антоновна, будьте совершенно спокойны: ни в чем низком, недостойном, бесчеловечном он не участвовал. Вы помните его глаза? С такими глазами умирают, а не убивают. Над ним еще в Армии смеялись, что всех спасает от расстрела. Он *весь* — свои глаза.

Было *очень плохо*, я совсем умирала от атмосферы «Бесов»⁹ и особенно «Der Prozess» — Kafka¹⁰ — к <оторо>го читала летом. Не ела, не спала, — умирала. А потом пришел мой редактор Фондаминский¹¹ и сказал: — Его нет во Франции, а Вы ни в чем не виноваты — в чем же дело?! — и я воскресла, и теперь живу, хотя — всё-таки — с трудом. (В те дни — и даже недели — я не прочла и не написала ни строки, я была *убита*, и первое, чему я (чуть-чуть!) обрадовалась, была природа: река на закате: невинность воды...).

Много, много работы по дому: налаживание печей (переключка с Вашей печкой...), починка вещей к зиме, отдача лишнего — а сколько его!

Мур учится с учителем, в школу его сейчас невозможно из-за франц<узских> газет, где «всё» было пропечатано. Учитель (бывший морской офицер, русский из немцев) — преданный, помогает.

...Было четверо, стало двое. Дом *ужасно* печален, из покинутой (навсегда!) комнаты дует нечеловеческим холодом. Висят осиротевшие старые пиджаки.

Читали ли Вы «*Vie de Ste-Thérèse de l'Enfant Jésus*»¹² («la petite Ste Thérèse») *écrite par elle-même*? Если нет — пришлю. Она умерла в 1894 г <оду>, прожив двадцать четыре года и оставшись четырехлетней. — Ответьте. —

Конечно, Кассандра (и *та*¹³ и *эта*!). И конечно — руины. У меня *еще* сердце при слепых глазах: я всё — и ничего — не знаю.

Леонардовскую Кассандру¹⁴ я страстно любила, когда ее читала: шестнадцати лет. У нее ведь тоже *Sehnsucht*¹⁵: die Sucht nach dem Sehnen: тоска по тоске.

Обнимаю Вас и жду *скорой* весточки.

М.

Одна моя бельгийская (русская) приятельница¹⁶ прислала мне цветущее деревце (азалию) с подписью: Ваша сейчас и через сто лет. — Имя. —

¹ На самом деле 17 ноября 1937 была среда. Значит, письмо было написано или 18 ноября в четверг, или 17 ноября в среду.

² Муж Цветаевой С.Я. Эфрон оказался под подозрением в организации убийства советского «невозвращенца» Игнатия Рейсса (наст. имя и фам. Игнас Порецки), совершенного в Швейцарии 4 сентября 1937. Согласно некоторым французским источникам, полиция нашла в помещении Союза возвращения на родину (на улице Бюси) телеграммы участникам слежки за Рейссом, написанные рукой

Эфрона. 10 октября Эфрон был срочно переправлен советской резидентурой в СССР. Вызванная на допрос Марина Ивановна пыталась убедить следователя в том, что ее муж не виновен, аргументируя это тем, что во время совершения преступления он был с семьей в Лакано-Осеан.

³ М. Цветаеву французская полиция вызвала на допросы в префектуру Парижа дважды — 22 октября и 27 ноября 1937. В данном случае речь идет о первом допросе. В переводе на русский язык обе стенограммы допроса

см. в кн.: *Кудрова И.* Гибель Марины Цветаевой. М., 1995. С. 278–282.

⁴ Честное слово! (*фр.*).

⁵ Было сделано плохое дело (*фр.*).

⁶ Сыскная полиция (*фр.*).

⁷ Это самый благородный, самый лояльный и самый гуманный человек (*фр.*).

⁸ См.: Возрождение. 1937. 29 окт.

⁹ *Бесы* (1871–1872) — роман Ф.М. Достоевского.

¹⁰ *Кафка Франц* (Кафка; 1883–1924) — писатель. Вырос в Праге, став одним из представителей немецкоязычной пражской литературы. Лейтмотив его романов «Процесс» (1915) и «Замок» (1922) — трагическое бессилие человека перед абсурдностью жизненных ситуаций.

¹¹ *Фондаминский Илья Исидорович* (псевд. Бунаков; 1880–1942) — общественный деятель, литератор, соредатор «Современных записок». Через него Цветаева получила от И.А. Бунина 1000 франков, выделенных ей в качестве помощи из Нобелевской премии.

¹² *Жизнь святой Терезици, дитя Иисуса* — автобиографическая книга маленькой святой Терезы. *Мари Франсуаза Тереза Мартен* (1873–1897; канонизирована в 1925) — французская монахиня-кармелитка.

¹³ Кассандра («та» Кассандра) — в греческой мифологии дочь царя Трои Приама, которую Аполлон награждал пророческим даром. Отвергнутый Кассандрой, он сделал так, что ее предсказаниям перестали верить; это привело к Троянской войне и гибели Трои.

¹⁴ *Леонардо да Винчи* (Leonardo da Vinci; 1452–1519) — итальянский живописец, скульптор, архитектор, ученый, изобретатель. М. Цветаева, говоря «эта» Кассандра, имеет в виду мону Кассандру — персонаж романа Д. Мережковского «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)» (1900).

¹⁵ Страстное желание: страсть по тоске (*нем.*).

¹⁶ *Берг Ариадна Эмильевна* (урожденная Вольтерс; 1899–1979) — дочь бельгийского инженера, приехавшего в Россию конструировать первые трамваи, по матери русская. После революции жила за границей. Получив в подарок азалию — как знак внимания в трудную минуту, Цветаева писала А. Берг: «Откуда Вы знаете, что я больше всех цветов на свете люблю деревья: цветущее деревце?! [...] — Ариадна, я третий день живу этим деревцем и над этим деревцем: оно рядом, у изголовья...» (VII, 510–511). Дружба их с 1934 продолжалась до отъезда Марины Ивановны в СССР. Прочитав в письме Цветаевой: «О Боже, Боже, Боже! *что* я делаю?! Пишите. Это последний срок для родных голосов» (VII, 529–530), Берг написала ей 22 августа 1938: «Марина, а что, если бы Вы *не* уехали? Я так глубоко чувствую *ненужность* Вашей жертвы. Но, конечно, *Вы* ее чувствуете еще глубже, а также, что она — роковая и, может быть, то, что *не* принести ее, будет еще большей жертвой. Христос с Вами, родная...» (VII, 549).

Vanves (Seine)
65, Rue J.B. Potin
3-го января 1938 г., понедельник.

С Новым годом, дорогая Анна Антоновна, и с прошедшими праздниками, с которыми я Вас, увы, не поздравила, хотя непрерывно о Вас думала, особенно под нашей маленькой елочкой, верней сказать — *над!* На ней еще чешские *настоящие* елочные шишки — из вшенорских лесов: само-вызолоченные!

У нас началась зима, и печи (о, ирония!) совсем отказываются гореть (*ужасная* тяга и *ничто* не помогает!). Я в своей комнате, с начала осени сменила *четыре* печи (купила из них — только одну: худшую! Остальные — *были*, или — *одолжены*) и — plus ça change plus c'est la même chose¹, т.е. дым, зола, чернота и холод. Горят (уголь) только пока подкладываешь щепки, значит — нужно весь день рубить и колоть, у меня все руки в язвах и ожогах, не говоря уже о *цвете*. Так и бьюсь с утра до вечера, и даже ночью.

Это — моя последняя зима в этом доме, в к<отор>ом мы живем без малого *четыре* года и который я, несмотря на всё, а верней — смотря на всё *вокруг*, мой каштан, Мурину бузину, неизвестно-чьи огороды — люблю и буду любить — пока жива буду. (Как *всё*, что когда-либо любила.) У меня сильнейшее чувство благодарности к «неодушевленным» предметам.

Жизнь идет тихо. Мур учится с учителем, учится средне, п.ч. — скучно: одному, без товарищей, без перерыва *игры*, и учитель — скучный: честный, исполнительный, но из русских немцев и неопишимо-однообразный. Но это всё-таки лучше чем полная *незаянтость*. А я — не могу: из-за печей, и мелочей, и кухни, в к<отор>ой мороз и в к<отор>ой провожу пол-дня, а мне кажется, я всякого — всему — выучу, особенно — тому, что мне самой — трудно, п. ч. я отлично понимаю, как можно *не-понимать*. И потому что *каждое* дело — *делаю со страстью*.

— Какое скучное письмо! — Простите. Но если бы Вы вошли в мою комнату, Вы бы *поняли* — всю безнадежность в данную минуту писать о чем-нибудь другом, кроме печей. Мне недавно один человек сказал: — «А это у вас, как будто, уже — *мания!*» (Сам живет с центральным отоплением.)

Но, раз — январь, скоро — весна (у меня — *тáк!*) Тогда я отмоюсь — о, главное отмоюсь! от всей этой золы, засоряющей и голову. (Душу — нет.)

Обнимаю Вас, дорогая Анна Антоновна, и сердечно прошу меня простить за такую скуку: потому так долго и не писала, что *знала*, что напишу — такое. Сердечный привет и поздравления сестре.

М.

¹ Чем больше все меняется, тем больше все остается по-прежнему (*фр.*).

[Письмо написано на двух открытках:
Paris L'Arc de Triomphe и Paris Le Panthéon¹]

Vanves, 65, Rue J.B. Potin
7-го февраля 1938 г. — мне все еще хочется писать 1937 —
люблю эту цифру — любимую цифру Рильке —

Дорогая Анна Антоновна! В газетах опять началась травля С<ергея> Я<ковлевича>, его просто (NB! «по сведениям из Швейцарии», где его ноги не было) называют участником убийства, когда он (знаю *наверное*) ко всему этому делу *ни малейшего отношения* не имел, и это лучше всего знают те, кто *сидят*, и один из коих, выгораживая себя и пользуясь его отсутствием, его обвиняет — или называет. *Никто* из знавших С<ергея> Я<ковлевича> в это *не* верит, — люди самых разнообразных кругов и убеждений, и в самой редакции сидит человек, к<отор>ый просто смеется при мысли, что С<ергей> Я<ковлевич> мог *убить* или — *участвовать*, а — печатают, без единого доказательства, «по сведениям из Швейцарии»...

Очень прошу Вас, если при Вас будет заходить об этом речь, — *смело* говорите — то, что есть: человека — нет и вот, на него кто-то *валит* и *взводит*.

Конечно, всё это мне не дает жить: за всю эту зиму не написала — ничего. Конечно — трудная жизнь, но когда она была легкая? Но просто нет душевного (главного и единственного) покоя, есть — обратное.

(Простите за *скучные* открытки: такие торжественные здания — *всегда* скучные, но сейчас ничего другого нет под рукой, а на *письмо* я *не способна*.)

Утешаюсь погодой: сияющей, милостивой, совсем не зимней, мы уже две недели не топим: лучше сносный холод, чем этот (мелкий, жалкий!) *ад*. А на улице просто — расцветаю, хотя смешно так говорить о себе, особенно мне — сейчас: я самое далекое, что есть — от цветка. (Впрочем, и 16-ти лет им не была — и не хотела быть. Тогда же — стихи:

Это были годы роста:
Рост — жесток.
Я не расцветала просто —
Как цветок².

Это — в 16 лет! Умная была, но не очень счастливая —)

Утешаюсь еще «Давидом Копперфильдом»³ (какая книга!) и записками Mistress Abel⁴ — бывшей маленькой Бетси Балькомб — о Наполеоне на Св. Елене: она была его *последней* улыбкой...

Мур растет, рисует, учится, *очень* хороший, *честный*, прямой, совсем не хочет «нравиться», говорят — красивый. 1-го февраля ему пошел четырнадцатый год. Я думала о Вас, вспоминала, как Вы к нам с ним приехали. — *Vorüber — vorüber* —⁵

Обнимаю Вас и *всегда* люблю.

М.

¹ Париж, Триумфальная арка; Париж, Пантеон (*фр.*).

² *Это были годы роста...* — в Собр. соч. (М., 1994–1995) стихотворение не обнаружено.

³ *Давид Копперфилд* — герой одноименного романа *Чарлза Диккенса* (1812–1870).

⁴ *Абель Луция Елизабет* — автор воспоминаний о пребывании Наполеона на острове Святой Елены. Издана под ее девичьей фамилией Бетси Балькомб.

⁵ Всё проходит, проходит; *досл.*: Мимо — мимо (*нем.*).

Vanves (Seine)
65, Rue J.B. Potin
23-го мая 1938 г., понедельник.

Дорогая Анна Антоновна,
Думаю о Вас непрерывно¹ — и тоскую, и болею, и негодую — и надеюсь — с Вами.
Я Чехию чувствую свободным духом, над которым не властны — тела.
А в личном порядке я чувствую ее своей страной, родной страной, за все поступки которой — отвечаю и под которыми — заранее подписываюсь.
Ужасное время.

Я всё еще погружена в рукописную работу, под которой — иногда — погибаю. Поэтому так долго не писала. Но думала — каждый день.

Сейчас 6 ч <асов> утра, пишу в кухне, за единственным столом, могущим вместить 8 корректур сразу. Из кухни не выхожу: не рукописи — так обед, не обед — так стирка, и т.д. Весны в этом году еще не видела.

Жду от Вас весточки, — хотя бы нескольких слов.

Обнимаю Вас и благодарю за всё.

Будем надеяться!

МЦ

¹ Письмо написано в связи с объявленной в Чехословакии частичной мобилизацией, вызванной угрозами со стороны гитлеровской Германии.

21 июля 1938 А. Тескова благодарила Цветаеву за посланную книгу, за память и добавляла: «Вещи от Вас приобретают особенную прелесть, независимы на своей сущности... А Св. Клара из Асиси

[Ассизи] сама составляет глубокий интерес». Далее А. Тескова сообщала о X Всесокольском слете, проходившем в мае 1938 в Праге, о ситуации в Чехословакии и сетовала по поводу того, что давно нет письма от Цветаевой: «...слово от Вас — весомее страницы другого» (цит. по: Цветаева М. Где мой дом? М., 2000. С. 35–39).

[Письмо на открытке:
Chartres — Pont des Minimes — LL¹.
На верхнем поле открытки
рукой А. Тесковой приписка: 5.VIII. 38]

Дорогая Анна Антоновна!
Сердечный привет из Шартра — такого же чудного (и *Вашего*), как Брюгге и как Прага. На днях — письмо. Всё Ваше получила. Люблю и помню всегда — на весь остаток мне полагающихся лет.

МЦ

Шартр, 5-е авг<уста> 1938 г.

¹ Шартр — Мост Монахов (*фр.*).

19 АВГУСТА 1938 А. ТЕСКОВА, ПОСЫЛАЯ ПРИВЕТ ИЗ СИЛЕЗИИ, ГДЕ «800 МЕТРОВ НАД МО-

РЕМ» И «ПРИРОДА ОЧАРОВАТЕЛЬНАЯ», СНОВА ЖАЛОВАЛАСЬ НА ОТСУТСТВИЕ ПИСЕМ. СМ.: ЦВЕТАЕВА М. Где мой дом? С. 39–40.

Paris, 15me
32, Boulevard Pasteur
Hôtel Innova, ch. 36¹
24-го сентября 1938 г., суббота.

Дорогая Анна Антоновна,

Нет слов, но они должны быть.

— Передо мной лежит Ваша открыточка: белые здания в черных елках — чешская Силезия². Отправлена она 19-го августа, а дошла до меня только нынче, 24-го сентября — между этими датами — всё безумие и всё преступление.

День и ночь, день и ночь думаю о Чехии, живу в ней, с ней и ею, чувствую изнутри нее: ее лесов и сердец. Вся Чехия сейчас одно огромное человеческое сердце, бьющееся только одним: тем же, чем и мое.

Глубочайшее чувство опозоренности за Францию, но это *не* Франция: вижу и слышу ее на улицах и площадях: вся настоящая Франция — и *толпы* и *лбы* — за Чехию и *против* себя. Так это дело *не* кончится.

Вчера, когда я на улице прочла про генерала Faucher³ — у меня слезы хлынули: наконец-то!

До последней минуты и в самую последнюю верю — и буду верить — в Россию: в верность *ее* руки. Россия Чехию сожрать *не* даст: попомните мое слово. Да и насчет Франции у меня сегодня великие — и радостные — сомнения: не те времена, чтобы несколько слепцов (один, два — и обчелся) вели целый народ — зрячих. Не говоря уже о позоре, который народ на себя принять *не* хочет. С каждым часом негодование сильней: вчера наше жалкое Issy (последнее предместье, в котором мы жили) выслало на улицу четыре тысячи манифестантов. А нынче будет — сорок — и кончится громовым скандалом и полным переворотом. Еще ничто не поздно: ничего не случилось, — и всё только начинается, ибо французский народ — часу не теряя — спохватился еще до событий. Почитайте газеты — левые и сейчас единственно-праведные, под каждым словом которых о Чехии подписываюсь обеими руками — ибо *я* их писала, изнутри лба и совести.

А теперь — возьмите следующую страничку и читайте:

Nous sommes un peuple qui devant le tyran jamais ne s'est courbé
Et qui jamais n'a accepté d'être conduit par un homme injuste.

Nous avons conquis la gloire à la pointe de nos lances.
 Notre voisin est respecté, et qui vit sous notre égide ne craint rien.
 De nos pères nous avons hérité de solides épées
 Qui seules représentent leurs testaments.
 Qui veut nous résister, qu'il résiste; et qui veut nous céder, qu'il cède.
 Nous distinguons la bonne et la mauvaise monnaie.

(*El Korayz ibn Onayf*⁴)

...On nous blâme de ce que nous ne soyons pas nombreux.
 Je leur réponds: Petit est le nombre des héros !
 Mais ils ne sont pas en petit nombre ceux qui sont représentés
 Par des jeunes gens qui montent à l'assaut de la gloire —
 Et d'être peu nombreux ne nous nuit guère.
 Nous avons une montagne qui abrite ceux que nous protégeons,
 Inexpugnable, qui fait baisser les yeux de fatigue.
 Sa base repose profondément dans la Terre
 Et sa cime s'élève superbe jusqu'aux étoiles.
 Notre race est pure, sans mélange, issue
 De femmes nobles et de héros.
 Nous sommes comme l'eau des nuages: utiles
 A nos semblables: il n'est point d'avares parmi nous.
 Nous donnons un démenti aux paroles d'autrui
 Et personne ne peut démentir notre dire.
 Si un d'entre nous vient à périr, un autre se lève
 Eloquent, mettant en action les propos des âmes hautes.
 Notre feu est toujours allumé pour accueillir le voyageur
 Et jamais hôte n'eut à se plaindre de notre hospitalité.

(*El Samaoual*⁵)

...Qui dispense ses biens pour préserver sa gloire
 La préserve, et qui ne répudie pas l'insulte, est insulté;
 Qui est fidèle à son serment ne saurait être jugé,
 Qui n'honore pas son âme, ne peut être honoré !
 Qui ne protège pas son champ par les armes, est perdu
 La langue et le coeur, l'homme est fait de ces deux moitiés.
 Le reste, chair et sang, n'est qu'une image.

Si tu es atteint par le malheur
 Revêts-toi de patience — cela est plus digne.
 Surtout garde-toi de te plaindre à tes semblables.

Ainsi tu te plaindrais du Dieu de la miséricorde —
à des gens sans miséricorde!

...Si la fortune te combat — prends patience,
Car la fortune n'a pas de patience.

Prends courage. Jusqu'au dernier souffle de ta vie
Cache aux ennemis ton découragement.
La joie de tes ennemis est de te voir bas et las,
Mais ils sont dans la tristesse à te savoir patient.

C'est un temps difficile — mais il sera suivi par l'abondance.
C'est un malheur — il sera suivi d'une joie prochaine.
Réfléchis: un chagrin qui doit passer
Vaut mieux qu'un bonheur qui ne peut pas durer.

Si le malheur te frappe encore, de façon
A rendre vains tes malheurs passés,
Et si après cela de nouveaux malheurs arrivent
Qui te font prendre en horreur la vie —
Espère!
Car tes malheurs touchent à leur fin.

Hier m'a fait pleurer.
Aujourd'hui je pleure hier⁶.

Это — арабская поэзия, чистым случаем попавшая мне в руки — в *нужную* минуту. Всё это сказано больше тысячи лет назад.

Хочу знать о Вас и страстно жду весточки. Если бы события нас разъединили — говорю на всякий *невозможный* случай — знайте, что я всегда с Вами, как я всегда буду знать, что Вы — *всегда* со мной — но знайте еще, что я *всё* сделаю, чтобы и наша внешняя связь не порвалась.

Обнимаю Вас и в Вашем лице — всю мою родную Чехию: «mit dem heimatlichen "prosim"»⁷ — (Rilke)

М.

Мне сейчас — стыдно жить.
И всем сейчас — стыдно жить.
А так как в *стыде* жить нельзя ...

— Верьте в Россию!

Р. S. Полгода назад — здешний ясновидящий Pascal Fortuny — старинный и старомодный старичок с белой бородой — профессор — подошедши ко мне, севшей нарочно подалше, поглубже — сказал:

— Je Vous vois dans une ville ancienne... Beaucoup d'eau... beaucoup d'eau... Vous êtes sur un pont — avec des statues... pour ainsi dire... flottantes... Et je vois un crucifix, un très grand crucifix...

— J'ai bien été à Prague, Monsieur, mais beaucoup d'eau s'est écoulé sous le Karlov Most depuis que je m'y suis accoudée pour la dernière fois...⁸

Теперь я поняла: он просто видел — будущее. (А тогда я обиделась за моего рыцаря — что его не помянул! Обнимите его за меня!)

¹ Париж XV, Бульвар Пастер, дом № 32, гостиница «Иннова», номер 36. В этой гостинице Цветаева жила с сентября 1938 по июль 1939 (до отъезда в СССР). О новом месте жительства она писала С. Эфрону: «Вернулись мы 10-го, в той гостинице [в Исси-де-Мулино] места не было, нашли в городе гораздо лучшую комнату: большую, с бютагазом, пятый этаж, вид на башню с часами» (НСИП, 377).

² Все содержание письма связано с событиями, предшествовавшими подписанию Мюнхенского соглашения (29 сентября 1938)

и отторжению пограничных областей Чехословакии в пользу Германии, Венгрии и Польши. На открытке, упомянутой в письме, общий вид курорта Карлова Студанка (в Силезии), который вместе с Судетами был отторгнут от Чехословацкой Республики.

³ Генерал Луи Эвжен Фоше — глава французской военной миссии в Чехословакии — подал в отставку и записался на время войны волонтером в Чехословацкую армию в знак несогласия с политикой французского правительства в отношении Чехословакии (Последние новости. 1938. 25 сент.).

⁴ Мы народ, никогда не склоняющийся перед тираном,
И никогда не соглашавшийся иметь несправедливого предводителя,
Мы добыли славу концами своих пик.
Мы чтим своего соседа, и живущий под нашей охраной не должен бояться ничего.
От наших отцов мы унаследовали надежные мечи,
которые сами представляют завещание наших врагов.
Кто хочет им противостоять — пусть противостоит;
Кто хочет нас подчинить, пусть подчиняется сам.
Мы различаем полноценную и фальшивую монету.

(Эль Кораиз ибн Онаиф)

⁵ Нас порицают за нашу немногочисленность.
Я им отвечаю: невелико число героев!
Немалочисленны те, однако, которых представляют, —
Молодые люди, берущие приступом славу —
Поэтому малочисленность нам ничуть не мешает.

У нас есть неприступная гора, дающая приют тем, кому мы покровительствуем,
Заставляющая смежать очи от утомления.
Ее основание покоится глубоко в земле,
А ее вершина вздымается высоко к звездам.
Наш род чист, без примеси, происходящий
От благородных женщин и героев.
Мы, как вода из облаков: полезны
Подобным нам: среди нас нет скупцов.
Мы опровергаем слова чужих,
Но никто не может опровергнуть наши.
Если один из нас падет, подымается другой
Красноречивый, употребляя слова высоких душ.
Наш огонь всегда горит для принятия путников,
И никогда гость не сможет пожаловаться на недостаток гостеприимства у нас.

(Эль Самуэль)

Эль Самуэль, Самуэль ибн Адия (умер в 560) — арабский поэт доисламского периода.

⁶ Кто раздает свое имущество, чтобы сохранить свою славу,
Тот ее сохранит, а кто не отвергнет обиду — тот обижаем;
Кто верен своей клятве, того не будут осуждать.
Кто не чтит свою душу, не может быть чтимым!
Кто не защищает свое поле оружием, тот потерян.
Язык и сердце, муж создан из этих двух половин,
Остальное — тело и кровь, не более как воображение.

Если ты сражен несчастьем,
Облачись терпением — это наилучшая преграда.
В особенности избегай жаловаться себе подобным.
Таким образом ты сетуешь на божественное милосердие —
Людям немилосердным.

Если судьба тебя угнетает — будь терпелив,
Потому что судьба не обладает терпением.

Будь храбрым. Вплоть до своего последнего вздоха.
Прячь от врага упадок духа.
Твоим врагам радостно видеть тебя понурым и истомленным,
Наоборот, им грустно видеть тебя терпеливым.

Настало тяжкое время — но ему будет наследовать изобилие.
Настало несчастье — но ему будет наследовать будущая радость.
Подумай: печаль долженствующая пройти
Стоит больше, чем радость, не могущая длиться.

Если несчастье тебя снова сразит, признай
 Ничтожными свои прошедшие страдания,
 И если потом снова придут несчастья,
 Которые могут тебе внушить страх перед жизнью, —
 Надейся!
 Ибо твои несчастья уже приближаются к концу.

Вчера — меня заставило плакать.
 Сегодня — я оплакиваю вчера.

Тексты переводов из арабской поэзии приведены по изд.:
Цветаева М. Письма к А. Тесковой. Прага, 1969. С. 205–207.

⁷ С родным «пожалуйста» (*нем., чеш.*).

⁸ Приведенный М. Цветаевой в постскрип-
 туме диалог звучал так:

[Паскаль Фортюни] Я Вас вижу в старин-
 ном городе... Много воды... много воды... Вы
 на мосту — со статуями... так сказать... плава-
 ющими... И я вижу распятие, очень большое
 распятие.

[М. Цветаева] Я была в Праге, мсье, но
 уже много воды утекло под Карловым мостом
 с тех пор, как я в последний раз облокотилась
 на его парапет... (*фр.*)

А. Тескова писала 11 октября 1938 по по-
 воду отторжения чешских земель и Си-

лезии, где только что отдыхала: «Связа-
 ли народ по рукам и ногам, плевали на
 него, били — тысячелетнюю границу
 его земли отрезали, искалечили то, что
 было родиной чешского народа за тыся-
 чу лет... [...] УМЕЕТЕ ПРЕДСТАВИТЬ СЕБЕ
 ЧУВСТВА СОЛДАТ, СТОЯВШИХ НА ГРАНИЦАХ
 РОДИНЫ (С ЕДИНЫМ ДЕВИЗОМ В ДУШЕ:
 “защитить родину или отдать жизнь!”),
 КОГДА СОБСТВЕННОЕ НАЧАЛЬСТВО ДОЛЖНО
 БЫЛО У НИХ ОТНЯТЬ ОРУЖЬЕ... [...] ВАШЕ
 СОЧУВСТВИЕ... ДАЕТ ВОЗМОЖНОСТЬ ДЫШАТЬ,
 НЕ ЗАДОХНУТЬСЯ В АТМОСФЕРЕ ПОДЛОСТИ И
 ЛЖИ. СПАСИБО!» (*ЦВЕТАЕВА М.* Где мой
 дом? С. 40–42).

[Письмо написано на почтовой открытке:
со штемпелем на чешском языке: CENZUROVÁNO!]

Paris 15me
32, Boulevard Pasteur, ch. 36
3-20 октября 1938 г.

Дорогая Анна Антоновна!

Дней 8–10 назад отправила Вам большое письмо, но не знаю, дошло ли: в нем были арабские стихи (по-французски) о великом свободном верном слову народе. Повторю вкратце: Чехия для меня сейчас — среди стран — единственный человек. Все другие — волки и лисы, а медведь, к сожалению, — далёк. Но — будем надеяться, надеюсь — твердо.

Лучшая Франция: толпы и лбы — думают и чувствуют, как я, а те, что *поступают* — ничего не чувствуют, и — мало думают.

Бесконечно люблю Чехию и бесконечно ей благодарна, но не хочу *плакать* над ней (над здоровым не плачут, а она среди стран — единственная здоровая, больны — *те!*), итак, не хочу плакать над ней, а хочу ее *петь*.

Мне бесконечно-жаль, что у меня нет ни одного отличия, чтобы сейчас их вернуть: швырнуть.

Нынче, среди бесчисленного списка протестующих, с радостью и даже со счастьем прочла имена François Joliot² и Irène Curie³, тех, что в этом темном мире продолжают светлейшее и труднейшее дело радия. (Madame Curie, открывшая радий, мать нынешней, сама родилась в угнетенной, затемнённой стране, что не помешало ей — осветить весь мир — а может быть — и *заставило*. Наравне с радием она любила родину. И свободу.) Прочтите книгу о ней ее дочери: Eva Curie — Madame Curie⁴ — лучший памятник дочерней любви и человеческого восхищения.

Жду весточки. Поскорее. Надеюсь, что скоро начнут ходить настоящие письма. Получила письмо от Али: вспоминает детство, дремучие леса, игру Вашей мамы, Вас с сестрой, кота Муцика.

Обнимаю Вас от всей души и жду, жду, жду — хотя бы нескольких слов. Ваша открытка из темных лесов — последнее —

М.

¹ Проверено цензурой. В Чехословакии была введена цензура.

² *Франсуа Жолио* — правильно: *Жолио-Кюри Фредерик* (Joliot-Curie; 1900–1958) — ученый-физик и общественный деятель. Лауреат Нобелевской премии по химии (1935).

³ *Жолио-Кюри Ирэн* (Joliot-Curie 1897–1956) — ученый-радиолог, дочь Марии Склодовской-Кюри, жена Фредерика Жолио. Лауреат Нобелевской премии по химии (1935).

⁴ *Склодовская-Кюри Мария* (Skłodowska-Curie; 1867–1934) — ученый-физик и химик. Совместно с мужем Пьером Кюри открыла радий и полоний. Дважды лауреат Нобелевской премии: в 1903 — по физике (совместно с мужем и Анри Беккерелем) и в 1911 — по химии.

Кюри Эва (Curie; 1904–2007) — вторая дочь Марии Кюри, писательница, автор книги «Мадам Кюри» (1938), переведенной на 25 языков.

[Письмо написано на почтовой открытке
со штемпелем на чешском языке: CENZUROVÁNO]

Paris 15me
32, Boulevard Pasteur
Hôtel Innova, ch. 36
24-20 октября 1938 г.

Дорогая Анна Антоновна! Ваша открытка — большая радость, переписала ее Але. Счастлива знать, что хоть немножко ободрила Вас в Вашем семейном горе¹, которому сочувствуют все мои близкие, все когда-либо близко подошедшие к Вашей семье. Недавно, в кинематографе, я так живо вспомнила Вас и Ваших: секундное видение города — такой красоты, что я просто рот раскрыла (не хватило глаз!). Ряд мостов — где-то среди них — мой, с Рыцарем — точно ряд радуг — меня просто обожгло — красотой! Подпись: Прага. И я подумала: чтобы любить город, нужно никого в нем не любить, не иметь в нем любви, кроме него: *его* любить — тогда и полюбишь, и напишешь. («Любить» беру: неразумно, безумно — любить). Вы для меня — настоящее лицо Вашего города. (А помните уроки вязания при лунном свете у лесничего? Я — помню...)

Читаю сейчас книжку «По золотой тропе»², надписанную: «Дорогая М<арина> И<вановна>, мне очень хотелось посвятить Вам эту книгу» — декабрь 1928 г<од>: 10 лет (вечность!) назад. Книга, как всё этого автора, — легковесная: слишком многое любил, кроме этой «золотой тропы», но всё-таки — ландшафты, имена, кусочки истории, кусочки жизни... Не знаете ли Вы какой-нибудь другой вещи — в этом роде, но лучше — где бы и история, и география, и *легенды* — лучше всего: книга для юношества, хорошо бы — с картинками, можно, в кр<айнем> случае, и на чешском: со словарем — справлюсь. Вроде: «Родной край», для больших детей, мне это бы очень пригодилось для одной моей литературной мечты. И еще просьба: страстная: пришлите мне *большое* изображение моего Рыцаря, если есть — коричневое, и сделайте это — поскорей. Даже два: одно — Рыцаря, другое — города, снятого с Градчан³, — чтобы *весь* город, с рекой и мостами, а м.б. можно и с Градчанами? Словом, Вам видней, но не снимок с картины и не цветное. А хорошую *точную* фотографию. Эти два изображения всегда следовали бы за мной повсюду, как та каменная пряжа из Шартрского собора: уже 500 лет — в живом солнечном луче — сидит и прядет...

Вы мне однажды — тоже го л<ет> назад! — уже послали Рыцаря (большого, во весь рост), но у меня его тогда *вымолил* покойный Н.П. Гронский, и я сейчас давно уже — и тщетно — ищу его следов⁴. (Часть вещей взяла мать, часть — отец, часть — сестра, часть — друзья...) Я бы хотела с *очень ясным* лицом, чтобы видны были *черты* и чтобы сам он был — *большой*: поменьше фону и побольше его: *большую* фигуру. — Если мыслимо. — Очень, очень буду счастлива: заветная мечта, здесь — неосуществимая. И — поскорей!

О, как я скучаю по Праге и зачем я оттуда уехала?! Думала — на две недели, а вышло — 13 лет. 1-го ноября будет ровно 13 лет, как мы: Аля, Мур, я — въехали в Париж. Мур был в Вашем голубом медвежьем вязаном костюме и таком же колпачке. Было ему — ровно — день в день — 9 месяцев. — Тринадцать лет назад.

Обнимаю Вас и сестру, всегда и во всем — с Вами. Сердечный привет от Мура.

М.

Рыцаря — тоже *фотографию*, не снимок с картины!!!

¹ Выражение «семейное горе» употреблено Цветаевой из цензурных соображений. Понимается Мюнхенское соглашение.

² См. примеч. 4 к письму 48.

³ Градчаны — возвышенность над долиной Влтавы и Прагой с одноименным названием королевского замка.

⁴ Фотогравюра статуи рыцаря Брунцвика с автографом М. Цветаевой: «Пражский рыцарь. Н.Г. — МЦ Понтайак, 1-го сентября 1928 г.» в настоящее время находится в фонде Дома-музея Марины Цветаевой в Москве (*Марина Цветаева: Есть на карте — место*: Каталог выставки. М., 2004).

Анна Тескова писала Цветаевой 4 ноября 1938, что послала ей книгу о Чехословакии и обещала ответить на все вопросы, касающиеся ее страны. Кроме того она сообщала, что ей удалось прочесть неопубликованные воспоминания автора, друзьями которого являлись Макс Волошин и Андрей Белый (фамилия не названа). И далее: «И очень болит душа и сердце за бедных выселенных из своих родных углов, нахлынувших в Прагу с детьми и животными, лишенных хлеба и почвы...» (*ЦВЕТАЕВА М. Где мой дом? С. 43*).

Paris 15me
32, Boulevard Pasteur
Hôtel Innova, ch. 36
10-20 ноября 1938 г.

Дорогая Анна Антоновна! Всё получила, — и книгу и открытку. Книга — чудесная, как раз то, что мне нужно, и бесконечно Вам за нее благодарна, не расстанусь с ней никогда. Здесь, кстати на днях пойдет пьеса Карла Чапека¹ в театре Rideau de Paris² и, как Вы наверное знаете, ведется лучшей частью интеллигенции горячая кампания за присуждение ему нобелевской премии, — есть подпись Joliot-Curie (обоих, неизменно присущая под всяким правым делом, они для меня некий барометр правды). О Рыцаре не беспокойтесь: пришлите мне, если есть, простую открытку, где он возможно крупнее и яснее, чтобы можно было увеличить, — это мне сделают, и будет у меня *большой* Рыцарь. Только не туманную (художественную), а простую фотографию, по возможности face³. Очень рада, что дошло мое большое письмо, арабские стихи остаются в силе. А вот еще одна хорошая строка, из Мистралья⁴: — Croire mène a la victoire!⁵ — и прочла я ее в вечер того дня, утром которого кому-то сказала: — «Я даже не выношу, чтобы ее жалели, *только* верили!» И вдруг, у Мистралья (читаю в переводе: писал на провансальском) этот возглас. Книгу показываю всем друзьям, и даже недрузьям, и даже недрузья — чувствуют. А на другом языке я бы сейчас ее и читать не стала. Я тоже (в первый раз в жизни!) читаю все газеты, и первый вопрос, утром, Муру, приходящему с газетой: — А что с Чехией? Вижу ее часто в кинематографе, к сожалению, — слишком коротко, и стараюсь понять: что за стенами домов — таких старых, таких испытанных, столько выдавших — и перестоявших! А в магазинах (Prix-Unic), когда что-нибудь нужно, рука неизменно тянется — к чешскому: будь то эмалированная кружка или деревянные пуговицы, то есть: сначала понравится, а потом, на обороте: «Made in Tchécoslovaquie»⁶. Вот и сейчас пью из такой эмалированной <ованной> кружки. И недавно, у знакомой, выменяла кожаный кошелек, на картонную коробочку для булавок, с вытисненной надписью: Praha, Václavské nám. u musea⁷: Все это, конечно, чепуха, но такую чепухой любовь — живет. Если бы я могла, у меня всё бы было — чешское. Вы пишете о прохладности друзей — о 20-ти годах дружбы — эх! — я давно отказалась понять других: *всё* по-другому, нё с чего начать. Напр<имер>, вдова недавно умершего русск<ого> писателя, живущая только им, не едет 1-го и 2-го ноября⁸ на кладбище, п.ч. очереди на автобус, и ее могила в эти дни,

когда у всех гости, остается — одна. Потому что трудно сесть на автобус. Убейте — не пойму. Любовь — дело, кто только чувствует — не любит: любит — свои чувства.

Что мне Вам прислать отсюда, дорогая Анна Антоновна? П.ч. изредка бывают окации. Есть чудесные книги: Шартр, Реймс, раннее средневековье: не читать: только глядеть. Но м.б. у Вас есть какое-нибудь предпочтение? Отзовитесь непременно. И знайте, что из Ваших русских друзей я все эти месяцы от Вас не выходила.

О себе: живу как во сне, почти не пишу: почти всё пришлось раздать по рукам — и руки опускаются. «Et pourtant il y avait quelque chose — là!»⁹ (А. Шенье¹⁰, указывая на лоб). Потом поймете. — Читаю сейчас, в первый раз в жизни, полную «Хижину дяди Тома»¹¹: отличная книга, мужественная и — вполне современная. Прочла «Le J. Süß» — Фейхтвангера¹²: тоже современно. Все обиды — стары́ как мир.

Мур перерос меня почти на голову: хороший, умный, только очень медведь: я им осталась — всю жизнь. Очень хорошо рисует. Говорят, что очень красив, когда напишу большое письмо — пришлю карточку, снимала сама этим летом. На вид ему 18 лет. А лицо — детское: до сих пор спит с чешским (Алиным) медведем, к<отор>ый — до сих пор мычит! Целую вас крепко и бесконечно благодарю за чудную книгу о чудной стране. Пишите!

МЦ

¹ Чанек Карел (Čapek; 1890–1938) — чешский писатель. Автор многих романов и пьес, его книги переведены на десятки языков. Переводчик на чешский язык современной французской поэзии. Цветаева с ним встретила на заседании Пен-клуба в Праге в 1924 и, возможно, видела его на парижском Конгрессе писателей в 1935. В ноябре и декабре 1938 в парижском Театре искусств шла его пьеса, или точнее, композиция отрывков из его произведений «L'Époque où nous vivons» (Эпоха, в которой живем). А. Тескова не разделяла восторженного отношения М. Цветаевой к К. Чапеку.

² Ридо дё Пари — букв. Парижский занавес.

³ В фас (фр.).

⁴ Мистраль Фредерик (Mistral; 1830–1914) — французский провансальский поэт.

⁵ Верить — идти к победе! (фр.).

⁶ Сделано в Чехословакии (англ.; фр.).

⁷ Прага, Вацлавская площадь, около Музея (чеш.).

⁸ 1 и 2 ноября — согласно католическому календарю — дни поминовения усопших.

⁹ А все же там кое-что было! (фр.).

¹⁰ Шенье Андре Мари (Chénier; 1762–1794) — французский поэт и публицист, погибший на гильотине. Цветаева посвятила ему два стихотворения в 1918 (I, 393–394).

¹¹ Хижина дяди Тома (1852) — роман американской писательницы Гарриет Бичер-Стоу (Beecher-Stowe; 1811–1896).

¹² Фейхтвангер Лион (Feuchtwanger; 1884–1958) — немецкий писатель, пацифист. Еврей Юсс (1925) — один из его ранних исторических романов.

32, Bd Pasteur,
Hôtel Innova, ch. 36 —
Paris 15me
24-20 ноября 1938 г., четверг.

Дорогая Анна Антоновна! Вот — стихи. Пометка к третьему стихотворению (если неясно): — Есть в груди народов — язва: *наш убит!* То есть народы *эту* беду оплакивают — как свою, ибо радости от этой беды не будет *ни одному народу*: только — лицам. И не только как свою (оплакивают) — а как *свою будущую*, если не... Но отсутствие выводов не только свойство народов и народа, а и так называемых «культурных людей». — «Какой ужас — опять отобрали 60 поселков...» — «Какой ужас с евреями!»... «Какой ужас — вместо 65 сант<имов> — марки — 90 сантимов!» И всё — «ужас», а *почему* все эти ужасы, и почему они все вместе — никто (из моего окружения: культурного: пишущего) не хочет понять — и даже вопроса не ставит — слишком боясь услышать *ответ*. Всё это то же малодушие и косность, и ЖИР [подчеркнуто дважды] (или — тяга к нему!) — которые сделали то — что сделано. Я в цельности и зрячести своего негодования — совершенно одинока. Я не хочу, чтобы всех их — жалели: нельзя жалеть живого, зарытого в яму: нужно живого — выкопать, а зарывшего — положить. Такая жалость — откупиться. — «Какой ужас!» — нет, ты мне скажи — КАКОЙ ужас, и, поняв, уйди от тех, кто его делают или ему сочувствуют. А то: «Да, ужасно, бедная Прага», а оказывается — роман с черносотенцем, только и мечтающим вернуться к себе с чужими штыками, или — просто пудрит нос (дама), а господин продолжает читать «Возрождение» и жать руку — чорт знает кому. В лучшем случае — слабоумие, но видя, как все отлично умеют устраивать *свои* дела, как отлично в них разбираются, — не верю в этот «лучший случай». Просто — lâcheté: то, что (нынешним) миром движет.

Я вчера — после очень долгого промежутка — виделась с М<арком> Л<ьвовичем>, и мы во всем с ним спелись. Но такие беседы — раз в год, а «жить» мне приходится — с такими другими! Вернее — живу одна, с собой, с другими — не живу: или бьюсь о них лбом — как об стену — или молчу. Я думаю, что худшая болезнь души — корысть. И страх. Корысть и страх.

Теперь, дорогая Анна Антоновна, большая просьба: 1) напишите мне, где именно, в точности, у вас добывается радий? М<арк> Л<ьвович> назвал Юхимов² — но это наверно город? Назвал еще — отроги Крконош³, но м.б. у этих отрогов есть ка-

кое-нибудь особое, *местное имя*? (Здесь, в Савойе, напр<имер>, у каждой горы есть имя, кроме собирательного: у каждой вершины.) Где в точности, в какой горе добывается радий? Мне это срочно нужно для стихов. И дайте немножко ландшафт. Я помню — в Праге был франц<узский> лицей, как бы мне хотелось чешскую физическую (природную) географию для старших классов, со всеми названиями горных пород и земных слоев — и такую же историю. Два учебника — по возможности по-французски, но если — нет, постараюсь понять и по-чешски, куплю словарь. Я помню — в разговорах Гёте с Эккерманом⁴ — целый словарь горных пород! а дело ведь было в Богемии⁵.

И еще просьба: дайте прочесть мои стихи чешским поэтам, и вообще своим друзьям — чтобы знали — что есть один бывший чешский гость, который добра — не забыл.

Еще одна просьба: безумно хочу ожерелье (*длинное*) из богемского *дымчатого* (не белого!) хрусталя, граненого. Узнайте, сколько такое стóит: *не* вокруг шеи, а чтобы лежало на груди, т.е. длинное, граненое, *дымчатое*, по возможности из круглых и крупных бус (бывают «moderne» — какие-то кривые, я их не люблю), и я тогда Вам вышлю нужную сумму с оказией, а Вы мне его пошлете — *échantillon recommandé*⁶ (не знаю как по-чешски). *Очень* прошу Вас! Хотелось бы, чтобы *все* бусы были одной величины, *не*: на шее крохотные, потом больше, потом громадные, но если одинаковой величины *не* делают, то узнайте мне и цену постепенного — *лучшего*. (Помню, в Москве, на Кузнецком мосту: БОГЕМСКИЙ ХРУСТАЛЬ ГРАФА ГАРРАХА.) — Пишу Вам под звуки торжественного марша в честь парижского почетного гостя Чемберлена⁸, в данную минуту входящего в Hôtel de Ville⁹. Ему *сейчас* подносят 2 тома «La Ville de Paris»¹⁰, переплетенных каким-то знаменитым мастером, с зóлотом вытисненной подходящей надписью — как Александру I на Венском Конгрессе¹¹. — Ч<емберлен> вошел: «J'ai peine à me représenter que ce grand vieillard qui est en train de distribuer des sourires pleins de bonhomie a pu tenir dans ses mains fragiles le sort de millions et de millions d'êtres»...¹² (точные слова спикера) ... Описание чая и сэндвичей — и огромного роста Лорда Галифакса¹³ — и «la fine fleur de l'aristocratie française, qui est venue ici pour fair honneur à nos hôtes»¹⁴ — их платьев и фраков — sous la lumière crue des lustres¹⁵. — Музыка (довольно легкомысленная). Спикер объясняет: ария из оперетки — «Une tasse de thé — prise dans l'intimité»¹⁶ — и уточняет: c'est du thé du Ceylan¹⁷.

Встречать миротворца — арией из оперетки — такого бы и романист — и юморист — не придумал! Но м.б. они здесь снизошли — к его возрасту! полагая, что *такому* старику всё, кроме оперетки, уже трудно. Начались речи. «Madame, j'aurais voulu que tout Paris...»¹⁸ (Это он — жене говорит. Что он «touché jusqu'aux larmes»¹⁹, и благодарит ее за «sourire»²⁰. Это — Prevost de Launey²¹.) L'homme d'Etat et l'homme de coeur qui avec la collaboration de notre Chef d'Etat et de son premier Ministre a su conjurer les horreurs de la guerre... Vous avez fait dans l'histoire une entrée impérisable... Pour avoir conçu et réussi telle entreprise il a fallu être le continuateur de d'Israëli (!!! — еврейские порпомы) et de Gladstone... M. le Premier Ministre est issu du même terroir que notre

Duguesclin... Je suis sûr, M. le M., d'exprimer les sentiments de tous les Parisiens, de toutes nos provinces et de toute la France...²² (Говорил — Président du Conseil Municipal²³.) Теперь — другой — не успеваю записывать, но приводится фраза самого Ч<емберлена>, что без «dignité morale la vie ne vaut pas être vécue...»²⁴ Теперь говорит — по-французски, к<оторо>го не знает — сам Ч<емберлен>: Qu'il me soit permis d'exprimer ma profonde gratitude pour le réception que m'a faite Votre belle capitale... — «je suis sûr que cette conviction est partagée par tous les peuples du monde... Ma tâche est belle, ma tâche est noble et mérite tous nos efforts...» (Conviction²⁵ — что сделанное им дело — единственное правильное.) «Je pense — comme nos amis du Figaro...»²⁶ (допотопная газета, к<отор>ую читают только vieux rentiers²⁷ и к<отор>ая вызывает только юмор). Словом, говорил старый благодушный господин, неспособный и мухи обидеть: ПРЕБЫВШИЙ первый ученик. Рукоплескания были — иначе не скажу — круглые: как портфели рукоплещущих. Вот бы Вашему Чапеку — живописать эту встречу: иллюминированный Hôtel de Ville — председатель с лентой — дамы в голом и мужчины в черном — никого из народа: ни одного из целого народа — благодарность — от имени этого (недопущенного) народа за ... услугу — другому народу — ответная, наизустная речь на языке, которого не знает, — марш и чай — оперетка и сэндвичи — и — моравская хата, новый пограничный столб, вся мрачность ноябрьской ночи...

... Но другое: на Лионском вокз<але> — 100 арестов и отчаянная драка, а перед зданием англ<ийского> посольства женская англ<ийская> толпа кричала: Да здравствуют Черчилль²⁸ и Идэн!²⁹ И было столько свистков и улюлюканий по дороге с Лионского вокз<ала> в посольство, что пришлось прекратить радио-репортаж, но слушавшие — слышали. Нет! Французский народ — ни при чем, и скажите это всем. Ведь и Наполеону изменили маршалы (задáренные!), а не гренадеры, собственная жена, а не troisième berceuse³⁰ его сына, приславшая ему на Св. Елену³¹ — (под видом своих (седых!) волос собственному сыну: слуге Наполеона) — золотую прядь его сына. Les humbles³² — всегда верны и всегда верно видят и судят. Ваша страна была (и вновь будет) страна этих humbles, где им были даны — все права, где решали — они. И за это я Вашу страну — люблю и чту — больше всех стран на свете. Вы не лили крови, Вы только — на всех полях — лили свою.

Я думаю, Чехия — мое первое такое горе. Россия была слишком велика, а я — слишком молода. Горюю и о том, что я и для той Чехии была слишком молода: еще слишком была занята людьми, еще чего-то от них ждала, еще чего-то хотела, кроме — страны: кроме Рыцаря и деревьев, что в Карловом Тыну³³, глядя из окна на море вершин — еще чего-то хотела — кроме. И — тринадцать лет спустя — нет, уже пятнадцать! — скажу, что лучшее в Праге было — Рыцарь, а в Карловом Тыну — не мой юный спутник (к<оторо>го давно забыла!), а — сам старый Тын. — Un cas délicat se posera d'ailleurs aux autorités policières. Devant l'ambassade se trouvait un groupe d'Anglais qui n'accueillirent pas les Ministres avec des cyclamens mauves, comme l'avaient fait quelques dames françaises dix minutes avant, sur le quai de la gare, mais avec les cris: «Vive Iden! Vive Churchill!»³⁴

Кончаю — вместе с листом. Вопросы и просьбы: гора радия, 2) главный: пришлите мне поскорее и чешский текст и *дословный* перевод «Где мой дом»³⁵ — весь текст, 3) учебники физической геогр<афии> и истории, 4) цену дымчатого хрустального ожерелья, самого лучшего. (Книг авионом *не* посылайте: дорого, буду ждать сколько угодно.) Напишите как понравились стихи. Писала их — потоком: они сами себя писали. Обнимаю и всегда помню.

М.

— *Очень* жду весточки, хотя бы — открытки.

СТИХИ К ЧЕХИИ

1

Полон и просторен
Край. Одно лишь горе:
Нет у чехов — моря.
Стало чехам — море —

Слез: не надо соли!
Запаслись на годы!
Триста лет неволи:
Двадцать лет свободы³⁶.

Не бездельной, птичьей —
Божьей, человечьей.
Двадцать лет величья,
Двадцать лет наречий —

Всех — на мирном поле
Одного народа.
Триста лет неволи:
Двадцать лет свободы!

— Всем. Огня и дома —
Всем. Игры, науки, —
Всем. Труда — любому —
Лишь бы были руки.

На́ поле и в школе
Глянь — какие всходы!
Триста лет неволи:
Двадцать лет свободы!

Подтвердимте ж, гости
Чешские, все вместе:
Сеялось — всей горстью!
Строилось — всей честью!

Два десятилетия
(Да и то не целых!)
Как нигде на свете
Думалось и пелось.

Посерев от боли,
Стонут Влтавы воды:
— Триста лет неволи:
Двадцать лет свободы.

На орлиных скáлах
Как орел рассевшись —
Что́ с тобою сталося,
Край мой, рай мой чешский?

Горы — откололи,
Оттянули — воды...
...Триста лет неволи:
Двадцать лет свободы!

В селах — счастье ткáлось —
Красным, синим, пестрым...
Что́ с тобою сталося,
Чешский лев двухвостый?

Лíсы побороли
Леса воеводу!
Триста лет неволи:
Двадцать лет свободы!

Слушай каждым древом,
Лес, и слушай, Влтава:
Лев рифмует с гневом,
Ну, а Влтава — с славой.

Лишь на час — не боле —
Вся твоя невзгода!
Через ночь неволи —
Белый день свободы!

Париж, 12-го ноября 1938 г.

2
Горы — турам поприще!
Черные леса,
Долы в воды смотрятся,
Горы — в небеса.

Край — всего свободнее
И щедрей всего.
Эти горы — родина
Сына моего.

Долы — ланям пастбище:
Не смутить зверья —
Хаты крышей застытся,
А в лесу ружья

— Сколько бы ни пройдено
Вёрст — ни одного.
Эти долы — родина
Сына моего.

Там растила сына я,
И текли — вода?
Дни? или гусиные
Белые стада?

...Празднует смородина
Лета рождество...
Эти хаты — родина
Сына моего.

Было то рождение
В мир — рождением в рай.
Бог, создав Богемию,
Молвил: — «Славный край!»

Все дары природные —
Все — до одного!
Пощеднее родины
Сына Моего!»

Чешское подземие:
Брак ручьев и руд!
Бог, создав Богемию,
Молвил: — «Добрый труд!»

Всё было — безродного
Лишь — ни одного
Нё было — на родине
Сына моего.

Прóкляты — кто зánяли
Тот смиренный рай,
С зайцами и с ланями,
С перьями фазаньими...

Трéкляты — кто прóдали,
— Ввек не прощены! —
Вековую родину
Всех кто без страны!

Край мой, край мой, проданный,
Весь, живьем, с зверьем,
С чудо-огородами,
С горными породами,

С целыми народами
В поле, без жилья,
Стонущими: — Родина!
Родина моя!

Чехия! Богемия!
Не лежи, как пласт!
Бог давал обеими —
И опять подаст.

В клятве руку подняли
Все твои сыны —
Умереть за родину
Всех — кто без страны!

17-го ноября 1938 г.

З
Есть на карте — место.
Взглянешь — кровь в лицо!
Бьется в мýке крестной
Каждое село.

Поделил — секирой
Пограничный шест.
Есть на теле мира
Язва: всё проест!

От крыльца — до статных
Гор — до орлиных гнезд —
В тысячи квадратных
Невозвратных вёрст —

Язва. Лег на отдых —
Чех: живым зарыт.
Есть в груди народов
Язва: *наш* убит!

Только край тот назван
Чешский — дождь из глаз!
Жир, аферу празднуй!
Славно удалась.

Жир, Иуду чествуй!
Мы ж, в ком сердце — есть:
Есть на карте — место
Пúсто: наша честь.

Париж, 22-го ноября 1938 г.

¹ Подлость, низость, трусость (фр.).

² Правильно: *Яхимов* — центр добычи руд серебра и урана в северо-западной Чехии.

³ Крконоше — Исполинские горы на северо-востоке Чехии.

⁴ *Эккерман Иоган Петер* (Eckermann; 1792—1854) — личный секретарь Гёте (1823—1832), автор книги «Разговоры с Гёте в последние годы его жизни» (1837—1848).

⁵ Богемия — см. примеч. 2 к письму 51.

⁶ Заказной почтой (фр.).

⁷ Речь идет о производстве стекольных заводов Гарраха, расположенных в городке Гаррахоуе в северо-восточной Чехии.

⁸ *Чемберлен Невилл* (Chamberlain; 1869—1940) — премьер-министр Великобритании (1937—1940), подписавший Мюнхенское соглашение.

⁹ Мэрия.

¹⁰ «Город Париж» (фр.).

¹¹ *Александр I* (1777—1825) — с 1801 российский император. В 1814—1815 участвовал в работе Венского конгресса европейских государств, был одним из создателей Священного союза (Россия, Пруссия и Австрия), играл главную роль на всех его конгрессах.

¹² «Я с трудом могу представить себе, что этот великий старец, источающий полные добродушие улыбки, мог держать в своих хрупких руках судьбы миллионов и миллионов людей...» (фр.).

¹³ *Галифакс Эдуард Фредерик Вуд* (Halifax; 1881—1959) — министр иностранных дел Великобритании (1938—1940).

¹⁴ Цвет французской аристократии, пришедшей сюда почтить наших гостей (фр.).

¹⁵ под ярким светом люстр (фр.).

¹⁶ «Чашка чаю — в интимной обстановке» (фр.).

¹⁷ это цейлонский чай (фр.).

¹⁸ «Мадам, я хотел бы, чтобы весь Париж...» (фр.).

¹⁹ «растроган до слез» (фр.).

²⁰ «улыбку» (фр.).

²¹ Прево де Лоней.

²² «Государственный деятель и человек большого сердца, который в сотрудничестве с

главой нашего государства и его премьер-министром сумел предотвратить ужасы войны... Вы вошли в историю навсегда... Чтобы задумать и осуществить подобное, нужно было быть продолжателем дела Дизраэли... и Гладстона... Господин премьер-министр выходит из той же среды, что и наш Дюгеклен... Я убежден, господин министр, что выражаю чувства всех парижан, всех наших провинций и всей Франции...» (фр.).

Дизраэли Бенджамин, граф Биконфилд (Disraeli; 1804—1881) — премьер-министр Великобритании (1868, 1874—1880).

Гладстон Уильям Юарт (Gladstone; 1809—1898) — премьер-министр Великобритании (1868—1874, 1880—1885 и др.).

Дюгеклен Бертран, граф де Лонгевиль (Dugesclin; 1320—1380) — французский военачальник и государственный деятель, успешно воевал с англичанами, отнял у них почти все владения во Франции.

²³ Председатель муниципального совета (фр.).

²⁴ Без «нравственного достоинства не стоило бы жить» (фр.).

²⁵ «Позвольте мне выразить мою глубокую благодарность за прием, который мне оказала ваша прекрасная столица... я уверен, что это убеждение разделяют все народы мира... Моя задача прекрасна, моя задача благородна и заслуживает наших всяческих усилий...» Убеждение — (фр.).

²⁶ «Я полагаю — как наши друзья из Фигаро...» (фр.).

²⁷ Престарелые рантье (фр.).

²⁸ *Черчилль Уинстон* (Churchill; 1874—1965) — английский государственный деятель, премьер-министр Великобритании (1940—1945, 1951—1955). Будучи членом Консервативной партии, выступал против политики компромиссов и за войну с Германией.

²⁹ *Иден Антони* (Eden; 1897—1977) — в то время министр иностранных дел Великобритании, сторонник политики Черчилля.

³⁰ Третья няня (фр.).

³¹ Остров, на котором плененный англичанами Наполеон провел последние годы жизни.

³² Обездоленные, покорные (*фр.*).

³³ Карлов Тын, чаще называемый Карлштейном, — замок, основанный в 1348 императором Карлом IV для хранения королевских регалий.

³⁴ При этом в присутствии полицейских произошел шекотливый случай. Перед посольством находилась группа англичанок, которые встречали министров не сиреневыми цикламенами, как это сделали несколько франуженок за десять минут до этого на перроне вокзала, а возгласами: «Да здравствует Иден! Да здравствует Черчилль!» (*фр.*).

³⁵ Название чешского национального гимна.

³⁶ Чешское королевство лишилось самостоятельности в 1620 в начале тридцатилетней войны (1618—1648) между блоком испанских и австрийских Габсбургов, поддержанных католическими князьями Германии, Речью Посполитой и антигабсбургской коалицией. Самостоятельность была восстановлена в 1918 после образования Чехословацкой Республики, которая существовала до осени 1938, т.е.

до времени подписания Мюнхенского соглашения.

А. Тескова, глубоко тронутая посланным М. Цветаевой циклом «Стихи к Чехии», писала: «...не стихи, а голос сердца, горячего и благородного, и еще — *родного*. [...] Стихи сейчас же стала переводить... и как только (и если!) позволит цензура, они будут напечатаны в переводе одного из лучших современных молодых чешских поэтов». В этом же письме Тескова отправила подстрочный перевод чешского гимна, а кроме того, сообщила о месте нахождения радия, производства чешского хрустала и обещала прислать историю Рыцаря. «Поэты — пророки... дорогой мой пророк — Марина, да сбудется Ваше пророчество! Целую Вас за понимание, за горячее чувство, за благородство, за силу и красоту горного ручья — Ваших стихов к Чехии» (*ЦВЕТАЕВА М. Где мой дом? С.44–45, 48*).

[Письмо на открытке с изображением львят]

Paris 15me
32, Boulevard Pasteur,
Hôtel Innova, ch. 36
12-20 декабря 1938 г.

Дорогая А<нна> А<нтоновна>! Дошли ли мои два письма, одно — давнее — авионом, другое — дней 10 назад, простым, со стихами. Я бы очень хотела знать, дошли ли стихи, и очень прошу Вас ответить мне тотчас же. Если не дошли — дойдут. Мне это очень важно. Было три стихотворения, и я так мечтала о Вашем скором отклике.

Горы — турам поприща! Черные леса — Дблы — в воды смотрятся — Горы — в небеса. Край — всего свободнее, и щедрей всего. Эти горы — родина Сына моего (и так далее). Жду срочного ответа, а пока целую. Средний львенок подставляет морду для поцелуя.

М.

Paris, 15me
38, Boulevard Pasteur —
Hôtel Innova, ch. 36
26-20 декабря 1938 г.

С Новым Годом, дорогая Анна Антоновна!

Но каким ударом кончается — этот! Только что Мур прочел мне в газете смерть Карела Чапека¹. 48 лет! мог бы жить — еще 20! И именно сейчас, когда так важен и нужен — каждый, когда человек уже значит — *герой*. От какой болезни умер? В газете только — «après une courte maladie»². Я просто — ушам не поверила: — Да это — ошибка! Не может быть! Ведь только-что — разговоры о премии Нобеля! (NB! точно это может отвратить — смерть!) И только когда сама, глазами, прочла — поверила. Жалею в нем чеха, жалею в нем человека, жалею в нем собрата, жалею в нем — *свое* поколение. Нашего полку — еще убьлó.

С сентябрьских дней — дня не прошло, чтобы я утром не спросила Мура: — А чтó — про Чехию? и как часто: — Про Чехию — ничего. А нынче — *чего*.

Я совсем оглушена этим ударом. Точно год, на прощание, поднес свой последний подарок: взяв — всё, взял — еще это. И какое чувство — укора, точно я, живя во Франции, какой-то — соубийца. (Тáк нужно понимать третье стихотворение: оно от лица — лучшей — Франции. Я неустанно чувствую, что жизнь нации сейчас идет — помимо народа: против народа, и что это — почти везде на земном шаре: что *никогда* так не шли врозь: народ — и вожди).

Бедный Чапек! Чтó он унес на прощание? Измену — предательство — победу грубой силы. Горько — тáк умереть.

Одно — немножко — утешает, смягчает: чудесность дня. Он, как Симеон³, дождался Христа. Пусть — не ждал, всё равно — дождался! Хочется сказать: в Рождество умирающий — *не* умирает. Еще думаю: может быть — в окно лечебницы — видел снег — большие хлопья — и от этого — тише уснул. Господи, дай, чтобы он когда-нибудь — откуда-нибудь — увидел свою страну — воскресшей! Чтобы оба воскресли — страна и он! — Амен. —

Вспоминаю в Праге, в Градчанах, церковь — которую я окрестила: Святой Георгий⁴ под снегом — потому что камень, из которого она построена — мерцающий, снежный — даже летом. Я помню, я раз зашла — и полчаса стояла — и всё время пе-

ла одно: — Святой Георгий, помилуй нас! Только эти слова. И вот, из-за снега, сейчас вспомнила. И тоже — стою и говорю: — Святой Георгий, помилуй нас!

Я страшно мёрзну — и днем и ночью, и на улице и в доме: пятый этаж, отопление еле тёплится, ночью сплю в вязаной (еще — пражской) шапке, вспоминаю Вшеноры, нашу чудную печку, которую топили *своим*, добытым — хворостом. И ранние ночи с лампой, и поздние приходы занесенного снегом, голодного С<ергея> Я<ковлевича> — и Алю с косами, такую преданную и веселую и добрую — где всё это?? куда — ушло??

Я — *страшно* одинока. Из всего Парижа — только два дома, где я бываю. Остальное всё — отпало. Если бы эти мои друзья — случайно — уехали, у нас бы не осталось — *никого*. На весь трехмиллионный город. (У одних бываем — раз в неделю, у других — раз в две, а то и в три: не зовут — не идем: не позовут — не пойдем.)

Если бы я сейчас была в Праге — и Вам было бы лучше — и мне. Здесь мое существование — совершенно бессмысленно. А там бы я с новым жаром все любила. И может быть — опять стала бы писать. А здесь у меня чувство: к чему? Весь прошлый год я дописывала, разбирала и отбирала (потом — поймете), сейчас — всё кончено, а нового начинать — нет кураж^у. Раз — всё равно не уцелеет. Я, как кукушка, рассовала свои детища по чужим гнездам. А растить — на убой...

Но ёлочка все-таки — была. Чтобы Мур когда-нибудь мог сказать, что у него не было Рождества без ёлки: чтобы когда-нибудь *не* мог сказать, что было Рождество — без ёлки. *Очень* возможно, что он никогда об этом не подумает, тогда эта жалкая, одинокая ёлка — ради моего детства и ради тех наших чешских ёлок с настоящими еловыми и сосновыми шишками, которые сами золотили — жидким золотом.

Всё меня возвращает в Чехию.

Я никогда, ни-ког-да, ни разу не жалела, что мне не двадцать лет. И вот, в первый раз — за все свои *не-двадцать* — говорю: — Я бы хотела быть чехом — и чтобы мне было двадцать лет: чтобы дольше — драться. В Вашей стране собрано *всё*, что мне приходится собирать — и любить — врозь. А если у Вас нет *моря* — я его, руку на сердце полага, никогда не любила: не любила — *больше всего*, значит — не любила. (Читали ли Вы моего «Мой Пушкин» — там всё: о море и мне.)

Спасибо за Яхимов. Но не было ли (верней: нет ли) у той радионосной горы — отдельного названия? Яхимов — город, где обрабатывали, а — гору как звали? Или, хотя бы — весь горный хребет? (Здесь, напр<имер>, в Савойе, и в Арденнах, и в Alpes Maritimes⁵, есть *свое* имя — у каждой горы и даже вершины: le pic de...⁶ Мне это очень важно — для стихов.)

Жду истории своего Рыцаря. Все, что знаю — что это *он* добыл Праге Двухвостого льва. Напишите мне, дорогая Анна Антоновна, *всё* про него: с кем дрался, где блуждал, откуда привел льва? И еще одна просьба: знаю, что — трудная: записывайте про Чехию — всё, всё, все маленькие случаи, как с теми крестьянками (нарядами) и детьми (конфетами). — Ведите *дневник страны*. Кто будет перечитывать старые газеты?

Да наверное и в газеты-то не всё попадает. Простые записи: там-то — тогда-то — то-то. Несколько строк в день. Будет — *памятник*.

— Рада, что стихи дошли — до глаз и сердца. Я их очень люблю, и они мне самой напоминают (особенно — второе) те несмолчные горные чешские ручьи: так они и писались — потоком.

Кончаю вечером, Мур уже спит. Нынче вечером — грустная радость: несколько слов о Кареле Чапеке — в одной из двух газет, под каждым словом о Чехии которых в те дни подписывалась. Автор — известный поэт и публицист. Напишите — как понравилось.

Нет, дорогая Анна Антоновна, *не будем*.

Всё знаю, но знаю еще, что всё это — на час, что есть *la justice des choses*⁷, наше народное: Бог правду видит — да не скоро скажет. Знаю еще, что бывают — чудеса, у которых — *свой закон*.

Дай Вам Бог в Новом Году — *новой надежды* — и веры. Вспомните «*La dernière classe*» Daudet («*Lettres de mon moulin*»⁸) — и Польшу, давшую Шопена и открывшую радий.

— Да сбудется!

М.

Очень рада, что понравился мой львенок. Я такого гладила — в Праге — в цирке. Он — жёсткий.

Нынче (27-го) читаю, что большинством голосов (4 тыс<ячи> на́ 2 тыс<ячи>) некий Конгресс признал свою ошибку⁹ — 3 мес<яца> назад. Чт́о сказать, кроме: бесовестные идиоты, дальше носу своего *не видящие*? Где они *тогда* были?? Ах, ясно: когда дело коснулось собственных дел — прозрели, увидели, завопили. Вот чт́о значит — жить нынешним днем и «своя рубашка к телу ближе». Вы не думаете, что это — начало *la justice des choses*?¹⁰ Ты предал — предадут и тебя. Кому предал — тот и предаст. — Только жаль, что платить будут — невинные, не предавшие, знавшие — и не могшие ничего отвратить. Нельзя от лица народов — делать мерзости.

¹ Карел Чапек умер от воспаления легких в день Рождества Христова 25 декабря 1938.

² После непродолжительной болезни (*фр.*).

³ Согласно евангельской притче, старец-священник Симеон принял в Иерусалимском храме новорожденного младенца Христа, после чего умер.

⁴ Романский храм Святого Георгия на территории Пражского Града.

⁵ Приморские Альпы (*фр.*).

⁶ Вершина (*фр.*).

⁷ Справедливость порядка вещей (*фр.*).

⁸ *Доде Альфонс* (Daudet; 1840–1897) — французский писатель. Цветаева просит

вспомнить его рассказ *Последний класс* из сб. *Письма с моей мельницы* (1869).

⁹ Речь идет о Чрезвычайном социалистическом конгрессе, где большинством голосов была принята резолюция, направленная против Мюнхенского соглашения.

¹⁰ Справедливого порядка вещей (*фр.*).

В письме от 29 декабря 1938 Тескова просила Цветаеву ответить, получила ли она ее письмо, поздравляла с Новым годом и сообщала о смерти Карела Чапека. Их письма встретились в пути (*Цветаева М. Где мой дом? С. 49*).

[Письмо на почтовой открытке,
дата исправлена по штампу на конверте, должно быть 1939 г.]

Paris, 15me
B-d Pasteur — Hôtel Innova, ch. 36
3-20 января 1938 г.¹

С Новым годом, дорогая Анна Антоновна! Поздравляю Вас вторично. После Вашего большого письма, где Вы писали о ради и о деревенских детях, было два больших моих: одно — сразу (т.е. недели 2 назад), другое — 26-го декабря, сразу после смерти Карела Чапека, и всё письмо было о нем, с отзывами на его смерть здешних писателей. Дошло ли, кстати, до Вас слово Б. Шоу²: — Почему он умер, а не я? Почему молодой, а не старый? Он его называет своим близким другом и оплакивает его — всячески. Отложила для вас этот отзыв, и еще другие, кроме уже посланных (было, как помню, два). Но может быть, за это время, оба моих письма уже дошли — задержку объясняю праздниками. Но не пошлю имеющихся отзывов раньше, чем уверюсь в дохождении прежних. Итак, ждите двух больших писем — с запоздалыми поздравлениями и пожеланиями. Не могли же Вы подумать, что я в эти дни — рождественские и новогодние — Вас не окликнула!!

...У нас перед Рождеством были сильные морозы: здесь доходило до 15 градусов — чего не было ровно 10 лет. А до этого года Луара замерзла от Блуа до Тура — в 1776 г <оду>! Я много ходила пешком в те дни (как, впрочем, всегда) и иногда, задумавшись, чувствовала себя в Праге — 15 лет назад! Как *все живо* — и в свой час — возвращается! Просила в тех письмах — прежних — непременно сообщить мне подробную историю Рыцаря: все что знаю — что добыл двухвостого льва (львенка). — «А то ё мало» — как говорила ехидная старушка, продававшая зеленину³ по хатам, в ответ на мое: Нынче — ниц⁴. Я всю Чехию прожила в глубоком сне — снах — так и осталась сном, вся, с зайцами и с ланями, с перьями фазаньими — которые, кстати, у меня еще хранятся, подобранные по лесным чащам, по которым я лазила — сначала с Алей, потом с молодым Муром на руках.

Мур (скоро 14 лет, ростом почти с отца) на подаренные мною на праздники деньги купил себе книгу про зверей, книгу странных историй (Histoires à dormir debout⁵) и звериное вырезание (картонаж — всякие Mickey⁶, коровы и собаки). Мне — пепельницу и пачку папирос. У нас была (и еще ёсть) елочка, маленькая и

пышная, как раздувшийся ёжик. Получили от Али на Новый Год поздравительную телеграмму <амму>. Вот, кажется, и все наши новости. Теперь жду — Ваших. Никогда, когда долго нет вестей, не думайте, что я не пишу: пишу — всегда, и всегда сама отправляю. Ну, еще раз — с Новым Годом! Дай Бог — всего хорошего, чего нету, и сохрани Бог — то хорошее, что есть. А есть — всегда, — хотя бы тот моральный закон внутри нас, о котором говорил Кант⁷. И то — звездное небо! Обнимаю Вас, сердечный привет и пожелания Августе Антоновне.

М.

Пишите! Открытку с Вацлавом⁸ — получила.
Письма до ответа писать не буду.

¹ Описка: следует читать 1939.

² *Шоу Джордж Бернард* (Shaw; 1856–1950) — английский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1925).

³ A to je málo — маловато (*чеш.*); zelenina — овощи (*чеш.*).

⁴ Nic — ничего (*чеш.*).

⁵ Истории — небывицы (*фр.*).

⁶ Мышонок Микки (*англ.*) — персонаж мультипликационных фильмов Уолта Диснея.

⁷ *Кант Иммануил* (Kant; 1724–1804) — родоначальник немецкой классической философии. М. Цветаева имеет в виду знаменитые слова И. Канта: «Две вещи наполняют душу все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, — *звездное небо надо мной и моральный закон во мне*» (*Кант И. Соч.: В 6 т. М., 1965. Т. 4, ч. 1. С. 499*).

⁸ *Святой Вацлав*, чешский князь X в., на открытке — рисунок чешского художника Микулаша Алеша с надписью: «Святой Вац-

лав, молись за нас! Не дай погибнуть ни нам, ни будущим!»

На это письмо (на открытке) А. Тескова ответила в конце января 1939. Письмо, писала она, не может выразить всего, что она хотела бы сказать, поэтому сообщила о делах и заботах своего дня, в котором единственное отдохновение — молитва: «На алтаре святая жертва. И здесь только раскрывается в душе огромная, бесконечная свобода, ничем несокрушаемая, прозаре́нная светом любви, жертвующей собой за всё и вся». Правда, она еженедельно бывала на трех-четырёх докладах, раз в две недели ходила с сестрой слушать камерную музыку, много читала. «Странно, — писала Тескова, — Вы живете далеко, годы прошли [...] и все-таки с Вами остаюсь — родной, чувствую Вы поймете, почувствуете — моё» (*Цветаева М. Где мой дом? С. 51–53*).

[Письмо на почтовой открытке]

Paris 15me
32, Bd Pasteur, ch. 36
23-20 января 1939 г.

Дорогая Анна Антоновна! После Вашего большого письма — уже давнишнего — послала Вам два больших письма — и открытку — в ответ на Вашу. Но ни на что свое ответа не получила — не больны ли Вы? Если больны — напишите через кого-нибудь. В тех письмах я главным образом писала Вам о своем (и общем здесь) огорчении от смерти К. Чапека, и даже приложила один печатный отклик. Видите — как давно это было. А открытка была сравнительно недавно — тотчас же в ответ на Вашу, и с просьбой откликнуться тотчас же — и вот, молчание. Вообще, знайте, что я на каждый Ваш отклик отзываюсь сразу, либо в тот же день, либо на следующий.

Часто вижу в кинематографе Прагу, и всегда — как родной город, и еще чаще слышу ее по T.S.F.-у (radio) — и всегда как родную речь и музыку. Это место, которое больше всего меня волнует — на всей карте. Недавно перечитывала Голема¹ и сразу окунулась в тот мир туманов и видений, которым для меня осталась Прага. (Деревню я помню — сияющей, Прагу — сновиденной: цвѣта сна).

Недавно — случайно — встретила одного своего приятеля — тех дней, и сразу почувствовала себя — на мосту, глядящей в воду.

Читали ли Вы что-нибудь Rosamond Lehman?² Я — две вещи: «Intempéries» — и «Poussière», и есть в «Poussière» (да и в «Intempéries») что-то от той меня, тех дней. Обе эти книги (да наверное — все ее) написаны — как будто не словами: как бы не написаны — а приснились. Я бы очень хотела, чтобы Вы их прочли, особенно — «Poussière»: что-то от радуги — и паутины — и фонтана (и меньше всего от пыли!) и — в конце концов — в ладони — горстка золы.

Пишите о себе — здоровье, работе, чтении, встречах с людьми, есть ли такие — от которых верная радость? (У меня от Вас — всегда была верная радость — и всегда есть, потому — не забывайте меня!)

Обнимаю Вас, сердечный привет сестре, буду ждать ответа.

Всегда любящая Вас

М.

¹ *Голем* (1915) — название романа австрийского писателя Густава Майринка (1868–1932). Скорее всего, Цветаева прочла роман по-немецки, хотя он почти одновременно появился в двух русских переводах — Д. Выгодского (Пг.; М., 1922) и М. Кадиша (Берлин, 1921).

² *Леман Розамонд* (Lehmann; 1901–1990) — английская писательница, романы которой вышли на французском языке под названиями «Перемена погоды» (*Intempéries*; ориг. назв. «The Weather in the Streets», 1936) и

«Пыль» (*Poussière*; ориг. назв. «Dusty Answer», 1927).

15 февраля 1939 А. Тескова послала Цветаевой рассказ о Пражском рыцаре и его изображение. Она обошла всю Прагу, чтобы достать это изображение, поэтому предупреждала, что, если Марина Ивановна снова его кому-нибудь подарит, то может его больше и не получить. В этом же письме Тескова ответила на некоторые вопросы Цветаевой, касающиеся географии страны (*Цветаева М. Где мой дом?* С. 54–59).

[Письмо на почтовой открытке]

Paris, 15me
32, Bd Pasteur Hôtel Innova, ch. 36
28-го февраля 1939 г.

Дорогая Анна Антоновна! Неделю назад, а м.б. уже десять дней, отправила Вам большое письмо — с благодарностью: благодарностями. Повторю вкратце: и Рыцарь и жизнеописание его — дошли, и в последнем меня поразил... страх Рыцаря перед ласковостью льва. Не боявшийся чудовищ — кротости убоился. Сам Рыцарь — чудесен, и очень хорош формат: весь в высоту. Еще раз — огромное спасибо: не расстанусь до конца дней.

...Любопытна легенда, повсеместно: и в баснях и в сказках и в рассказах первых путешественников — заставляющая льва жить в лесу и даже царить в нем, тогда как лев *никогда* в лесу не живет — только в пустыне — на всей свободе. Царь леса — тигр, и ласкового тигра бы и я испугалась. Жажду весны еще из-за зоологического сада: когда я долго не вижу (больших) зверей — у меня тоска, и уже был такой день со всеми блаженными дуновениями, когда мне *дико* — как зверю — захотелось к ним. Так же захотелось в зверинец, как зверям — из него... Вчера был исторический день¹ — и до чего я не выношу истории, и до чего ей предпочитаю (Ваш словарь, к <отор>ый я оценила) «басенки»... А слышали ли Вы кстати про новый (американский) танец: «la chamberlaine»², к <отор>ый танцуют (кавалер — один) с зонтиком. Вчера слышала подробное и серьезное описание в T.S.F.³ — Очень надеюсь, что мое большое письмо дошло, стихи (сбежавшие!) пришлю в следующем. Отзовитесь! Ваш голос — неизменная радость. Обнимаю и горячо, горячо благодарю.

М.

¹ По-видимому, Цветаева вспоминает о годовщине Февральской революции в России.

² «Чемберлен» (фр.).

³ См. примеч. 2 к письму 102.

[Письмо на почтовой открытке]

22-20 мая 1939 г., понедельник

Дорогая Анна Антоновна! Надеюсь, что Вы сейчас настолько поправились, что без труда сможете прочесть мое письмо. Стараюсь писать ясно.

Всё последнее время я очень много пишу, — уже целая маленькая отдельная книжка, и всё никак не могу кончить — да и жалко расставаться, столько еще осталось сказать хорошего — и верного. Стихи идут настоящим потоком¹ — сопровождают меня на всех моих путях, как когда-то — ручьи. Есть резкие, есть певучие, — и они сами пишутся. Очень много о драгоценных камнях — недрах земли — но и камни — живые! Зная, как Вы любите стихи, всё время, пока пишу, пока они пишутся, о Вас думаю. Часто бываю в кинематографе, особенно люблю — видовые, и при виде каждой старой башни — опять Вас вспоминаю. Словом, мы с вами — точно и не расставались, и поэтому мне особенно грустно, именно сейчас, Ваше молчание. Я понимаю, что при недомогании — трудно, но я письма́ и не прошу — только открыточку...

Не знаю, дошла ли до Вас (давно уже) моя благодарность за фотографию — она у меня вставлена в (старинную) рамку и висит над изголовьем, но так как карточка — узкая, а рамка — широкая, я вставила еще одну фотографию — совсем недавнюю и безумно похожую: одно лицо: случайного человека на мосту. И окружила всё это народными деревянными бусами, к <отор>ые случайно нашла в здешнем Uni-Prix — Вы же знаете как я люблю народное искусство. (NB! Я сама — народ). Простите за все эти мелочи, но они — живые. — Кончаю и умоляю тотчас же отозваться по старому адресу — перемен пока никаких, но близится лето, всегда их приносящее. Мур растет моллцом: добрым и умным и серьезным — и всё-таки веселым. Помните, что *Вы* — его настоящая крестная. Обнимаю. Жду. Сердечный привет сестре.

М.

¹ Речь идет о второй части («Март») цикла «Стихи к Чехии», датированной 28 марта — 21 мая 1939 (II, 354–362).

Получив эту открытку, А. Тескова радовалась прекратившемуся молчанию: «Ваш почерк — солнечный луч! [...] Спасибо, что не забываете и любите». ДАЛЕЕ

сообщала о плохом самочувствии, о желании поехать в тишину, ближе к зелени, о чтении ветхозаветных псалмов, их поэзии, силе, жизнестойкости. Вспомнила, как впервые приехала к Цветаевой во Вшеноры после рождения Георгия, и передала ему привет от «почти крестной» (ЦВЕТАЕВА М. Где мой дом? С. 61–62).

[Письмо на почтовой открытке]

31 мая 1939 г., среда

Дорогая Анна Антоновна! Мы наверное скоро тоже уедем в деревню¹, далёкую, и на очень долго. Пока сообщаю только Вам. Но где бы я ни была — я всю (остающуюся) жизнь буду скучать по Вас, без Вас, которая для меня неразрывна с моим стихотворным потоком. Стихи я как раз сегодня получила в нескольких экз<емплярах> (машинка), сейчас (12 ч<асов> ночи, Мур давно спит) буду править, а потом они начнут свое странствие. Аля уже получила, получит и Эдди², он ведь тоже любит стихи, как и ручьи, и леса. Так приятно доставить человеку радость! Получилась (бы) целая книжка, но сейчас мне невозможно этим заниматься. Отложу до деревни. Там — сосны³, это единственное, что я о ней знаю. А помните рассказы из Вашего детства, как Вы уезжали из одной деревни и Вам не позволили взять с собой Вашу любимую (синюю, с цветами) шкатулку или коробку. Вы это рассказывали Але, а рядом Ваша мама играла Шопена. Я всё помню! Господи! этому уже 14 лет (Мурины — 14!). А всего прошло — 17. И тоже был май.

У меня сейчас много работы и заботы: не хватает ни рук ни ног, хочется моим деревенским друзьям привезти побольше, а денег в обрез, надо бегать — искать «оказионов» или распродаж — и одновременно разбирать тетради — и книги — и письма — и пришивать Муру пуговицы — и каждый день жить, т.е. готовить — и т.д. Но — я, кажется, лучше всего себя чувствую, когда вся напряжена. И — отдых будет долгий: друзья мои живут в полном одиночестве, как на острове, безвыездно и зиму и лето. Барышня⁴ на работу ездит в город, а мне вовсе будет не за чем. Вспоминаю мою деревню, как я в последнюю минуту побежала прощаться с кустом (верней, деревцем) можжевельника (кажется — Hollunderbaum — иль — busch⁵), к<отор>ый меня всегда первый приветствовал наверху горы. А у нас сейчас мода (у меня — всегда была!) деревенские пестрые платья: вся юбка в сборку, лиф — обтяжной, темносиние, с цветочками. И куклы такие есть. Нашла два ожерелья: себе и Але — «moraves»⁶ — и чувствую их *Ваши*м подарком. Свое ношу не снимая. — Что еще (сказать)? Радуюсь, что поправляетесь, лето зимы мудренее, время идет и пройдет. Вижу уже это по почерку, я его отлично разбираю, хотя есть какая-то перемена. Безумно обрадовалась Вашей открытке, она пришла утром и была — как луч (из под двери, п.ч. письма здесь просовывают под дверь). Я целый день ей радуюсь, и сейчас, перед

сном, опять перечту — и буду с ней спать, под Вашей карточкой в рамке, с Вашими бусами на шее. Это — *всегда* будет со мной: пока буду — я. Обнимаю, отзовитесь сразу, можете еще застать. Перед отъездом еще напишу, и *бесконечно* Вас люблю. Сердечный привет Авг<усте> Антоновне. Я тоже вспоминаю Рильке Mit dem heimatlichen prosím⁷. Книги его — везу.

М.

¹ М. Цветаева из-за цензуры прибегает к иносказанию: речь идет о предстоящем отъезде в СССР.

² *Бенеш Эдуард* (Beneš; 1884–1948) — президент Чехословацкой Республики (1935–1938), эмигрировавший осенью 1938 в Лондон.

³ Мужа и дочь Цветаевой поселили на даче НКВД в Болшеве, в домике под соснами.

⁴ Ариадна Сергеевна Эфрон ездила на работу в Москву.

⁵ Цветаева ошибается. Der Holunder — бузина, дерево или куст (*нем.*). Можжевельник — der Wachholder.

⁶ «Моравские» (*фр.*).

⁷ См. примеч. 4 к письму 47.

Получив эту открытку, А. Тескова сразу, 11 июня, на нее ответила: «Дай Бог, чтобы жизнь в деревне была для Вас благополучна и счастлива! Там тропинки Ваших детских и юных лет... дорогие, свои. Не забудьте, ходя по ним, той скромной тропы, на которой встретились мы с Вами! Спасибо Вам за всё! Ваше кольцо ношу непрерывно. [...] Сестра Вас целует и разделяет мою потерю... Сердечные приветы Вашей семье. Всегда Ваша А.Т.» (*ЦВЕТАЕВА М. Где мой дом?* С. 62, 64).

[Письмо на почтовой открытке]

7-го июня 1939 г., среда

Дорогая Анна Антоновна! Пишу поздней ночью — или очень ранним утром. (Я так родилась — ровно в полночь: — Между воскресеньем и субботой — Я повисла, птица вербная — На одно крыло — серебряная — На другое — золотая...!) Это — мой последний привет. Все дни — бешеная переписка, и разборка, и укладка, и бешеная жара (бешеных собак), в обычное время я бы задыхалась, но сейчас я — и так задохнулась: всем — и, как йог — ничего не чувствую. Жалею Мура, который — от всего — извелся: не находит себе места — среди этого развала. Ну — скоро конец, а конец — всегда покой. (Конца — нет, п.ч. сразу — начало.)

Спасибо за ободрение, Вы сразу меня поняли, всю мою глубочайшую неохоту, но неохота — иногда — пуще воли (поговорка: «охота пуще неволи»), выбора не было: нельзя бросать человека в беде, я с этим родилась, да и Муру в таком городе как Париж — не жизнь, не рост... — Ну — вот.

Спасибо за те тропинки детства, но и за другие, не менее родные, спасибо — за наши. (Тропинки, превратившиеся в поток — когда-нибудь — сам — докатится и до Вас: поток — всегда сам! и его никто не посылает — кроме ледника — или земли — или Бога... «Так и стою, раскрывши рот: — Народ! какой народ!»² Но Вы мой голос — всегда узнаете.)

Боже, до чего-тоска! Сейчас, сгоряча, в сплошной горячке рук — и головы — и погоды — еще не дочувствовываю, но знаю — что меня ждет: себя — знаю! Шею себе сверну — глядя назад: на Вас, на Ваш мир, на наш мир... Но одно знайте: когда бы Вы обо мне ни подумали — знайте, что думаете — в ответ. В моей деревне — тоже сосны, буду вспоминать тот можжевельовый куст.

...Вы человек, который исполнили все мои просьбы и превзошли все мои (молчаливые) требования преданности и памяти. Так, как Вы, меня — никто не любил. Помню всё и за всё бесконечно и навечно благодарна. — Ответить не успеете, едем 10-го, подумайте о нас, и долго думайте — каждый день, много дней подряд. Желая хорошего лета, отдыха, здоровья, тихих людей и хороших книг. Спасибо за Laurans-

Tochter³, увожу, не расстанусь никогда. За всё спасибо, как только поправимся — напишу. А встреча — будет!

Ваша всегда и навсегда

М.

¹ *Между воскресеньем и субботой...* (I, 504).

² Цитата из стихотворения *Народ* из цикла *Стихи к Чехии* (II, 346–361).

³ См. примеч. 5 к письму 63.

[Письмо на почтовой открытке
отправлено из Le Havre-Gare в 16.30 — 12. 6. 39] ¹

12 июня 1939 г., в еще стоящем поезде

Дорогая Анна Антоновна! (Пишу на ладони, потому такой детский почерк.) Громный вокзал с зелеными стеклами: страшный зеленый сад — и чего в нем не растет! — На прощание посидели с Муром, по старому обычаю, перекрестились на пустое место от иконы² (сдана в хорошие руки, жила и ездила со мной с 1918 г <ода> — ну, когда-нибудь со всем расстанешься: *совсем!* А это — урок, чтобы потом — не страшно — и даже не странно — было...). Кончается жизнь 17-ти лет. Какая я тогда была счастливая! А самый счастливый период моей жизни — это — запомните! — Мокропсы и Вшеноры, и еще — та моя родная гора. Странно — вчера на улице встретила ее героя³, к <оторо>го не видала — годы, он налетел сзади и без объяснений продел руки под руки Муру и мне: пошел в середине — как ни в чем ни бывало. И еще встретила — таким же чудом — старого безумного поэта⁴ с женою — в гостях, где он год нэ был. Точно все — почуяли. Постоянно встречала — всех. (Сейчас слышу, гулко и грозно: *Express de Vienne...*⁵ и вспоминаю ее башни и мосты, к <отор>ых никогда не увижу.) Кричат: — *En voiture, Madame!*⁶ — точно *мне*, снимая меня со всех прежних мест моей жизни. Нечего кричать — сама знаю. Мур запасся (на этом *слове* поезд тронулся) газетами. — Подъезжаем к Руану, где когда-то людская благодарность сожгла Иоанну д'Арк. (А англичанки 500 лет спустя поставили ей на том самом месте памятник.) — Миновали Руан — рачьте дале!⁷ — Буду ждать вестей о всех вас, передайте мой горячий привет всей семье, желаю вам всем здоровья, мужества и долгой жизни. Мечтаю о встрече на Муриной родине, к <отор>ая мне роднее своей. Оборачиваюсь на звук ее — как на свое имя. Помните, у меня была подруга Сонечка, так мне все говорили: «Ваша Сонечка». — Уезжаю в *Вашем* ожерелье и в пальто с *Вашими* пуговицами, а на поясе — *Ваша* пряжка. (Всё — скромное и безумно-любимое, возьму в могилу, или сожгусь совместно.) До свидания! Сейчас уже не тяжело, сейчас уже — судьба. Обнимаю Вас и всех ваших, каждого в отдельности и всех вместе. Люблю и люблюсь. Верю как в себя.

М.

¹ Письмо начато на вокзале Сен-Лазар в Париже, отправлено с вокзала Гавра. См. о нём: *Струве Г. Марина Цветаева: ее последнее письмо из Франции // Русская мысль.* 1969. 17 апр.

² Икона была передана Ариадне Берг через Маргариту Лебедеву. Из письма к А. Берг: «Оставляю Вам у М.Н. Л<ебеде>вой [...] — мою икону [...] Едем без проводов [...]. Не позволили, но мои близкие друзья знают — и

внутри провожают. Знаю, что и Вы незримо будете нынче стоять на пристани» (VII, 539).

³ К.Б. Родзевича, только что вернувшегося из Испании.

⁴ Речь идет о К.Д. Бальмонте и Е.К. Цветковской.

⁵ Венский экспресс (*фр.*).

⁶ В вагон, мадам! (*фр.*).

⁷ Проходите, пожалуйста! (*чеш.*).

ИСТОРИЯ ПУБЛИКАЦИИ И ПЕРВЫЕ ИЗДАТЕЛИ ПИСЕМ

Письма Марины Цветаевой к Анне Тесковой на русском языке впервые увидели свет в 1969 г. в издательстве «Academia» Чехословацкой Академии наук. Инициаторами их публикации были профессор Зденек Матхаузер¹ и Вадим Морковин².

Морковин окончил в Праге Политехнический институт по специальности строительство водных сооружений. Он пробовал свои силы в поэзии и прозе, был членом объединения «Скит поэтов». Познакомившись с поэзией М. Цветаевой, стал ее горячим поклонником, собирателем статей и работ о творчестве поэта.

Кроме нескольких небольших статей о русских писателях, опубликованных Морковиным, в его архиве хранятся неизданные работы, среди них — о Достоевском, о «Ските поэтов» (прочитана на заседании этого объединения в 1934) и обширная переписка с Г. Струве, В. Сосинским, Б. Зайцевым, Р. Якобсоном, Е. Пешковой, М. Слонимом, Э. Малер, Е. Еленевой, И. Эренбургом, П. Антокольским, В. Лосской, В. Швейцер, А. Саакянц, А. Эфрон (LA PNP. Vadim Morkovin. 21, křabice č. 4. 137/73).

В. Морковин был другом сестер Тесковых. Разделив свой семейный архив между близкими людьми, Тесковы передали ему русскую часть архива. Письма М. Цветаевой Анна Антоновна бережно хранила всю войну. После ее смерти (она похоронена в Праге на Виноградском кладбище) Августа Антоновна передала письма Морковину с условием, что они обретут свое место в Литературном архиве Музея национальной письменности в Праге. Благодаря сестрам Тесковым и В. Морковину эти письма — пример русско-чешских духовных контактов — сохранились и стали частью богатого творческого наследия М. Цветаевой.

В. Морковин, сообщив в предисловии к первому изданию, что публикуемые письма составляют немногим более двух третей их объема, купюры объяснил «долгом такта по отношению к памяти поэтессы». Так из писем «были исключены некоторые места, касающиеся живущих особ, далее многое относящееся к личным или семейным делам поэтессы...»³. Думаем, что Морковин умолчал еще об одной причине сокращения писем: о самоцензуре, политической осмотрительности в те далекие времена, когда само издание поэта-эмигранта, да еще в год ввода советских войск в Чехословакию, было своего рода подвигом издательства

¹ *Матхаузер Зденек* (1920–2007) окончил пражский Университет им. Карла IV по специальности русская литература и философия. С 1956 был доцентом кафедры русского языка и литературы Университета им. Карла IV, в 1965 стал доктором филологических наук, в 1967 — профессором. Из-под его пера вышло много работ о русской литературе, публиковавшихся в Чехословакии и за границей. Первое издание писем З. Матхаузер предварил вводной статьёй «Катарсис Марины Цветаевой».

² *Морковин Вадим Владимирович* (1906–1973) — инженер, литератор. Родился в России. После ареста отца и высылки его из Москвы советскими властями мать с сыном в 1923 эмигрировала в Чехословакию.

³ *Цветаева М.* Письма к Анне Тесковой. Прага, 1969. С. 23.

«Academia». Большая заслуга в этом и профессора Зденека Матхаузера, своей работой тесно связанного с Чехословацкой академией.

Со времени первой публикации этих писем прошло сорок лет, и графическое выделение фрагментов, исключенных в издании 1969 г., сейчас выглядело бы неоправданным привлечением внимания к обстоятельствам, посторонним как содержанию писем, так и личности их автора, поэтому от подобного вмешательства в тексты писем Цветаевой мы отказались.

Ариадна Сергеевна Эфрон обращалась к В. Морковину с просьбой переслать письма матери в Москву, но он отказал ей в этом. Во-первых, потому что не хотел нарушить волю сестер Тесковых, во-вторых, сам был уверен в необходимости передать письма в чешский архив. Верность своего решения он подкреплял мнением Цветаевой, согласно которому написанное принадлежит полностью его адресату. «Письма, несомненно, принадлежат чешскому народу...»⁴.

Издание писем М. Цветаевой к А. Тесковой вызвало широкий отклик в эмигрантской прессе (о них неоднократно писал Г. Струве, а также Н. Андреев, Л. Обрусникова), среди историков русской литературы (С. Карлинский, А. Панченко, И. Смирнов). Письма неоднократно переиздавались⁵.

В первой публикации писем много пробелов и ошибок по причине неверного прочтения оригиналов. К редакторам повторных изданий претензий предъявлять нельзя, так как оригиналы писем до недавнего времени были недоступны.

Настоящая публикация представляет все 140 сохранившихся писем Марины Ивановны Цветаевой Анне Тесковой. В первом издании, подготовленном В. Морковиным, учтено 137 писем (пронумеровано — 135). В данное издание добавлены три письма: одно из личного архива Анны Тесковой, который находится в Литературном архиве (LA PNP); второе — из архива Министерства иностранных дел; третье письмо, от 31 августа 1935 г., находится в архиве В. Морковина, но не было им опубликовано.

В публикацию включены также краткие письма к А. Тесковой членов семьи Цветаевой. В основном это приписки к поздравлениям или продолжение и дополнение к письмам поэта.

Мы постарались исправить неверно прочтенные слова первого издания, уточнили некоторые переводы с французского и немецкого языков и сопроводили письма подробными комментариями.

⁴ *Цветаева М.* Письма к Анне Тесковой. Прага, 1969. С. 23.

⁵ *Цветаева М.* Письма к Анне Тесковой. Иерусалим, 1982; *Цветаева М.* Письма к Анне Тесковой. СПб., 1991; включены в: *Цветаева М.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1995. Т. 6. С. 334–514. *Цветаева М.* Письма к Анне Тесковой. М., 2008 [в этом изд. письма опубликованы полностью, но с машинописной копии]. Дважды выходил перевод писем во Франции: *Tsvetaeva M. Lettres à Anna Teskova*. P.: Clémence Hiver, [1993?] / Traduites du russe par Nadine Dubourvieux; *Tsvetaeva M. Lettres à Anna / Traduit du russe par Éweline Amoursky*. P.: Éditions des Syrtes, 2003.

Слова, написанные печатными буквами, набраны ПРОПИСНЫМИ. Авторские подчеркивания в рукописи передаются *курсивом*. В случаях двойного или тройного подчеркивания курсив сопровождается ремаркой в квадратных скобках — [подчеркнуто дважды (трижды)]. Для раскрытия авторских сокращений, включая инициалы упоминаемых лиц, используются угловые скобки. Общеупотребительные сокращения (м.б. — может быть, т.е. — то есть, и т.д. — и так далее и др.) в тексте не раскрываются. Орфография (следует отметить, что все письма Цветаевой написаны по старой орфографии) в значительной степени приведена в соответствие с современными правилами, за исключением нескольких орфографически устаревших или грамматически неправильных форм, являющихся устойчивым индивидуально-авторским предпочтением. Явные смысловые и грамматические опiski исправлены без оговорок.

В нашем издании все письма М. Цветаевой публикуются по рукописным оригиналам, хранящимся в пока еще не обработанном архиве Вадима Морковина (LA PNP — Praha).

Благодарю руководство Чешского литературного архива Музея национальной письменности (LA PNP) за возможность обнародования писем М. Цветаевой к А. Тесковой.

Этой книге не было бы без помощи и постоянной поддержки Мирко Ванечка.

Спасибо внуку Матею и сыну Мирко за сканирование оригиналов писем и за копии фотографий, использованных в качестве иллюстраций в этой книге.

Благодарю В.И. Масловского, который всегда щедро делился своими знаниями, редактируя комментарии к этому изданию.

Выражаю огромную благодарность Е.Б. Коркиной, проделавшей кропотливейшую работу по сверке публикации с ксерокопией оригиналов цветаевских писем. Благодаря ей многие места писем, известные по машинописи, зазвучали по-новому.

Особая благодарность всем, чьи комментарии к разным цветаевским изданиям я смогла использовать в качестве справок и дополнений, и тем, кто мне помог комментарии расширить и добавить новые. За уточнение комментариев и информационные поиски благодарю Й. Вацка, М. Климову, Е. Лубянникову, Ю. Ключкина, Л. Шейн, И. Невзорову, В. Гунычка, Е. Мусатову. Много полезных замечаний к тексту я получила от Л.А. Зуевой.

За помощь при работе над этой книгой выражаю благодарность сотрудникам пражского архива LA PNP, Славянской библиотеки в Праге и работникам московского Дома-музея Марины Цветаевой Г.Н. Датновой и Д.А. Беляеву.

Моя бесконечная благодарность — моим родным и друзьям, сумевшим в нужный момент поддержать меня и вселить надежду в возможность завершения этой работы.

Галина Ванечкова

СОКРАЩЕНИЯ И УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- Цветаева М.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1994–1995 (римская цифра — том, арабская — страница)
- МЦВС* Марина Цветаева в воспоминаниях современников: Рождение поэта [I]. М., 2002
- Марина Цветаева в воспоминаниях современников: Годы эмиграции [II]. М., 2002
- Марина Цветаева в воспоминаниях современников: Возвращение на родину [III]. М., 2002
- МЦКС* Марина Цветаева в критике современников: В 2 ч. М., 2003
- НЗК* Цветаева М. Неизданное. Записные книжки: В 2 т. М., 2000–2001
- НСИП* Цветаева М. Неизданное. Семья: История в письмах. М., 1998
- НСТ* Цветаева М. Неизданное. Сводные тетради. М., 1997
- РГАЛИ* Российский государственный архив литературы и искусства
- LA PNP* Literárni archív Památníku národného písemnictví (Литературный архив Музея национальной письменности)

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абель** Луция Елизабет 335
Авксентьев Николай Дмитриевич 26, 321
Адамович Георгий Викторович 6, 56–58, 116, 145, 148, 167, 239, 249, 250, 302
Аксаков Сергей Тимофеевич 99
Алданов Марк Александрович 87, 89
Александр I 358
Алексеев Николай Николаевич 118, 119, 137, 179
Алексинская Надежда Ивановна 113
Алексинский Иван Павлович 112, 113, 267, 270
Альтшуллер Григорий Исаакович 92, 93, 235
Альтшуллер Исаак Наумович 93, 235
Альтшуллер Марк Григорьевич 235
Альтшуллер-Еленева Екатерина Исааковна 234, 235
Аля — см. **Эфрон А.С.**
Андерсен Ханс Христиан 90, 113, 114, 127, 262, 263, 273, 274, 279
Андреев Валентин Леонидович 119, 145, 167, 203, 239
Андреев Всеволод Николаевич 116
Андреев Леонид Николаевич 33, 116, 239
Андреев Николай Николаевич 380
Андреев Савва Леонидович 119, 239
Андреева Анна Ильинична 7, 32, 33, 39, 41, 43, 59, 66, 73, 109, 110, 118, 144, 215, 238–240, 245, 251, 255, 259, 262, 289, 294
Андреева Вера Леонидовна 119, 239
Андреева Наталья Матвеевна 116, 119
Андреевы, семья 239
Андроникова-Гальперн Саломея Николаевна 7, 193
Антокольский Павел Григорьевич 379
Аренская Вера Александровна 113
Арним Беттина фон 156, 158
Арнольд Елена Николаевна 190
Афанасьев Александр Николаевич 95
Ахматова Анна Андреевна 129, 130, 156, 158, 261, 292
Баблер Отто 26
Багрицкий Эдуард Георгиевич 265, 266
Бак Перл 328
Балькомб Бетси — см. **Абель** Луция Елизабет
Бальмонт Константин Дмитриевич 65, 66, 297, 298, 375
Баснер Елена Вениаминовна 133
Бегон Фани де — см. **Штольц** де
Беккерель Анри 345
Белый Андрей 4, 87, 89, 230, 234, 235, 238, 241, 347
Беляев Дмитрий Анатольевич 381
Бем Альфред Людвигович 3–5, 13, 18, 116, 156, 158, 163, 185, 217, 249, 250, 253, 255–257, 259, 263, 265, 301, 318
Бенеш Эдуард 70, 370, 371
Берберова Нина Николаевна 151, 290

Указатель составлен В.Ф. Белкиным.

- Берг** Ариадна Эмильевна 7, 106, 169, 298, 325, 331, 375
Бердяев Николай Александрович 203
Бернацкая Мария Лукинична 227, 231
Бессарабов Борис Александрович 33
Бетховен Людвиг ван 29, 30
Билибин Иван Яковлевич 68, 70
Бимс Томас 47
Бирон-Гонто Арман-Луи, герцог Лозен 52
Бичер-Стоу Гарриет 349
Блок Александр Александрович 4, 151, 253, 256
Блюхер Гебхард Леберехт 153
Богенгардт Всеволод Александрович 208
Богенгардт Ольга Николаевна 208
Бодлер Шарль Пьер 80
Браун Алек 167
Брей Александр Александрович 73, 74, 81, 83, 92, 107, 109, 144
Брей Наталья Владимировна 73
Брей, семья 74
Брентано Беттина — см. **Арним** Беттина фон
Бросса Аллен 106
Брюсов Валерий Яковлевич 36, 37
Булгаков Валентин Фёдорович 34, 50, 59, 60, 62, 63, 98, 101, 103, 105, 156, 159, 170, 172
Булгаков Сергей Николаевич 106, 144, 217, 279
Булгакова Анна Владимировна 60
Булгакова Елена Ивановна 279
Булгакова Мария Сергеевна 106
Бунаков-Фондаминский Илья Исидорович 26, 203, 321, 330, 331
Бунин Иван Алексеевич 82–84, 220, 222, 282, 290, 303, 331
Бунина Вера Николаевна 70, 222, 282, 283
Бунины, семья 282, 283
Бухарин Николай Иванович 281
Бучковская Л. 80
Быков Дмитрий Львович 309
Вагнер Рихард 146, 241
Валери Поль 90
Ванек Карел 151
Ванечек Матей 381
Ванечек Мирко-младший 381
Ванечек Мирко-старший 381
Ванчуровы, семья 22, 74
Варшавский Сергей Иванович 71, 72, 92, 96
Вацек Иржи 381
Вейдле Владимир Васильевич 110, 203
Веллингтон Артур Уэсли 153
Вересаев Викентий Викентьевич 235
Вечера Альбин 272
Вечера Елена 272
Вечера Мария 271, 272, 283
Викентьев С. 22
Вильд Вацлав 20
Вильдрак Шарль 188
Винавер Максим Моисеевич 26
Вишняк Абрам Григорьевич 86, 217
Вишняк Марк Вениаминович 26, 89, 321

- Волконский** Сергей Михайлович 144, 145, 148, 167
Волошин Максимилиан Александрович 211, 214, 215, 224, 237, 239, 298, 347
Волькенштейн Федор Акимович 145
Вольтерс Борис Эмильевич 298, 331
Вольтерс Ольга Николаевна 298
Врангель Людмила Сергеевна 267, 269
Врангель Николай Александрович 268, 269
Врангель Петр Николаевич 179
Вундерли-Фолькарт Нанни 172
Выгодский Давид Исаакович 367
Вышеславцев Борис Петрович 82, 83
- Габсбург** Рудольф фон 272
Галифакс Эдуард Фредерик Вуд 351, 358
Гашек Ярослав 150, 151
Гейне Генрих 283
Геккерн Луи-Борхард 316
Гёте Иоганн Вольфганг 30, 212, 214, 219, 221, 237, 241, 321, 351, 358
Гибер де 123
Гинзбург Лев Владимирович 283
Гиппиус Зинаида Николаевна 6, 56, 57, 77, 220, 222, 290
Гирса Вацлав 68–70, 71
Гладстон Уильям Юарт 358
Гоголь Николай Васильевич 214, 234, 235
Голлидэй Софья Евгеньевна 325
Головина Алла Сергеевна 205, 257, 259–261, 263, 301, 318
Голсуорси Джон 35
Гомер 43, 235
- Гонецкий** Николай Степанович 154, 217
Гончарова Наталья Николаевна 132
Гончарова Наталья Сергеевна 132, 133, 139, 140, 142–144, 150, 157, 164, 166, 167, 169, 171, 174, 179–181, 216, 229, 235, 287
Горький Максим 82, 220, 222, 269, 290
Грачева Алла Михайловна 39
Грозный Иоанн — см. **Иван IV Грозный**
Гронская Нина Николаевна 7, 250, 262, 263
Гронский Николай Павлович 8, 116, 123, 137, 182, 248, 250–252, 255–258, 260–266, 294, 303, 306, 347
Гронский Павел Павлович 250, 255, 261
Гуковский Александр Исаевич 26
Гумилев Николай Степанович 57
Гунячек Вацлав 381
Гучков Александр Иванович 119
Гюго Виктор 325
- Даль** Владимир Иванович 278, 279
Даманская Августа Филипповна 215, 217
Дантес-Геккерн Жорж Шарль 315, 316
Датнова Галина Николаевна 381
Даусон-Скотт Кэтрин Эрни 35
Дельвиг Антон Антонович 158
Демидов Игорь Платонович 6, 255, 256, 261
Деникин Антон Иванович 179, 250, 264, 266
Державин Гавриил Романович 116
Дизраэли Бенджамин, граф Биконфилд 358

- Диккенс** Чарлз 335
Дикселиус Хильдур 224
Дисней Уолт 365
Добужинский Мстислав Валерианович 68, 70
Доде Альфонс 363
Достоевский Фёдор Михайлович 4, 20, 63, 158, 170–172, 331, 379
Дрейер Карл Теодор 99
Дросте-Хюльсхофф Аннет фон 247
Дункан Айседора 222
Дурново Елизавета Петровна 24
Дуун Улаф 224
Дюгеклен Бертран, граф де Лонгевиль 358
Дюдеван Соланж 42, 283
Дягилев Сергей Павлович 133, 153
- Евреинов** Борис Алексеевич 111, 113
Еленев Николай Артемьевич 92, 93, 156, 157, 235
Еленева Е.И. — см. **Альтшуллер-Еленева** Е.И.
Еленевы, семья 93
Елизавета (Сисси) 272
Елпатьевский Сергей Яковлевич 267, 269
Есенин Сергей Александрович 203
- Жанна д'Арк** 374
Жекулин Глеб Николаевич 113
Жекулин Сергей Иванович 112
Жекулина Аделаида Владимировна 111, 112, 113
- Жербо** Ален 203
Жид Андре 300
Жижка Ян 42
Жолио-Кюри Ирэн 345
Жолио-Кюри Фредерик 345
Жуковский Василий Андреевич 221
Жупикова Елена Федоровна 231
- Заблоцкий** Михаил Лазаревич 41, 71
Завадская Калерия Ивановна 120, 125, 150
Завадские, семья 124, 152
Завадский Владимир Александрович 113
Завадский Сергей Владиславович 50, 62, 63, 65, 109, 110, 118, 120, 124, 171
Завадский Юрий Александрович 80, 113
Завазал Зено 134, 135
Зайцев Борис Константинович 65, 66, 250, 379
Зайцев Кирилл Иосифович 95, 186
Зайцева Наталья Борисовна 66, 231
Залка Матэ 142
Замятин Евгений Иванович 283
Замятина Людмила Николаевна 283
Замятины, семья 282
Зиновьев Григорий Евсеевич 309
Зиновьева-Аннибал Лидия Дмитриевна 91, 93
Зноско-Боровский Евгений Александрович 203, 205
Зуева Лариса Александровна 381
- Иван IV Грозный** 232
Иванов Владислав Дмитриевич 110, 118, 171

- Иванов Вячеслав Иванович** 91, 93, 300
Иванов Георгий Владимирович 158, 167, 190
Иваск Юрий Петрович 193, 274
Иден Антони 352, 358, 359
Извольская Елена Александровна 7, 179, 180, 185, 189, 201, 207, 212, 213
Извольский Александр Петрович 179
Иловайская Варвара Дмитриевна 221, 231, 285
Иловайские, семья 219, 231
Иловайский Дмитрий Иванович 219–221, 224
Исцеленнов Николай Иванович 95
- Каган Юдифь Матвеевна** 231
Кадиш Михаил 367
Казанова Джакомо 53
Калла И. — см. Калла Я.
Калла Ян 20
Каменев Лев Борисович 309
Кант Иммануил 14, 365
Кант Михаил Львович 239
Карлинский Семен Аркадьевич 84, 380
Карницкая Нина Константиновна 239
Карницкий Константин 239
Карсавин Лев Платонович 7, 78, 80, 82, 83, 118, 137, 203
Карсавина Лидия Николаевна 5
Карсавины, семья 7, 214
Кафка Франц 331
Керенский Александр Фёдорович 26, 291–293, 295
Кизеветтер Александр Александрович 25
- Кириенко-Волошина Елена Оттобальдовна** 214
Кирилл Владимирович — см. Романов Кирилл Владимирович
Киришон Владимир Михайлович 287
Кист Катя — см. Рейтлингер Е.Н.
Климова М. 381
Клюкин Юрий Павлович 110, 380, 381
Кнут Довид 151
Кобылинский Е.С. 291, 293
Колбасина-Чернова Ольга Елисеевна 7, 21, 25, 30, 50, 143, 144, 150
Кондаков Никодим Павлович 23, 25
Коркина Елена Баурджановна 26, 126, 145, 165, 381
Корнилов Лавр Георгиевич 179
Крайний Антон — см. Гиппиус З.Н.
Крандиевская Наталья Васильевна 145
Кратохвил Ярослав 50
Кратохвилова 49, 50
Крейд Вадим Прокопьевич 70
Кривошеина Нина Алексеевна 165
Кроткова Христина Павловна 18
Крылов Иван Андреевич 213, 214
Кубка Франтишек 23, 26, 36, 37, 56
Кудрова Ирма Викторовна 331
Кузмин Михаил Алексеевич 292, 293, 297
Кузнецова Галина Николаевна 282, 283
Куриц Антонин 20, 25, 29
Куриц З. — см. Курцова З.
Курцова Зденька 30
Кюри Мария — см. Склодовская-Кюри Мария

- Кюри Пьер** 345
Кюри Эва 345
- Лагерлёф Сельма** 170, 172, 223, 237, 295, 323
Ланн Евгений Львович 33
Лапшин Иван Иванович 30
Латур Морис Кантон де 177
Лебедев Владимир Иванович 26, 63, 94, 140–142, 149, 150, 174, 175
Лебедев Вячеслав Михайлович 141
Лебедева Ирина Владимировна 150, 196
Лебедева Маргарита Николаевна 150, 174, 175, 196, 317, 375
Лебедева Мария Степановна 80
Лебедевы, семья 7, 64, 149, 150, 175, 178, 192, 229, 289, 294, 318
Левецов Ульрика фон 321
Левик Вильгельм Вениаминович 321
Ледоховская Мария 227, 231
Леман Розамонд 367
Леонардо да Винчи 222, 331
Лепёхин Н. 263
Лермонтов Михаил Юрьевич 221, 296
Лесков Николай Семёнович 170, 172
Леспинас Жюли де 123
Ломоносов Михаил Васильевич 89
Лосская Вероника Константиновна 7, 70, 80, 126, 379
Лосские, семья 118
Лосский Борис Николаевич 119
Лосский Владимир Николаевич 119, 379
Лосский Николай Онуфриевич 4, 5, 118, 119
- Лубяникова Екатерина Ивановна** 142, 300, 381
Лурье Евгения Владимировна 187
Людвиг Эмиль 233
Людовик XI 232, 233
Людовик XV 76, 316
- Мазон Андре** 315, 316
Майринк Густав 367
Макаева Клавдия Петровна 120
Малер Елизавета Эдуардовна 274, 279, 379
Мальро Андре 295, 296
Мамонтов Савва Иванович 153
Мандельштам Осип Эмильевич 54, 190
Манциарли Ирма Владимировна 182
Мария Антуанетта 203
Марр Николай Яковлевич 102
Мартен Мари Франсуаза Тереза 331
Мартынов Андрей Викторович 89
Масарик Томаш Гаррик 327, 328
Масленников Александр Михайлович 184
Масловский Валентин Иванович 381
Матхаузер Зденек 72, 304, 306, 379, 380
Махин Фёдор Евдокимович 166, 167
Маяковский Владимир Владимирович 89, 130, 131, 134, 141, 142, 167, 169, 172, 245, 247
Мейн Александр Данилович 227, 231, 314
Мережковский Дмитрий Сергеевич 4, 20, 220, 222, 256, 289, 331
Метерлинк Морис 119
Милюков Павел Николаевич 26, 50, 70, 76, 77, 219, 250, 272, 288, 321

- Мистраль** Фредерик 348, 349
Мольер 245, 247
Мопассан Ги де 222
Морковин Вадим Владимирович 3–5, 13, 35, 72, 116, 158, 239, 303, 304, 309, 379, 380, 381
Мур — см. **Эфрон** Г.С.
Мусатова Елена Ивановна 381
Мухина Вера Игнатьевна 321
Мягков Александр Геннадьевич 118, 120
Мягков Геннадий Александрович 120
Мягкова Вера Викторовна 120
Мягкова Лидия Александровна 120
Мягковы, семья 118
- Наполеон I** 38, 39, 152, 153, 232, 233, 292, 316, 335, 352, 358
Наполеон II, герцог Рейхштадтский 233
Наполеон III 316
Неандер Борис Николаевич 82, 84
Невзорова Ирина Михайловна 381
Нейгауз Генрих Густавович 188
Нидерле Любор 23, 25
Николай I 233, 315
Николай II 60
Николай Николаевич — см. **Романов**
 Николай Николаевич
Ницше Фридрих Вильгельм 33
Нобель Альфред Бернхард 220, 222, 361
- Оболенский** Андрей Владимирович 272
Оболенский Владимир Андреевич 250, 272
Обрусникова Л. 380
- Одоевцева** Ирина Владимировна 157, 158
Осипов Сара 283
Осипова Нина Осиповна 80
Осоргин Михаил Андреевич 56, 57, 58
Островский Александр Николаевич 31
Оутрата Ярослав 20
Оцуп Николай Авдеевич 167, 182, 203
- Панкратов** В.С. 291, 293
Панченко Александр Михайлович 380
Парен Брис 182
Пастернак Борис Леонидович 3, 7, 8, 13, 26, 31, 70, 80, 88, 89, 95, 108–111, 131, 136, 144, 187, 188, 232, 245, 268, 269, 281, 283, 288, 290, 307, 309, 312, 313, 322
Пастернак Евгений Борисович 187
Пастернак Жозефина Леонидовна 113
Пастернак Зинаида Николаевна 188
Пастернак Леонид Осипович 111, 113
Пастернак Лидия Леонидовна 113
Пастернак Розалия Исидоровна 113
Патти Аделина 246, 247
Паустовский Константин Георгиевич 4, 20
Пелиши Жиль де 260
Петр I 25
Пильняк Борис Андреевич 188
Поливка Й. 20
Помпадур Жанна Антуанетта Пуассон маркиза де 76, 177
Поплавский Борис Юлианович 140, 142, 167, 203
Попова Алина Иосифовна 142

- Поскребышев Александр Николаевич** 290
Постников Сергей Порфирьевич 30
Пруст Марсель 255, 256
Пуркинева 33
Путерман Иосиф Ефимович 89
Пушкин Александр Сергеевич 60, 133, 193, 194, 206, 217, 300, 302, 302, 305, 306, 313–315, 316
- Рабен Лери** 167
Рейсс Игнатий 12, 25, 330
Рейтлингер Екатерина Николаевна 152, 154, 156, 211, 212, 214, 216, 279
Рейтлингер Николай Александрович 154, 217
Рейтлингер Юлия Николаевна 154, 216, 217
Ремизов Алексей Михайлович 39, 56, 57, 143–145, 185
Ремизовы, семья 144, 145
Репин Илья Ефимович 70
Ржига Ян 300
Рильке Райнер Мария 4, 7, 8, 57, 70, 79–83, 88, 90, 91, 98, 108, 122, 123, 129, 130, 132, 136–138, 141, 156, 171, 172, 204, 205, 234, 235, 245, 255, 307, 309, 312, 313, 321, 322, 334, 371
Роббер Жанна 90
Родзевич Константин Болеславович 95, 105, 106, 120, 151, 247, 375
Родина Р. 298
Розанов Василий Васильевич 76, 77
Романов Кирилл Владимирович 58, 60
- Романов Николай Николаевич** 58, 60
Ростан Эдмон 122, 123
Рошжаклен Анри де ля 60
Рошжаклен Луи де ля 60
Рубинштейн Ида Львовна 115, 117, 238, 239
Руднев Вадим Викторович 6, 26, 69, 70, 219, 231, 292, 321
Руссо Жан Жак 168, 169
Рутте Мирослав 30
- Саакянц Анна Александровна** 106, 131, 379
Савинков Борис Викторович 120
Савицкая Вера Ивановна 130
Савицкие, семья 129, 130
Савицкий Петр Николаевич 76, 130, 134 137
Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович 4
Самуэль инб Адия 342
Санд Жорж 41, 42, 281, 283, 312
Свистунов Борис Владимирович 184
Свистунова Нина Александровна 184
Святополк-Мирский Дмитрий Петрович 7, 54, 56, 77, 87, 89, 137, 167, 183, 193
Севера Вацлав 27
Семенов Юлий Федорович 84
Сергий Радонежский 196
Складовская-Кюри Мария 345
Скотт Вальтер 232, 233
Слоним Марк Львович 6, 7, 26, 29, 30, 36, 38, 39, 63, 78–83, 89, 94, 95, 97, 98, 104, 109, 119, 125, 126, 129, 132–134, 136,

- 139–141, 143–145, 150, 152, 156, 163, 172, 174, 180–182, 185, 186, 190, 203, 212, 213, 295, 307, 350, 379
- Сметана** Бедржих 273, 274
- Смирнов** Игорь Павлович 380
- Соллогуб** Андрей Владимирович 231
- Соловьев** Владимир Сергеевич 4, 5, 20
- Сосинский** Владимир Брониславович 106, 145, 150, 151, 203, 379
- Спиноза** Бенедикт 250
- Ставский** Владимир Петрович 309
- Сталин** Иосиф Виссарионович 281, 288, 290
- Сталинский** Евсей Александрович 26, 63, 141, 143, 145
- Стаханов** Алексей Григорьевич 293
- Степанов** Иван Владимирович 231
- Степун** Фёдор Августович 32, 33
- Степуржинские**, семья 106
- Степуржинский** Владимир Александрович 106
- Стравинский** Игорь Фёдорович 152, 153
- Струве** Глеб Петрович 13, 82, 83, 141, 274, 375, 379, 380
- Струве** Петр Бернгардович 56–58, 83, 84, 95
- Сувчинская** Вера Александровна 119, 167
- Сувчинский** Петр Петрович 56, 76, 78–80, 100, 101, 103, 118, 137, 329
- Сухомлин** Василий Васильевич 26
- Сухотина-Толстая** Татьяна Львовна 115, 117
- Сцепуржинский** — см. **Степуржинский** В.А.
- Теска** Антонин 3, 27
- Тескова** (Северова) Анна, мать сестер Тесковых 3, 27
- Тескова** Августа Антоновна 3, 4, 13, 36, 43, 46, 47, 79, 305, 312, 316, 325, 365, 371
- Токмакова** Елена Ивановна — см. **Булгакова** Е.И.
- Толстая** Софья Андреевна 140, 141
- Толстой** Алексей Николаевич 182
- Толстой** Лев Николаевич 4, 8, 20, 60, 63, 93, 140, 141, 182, 220, 237, 287
- Триоле** Эльза 131
- Трубецкой** Николай Сергеевич 76, 137
- Тургенев** Иван Сергеевич 113, 299, 300
- Туржанская** Александра Захаровна 74, 113, 144
- Туржанские**, семья 74
- Туржанский** Виктор Константинович 74, 263
- Туржанский** Олег Вячеславович 74
- Тынянов** Юрий Николаевич 87, 89
- Тэффи** 65, 66, 111, 167
- Тютчев** Фёдор Иванович 145
- Унбегаун** Борис Генрихович 102, 278, 279
- Унбегаун** Елена Ивановна 279
- Унбегаун**, семья 282, 295
- Унсет** Сигрид 170, 172, 204, 208, 223, 241, 245, 289, 295, 323, 325

- Фаркас** Николас 263
Фаррер Клод 263
Федотов Георгий Петрович 203
Фейнберг Маэль Исаевна 110
Фейхтвангер Лион 349
Фет Афанасий Афанасьевич 25
Философов Дмитрий Владимирович 256
Флобер Гюстав 222
Флоровский Георгий Васильевич 76
Фокин Михаил Михайлович 239
Форст Вилли 246
Фортиони Паскаль 343
Фоше Луи Эвжен 341
Франк Виктор Семенович 309
Франко Франсиско 328
Франц Иосиф I 272
Фрезинский Борис Яковлевич 89
- Ходасевич** Владислав Фелицианович 82, 84, 116, 253, 256, 257, 290
- Цветаев** Андрей Иванович 77, 231, 286, 287, 290
Цветаев Владимир Васильевич 231
Цветаев Иван Владимирович 221, 222, 231, 298
Цветаева Валерия Ивановна 222, 231
Цветаева Мария Александровна 231
Цветковская Елена Константиновна 190, 375
- Чапек** Карел 348, 349, 352, 361, 363, 364, 366
- Чаплин** Чарлз Спенсер 44, 45
Чемберлен Невилл 351, 352, 358
Чернова Ариадна Викторовна 48, 151
Чернова Наталья Викторовна 7, 50
Чернова Ольга Викторовна 50
Черновы, семья 48
Черносвитова Евгения Александровна 90, 247
Черчилль Уинстон 352, 358, 359
Чехов Антон Павлович 93, 273
Чингисхан (Чингиз-Хан, Тэмуджин) 81, 82, 83
Чириков Евгений Николаевич 25, 29, 59, 60, 267
Чирикова Валентина Георгиевна 29
Чирикова Новелла Евгеньевна 59, 60, 73
Чириковы, семья 59, 78
- Шаляпин** Фёдор Иванович 152, 153
Шамиссо Адальберт 313
Шаховской Дмитрий Алексеевич 57, 63, 64
Шваб Густав 61
Швегерле Ганс 250
Швейцер Виктория Александровна 379
Шевеленко Ирина Даниэлевна 167
Шейн Людмила Максимовна 381
Шенье Андре Мари 57, 349
Шервуд Леонид Владимирович 250
Шестов Лев 56
Шеффель Йозеф Виктор 109, 110
Шимек Людвик 39

- Шмид Христофор фон** 319
- Шопен Фридерик** 37, 41, 105, 281, 363, 370
- Шоу Джордж Бернард** 364, 365
- Шпеер Альберт** 321
- Штейгер Анатолий Сергеевич** 7, 172, 205, 301, 303, 318
- Штейнер Рудольф** 80
- Штольц де** 139
- Шторм Теодор** 98
- Штранге Михаил Михайлович** 165
- Штранге, семья** 165
- Шуберт Франц** 243, 246, 264
- Шумов Петр Иванович** 151
- Шухаев Василий Иванович** 115–117, 229, 239
- Щеголев Павел Елисеевич** 315, 316
- Эдди** — см. **Бенеш Э.**
- Эйснер Алексей Владимирович** 140, 141, 203, 205, 208
- Эккерман Иоганн Петер** 351, 358
- Эль Кораиз инб Онаиф** 341
- Эль Самуэль** — см. **Самуэль ибн Адия**
- Эренбург Илья Григорьевич** 290, 379
- Эстергази Каролина** 246
- Эткинд Ефим Григорьевич** 300
- Эфрон Ариадна Сергеевна** 4, 8, 10–12, 23, 25–27, 31, 33, 35–38, 41, 43, 46, 47, 49–51, 53, 54, 59, 62, 63, 66, 68, 73–76, 79, 81–83, 85–88, 91, 92, 95, 96, 98–101, 103–105, 109, 111–113, 115, 116, 123, 124, 126, 127, 129, 132, 134, 137–140, 143, 144, 146, 148–152, 156–158, 163–169, 171, 173, 174, 176–179, 181, 185, 186, 189, 190, 192–195, 197, 204, 205, 208, 211, 216–218, 220, 227–231, 234, 236, 238–242, 244, 246, 247, 251, 253–255, 259, 260, 263, 273, 275, 276, 278, 280–283, 285, 286, 288, 289, 292, 294, 298, 312, 317, 319, 321, 323, 327, 331, 344, 346, 347, 349, 362, 364, 365, 370, 371, 379, 380
- Эфрон Георгий Сергеевич** 6, 9–13, 22, 23, 25, 28, 29, 36–38, 40, 43, 44, 46, 47, 49, 53, 59, 62, 63, 66, 68, 71, 72, 74–76, 80, 82, 83, 87, 88, 91–93, 95–98, 100, 101, 103–105, 109, 111, 112, 115, 116, 118, 119, 122–126, 129, 130, 132, 134, 137, 139–141, 143–145, 147–150, 152, 153, 156, 157, 163, 164, 166–169, 171, 174, 178, 181, 185, 186, 189, 190, 192, 195, 197, 198, 201, 202, 205, 207–209, 211, 213, 216, 218, 220, 221, 224, 228–230, 232–234, 236–238, 240–247, 251, 253–255, 259, 261, 265, 267, 268, 270, 271, 276, 278, 280, 281, 285, 286, 288, 289, 292, 294, 295, 297, 299, 302, 307, 312, 321, 322, 325, 327, 330, 332, 335, 347–349, 361–364, 369, 370, 372, 374
- Эфрон Елизавета Яковлевна** 283, 319
- Эфрон Сергей Яковлевич** 8–12, 18, 22–25, 28, 31, 33, 36–38, 46–48, 50, 53, 56, 58–60, 63, 65, 66, 68, 69, 71–73, 75, 77, 79–83, 87, 88, 92–95, 97, 98, 100, 105, 106, 109, 110, 112, 118, 120, 124, 132, 137, 138, 141–143, 151, 152, 154, 157, 158, 160, 162–168, 170, 171, 177, 178, 180, 183, 186, 191–194, 196, 202,

205, 207, 208, 211, 218, 227, 232, 237, 238,
241, 243–247, 253–255, 259, 263, 265, 268,
270–273, 278, 283, 285, 286, 288, 290, 294,
295, 298, 299, 312, 317, 318, 321, 322, 329,
330, 334, 341, 362

Эфрон Яков Константинович 24

Эфрон, семья 7, 64, 113, 231

Юрчинова Эва 35, 39, 41, 47, 50, 56, 165

Яблоновский Александр Александрович 56, 57, 58

Яблоновский Сергей 205, 206

Якобсон Роман Осипович 379

Яковлев В.В. 291, 293

СОДЕРЖАНИЕ

Галина Ванечкова

«Мой любимый вид общения — потусторонний...» 3

ПИСЬМА

1922–1939

1922	№ 1.	<i>Мокропсы, 2/15 ноября</i>	18
1924	№ 2.	<i>Вшеноры, 5 декабря</i>	19
1925	№ 3.	<i>Вшеноры, 11 января</i>	21
	№ 4.	<i>Вшеноры, 2 февраля</i>	22
	№ 5.	<i>Вшеноры, 10 февраля</i>	23
	№ 6.	<i>Вшеноры, 15 февраля</i>	28
	№ 7.	<i>Вшеноры, 26 февраля</i>	29
	№ 8.	<i>Вшеноры, 20 апреля</i>	31
	№ 9.	<i>Вшеноры, 3 мая</i>	32
	№ 10.	<i>Вшеноры [14 мая]</i>	34
	№ 11.	<i>Вшеноры, 26 июня</i>	35
	№ 12.	<i>Вшеноры, 12 августа</i>	36
	№ 13.	<i>Вшеноры, 9 сентября</i>	37
	№ 14.	<i>Вшеноры, 1 октября</i>	38
	№ 15.	<i>[Вшеноры] 6 октября</i>	40
	№ 16.	<i>[Вшеноры] 26 октября</i>	41
	№ 17.	<i>Вшеноры, 28 октября</i>	43
	№ 18.	<i>Париж, 7 декабря</i>	46
	№ 19.	<i>Париж, 19 декабря</i>	49
	№ 20.	<i>Париж, 30 декабря</i>	52
1926	№ 21.	<i>Лондон, 24 марта</i>	54
	№ 22.	<i>Сен-Жиль-сюр-Ви, 9 мая</i>	55
	№ 23.	<i>Сен-Жиль-сюр-Ви, 8 июня</i>	58
	№ 24.	<i>Сен-Жиль-сюр-Ви, 20 июля</i>	62
	№ 25.	<i>Сен-Жиль-сюр-Ви [Первая половина августа]</i>	65
	№ 26.	<i>Сен-Жиль-сюр-Ви, 24 сентября</i>	67
	№ 27.	<i>Сен-Жиль-сюр-Ви, 24 сентября</i>	71
	№ 28.	<i>Париж, 12 октября</i>	73

	№ 29.	<i>Бельвью, 18 декабря</i>	75
1927	№ 30.	<i>Бельвью, 15 января</i>	78
	№ 31.	<i>Бельвью, 21 февраля</i>	81
	№ 32.	<i>Мёдон [26 апреля]</i>	86
	№ 33.	<i>Мёдон, 4 октября</i>	91
	№ 34.	<i>Мёдон, 20 октября</i>	94
	№ 35.	<i>Мёдон, 28 ноября</i>	96
	№ 36.	<i>Мёдон, 12 декабря</i>	100
	№ 37.	<i>Мёдон, 24 декабря</i>	103
1928	№ 38.	<i>Мёдон, 3 января</i>	104
	№ 39.	<i>Мёдон, 10 февраля</i>	107
	№ 40.	<i>Мёдон [?] февраля</i>	108
	№ 41.	<i>Мёдон, 11 марта</i>	111
	№ 42.	<i>Мёдон, 10 апреля</i>	115
	№ 43.	<i>Понтайяк, 1 августа</i>	118
	№ 44.	<i>Понтайяк, 9 сентября</i>	121
	№ 45.	<i>Понтайяк, 25 сентября</i>	124
	№ 46.	<i>Мёдон, 18 ноября</i>	125
	№ 47.	<i>Мёдон, 29 ноября</i>	129
1929	№ 48.	<i>Мёдон, 1 января</i>	132
	№ 49.	<i>Мёдон, 9 января</i>	134
	№ 50.	<i>Мёдон, 22 января</i>	136
	№ 51.	<i>Мёдон, 19 февраля</i>	138
	№ 52.	<i>Мёдон, 17 марта</i>	140
	№ 53.	<i>Мёдон, 7 апреля</i>	143
	№ 54.	<i>Мёдон, 19 июня</i>	147
	№ 55.	<i>Мёдон, 7 августа</i>	149
	№ 56.	<i>Мёдон, 6 сентября</i>	152
	№ 57.	<i>Мёдон, 30 сентября</i>	155
	№ 58.	<i>Брюссель, 26 октября</i>	160
	№ 59.	<i>[Без адреса и даты]</i>	162
	№ 60.	<i>Мёдон, 25 декабря</i>	164
1930	№ 61.	<i>Мёдон, 21 апреля</i>	166
	№ 62.	<i>Сен-Пьер-де-Румийи [20 сентября]</i>	168

	№ 63.	<i>Мёдон, 17 октября</i>	170
	№ 64.	<i>Мёдон, 17 ноября</i>	174
	№ 65.	<i>Мёдон [23 декабря]</i>	176
	№ 66.	<i>Мёдон, 31 декабря</i>	177
1931	№ 67.	<i>Мёдон, 22 января</i>	178
	№ 68.	<i>Мёдон, 25 февраля</i>	180
	№ 69.	<i>Мёдон, 27 февраля</i>	183
	№ 70.	<i>Мёдон, 12 марта</i>	185
	№ 71.	<i>Мёдон, 20 марта</i>	187
	№ 72.	<i>Мёдон, 3 июня</i>	189
	№ 73.	<i>Мёдон, 31 августа</i>	192
	№ 74.	<i>Мёдон, 14 сентября</i>	194
	№ 75.	<i>Мёдон, 8 октября</i>	195
	№ 76.	<i>Мёдон, 18 ноября</i>	197
1932	№ 77.	<i>Мёдон, 1 января</i>	201
	№ 78.	<i>Мёдон, 27 января</i>	204
	№ 79.	<i>Кламар, 8 апреля</i>	207
	№ 80.	<i>Кламар, 17 апреля</i>	209
	№ 81.	<i>Кламар, 16 октября</i>	211
1933	№ 82.	<i>Кламар, 7 марта</i>	215
	№ 83.	<i>Кламар, 5 июля</i>	218
	№ 84.	<i>Кламар, 24 ноября</i>	219
	№ 85.	<i>Кламар, 11 декабря</i>	223
1934	№ 86.	<i>Кламар, 2 января (сожжено А. Тесковой)</i>	225
	№ 87.	<i>Кламар [26 января]</i>	227
	№ 88.	<i>Кламар, 2 февраля</i>	232
	№ 89.	<i>Кламар, 9 апреля</i>	234
	№ 90.	<i>Кламар, 26 мая</i>	236
	№ 91.	<i>Эланкур-пар-Трапп, 24 августа</i>	240
	№ 92.	<i>Ванв, 24 октября</i>	242
	№ 93.	<i>Ванв, 21 ноября</i>	243
	№ 94.	<i>Ванв, 27 декабря</i>	248
1935	№ 95.	<i>Ванв, 24 января</i>	251
	№ 96.	<i>Ванв, 18 февраля</i>	253

	№ 97.	<i>Ванв, 23 февраля</i>	257
	№ 98.	<i>Ванв, 12 марта</i>	261
	№ 99.	<i>Ванв, 23 апреля</i>	264
	№ 100.	<i>Фавьер, 2 июля</i>	267
	№ 101.	<i>Фавьер, 12 июля</i>	270
	№ 102.	<i>Фавьер, 11 августа</i>	273
	№ 103.	<i>Фавьер, 31 августа</i>	275
	№ 104.	<i>Ванв, 30 сентября</i>	278
	№ 105.	<i>Ванв, 28 декабря</i>	280
1936	№ 106.	<i>Ванв, 20 января</i>	285
	№ 107.	<i>Ванв, 15 февраля</i>	288
	№ 108.	<i>Ванв, 19 марта</i>	291
	№ 109.	<i>Ванв, 29 марта</i>	294
	№ 110.	<i>Ванв, 7 июня</i>	297
	№ 111.	<i>Морэ-сюр-Луэн, 10 июля</i>	299
	№ 112.	<i>Морэ-сюр-Луэн, 16 сентября</i>	301
	№ 113.	<i>Ванв, 24 сентября</i>	304
	№ 114.	<i>Ванв, 26 октября</i>	306
	№ 115.	<i>Ванв, 14 ноября</i>	307
1937	№ 116.	<i>Ванв, 2 января</i>	312
	№ 117.	<i>Ванв, 26 января</i>	314
	№ 118.	<i>Ванв, 2 мая</i>	317
	№ 119.	<i>Ванв, 14 июня</i>	320
	№ 120.	<i>Лакано-Осеан, 16 июля</i>	322
	№ 121.	<i>Ванв, 27 сентября</i>	326
	№ 122.	<i>Ванв, 17 ноября</i>	329
1938	№ 123.	<i>Ванв, 3 января</i>	332
	№ 124.	<i>Ванв, 7 февраля</i>	334
	№ 125.	<i>Ванв, 23 мая</i>	336
	№ 126.	<i>Шартр, 5 августа</i>	337
	№ 127.	<i>Париж, 24 сентября</i>	338
	№ 128.	<i>Париж, 3 октября</i>	344
	№ 129.	<i>Париж, 24 октября</i>	346
	№ 130.	<i>Париж, 10 ноября</i>	348

	№ 131.	<i>Париж, 24 ноября</i>	350
	№ 132.	<i>Париж, 12 декабря</i>	360
	№ 133.	<i>Париж, 26 декабря</i>	361
1939	№ 134.	<i>Париж, 3 января</i>	364
	№ 135.	<i>Париж, 23 января</i>	366
	№ 136.	<i>Париж, 28 февраля</i>	368
	№ 137.	<i>[Париж] 22 мая</i>	369
	№ 138.	<i>[Париж] 31 мая</i>	370
	№ 139.	<i>[Париж] 7 июня</i>	372
	№ 140.	<i>[Париж – Гавр] 12 июня</i>	374
	<i>Галина Ванечкова</i>		
	ИСТОРИЯ ПУБЛИКАЦИИ И ПЕРВЫЕ ИЗДАТЕЛИ ПИСЕМ		379
	СОКРАЩЕНИЯ И УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ		382
	УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН		383

Цветаева М.И.

Ц27 Спасибо за долгую память любви...: Письма Марины Цветаевой к Анне Тесковой. 1922–1939 / Предисл., публ. писем и примеч. Г.Б. Ванечковой. — М.: Русский путь, 2009. — 400 с., ил.

ISBN 978-5-85887-320-4

В данном издании впервые все известные письма Марины Цветаевой к Анне Тесковой публикуются по рукописным оригиналам. Обращение к оригиналам писем дало возможность исправить все неточности и ошибки в их неверном прочтении в прежних изданиях, когда письма печатались по машинописным копиям. В книге также впервые публикуется ряд детских фотографий сына М.И. Цветаевой — маленького Мура.

ББК 84Р7
УДК 882.94

Марина Ивановна Цветаева
Спасибо за долгую память любви...
Письма Марины Цветаевой к Анне Тесковой.
1922–1939

Редактор Л.А. Зуева
Корректор М.М. Уразова
Технический редактор Т.Л. Белкина
Верстка П.А. Сандомирский

Подписано в печать 19.05.2009
Формат 70х90/16. Тираж 3 000 экз. Заказ В-721.

ЗАО «Издательство “Русский путь”»
109240, г. Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
Тел.: (495) 915-10-47. E-mail: info@rp-net.ru
Сайт издательства: www.rp-net.ru
Сайт книжного магазина: www.knkrz.ru

ISBN 978-5-85887-320-4

9 785858 873204 >

Отпечатано в типографии ОАО ПИК «Идел-Пресс»
420066, г. Казань, ул. Декабристов, д. 2

Описание Ваи и фл. скоро теперь.

ил.

Одна из Савицкая (ручка) фл. и скелет
фл. и скелет (судно) и фл. и скелет.

Ваи скелет и репер сито фл. и скелет.